

Адвокат А. Л. Мове

**ЗА КУЛИСАМИ
ЗАЩИТЫ**

Молдавские тетради

Адвокат А. Л. Мове

ЗА КУЛИСАМИ ЗАЩИТЫ

Молдавские тетради

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ (СОДРУЖЕСТВО) АДВОКАТОВ
INTERNATIONAL UNION (COMMONWEALTH) OF ADVOCATES**

**Международный фонд социально-экономических и
политологических исследований (Горбачев — Фонд)
International Foundation for Socio-Economic and Political Studies
GORBACHEV FOUNDATION**

Москва — 1994

Мове А. Л.

**За кулисами защиты (Молдавские тетради) — М.:
“Международный Союз (содружество) адвокатов”, 1994.
— 352 стр.**

Абрам Львович Мове — один из ведущих адвокатов страны. Родился в 1922 г. в Запорожье на Украине. В 17 лет, по окончании средней школы, добровольцем ушел служить в Красную Армию. Прошел всю войну, был дважды ранен. Заслуженный ветеран и инвалид Отечественной войны. Награжден боевыми орденами и медалями.

После войны, в 1949 году, окончил Московский юридический институт и с тех пор, вот уже около 45 лет, работает в адвокатуре.

Профессиональную деятельность А. Л. Мове совмещает с большой общественной работой. Являясь председателем секции уголовного права и процесса Московской областной коллегии адвокатов, А. Л. Мове отдал много сил и энергии созданию в нашей стране Союза адвокатов СССР.

Острые, злободневные выступления в центральной печати, очерки о его работе в газетах “Правда”, “Известия”, “Советская культура”, “Комсомольская правда”, “Неделя”, в журналах “Огонек”, “Журналист”, “Советское государство и право” снискали А. Л. Мове широкую популярность и авторитет среди читателей.

“Молдавские тетради” — одна из книг автора, публикуемых под рубрикой “За кулисами защиты”.

© Мове А. Л.

ISBN 5-900566-05-6

Молдавские тетради

Кишинев. Памятник Стефану Великому

Как я стал “надзорником”

В начале 1967 года я возвратился из Ярославля в Москву. В Московской областной коллегии, где многие знали меня еще со студенческой скамьи, были свидетелями тех воистину грандиозных вечеров, которые устраивались при моем участии Профкомом в Институте, приняли меня буквально с распростертыми объятиями — ведь мы вместе учились, со многими из них были дружны и даже проживали в одном студенческом общежитии в Бабушкине. Это были голодные, холодные студенческие годы — первые мирные годы после такой страшной войны. Многие из нас пришли в Институт прямо с армии, после фронта, после всех невзгод и тягот кровавой мясорубки.

В гимнастерках и шинелях, молодые, сильные, энергичные мы изголодались не только по хлебу и колбасе, но и по пище духовной, которой начисто были лишены в нашей солдатской жизни. И вдруг как снег на голову на всех нас обрушились концерты В. Я. Хенкина, И. С. Козловского, М. Д. Александровича, А. Н. Вертинского... Кто только не побывал на наших студенческих вечерах: А. К. Тарасова и К. Н. Еланская, О. Н. Андровская и М. М. Яншин, Мордвинов и Марецкая, Мансурова и Астангов и многие, многие другие великие актеры... Помню, мы решили организовать два благотворительных концерта и на вырученные деньги купить нашему товарищу, оставшемуся после ранения без обеих ног, — Сереже Горкину — автомашину “Москвич”. Отбоя от желающих принять участие в этой благотворительной акции не было: Бунчиков и Нечаев, Вера Красовицкая и Пантофель-Нечецкая, Конделаки и Илья Набатов, композиторы Соловьев-Седой, Блантер, Островский, Молчанов — всех не перечесать... Нет, как хотите, но такое не забывается, оно остается на всю жизнь. И в этом лично я имел возможность убедиться не единожды.

Помню, я зашел в тесную приемную Президиума Московской областной коллегии адвокатов и, представившись, попросил секретаря доложить начальству мою просьбу о приеме. Вместо секретарши из кабинета заместителя Председателя Президиума, широко раскрыв дверь, не вышел, а буквально вихрем вылетел Михаил Александрович Гофштейн (бывший профорг 2 курса), крепко обнял меня и чуть ли не насильно увлек к себе в кабинет: “Ты что? Какой прием, какие официозы? Садись, рассказывай в чем нужда, чем надо помочь?” Через очень короткий промежуток времени я уже был зачислен в члены

Московской областной коллегии адвокатов и вскоре стал одним из инициаторов выпуска в коллегии информационно-методических бюллетеней, которые, насколько мне известно, добрым словом поминают и по сей день.

Теплотой и вниманием, дружеской поддержкой окружили меня и многие другие члены коллегии, ставшей для меня с тех пор вторым родным домом: Семен Кроник и его жена Валя, Леонид Стерник, Юрий Ефимов, Вилен Шингарев и его жена Элла, Юрий Белицкий, Марина Фомина, Изя Этерман, Мирон Мельниковский, Женя Авербух, Лев Сальман и его жена Рита, Семен Ария, Владимир Кузнецов, Владимир Чертков, Иван Исаков, Павел Миронов, Лена Голованова, Нора Волосова, Леонид Фрейдин, Максим Израхович, Ефим Городецкий и многие, многие другие, которым и по сей день я безмерно признателен и благодарен.

Все это, конечно, было хорошо, прекрасно. Однако, после обширной Ярославской практики, где у меня буквально не было отбоя от клиентов, я вдруг профессионально оказался в пустыне Сахара. Конечно, были отдельные небольшие дела, которые я проводил по рекомендации друзей, и некоторые не особо крупные процессы, но в принципе, в основном, я находился, как говорится, в “простое”. Надо было начинать все сначала, словно забыв, что уже был, хотя и провинциальным, но именитым адвокатом, пользующимся на ярославщине довольно широкой известностью и популярностью.

Когда-то Р. Гаррис в своей знаменитой “Школе адвокатуры” писал: “В жизни адвоката бывают два периода: первый — когда он ловит стряпчих, второй — когда его ловят стряпчие. Чтобы дожить до второго периода надо быть настоящим адвокатом”.

Так вот, дойдя вроде бы более или менее благополучно до второго периода своей адвокатской жизни, после переезда в Москву я вдруг вновь оказался отброшенным назад в тот самый первый период. Это было тяжело не только морально, но и в определенной степени материально. Я ведь уже оброс семьей, была жена, были двое крохотных детишек, всех их надобно было содержать... И вот в этот-то период вынужденного “простоя” и, скажем прямо, нужды ко мне вдруг обратился с предложением наш, ныне покойный, председатель Президиума Московской областной коллегии адвокатов Михаил Павлович Быков. “Нет ли у тебя желания, — спросил он, — выехать в Молдавию и разобраться там с двумя делами? Осужденные по этим делам буквально засыпали Президиум своими жалобами и заявлениями, настоятельно просят командировать к ним адвокатов, хотя достаточных средств на обеспечение командировки не имеют. Родственников, которые могли бы о них позаботиться, у них нет, имеются лишь на лицевых счетах скудные средства, заработанные в лагере.

Нет нужды говорить, что предложение М. И. Быкова я с благодарностью принял и уже где-то в марте-апреле 1967 года оказался в Молдавии, в г. Кишиневе. Надо сказать, что за долгие годы работы в Ярославле каких только дел не приходилось мне вести, в каких только процессах не доводилось участвовать. Но все это были в основном процессы, связанные с выступлениями в судах первой и второй инстанции — с ораторским искусством. Приходилось при этом, разумеется, писать и различные деловые бумаги, в основном кассационные жалобы. Однако надзорной практики (за исключением дел, в которых сам ранее принимал участие) у меня не было никакой, и в освоение этой области адвокатской службы я окунулся с головой, со всей присущей мне тогда молодой страстью.

Выяснилось, что эта область нашей адвокатской деятельности, связанная с работой по реабилитации или смягчению участи осужденных, т. е. лиц, приговоры по которым уже вступили в законную силу, намного сложнее, увлекательнее и интереснее, нежели работа в судах первой или второй инстанции.

Прежде всего, при работе в надзоре адвокату приходится сталкиваться с необходимостью критики не только обвинительного заключения, составленного следователем, не только с оценкой выводов судебного приговора, но и с анализом и критикой решений кассационной, а порой и надзорных инстанций. Все это, разумеется, требует от адвоката-“надзорника” более глубоких познаний в области материального и процессуального права, свободной ориентации в складывающейся судебной практике, в руководящих указаниях, решениях и постановлениях вышестоящих судебных инстанций. Забегая вперед, скажу, что как адвокату-“надзорнику” мне зачастую приходилось и приходится сталкиваться с делами, в которых я выступаю в качестве не только первого или второго, но и третьего-четвертого и даже пятого адвоката! Очень интересно в подобных случаях сравнивать и сопоставлять жалобы различных адвокатов, написанные по материалам одного и того же дела. Это равносильно сопоставлению литературных произведений, сочиненных разными авторами на какую-то конкретную заданную тему. Здесь, как нигде, заметны даже малейшие огрехи, упущения и ошибки, допущенные авторами подобных “произведений”.

Но составить надзорную жалобу — это еще пол дела. Главное — надо добиться ее удовлетворения. А это уже связано с обращениями в различные судебно-прокурорские инстанции, с хождениями на личные приемы, с обжалованием, в случае отклонения жалобы, необоснованных отказов и отписок и т. д. и т. п. И занимает порой все это не только многие месяцы, но и целые годы. Вот почему эту область адвокатской работы мы называем “адвокатской шахтой”, и многие

адвокаты очень неохотно берутся за эту "грязную" и зачастую неблагодарную работу.

Впрочем, лично у меня особого выбора, как я указывал, не было, к тому же всеобъемлющего представления о предстоящей работе я еще не имел.

На следующий день после прибытия в Кишинев и размещения в гостинице "Кишинэу" я отправился в лагерь к своим будущим подопечным, т. е. в пос. Криково, расположенный в 18-20 км от столицы Молдавии. Оговорюсь сразу, место, где содержались под стражей мои подзащитные — а ими были крепко подружившиеся в лагере, закадычные друзья Бивол Яков Лукич и Нику Михаил Георгиевич, произвело на меня гнетущее впечатление. Задолго до того как подъехал к этому месту, я увидел завесу плотной белой пыли, через которую с трудом просматривался высокий, оцепленный колючей проволокой забор со сторожевыми вышками. Оказывается, заключенные этого лагеря занимались добычей в подземных шахтах т. н. котильца, т. е. пиленых ракушечных плит, используемых в Молдавии, в Одессе и некоторых других местах в качестве строительного материала. А вырубленные в горах штольни использовались в дальнейшем в качестве винных хранилищ. Об объеме выполняемой заключенными работы можно было судить хотя бы по тому, что вырубленные ими штольни простирались в длину на 20 км, почти до самого Кишенева, и ширина их была таковой, что здесь могли развехаться сразу три грузовых машины. Заставленные металлическими цистернами емкостью в 10-20 тысяч декалитров вина так и тянулись эти подземные улицы с присвоенными им наименованиями по хранящимся там винам: "улица Кабернэ", "улица Алигатэ", "улица Фетяска", "улица Негру де Пуркар", "улица Роше де Пуркар", "улица Шампанская" и т. д. Могли ли предполагать и догадываться довольно частые экскурсанты величественных Криковских винных подвалов о том, кем они созданы, каким трудом и потом возведены? Редкий заключенный мог проработать в этих штольнях несколько месяцев, после чего ему давали работу где-нибудь на поверхности шахты. Заболевание было типичным: если не туберкулез легких, то пневмосклероз.

Такова была колония усиленного режима пос. Криково, Криулянского р-на, МССР, зашифрованная под кодом п/я 29/4.

Оговорюсь сразу: оба дела, по которым я приехал в Молдавию, завершились благополучно, и об этом я подробно расскажу позже. Сейчас лишь скажу, что после этого как из рога изобилия посыпались предложения и на многие годы моя работа и жизнь оказались тесно связанными с этой удивительно привлекательной солнечной республикой, с ее гостеприимными простыми трудолюбивыми людьми.

Дело Нику М. Г., осужденного за покушение на убийство

Весь приговор по делу Нику укладывается в 2-3 машинописных страницы, и, видимо, вместо пересказа его содержания, есть смысл привести его полностью.

Из досье адвоката

копия

Приговор

**именем Молдавской Советской Социалистической
Республики**

1963 года апреля месяца 9-10 дня гор. Котовск, МССР.

Народный суд Котовского района Молдавской ССР в составе председательствующего Бежан и народных заседателей Жосу М. Ф. и Думанова Г. И., при секретаре Пасечник, с участием Государственного обвинителя прокурора Карецкого, адвоката Мелека, рассмотрел в открытом судебном заседании уголовное дело по обвинению

Нику Михаила Георгиевича, 1931 года рождения, уроженца и жителя села Ульма, Котовского района Молдавской ССР, молдованина, гражданина СССР, образование 5 классов, б/п, ранее не судимого, женатого, на иждивении никого не имеет, колхозника колхоза "Кодры" — по ст. ст. 15, 88 п. "г" и "е" УК МССР.

Рассмотрев материалы дела, заслушав показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, суд, —

Установил:

В ноябре 1962 года подсудимый Нику М. Г., потерпевший Балаур Т. И., совместно с Голубенко С. Ф. и другими колхозниками (всего 7 человек) на нанятой автомашине вывезли свое вино для реализации в Сумскую область. В пути следования в городе Тирасполе прицеп автомашины

перевернулся, часть вина в количестве 700 кг, принадлежавшего Нику М. Г. разлилось. После реализации вина и возвращения в село Ульму Нику М. Г. потребовал от Балаур Т. И., Голубенко С. Ф. и других колхозников, совместно с ним реализовавших вино, распределения убытков, причиненных ему потерей 700 кг вина на всех семь человек.

Балаур, Голубенко и другие колхозники — участники продажи вина дали согласие взять на себя только часть убытков.

По этой причине Нику М. Г. затаил злобу на Балаур Т. И., Голубенко С. Ф. и других. Нику М. Г. с целью мести за то, что Балаур Т. И. и другие отказались возместить ему убытки от потери вина, примерно в 2 часа 30 минут 15 февраля 1963 года, будучи в нетрезвом состоянии, взял из дома свое двуствольное охотничье ружье, патроны к ружью и пошел к дому Балаур Т. И. Подойдя к дому Балаур Т. И., Нику М. Г. постучал в дверь. Проснувшись, Балаур Т. И. приоткрыл дверь. Когда Балаур увидел Нику с ружьем наперевес, он захлопнул дверь и прижал. В этот момент Нику разбил стекло в выходной двери и произвел выстрел в отверстие двери на уровне груди человека в потолок коридора. Балаур Т. И. поворотом ключа закрыл дверь на замок, а сам забежал в жилую комнату. Услышав щелчок от поворота ключа, Нику М. Г. произнес слова: "А, ты еще жив?" — и произвел из ружья выстрел в сторону двери той комнаты, куда забежал Балаур Т. И. Заряд попал в пол на расстоянии 50 см от двери левой комнаты.

После выстрела из ружья проснулась жена Балаур Т. И. — Балаур М. Ф. и их двое малолетних детей, которые отдыхали в правой комнате. Балаур М. Ф. приоткрыла дверь из комнаты и потребовала от Нику М. Г. уйти домой. Нику в ответ на требование Балаур М. Ф. выразился нецензурными словами и высказал угрозу, что он всю семью вместе с детьми перестреляет. После этого он выстрелил в третий раз в сторону правой двери. Заряд попал на расстоянии 20 см от правого косяка двери, ведущей в правую комнату, где отдыхали Балаур М. Ф. и двое малолетних детей, на высоте 1 м 20 см.

После этого Нику М. Г. ушел со двора Балаур. Подсудимый Нику М. Г. виновным в предъявленном ему обвинении себя не признал в угрозе убийством Балаур Т. И. Суд считает вину Нику М. Г. полностью доказанной по ст. ст. 15, 88 п. "е" УК МССР материалами дела, показаниями

потерпевшего Балаур Т. И. свидетелей Балаур М. Ф., Пламадяла Ф. И., Гуцу Ф. И. и других, протоколом осмотра места происшествия, заключением научно-технической экспертизы.

Из материалов дела видно, что Нику М. Г. имел прямой умысел на убийство Балаур Т. И. способом, опасным для жизни его жены и для жизни потерпевшего, и двух малолетних детей. Балаур и члены его семьи остались в живых по независящей от них причине: он желал смерти Балаур, три раза выстрелил из ружья в него и членов его семьи, однако в них не попал. Нику М. Г. вменено также в вину покушение на убийство Голубенко С. Ф. Однако этот пункт обвинения не нашел подтверждения в судебном заседании. Суд считает необоснованным обвинение Нику М. Г. по ст. ст. 15, 88 п. "г" УК МССР.

Исходя из изложенного, руководствуясь ст. ст. 272 — 271 УПК МССР суд —

Приговорил:

Нику Михаила Георгиевича на основании ст. ст. 15, 88 п. "е" УК МССР подвергнуть лишению свободы сроком на 10 (десять) лет с отбытием наказания в ИТК усиленного режима.

По ст. ст. 15, 88 п. "г" Нику М. Г. судом считать оправданным. Отбытие Нику М. Г. наказания исчислять со дня его ареста с 15-го февраля 1963 года. Приговор может быть обжалован в Верховный суд МССР через нарсуд в 7-ми дневный срок.

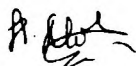
Председательствующий — подпись
Нарзаседатели — подписи

Копия верна: Председатель Народного
суда Котовского района МССР

Секретарь суда

(Бежан)
(Бурштейн)

Верно

(А. Мове)

К моему приезду в Молдавию (1967 г.) Нику М. Г. уже содержался под стражей 5-й год. За это время лично он и его родственники неоднократно обращались с жалобами в различные инстанции, но отовсюду получали отрицательные ответы.

Из досье адвоката

Документы

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ПРОКУРАТУРА

Республики Советские Сочетаные

Молдовенешть

СЕКЦИЯ _____

ор. Кишинев, ул. Шусева, 93

м. 2-2657/63

При ответе сослаться на н/ч и дату

ПРОКУРАТУРА

Молдовенешть Советской

Социалистической Республики

ОТДЕЛ _____

гор. Кишинев, ул. Шусева, 93

2/3 октября 1963 г.

НИКУ Елене Сергеевне.

Пос. Ульма, Котовского района
Молдавской ССР.

Ваша жалоба от 2 сентября 1963 года рассмотрена.

Проверкой материалов дела установлено, что Ваш муж НИКУ Михаил Георгиевич 15 февраля 1963 года будучи в нетрезвом состоянии с целью мести покушался на убийство гр. БАЛАУР Т.И.

Виновность НИКУ М.Г. материалами дела доказана и осужден он обоснованно, состав преступления квалифицирован судом правильно и для пренесения протеста, оснований не усматривается.

К о п и я приговора возвращается.

ПРОКУРОР ОТДЕЛА ПО НАДЗОРУ ЗА Луган
РАССМОТРЕНИЕМ В СУДАХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
Советских Истиции

(ГУСЕВ).

ПРОКУРАТУРА

СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ПРОКУРОР УЛ

РЕПУБЛИКАНСКИЙ СОВЕТИК СОЦИАЛИЗМА
МОЛДОВЕНЕШТИ

гр. Кишинев, ул. Шусев, 63

1203

ПРОКУРОР

МОЛДАВСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

гр. Кишинев, ул. Шусев, 63

№ 3-2657/63

24 сентября 1964 г.

Гр-ке НИКУ ЕЛЕНЕ СЕРГЕЕВНЕ

с.Ульяма Котовского района МССР

Сообщаю, что Ваша жалоба по делу мужа НИКУ Михаила Георгиевича Прокуратурой Молдавской ССР проверена.

Установлено, что приговор народного суда Котовского района от 10 апреля 1963 г. в отношении НИКУ М.Г., осужденного за покушение на умышленное убийство гр-на БАЛАУР Т.И., его жены, подвергая опасности жизнь их детей, - вынесен в соответствии с материалами дела.

Вине НИКУ М.Г. в совершении преступления полностью доказана показаниями потерпевшего БАЛАУР Т.И., свидетелей: БАЛАУР М.Ф., ГУЦУ Ф.П., МУНТЯН Г.З. протоколом осмотра места происшествия, заключением баллистической экспертизы, вещественными доказательствами и другими материалами дела.

Действия НИКУ М.Г. по ст.15 - ст.88 п."е" УК МССР квалифицированы правильно, осужден он обоснованно, а мера наказания определена с учётом тяжести совершенного им преступления.

Оснований для принесения протеста в порядке надзора по делу НИКУ М.Г. не имеется, а поэтому Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

ПРОКУРОР МОЛДАВСКОЙ ССР

Государственный советник юстиции

2 класса

(А.КАЗАНИР)

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ПРОКУРАТУРА
Республики Советские Сочетаные
Молдовенешть

ПРОКУРАТУРА
Молдавской Советской
Социалистической Республики

СЕКЦИЯ _____

ОТДЕЛ _____

Ор. Кишинев, стр. Паргова, 70

гор. Кишинев, ул. Паргова, 70

№ 2-2657/63

29 апреля 1967 г.

При ответе сослаться на № и дату

НИКУ Елене Сергеевне

с.Улья, Котовского района

Ваша жалоба в порядке надзора проверена.

В жалобе Вы необоснованно указываете на то, что преступные действия Вашего мужа НИКУ Михаила Георгиевича необходимо квалифицировать ст.15-89 УК МССР.

Установлено, что НИКУ М.Г. 15 февраля 1963 года, будучи в нетрезвом состоянии, вооружившись охотничьим ружьем, с целью — мести, подошел к дому БАЛАУР Т.И. и пытался его убить способом, опасным для жизни многих лиц, а не способом с особой жесткостью, как об этом Вы указываете в своей жалобе.

Из материалов дела не усматривается оснований для принесения протеста по делу НИКУ М.Г. по мотивам Вашей жалобы, поэтому она оставлена без удовлетворения.

Прокурор отдела по надзору за
рассмотрением в судах уголовных дел
советник юстиции —

А. Гусев

/А.ГУСЕВ/

Несколько отрицательных ответов получил на свои жалобы и приглашенный Нику из Москвы адвокат Черняк М. М. Это были ответы не только из высших молдавских судебно-прокурорских инстанций, но и из Прокуратуры СССР.

**МОЛДАВСКАЯ СОВЕТСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА**

Верховный суд

гор. Кишинев, центр. ул. Фрунзе № 130, тел. 16-47

Москва, улица Чернышевского, 3
Юридическая консультация
Адвокату Черняк М. М.

Ваша жалоба в порядке надзора в отношении осужденного Нику Михаила Георгиевича рассмотрена.

Нику М. Г. осужден за то, что он 15.2.1963 года с целью мести пытался убить гр. Балаур Т. И., а также подверг опасности жизни детей и жены Балаур. Нику М. Г., будучи в нетрезвом состоянии, вооруженный охотничьим ружьем, подошел к дому Балаур, разбил стекло в двери и произвел выстрел в находящегося за дверью Балаур Т. И., но тот присел, и пуля в него не попала. Балаур после выстрела повернул ключ в двери, услышав этот звук, Нику закричал: "А, ты еще жив!" и выстрелил в сторону левой двери комнаты, куда забежал Балаур. После выстрела проснулись жена Балаур — Балаур М. Ф. и малолетние дети, находившиеся в комнате, расположенной справа. Балаур стал требовать, чтобы Нику ушел домой, но последний, выражаясь нецензурными словами и угрожая перестрелять всю семью выстрелил в третий раз в сторону правой двери, где находились жена и дети потерпевшего, заряд попал в стену в 20 см от правого косяка двери на высоте 1 м 20 см. После этого Нику ушел со двора Балаур.

Балаур и члены его семьи остались в живых по независящей от Нику причине, Нику три раза выстрелил из ружья в Балаур и членов его семьи, но по случайности в них не попал.

Виновность Нику М. Г. доказана материалами дела, показаниями потерпевшего Балаур Т. И., свидетелей Бала-

ур М. Ф., Пламядяла Ф. И., Гуцу Ф. И. и Мунтян Г. З., протоколом осмотра места происшествия, заключением научно-технической экспертизы.

Утверждение в Вашей жалобе о том, что Нику М. Г. хотел "хорошо испугать его" (т. е. Балаур Т. И.) основано только на показаниях самого осужденного Нику М. Г. и противоречит материалами дела, показаниям потерпевшего и свидетелей, и действия Нику М. Г. не могут быть квалифицированы, как циничные хулиганские действия, выражающие явное неуважение к обществу, по ст. 218 ч. II УК МССР.

Состав преступления судом квалифицирован правильно и мера наказания определена с учетом общественной опасности совершенного преступления.

При этих данных оснований не усматривается для истребования дела и внесения протеста на приговор народного суда Котовского района от 10 апреля 1963 года и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда МССР от 3 мая 1963 года на предмет изменения.

Жалоба оставлена без удовлетворения.

Приложение:

Копия приговора и определения на 5 листах.

Председатель Верховного суда
Молдавской ССР

Х. Зинган

Копия верна

(А. Мове)

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ПРОКУРАТУРА
Республики Советского Социализма
МолдовенештыПРОКУРАТУРА
Молдавской Советской
Социалистической Республики

СЕКЦИЯ

г.р. Кишинев, ул. Пирогова, 70.

ОТДЕЛ

г.р. Кишинев, ул. Пирогова, 70.

№ 2-2657/63

27 декабря 1965 г.

При ответе сослаться на № и дату

АДВОКАТУ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ
БАУМАНСКОГО РАЙОНА г.р. МОСКВЫ
ул. Чернышевского 3тов. ЧЕРНЯК М.М.

Сообщаем, что Ваша жалоба на приговор народного суда
Котовского района по делу НИКУ Михаила Георгиевича проверена.

Материалами дела установлено, что НИКУ М.Г. на почве
мести пытался убить гр-на БАЛАУР Т.И., а также подверг опасност.
жизнь детей и жены БАЛАУР. НИКУ произвел в дверь квартиры
БАЛАУР три выстрела из ружья.

Из протокола осмотра места происшествия видно, что
следы огнестрельного выстрела имеются не только на потолке и
на полу квартиры БАЛАУР, следы выстрела имеются также на стене
в 20 см. от двери комнаты, где находились жена и дети БАЛАУР.
Указанные следы расположены на высоте 1 м. 20 см.

НИКУ прямо выражал угрозы убийством БАЛАУР и его семье

Эти обстоятельства установлены в суде показаниями по-
терпевшего БАЛАУР Т.И., свидетелей БАЛАУР М.Ф., ГИЦУ Ф.П.,
МУНТЯН Г.З., протоколом осмотра места происшествия и веществен-
ными доказательствами.

Оснований для опротестования приговора по делу НИКУ
М.Г. прокуратура Молдавской ССР не усматривает, так как его
действия судом квалифицированы по ст. 15-88 п."в" УК МССР пра-
вильно и мера наказания определена с учетом содеянного.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 5-ти листах.

ПРОКУРАТОР МОЛДАВСКОЙ ССР
Государственный советник юстиции

2-го класса

Тип. Партиздата, Кишинев, 3. ИМ. Т. 7000. 11-245

ПРОКУРАТУРА

Союза Советских
Социалистических Республик

Москва-центр, Пушкинская, 15-а

Адвокату тов. ЧЕРНЯК М.М.

гор. Москва, ул. Чернышевского, 3
Юридическая консультация

Ваша жалоба по делу НИКУ Михаила Георгиевича, адресованная Генеральному Прокурору СССР, рассмотрена и оставлена без удовлетворения.

Суд, анализируя собранные по делу доказательства - показания потерпевшего Балаура Т.Н., свидетеля Балаур М.Ф., протокол осмотра места происшествия, заключения баллистической экспертизы, а также признание вины самим Нику М.Г., - правильно пришел к выводу о виновности последнего в покушении на убийство гр-на Балаур при отягчающих обстоятельствах.

Оснований для опротестования приговора суда не имеется.

Документы на "12" листах возвращаются.

Прокурор отдела по надзору за
рассмотрением в судах уголовных дел
советник юстиции

(МУЧКОВ)

Все это, конечно, не облегчало моей задачи. Выехав в г. Котовск, Молдавской республики, и ознакомившись в Народном суде Котовско-го р-на с делом, я понял, что борьба за справедливость в этом деле будет довольно затяжной и не из легких.

Составив жалобу по приезду в г. Кишинев, я обратился с ней на личном приеме к Председателю Верховного суда МССР Х. Зингану, тому самому, который уже не единожды отклонял жалобы по этому делу. Выслушал меня Харлампий Яковлевич очень внимательно, но решения своего не изменил. Вскоре из Молдавии в адрес юридической консультации поступил его достаточно мотивированный ответ.

**МОЛДАВСКАЯ СОВЕТСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА**

Верховный суд

гор. Кишинев, центр, ул. Фрунзе № 130, тел. 16-47

Адвокату Московской областной
коллегии адвокатов тов. Мове А. Л.

г. Москва, ул. Садово-Триумфаль-
ная, 2 юрконсультация

Сообщаю, что по Вашей жалобе истребовано и в порядке надзора проверено дело по обвинению Нику Михаила Георгиевича по ст. 15-88 п. "е" УК МССР.

Доводы Ваши в жалобе о том, что Нику М. Г. не имел умысла убить Балаура Т. И. опровергаются материалами дела.

Сам Нику М. Г. (л. д. 7-9) в собственных объяснениях на предварительном следствии признал, что хотел убить Балаура Т. И., и лишь при предъявлении обвинения безмотивно отказался от своих показаний и стал утверждать, что хотел только напугать потерпевшего. Однако эти его пояснения не могут быть приняты во внимание.

Потерпевший Балаур Т. И. в судебном заседании пояснил: "...15 февраля 1963 г., примерно в 3 часа ночи, пришел Нику и постучал в двери. Я ключом открыл немного одну половину двери и сразу заметил, что на меня он нацеливается ружьем. Я сразу закрыл дверь и присел ниже стекла в дверях. Нику разбил стекло в дверях и выстрелил в коридор, но я успел присесть и плечом прижать дверь, а пока он перезаряжал, я ключом успел закрыть дверь. Нику услышал, что я закрывал дверь, и сказал: "А! Ты еще жив", — и выстрелил вниз, но я успел от той двери перебежать в противоположную дверь. Нику заметил через окно, куда я убежал и выстрелил мне вслед... Моя жена и дети слышали

эти выстрелы, и жена стала кричать... Нику крикнул: "Я вас всех постреляю", — и выстрелил в сторону жены и детей..." (л. д. 116-118).

Жена потерпевшего Балаур М. Ф. (л. д. 123) подтвердила его показания.

Из протокола осмотра места происшествия усматривается, что стекло входной двери разбито, на левом бруске правой створки на высоте 1 м 40 см имеются следы копоты. На правой стенке коридора, на потолке и на полу имеются следы дробы.

Зная о том, что за дверью находится потерпевший и производя выстрелы в отверстие двери на уровне груди человека, а также в направлении, куда убежал потерпевший, при этом выражаясь, что мол "ты еще жив", Нику М. Г. имел прямой умысел на убийство потерпевшего.

То обстоятельство, что на стенке около дверей комнат имеются следы от дробы, свидетельствует о том, что Нику М. Г. стрелял в сторону дверей комнат, где находилась жена и дети потерпевшего. Нику, стреляя в сторону дверей, откуда раздавался крик жены потерпевшего и где находились маленькие дети, подвергал их жизнь опасности, а поэтому суд правильно признал, что Нику М. Г. совершил покушение на умышленное убийство способом, опасным для жизни многих лиц, и доводы Ваши в этой части неосновательны.

При наличии таких данных оснований для принесения протеста на предмет изменения приговора в отношении Нику М. Г. не усматриваю и Вашу жалобу оставляю без удовлетворения.

Председатель
Верховного суда МССР

(Х. Зинган)

Копия верна

(А. Мове)

Ответ, как видим, был неутешительным. При вторичном выезде в г. Кишинев уже по другим делам я обратился на личном приеме с жалобой к Прокурору Молдавской ССР. В чем же был смысл моей жалобы, к чему она сводилась?

Прокурору Молдавской ССР

Адвоката Московской областной
Коллегии адвокатов А. Л. Мове
(Москва, ул. Садово-Триумфаль-
ная, д. 2, Юрконсультация)

По делу Нику Михаила Георгие-
вича, осужденного приговором
Нарсуда Котовского р-на МССР
от 9-10/IV-63 г. по ст. 15-88 п. "е"
УК МССР к 10-ти годам лишения
свободы. Определением Коллегии
Верхсуда МССР от 23-V-63 г. при-
говор оставлен без изменения.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Считаю необходимым обратить Ваше внимание на ту *очевидную* несправедливость, которая проявлена к осужденному Нику М. Г.

Колхозник Нику Михаил Георгиевич никого не убил. Он не только не убил, но и не причинил никому абсолютно никаких повреждений. Однако невзирая на это, Нику осужден к 10-ти годам лишения свободы с содержанием в лагере *усиленного* режима, осужден по ст. 15-88 п. "е" УК МССР, которая не дает ему права рассчитывать ни на какую амнистию, помилование или условно-досрочное освобождение.

Нику, и в этом нетрудно убедиться, не матерый преступник, он *впервые* оказался на скамье подсудимых, совершил преступление в силу случайного стечения обстоятельств.

Для того, чтобы понять *мотивы*, толкнувшие Нику на преступление, уяснить почему он взялся за ружье, защита позволит себе вкратце остановиться на событиях, предшествовавших случившемуся.

В ноябре месяце 1962 года Нику договорился со своими односельчанами Балаур, Голубенко, Гоцу, Трофиным и др. вывезти свое вино в Сумскую область для продажи.

В пути следования автомашины, которую сопровождали Балаур и Голубенко (Нику и остальные односельчане поехали поездом) случилась авария, в результате чего половина находившегося в машине вина Нику, 700 литров, были разлиты.

Учитывая, что Нику понес ущерб по независящей от него причине, все участники этой поездки договорились, что примут участие в возмещении ущерба. Однако, и прежде всего по инициативе Балаура и Голубенко, которые впоследствии категорически отказались от выплаты денег Нику, последнему ничего выплачено не было.

Мало того, после того как на расчетный счет колхоза поступили вырученные от реализации вина деньги, из которых Нику причиталось 937 руб., Трофин по договоренности с Балауром, Гоцонога и др. получил эти деньги, учинив в платежной ведомости *подложную* роспись за Нику, и денег этих Нику также не передал.

Забегая вперед, скажем, что именно так объяснял происшедшее на следствии и в суде Нику, в то время как Балаур, Трофин и др. упорно твердили, что они передали Нику все деньги (см. их объяснения на следствии и в суде — л. д. 53, 55, 52, протокол суд. заседания — л. д. 120, 121, 124 и др.).

Около 4-х лет понадобилось Нику для того, чтобы доказать свою правоту, и только в 1967 г. это ему удалось — Решением коллегии Верховного суда МССР от I-III — 67 г. удовлетворен иск Нику и взыскано с Трофина 937 руб. (копия решения прилагается).

Сейчас, после состоявшегося решения коллегии Верховного суда МССР, становятся еще более понятными переживания Нику, которого буквально обобрали, то душевное состояние, в котором он находился — ведь пошел насмарку труд целого года не только Нику, но и его семьи.

Этим, и только этим объясняется случившееся. Именно поэтому Нику 15-II-63 г. взялся за ружье.

Дальнейшее известно из приговора суда.

Не спорим — Нику поступил неправильно, он совершил преступление, и за это должен быть наказан.

Но ведь бесспорно и другое: Нику случайный человек на скамье подсудимых, в его преступлении во многом

повинны и другие, и в первую голову сам потерпевший, который своим бесчестным поступком, по сути, спровоцировал это преступление. Все это вместе взятое, при отсутствии тяжелых последствий, не давало суду никаких оснований к тому, чтобы так сурово наказывать Нику.

Не может не вызвать недоумения и *юридическая квалификация* действий Нику М. Г.

Известно, что п. "е" ст. 88 УК может быть применим лишь в тех случаях, когда в результате действий подсудимого создается *реальная* опасность жизни многих людей (см. по этому поводу многочисленные определения Верховного суда СССР).

В данном же случае ни из постановления о предъявлении Нику обвинения (л. д. 75), ни из обвинительного заключения не вытекает, что жизни жены и детей Балаура угрожала реальная опасность. Наоборот, из этих документов видно, что их жизни ничто не угрожало.

Вот что, в частности, значится в обвинительном заключении:

"Во время стрельбы из ружья в коридоре находился Балаур, а в комнате маленькие дети и жена Балаура. Этим самым Нику подверг опасности жизнь многих людей" (!) — стр. 2.

Нетрудно понять, что при такой формулировке обвинения, когда сами следственные органы признали, что Нику стрелял в коридор дома, что в коридоре этом находился *один* человек — Балаур, а жена и дети находились в комнате (кстати в деле нет данных ни о размере комнаты, толщине стен, о расположении кроватей, местонахождении жены и детей во время стрельбы) не было никаких оснований для квалификации действий Нику п. "е" ст. 88 УК.

Народный суд в основном воспроизвел указанную формулировку обвинительного заключения, однако, в нарушение ст. 220 УПК МССР, вышел за пределы предъявленного Нику обвинения и указал в приговоре, что якобы после выстрела жена Балаура приоткрыла дверь из комнаты и потребовала от Нику уйти домой, но что он высказал угрозу перестрелять всю семью и выстрелил в третий раз в сторону правой комнаты, где отдыхали жена и дети Балаура (см. приговор, стр. 2).

Полагаю, что для таких утверждений у суда не было никаких оснований. И дело здесь не только в нарушении ст. 220 УПК — указанное утверждение неправильно и по существу:

а) Нику никогда не предъявлялось обвинение в том, что он пытался “перестрелять всю семью Балаура”, что он стрелял в его жену и пр. Если подобное обвинение Нику предъявлялось бы, то его привлекли бы к ответственности не по п. “е”, а по п. “г” ст. 88 УК.

б) Нику не предъявлялось подобное обвинение не случайно, ибо никаких объективных данных к этому не было. Указанное утверждение приговора основано на единственном доказательстве — показаниях потерпевшего Балаура и его жены.

К их показаниям следует подходить весьма критически, учитывая следующее:

1. Потерпевший находился с Нику в крайне неприязненных взаимоотношениях, возникших на почве денежных расчетов за вино (см. объяснение Балаура — л. д. 4).

2. В своем первоначальном заявлении в органы милиции потерпевший Балаур ничего не писал о том, что жена приоткрыла дверь, что Нику угрожал перестрелять всю семью, что он стрелял в жену (л. д. 4).

3. В своем стремлении усугубить вину Нику и Балаур, и его жена стали утверждать, что якобы он произвел *четыре* выстрела из ружья (л. д. 12, 29, 123). Этим объяснениям Балауров не поверили ни следственные органы, ни суд, которые пришли к выводу, что Нику произвел *три* выстрела (см. обвинительное заключение и приговор).

4. Балаур и его жена и в процессе следствия, и в суде, показывали, что якобы после того как Нику произвел два выстрела, жена Балаура приоткрыла дверь и т. д. Между тем, Нику всегда и везде утверждал, что он всего произвел только *два* выстрела, что больше он не стрелял (см. любое показание Нику).

Полагаю, что никаких данных к тому, чтобы утверждать, что Нику стрелял не два, а три раза, ни у органов следствия, ни у суда не было.

Как видно из акта баллистической и химической экспертизы дробь, изъятая на месте происшествия (поступившая в одном пакете, в количества 30 дробинok), *различна по*

химическому составу с дробью, находившейся в патронах, изъятых у Нику (см. п. 3 заключения экспертизы — л. д. 68).

Из того же акта усматривается, что указанные 30 дробинки были извлечены из досок пола (л. д. 66), а точнее, как это видно из протокола осмотра места происшествия, 28 дробинки были извлечены из *одного* отверстия на полу размером 3 x 5 см (л. д. 1).

Не требуется никакой экспертизы для того, чтобы понять, что весьма незначительное отверстие на полу (3 x 5 см) в котором было обнаружено 28 дробинки, не могло возникнуть в результате выстрела из охотничьего ружья.

Достаточно сказать, что на потолке, куда стрелял Нику, заряд рассеялся на площади не 3 x 5 см, а на площади размером 50 x 20 см (см. протокол осмотра места происшествия — л. д. 1). Во всяком случае очевидно, что все это не дело рук Нику, поскольку дробинки эти не идентичны с теми, которые изъятые из его патронов.

Все это свидетельствует о том, что Нику было произведено *два* выстрела и, следовательно, показания Балауров, касающиеся всего того, что произошло после этих *двух* выстрелов, являются вымыслом.

К показаниям Балауров следует относиться особенно осторожно не только по основаниям, изложенным выше, но и потому, что, видимо, никто другой как они имеют отношение к тому, что ко времени осмотра места происшествия (а осмотр производился на следующий день в 14 ч. 30 мин. дня л. д. 1) в полу их коридора появилось "отверстие выстрела", а в нем 28 дробинки, не принадлежащих Нику.

Считаю, что с учетом того, что Нику покушался на убийство Балаура из мести, что при этом не была поставлена в опасность жизнь других людей, его действия надлежит квалифицировать не ст. 15-88 п. "е", а ст. 15-89 УК МССР.

При решении настоящего дела прошу учесть также и еще одно обстоятельство.

Известно, что сила закона заключается в его единообразном применении. В этом залог справедливости приговора. Именно поэтому защита считает возможным приобщить к своей жалобе копию приговора по другому делу, по делу гр. Мелентия Г. Я., осужденного по ст. 15-89 УК МССР и отбывающего наказание в одном лагере с осужденным Нику.

Прошу сопоставить прилагаемые два приговора:

1. Мелентия Г. Я. в прошлом судим.	1. Нику М. Г. в прошлом не судим.
2. Мелентия покушался на убийство потерпевшего, заподозрив его в отравлении 2-х свиней (их стоимость составляет 200 — 300 руб.)	2. Нику покушался на убийство в связи с тем, что ему не возвратили, как минимум, около 1000 руб.
3. Мелентия лишь подозревал потерпевшего, а он или не он в действительности отравил свиней — неизвестно.	3. Нику не подозревал, он хорошо знал, что Балаур причастен к тому, что год его работы пошел насмарку.
4. Мелентия причинил потерпевшему тяжкие телесные повреждения, искалечил человека.	4. Нику не причинил никому никаких повреждений.
5. Действия Мелентия квалифицированы ст. 15-89 УК, мера наказания — 5-ть лет лишения свободы.	5. Действия Нику квалифицированы ст. 15-88 УК, мера наказания — 10-ть лет лишения свободы.

Защита вряд ли осмелилась бы приобщить к своей жалобе приговор по делу Мелентия, если бы он не был осужден в том же, 1963 году, когда и судили Нику, если бы он не был осужден Народным судом той же республики, что судил и Нику.

В свете изложенного, к сожалению, вряд ли можно не согласиться с Нику, который в личной беседе с горечью говорит: "А ведь мы с Мелентия в одном лагере, вместе ходим в столовую, вместе работаем, вместе рассуждаем о справедливости..."

Нику М. Г. находится под стражей в нелегких условиях заключения около 5-ти лет. Отбывает он наказание по адресу: пос. Криково, Криулянского р-на, МССР, п/я 29/4. За время отбывания наказания зарекомендовал себя положительно.

В силу изложенного прошу Вас истребовать настоящее дело из Котовского райнарсуда МССР и внести протест на предмет переквалификации действий Нику М. Г. на ст. 15-89 УК МССР и определения ему наказания в пределах фактически отбытого, с освобождением его из-под стражи.

Приложение:

1. Копия приговора Нарсуда.
2. Копия определения Верховсуда МССР
3. Копия решения коллегии Верховсуда МССР от 7-III-67 г.
4. Копия приговора по делу Мелентия Г. Я.

Адвокат

"3" ноября 1967 г.

(А. Л. Мове)

Эту свою жалобу я счел необходимым дополнить публикуемой ниже дополнительной жалобой, содержащей ссылку на сложившуюся судебную практику.

Из досье адвоката

Прокурору МССР

Адвоката Московской областной
юридической консультации А. Л. Мове

по делу

Нику Михаила Георгиевича

В своей жалобе в порядке надзора по делу Нику М. Г. защита утверждала, что п. "е" ст. 88 УК МССР может быть применим лишь в тех случаях, когда в результате действий виновного создается реальная опасность жизни многих людей.

Для подтверждения этого тезиса считаю необходимым дополнительно сослаться на судебную практику:

1. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 28-II-1967 г. по делу Максимова (Бюллетень Верховсуда СССР № 3, 1967 г., стр. 15)

2. Постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 30-III-1966 г. по делу Дробинина. (Бюллетень Верховсуда РСФСР № 8, 1966 г., стр. 6)

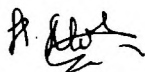
3. Постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Ковригина. (Бюллетень Верховсуда СССР № 5, 1964 г., стр. 28)

Основные положения, изложенные в указанных постановлениях вышестоящих судебных инстанций, имеют пря-

мое отношение к делу Нику М. Г., свидетельствуют о том, что действия его следует квалифицировать ст. 15-89 УК, а не ст. 15-88 УК МССР.

Все это прошу принять во внимание при проверке в порядке надзора дела Нику Михаила Георгиевича.

Адвокат

(А. Л. Мове)

"4" ноября 1967 г.

Примерно через два месяца, в январе 1968 г., поступил обнадеживающий ответ из Прокуратуры Молдавии.

Документ

ПРОКУРАТУРА	
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК	
ПРОКУРОРУЛ	ПРОКУРОР
РЕПУБЛИКИ СОВЕТСКИЕ СОЦИАЛИСТЕ МОЛДОВЕНЕШЬ	МОЛДАВСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
г.р. Кишинев, стр. Паргова, 70	г.р. Кишинев, ул. Паргова, 70
№ 2.2657/63	9 января 1968 г.

АДВОКАТУ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ

тов МОВЕ А.Л.

Москва, Садово-Триумфальная, дом 2

Сообщаю, что Ваша жалоба по делу НИКУ Михаил Георгиевича прокуратурой МССР проверена.

Нами внесен надзорный протест в Президиум Верховного суда Молдавской ССР на предмет переквалификации действий НИКУ на ст. 15-89 УК МССР и понижения ему наказания до 6 лет лишения свободы.

Возвращаются копии приговора и определения на 6 л.

ПРОКУРОР ОТДЕЛА ПО НАДЗОРУ ЗА
рассмотрением в судах уголовных дел
групп 1 класса

Вашинко /Л. ЗАЙЦЕВА/

Это уже что-то означало, хотя я и понимал, что до окончательной победы еще далеко. Как-то еще отнесется к этому протесту Президиум Верховного суда МССР? Ведь он вправе не только его удовлетворить, но и отклонить. В данном случае произошло худшее. Президиум Верховного суда МССР отклонил протест Прокурора МССР. Решение это было явно безосновательным, в связи с чем я его немедленно обжаловал.

Из досье адвоката

Прокурору Молдавской ССР

Адвоката А. Л. Мове, г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 8 Юридическая
консультация

По делу

Нику Михаила Георгиевича

ЖАЛОБА

24-1- с/г. Президиум Верховного суда Молдавской ССР отклонил внесенный Вами протест в порядке надзора по делу Нику Михаила Георгиевича, осужденного Котовским райнарсудом МССР по ст. 15-88 п. "е" УК МССР к 10-ти годам лишения свободы.

Считаю необходимым обратить Ваше внимание на явную неосновательность указанного постановления Президиума Верховного суда МССР.

1. В процессе следствия Нику не предъявлялось обвинения в том, что он покушался на убийство Балаура способом, опасным для жизни его жены и детей.

В самой формуле обвинительного заключения значится, что в то время, когда Нику стрелял в потерпевшего, находящегося в коридоре, жена и дети Балаура находились в комнате.

Таким образом, из самого обвинительного заключения, явствует, что никакой реальной опасности жизни жены и детей Балаура не подвергалась.

Изменив формулировку обвинения и указав в приговоре, что якобы Нику угрожал убийством всей семье Балаура, стрелял в жену Балаура и пр. и пр., Народный суд грубо нарушил ст. 220 УПК МССР.

2. Не только из обвинительного заключения, но и из той *новой* формулировки, которая содержится в Приговоре, не вытекает тот вывод, к которому пришел суд — о квалификации действий Нику п. "е" ст. 88 УК МССР.

Если все обстояло так, как значится в приговоре и Нику имел *прямой умысел* не только на убийство Балаура, но и *прямой умысел* на убийство других — жены и детей (угрожал, что всех перестреляет, стрелял в сторону жены и пр.), то подобные действия должны квалифицироваться не п. "е" ст. 88, а п. "г" ст. 88 УК, как покушение на убийство двух или нескольких лиц.

Что же касается п. "е" ст. 88 УК, то он применяется в тех случаях, когда имеется *прямой умысел* на убийство *одного* человека и *косвенный умысел* по отношению к возможной смерти *других* лиц (см. любой учебник уголовного права).

Таким образом, *квалификация действий Нику п. "е" ст. 88 УК не вытекает не только из обвинительного заключения, но и из приговора суда.*

3. Никаких оснований к тому, чтобы изменять формулировку обвинения, у суда не было.

Нику стрелял из двуствольного охотничьего ружья, и для того чтобы произвести третий выстрел, он должен был перезарядить ружье. На всем протяжении следствия и в суде Нику утверждал, что ружье он не перезаряжал и произвел не четыре выстрела, как говорят Балауры, и не три выстрела, как значится в приговоре суда, а только два выстрела.

Эти объяснения Нику подтверждаются наличием на потолке и стене дома следов *двух* выстрелов.

Что касается 30-ти дробинок, обнаруженных в небольшом отверстии на полу, то по заключению судебно-химической экспертизы, они Нику не принадлежат и были подложены в отверстие на полу потерпевшими (больше этого сделать было некому). Да и само *небольшое* отверстие, в котором находились эти дробины, свидетельствует о том, что это не след выстрела из охотничьего ружья.

Но если это так, и не было *третьего* выстрела — следовательно, показания жены Балаура о том, что после того, как Нику выстрелил дважды, она приоткрыла дверь, что он

ей здесь угрожал, стрелял в нее и пр. — являются надуманными, ложными.

При оценке этих показаний нельзя не учитывать тех остро неприязненных взаимоотношений, которые сложились между Нику и Балауром на почве денежных расчетов за пролитое вино.

Строить обвинение Нику на подобных показаниях, не подтвержденных другими доказательствами, недопустимо.

4. Наконец, еще одно соображение. Колхозник Нику М. Г. не только никого не убил, но и не причинил никому абсолютно никаких повреждений.

Совершил он преступление, и это очевидно, в силу случайного стечения обстоятельств, лишь потому, что его довели до этого люди, удержавшие с него крупную сумму денег, буквально обобравшие его.

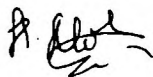
Это подтверждено сейчас Решением судебной коллегии по гражданским делам МССР, которым взыскано в пользу Нику 937 руб. (приложено к жалобе в порядке надзора). В прошлом Нику не судим.

Так неужели Нику М. Г. именно тот преступник, которого надо держать в заключении 10 лет? Неужели недостаточно для него тех 5-ти лет, которые он уже находится в условиях лагеря усиленного режима?

Более подробно все изложено в имеющейся в Прокуратуре МССР моей жалобе в порядке надзора.

В силу изложенного и полагая, что президиум Верховного суда МССР отклонил внесенный Вами протест явно неосновательно, прошу Вас вновь истребовать настоящее дело и внести протест в Пленум Верховного суда МССР на предмет изменения приговора народного суда, переквалификации действий Нику М. Г. на ст. 15-89 УК МССР и снижения ему наказания до фактически отбытого.

Адвокат

(А. Л. Мове)

29 января 1968 г.

Конечно, если быть последовательным и принципиальным, то прокурор МССР вроде бы должен был отстаивать свою позицию и внести протест в Пленум Верховного суда МССР. Ну, а если решение суда убедило его в своей неправоте? Тогда, естественно, он должен признать ошибку и отступить. Что и произошло.

Документ

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК	
ПРОКУРАТУРА Республики Советской Социалистической Молдавии	ПРОКУРАТУРА Молдавской Советской Социалистической Республики
СЕКЦИЯ _____	ОТДЕЛ _____
Ор. Кишиневу, пер. Паркова, 70.	пер. Кишинев, ул. Паркова, 70
№ <u>2-2657/68</u>	№ <u>13</u> <u>4</u> января 1968 г.
При ответе сослаться на п/М и дату	
21 2 68	
МОСКВА, ул. ВАРЬИКАДНАЯ, 8	
юридическая консультация	
адвокату тов. <u>МОВЕ А.Л.</u>	

Сообщаю, что внесенный нами протест по делу НИКУ Михаила Георгиевича Превидиумом Верховного суда Молдавской ССР отклонен.

Входить с протестом в Пленум Верховного суда МССР в отношении НИКУ М.Г. руководство прокуратуры Молдавской ССР считает нецелесообразным.

ПРОКУРОР ОТДЕЛА ПО НАДЗОРУ ЗА
рассмотрением в судах уголовных дел
младший советник юстиции

Вайнштейн /Л. ЗАЙЦЕВА/

Что оставалось делать? Ведь в отличие от руководителей высших судебно-прокурорских инстанций Молдавии я был убежден в своей правоте, а в таких случаях адвокат просто не вправе опускать руки. Свой долг он должен выполнить до конца.

Итак, где-то в марте 1968 г. я отправился на прием в Верховный суд СССР, к члену Верхсуда СССР Ирине Денисовне Якименко. С Ириной Денисовной впредь мне приходилось встречаться по делам службы довольно часто, и я неоднократно имел возможность убедиться в том, насколько справедливым, предельно честным и добросовестным человеком она была, как остро, а порой даже болезненно, воспринимала проявленную кем-либо черствость и бездушие.

Я был самым внимательным образом заслушан, дело Нику было немедленно истребовано из Молдавии в Верховный суд СССР, и вскоре я получил извещение о том, что приговор по делу Нику опротестован Заместителем Председателя Верховного суда СССР и что протест этот будет рассматривать Пленум Верховного суда Молдавской ССР. В августе 1968 г. я получил следующее извещение за подписью И. Я. Якименко.

Документ

ВЕРХОВНЫЙ СУД

Союза Советских
Социалистических Республик

6 августа 1968 г.
02-Д-116-68

Адвокату тов. МОВЕ А. Л.

гор. Москва, ул. Баррикадная, 8
Проконсультация

Сообщается, что 24 июля 1968 г. пленум Верховного суда Молдавской ССР изменил приговор народного суда Котовского района от 10 апреля 1963 г. и последующие судебные решения в отношении НИКУ М. Г., снизив ему наказание до 6 лет лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

Член Верховного Суда СССР

Якименко
И. ЯКИМЕНКО

А через некоторое время я получил и копию самого Постановления Пленума Верховного суда МССР.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 6 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА МОЛДАВСКОЙ ССР 24 ИЮЛЯ 1968 Г.

Под председательством

Председателя Верховного суда МССР тов. Зингана Х. Я.

С участием

Прокурора Молдавской ССР тов. Кизикова М. С. при секретаре тов. Загорунко В. Б.

Протест заместителя председателя Верховного суда СССР по делу Нику М. Г. по ст. ст. 15 и 88 п. "е" УК МССР

Приговором Народного суда Котовского района МССР от 10 апреля 1963 года признан виновным и осужден —

Нику Михаил Георгиевич, 1931 года рождения, уроженец и житель с. Ульма, Котовского района

Молдавской ССР, молдаванин, беспартийный, с 5-классным образованием, женатый, ранее не судимый, до ареста работавший в колхозе "Кодры", по ст. ст. 15 и 88 п. "е" УК МССР к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима с 15 февраля 1963 г.

По ст. ст. 15, 88 п. "г" УК МССР Нику М. Г. оправдан.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда МССР от 3 мая 1963 года приговор суда в отношении Нику М. Г. оставлен без изменения.

Постановлением Президиума Верховного суда МССР от 24 января 1965 года протест заместителя прокурора республики, в котором ставился вопрос о переквалификации действий Нику М. Г. на ст. ст. 15, 89 УК МССР со снижением меры наказания до 6 лет лишения свободы, оставлен без удовлетворения.

Нику М. Г. признан виновным в том, что он, находясь в нетрезвом состоянии, 15 февраля 1963 года, с целью мести, пытался убить односельчанина Балаура Т. И. способом, опасным для жизни многих.

Преступление, как признал установленным суд, совершено при следующих обстоятельствах.

В ноябре 1962 года Нику совместно с Балауром, Голубенко и другими колхозниками ездил на автомашине с прицепом в Сумскую область продавать свое вино. В пути следования прицеп автомашины перевернулся и около 700 литров вина, принадлежащего Нику М. Г., разлилось. Нику потребовал от остальных семи колхозников разделить его убытки на всех, но колхозники согласились взять на себя только часть его убытков, и по этой причине Нику затаил злобу на Балаура и других.

15 февраля 1963 года ночью, в 2 ч. 30 мин., Нику, находясь в нетрезвом состоянии, вооружившись охотничьим ружьем, подошел к дому Балаура, разбил окно в двери и произвел выстрел в находящегося за дверью Балаура, но последний присел и закрыл дверь ключом.

Услышав звук закрываемого замка, Нику закричал: "А, ты еще жив?" — и выстрелил через дверь в комнату, куда забежал Балаур. От выстрелов проснулась жена Балаура и двое малолетних детей, находившихся в комнате, расположенной справа. Балаур Мария потребовала, чтобы Нику

ушел домой, но последний, выражаясь нецензурными словами и угрожая перестрелять всю семью, выстрелил в третий раз в дверь комнаты, в которой находились жена и дети Балаура. Заряд попал в стену на высоте 1 м 20 см, никто ранений не получил.

Заместитель Председателя Верховного суда СССР, считая приговор народного суда Котовского района МССР от 10 апреля 1963 года, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда МССР от 3 мая 1963 года и постановление Президиума Верховного суда МССР от 24 января 1968 года в отношении Нику Михаила Георгиевича неправильными, принес протест в Пленум Верховного суда МССР, в котором поставил вопрос об изменении указанных судебных решений и снижении Нику М. Г. меры наказания до шести лет лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима без ссылки.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы протеста, заслушав заключение и. о. Прокурора МССР, согласившегося с протестом, Пленум Верховного суда МССР находит, что протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Вина Нику М. Г. в совершенном преступлении доказана показаниями Балаура Т. И., Балаур Марии, протоколом осмотра места преступления и другими материалами дела (л. д. 116-127, 1-3, 4-9).

Преступление Нику М. Г. по ст. ст. 15 и 88 "е" УК МССР квалифицировано правильно, однако, назначая ему лишение свободы сроком на десять лет, суд не учел, что Нику совершил преступление впервые, тяжких последствий от преступления фактически не наступило, в колхозе Нику работал хорошо. Преступление Нику совершено в силу малосознательности и его малограмотности.

Как видно из характеристики, полученной из мест заключения, Нику, отбывая наказание, к труду относится добросовестно, что в определенной мере свидетельствует о его раскаянии и исправлении.

С учетом изложенных обстоятельств, Пленум находит возможным применить к Нику М. Г. ст. 42 УК Молдавской ССР и снизить ему меру наказания до шести лет лишения свободы.

Руководствуясь ст. 39 Закона о судостроительстве Молдавской ССР Пленум Верховного суда МССР, —

Постановляет:

Приговор народного суда Котовского района Молдавской ССР от 10 апреля 1963 года, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда МССР от 3 мая 1963 года и постановление Президиума Верховного суда МССР от 24 января 1968 года в отношении Нику Михаила Георгиевича изменить — снизить ему меру наказания до шести лет лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима без ссылки.

Председатель Верховного суда МССР
Секретарь Пленума
Верно

Х. Зинган
В. Загоруйко
(А. Мове)

...

Буквально через несколько месяцев Нику обрел свободу, проведя в лагере вместо отмеренных ему 10-ти лет, только (!) 5.

Казалось бы, победа, и можно облегченно вздохнуть. Но это только казалось бы. Как говорится, “покой нам только снится”. Дело в том, что пока Нику находилась за колючей проволокой, Трофин, Балаур и другие добились отмены решения Народного суда о взыскании с них в пользу Нику причиненного ему ущерба в сумме 1322 руб. При новом рассмотрении дела суд взыскал с них только 913 руб., отказав Нику в иске в остальной части.

Отношение Нику к этому решению и его состояние можно понять: мало того, что по вине ответчиков он оказался на пять лет за решеткой, так они еще и надули его, присвоив лично ему принадлежащие деньги.

Итак, надлежало вновь браться за работу, за восстановление справедливости.

Документ

Дело № 3-10

РЕШЕНИЕ именем Молдавской Советской Социалистической Республики

1967 года марта месяца X дня город Кишинев
судебная коллегия по гражданским делам Верховного
суда МССР

В составе:

Председательствующего — Черкасова А. Д.

Народных заседателей — Тужилина Н. В. и Соломенчука Г. И.
Секретаря — Мура А. Э.
с участием прокурора Усова П. Ф.
и адвокатов Моняка М. Б. и Колдарарь Н. Д.

Рассмотрела в открытом судебном заседании гражданское дело по иску Нику Михаила Георгиевича к Годонога Василию Ивановичу, Трофину Николаю Андреевичу и Балауру Терентию Ивановичу о взыскании 1322 руб.

Обсудив обстоятельства спора, выслушав объяснения сторон и показания свидетелей, Судебная коллегия

Установила

Истец Нику обратился в суд с иском к ответчикам Гоцонога, Трофину и Балауру о взыскании указанной суммы.

В обоснование иска Нику пояснил, что в ноябре 1962 года совместно с ответчиками и другими лицами, возил в Сумскую область УССР свое вино для продажи, для чего подыскивали попутную автомашину.

В пути часть вина, принадлежащего ему, истцу Нику, была разлита; за разлитое вино шофер выдал ответчику 380 руб., но последний выдал ему, Нику, только 120 руб., а 260 не уплатил.

За проданные 750 литров вина ему, истцу Нику, ответчики не уплатили 937 руб., а также 125 руб. — переплаты за провоз. Всего ответчики не выплатили ему, Нику, 1322 рубля.

Ответчики Гоцонога, Трофин, Балаур иска не признали и пояснили, что деньги за проданное вино поступили на счет колхоза "Кодры", членами которого они являются; что эти деньги оформлены для выдачи колхозникам, продавшим вино; что причитающиеся Нику 913 руб. он получить отказался, считая, что ему мало начислено денег.

Ответчики далее пояснили, что Трофин и Гуцу Ф. П. ходили поздно вечером 10 февраля 1963 года на дом к Нику и просили его прийти в дом к Балауру, где производились расчеты, но Нику отказался идти и поручил Трофину получить за него деньги, после чего отдать деньги ему, Нику.

Ответчики утверждают, что имея указанное поручение, Трофин получил начисленные Нику 913 руб. и расписался в ведомости против фамилии Нику, что кроме этого участника продажи вина собрали для Нику за разлитое вино и

переплату за провоз 370 руб., которые они отдали Трофину, что Трофин совместно со свидетелями Голубенко С. Ф. и Гоцу Ф. П. рано утром 11 февраля 1963 года пошли к Нику и отдали ему 1238 руб.

Судебная коллегия признает иск Нику обоснованным частично, в сумме 913 руб., начисленных по ведомости за проданное им вино в Сумской области УССР.

Материалами дела установлено, что гражданские правоотношения между истцом Нику и ответчиком Трофиным возникли на основании устного договора — поручения о получении денег Трофиным и последующей передаче их Нику.

Факт состоявшейся указанной сделки — поручения подтверждает сам ответчик Трофин и присутствовавший при этом свидетель Гоцу Ф. П.

Судебная коллегия считает, что в данном случае сделка поручение могла касаться только той суммы, которая поступила от коопторга Сумской области за купленное им у Нику вино, и в получении которой по ведомости расписался Трофин.

За другую сумму в размере 370 рублей, которая якобы была собрана участниками продажи вина для Нику за разлитое вино и переплату за провоз, ответчик Трофин не расписывался и не принимал на себя обязанности получать ее и передавать Нику. Последний также не мог давать Трофину поручение на получение такой суммы, размер этой суммы Трофину и Нику не был известен.

Поскольку правоотношения между Нику и Трофиным возникли до 1 июля 1965 года, т. е. до введения в действие Гражданского кодекса МССР, и такие отношения регулировались в то время ст. ст. 251-263 ГК УССР, то в силу ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 июня 1965 г. "О порядке введения в действие Гражданского и Гражданского процессуального кодексов Молдавской ССР" по данному делу должны быть применены требования ГК УССР, действовавшего на территории УССР до 1 июля 1965 года.

В соответствии с требованиями ст. 136 ГК УССР, действовавшего на территории МССР, сделки на сумму свыше 50 руб. должны быть совершены в письменной форме; несоблюдение указанного правила лишает стороны права в случае спора ссылаться на свидетельские показания; в данном случае лишен такого права ответчик Трофин, нео-

боснованно ссылающийся на показания свидетелей в подтверждение передачи полученных денег истцу Нику.

Ответчик Трофин не представил суду никаких письменных доказательств в подтверждение того, что он полученные по поручению деньги передал доверителю Нику, в получении же этих денег из кассы колхоза Трофин расписался в ведомости против фамилии Нику.

Ссылку ответчика Трофина на то, что среди жителей Ульма Котовского района существует обычай взаимного доверия и при денежных расчетах, независимо от суммы, документы не оформляют, коллегия признает несостоятельной.

На основании изложенного Судебная коллегия признает, что сумма 913 руб. подлежит взысканию в пользу истца Нику с ответчика Трофина, а ответчики Гоцонога и Балаур должны быть освобождены от ответственности, т. к. они поручения от Нику не получение денег не принимали; Нику отказался от иска к ним.

Руководствуясь ст. ст. 136 и 251 ГК, действовавшего на территории МССР до 1 июля 1965 года, и ст. ст. 190-196 ГПК МССР, Судебная коллегия

Решила:

Взыскать в пользу истца Нику Михаила Георгиевича с ответчика Трофина Николая Андреевича 913 (девятьсот тринадцать) рублей и расходов по оплате госпошлины 54 (пятьдесят четыре) р. 80 к. В остальной части иска Нику отказать за необоснованностью.

В иске Нику М. Г. к Гоцонога В. И. и Балауру Т. И. отказать за необоснованностью.

Решение окончательное и обжалованию в кассационном порядке не подлежит.

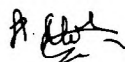
Председательствующий —
Нарзаседатели —

Черкасов
Тужилин и Соломенчук

Копия верна: Председательствующий

(подпись)

Верно

(А. Мове)

Это решение было мною обжаловано в порядке надзора Председателю Верховного суда и Прокурору Молдавской ССР. Результат был отрицательный. Вот что, например, писал в своем ответе Прокурор Молдавии А. Казанир.

Документ

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ПРОКУРАТУРА
Республики Советиче Сочналисте
Молдовенешть

ПРОКУРАТУРА
Молдавской Советской
Социалистической Республики

Секция _____
г.р. Кишинев, стр. Порогов, 70.

Отдел _____
г.р. Кишинев, стр. Порогов, 70.

№ 4-2333/65
Сиро откете сосылать на цдо и дату

27- ноября 1965 г. 8

АДВОКАТУ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ПРАВОВОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ
ГОС. МАВЕ А.А.
г.р. Москва, ул. Баррикадная, 8.

Сообщая, что нами прозерео в порядке надзора гражданское дело по иску Никиты М.Г. к ответчикам Балаур Т.И., Годонюга В.И. и Трофимку Н.А. о взыскании 1322 руб. 50 коп. и за отсутствием оснований в опротестовании судебного решения отказано.

Из материалов дела видно, что истец Никита М.Г. предъявил иск о взыскании 1322 руб. 50 коп. по основаниям, что в ноябре 1962 года он вместе с ответчиками Балаур Т.И., Годонюга В.И., Трофимку Н.А. и другими лицами, а всего их было 6 человек, продали свое вино коопторгу Сухокой области.

Деньги за проданное вино коопторг перечислил кооптосу, где ответчики Трофим Н.А. получили за его вино деньги и не передали их истцу Никите М.Г., а присвоили.

Решением Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда Молдавской ССР от 1 марта 1967 года с ответчиков Трофима Н.А. в пользу истца Никиты М.Г. взыскано 913 руб. и расходы по оплате госпошлины в сумме 54 руб. 80 коп., а в остальной части иска отказано.

В иске Никиты М.Г. к Годонюга В.И. и Балаур Т.И. так же отказано.

Судебная Коллегия при этом правильно исходила не того, что гражданские правоотношения между истцом Никитой М.Г. и ответчиком Трофимом Н.А. возникли на основании устного договора поручения, что эти отношения возникли до введения в действие Граждан-

ского кодекса Молдавской ССР и такие отношения регулировались в то время ст.ст. 251-263 ГК УССР. Поэтому в силу ст. 8 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 июня 1965 года "О порядке введения в действие Гражданского и Гражданско-Процессуального кодексов Молдавской ССР" по данному делу должны быть применены требования ГК УССР действовавшего на территории МССР до 1 июля 1965 года.

Ст. 136 ГК УССР предусматривает, что сделки на сумму свыше 50 руб. должны быть совершены в письменной форме. Несоблюдение указанного правила лишает стороны права в случае спора ссылаться на свидетельские показания.

После поступления денег на счет колхоза от коопторга Сумской области за купленное вино ответчик Трофим Н.А. расписался в ведомости за 913 руб. денег начисленных истцу Нике М.Г. с тем, чтобы впоследствии их передать истцу Нике М.Г. и хотя ответчик Трофим Н.А. заявлял в суде, что он их передал истцу Нике М.Г. но письменного документа об этом не представил, а в силу ст. 136 ГК МССР ответчик лишен права ссылаться на свидетельские показания, Верховный Суд МССР не принял во внимание его заявление.

В отношении остальной суммы иска в деле нет письменных доказательств о том, что она передавалась истцом ответчику и в соответствии требований ст.136 ГК УССР, действовавшего на территории МССР, Судебная Коллегия правильно отказала в её взыскании.

В нарушение требований указанной статьи Вы в жалобе также ссылаетесь на показания свидетелей и соответчиков, но письменных доказательств не представили. Поэтому Ваша просьба не может быть удовлетворена.

З.И. ПРОКУРОР МОЛДАВСКОЙ ССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ИСТИЦИИ 2 КЛАССА *В.И. Завидный*
/А.КАЗНИР/

Оставалась вновь единственная дорога — в Верховный суд СССР, одна из коллегий которого (по уголовным делам) уже занималась этим делом. На сей раз я обратился с жалобой не в уголовную, а в гражданскую коллегию Верховного суда страны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА МССР

Адвоката Московской областной
юридической консультации

Мове А. Л.

(г. Москва, ул. Баррикадная, 8)

По делу

Иска Нику Михаила Георгиевича
к Балауру, Гоцонога и др. о взы-
скании 1.322 руб. 50 к.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Решением Фрунзенского районного народного суда г. Кишинева от 21/XI-1966 г. заявленный Нику М. Г. иск был *удовлетворен* полностью в сумме 1.322 руб. 50 к.

Впоследствии, однако, это решение было по формальным основаниям отменено и дело передано на рассмотрение по 1 инстанции в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда МССР, которая своим решением от 1/III-67 г. иск Нику М. Г. удовлетворила частично, в сумме 913 руб.

Указанное решение коллегии Верхсуда МССР является *неправильным*.

Из материалов дела усматривается, и это отражено в решении суда, что Нику и другие колхозники договорились с шофером машины о перевозке принадлежащего им вина в Сумскую область. Договоренность была об оплате по 1 руб. за каждый литр вина, в связи с чем Нику передал Балауру (он должен был сопровождать груз) 200 руб. В данном случае потому, что у некоторых колхозников денег не хватало, Нику передал Балауру на 50 руб. больше (вина Нику было 1.500 литров).

Нику, Трофин и Гоцонога должны были отправиться в Сумскую область поездом, а Балаур и Голубенко поехали с шофером сопровождать груз, причем старшим являлся Балаур — он же вел все расчеты с шофером.

В г. Тирасполе, по вине шофера машины, случилась авария, в связи с чем Балаур срочно вызвал из Кишинева

Нику и др. и в их присутствии шофер машины передал Балауру в возмещение ущерба 380 руб.

Нику здесь же просил Балаура возвратить ему деньги, однако последний, исходя из того, что половина вина, принадлежащего Нику, была пролита и осталось его вина лишь 750 л., возвратил ему излишне переплаченные им за перевозку вина 120 руб. (Следовало возвратить 125 руб., т. е. $200 - 75 = 125$), остальные 385 руб. не возвратил, обещая это сделать после продажи вина.

Однако и после реализации вина Балаур деньги Нику не возвратил. Это в конечном итоге и привело к тому преступлению, за которое Нику был осужден по ст. 15-88 УК к 10-ти годам лишения свободы. (Пленум Верховного Суда МССР 24/УП-68 г. наказание ему снизил до 6-ти лет лишения свободы).

Все изложенное нашло полное подтверждение в материалах дела, не отрицал по сути этого и ответчик Балаур.

В частности:

Соответчик Гоцонога объяснил в суде:

“Когда деньги собрали для уплаты за машину, шофер их не захотел брать, т. к. сделал аварию. И эти 380 руб. были у Балаура. Нику просил дать ему эти деньги. Ему Балаур деньги не дал, т. к. мол еще нужны деньги будут, неизвестно как еще сумеем вино продать. И ему дали лишь 120 руб.” (л. д. 60)

После реализации вина Балаур отдавать деньги Нику отказался.

По этому поводу Гоцонога показал:

“Ответчик Балаур не давал деньги для покрытия ущерба Нику, за что Нику обиделся и, не получив денег, ушел домой”. (л. д. 183-184)

Подтвердил все это и Голубенко:

“Перед выездом мы собрали деньги и дали Балауру, чтобы он оплатил шоферу. Шофер, видя, что авария была по его вине, из полученных денег вернул Балауру, чтобы последний передал Нику за пролитое вино...” (л. д. 190).

Не отрицал всего этого и Балаур:

"Мы должны были заплатить за машину. Деньги все дали мне. Я с Голубенко поехали машиной, остальные поездом. Случилась авария, опрокинулся прицеп, в основном разбилась бочка Нику. Шофер отказался от 380 руб., которые мы ему не заплатили..." (л. д. 58-оборот).

И далее:

"Вино вылилось больше у Нику. Мы в Тирасполе договорились с шофером уплатить ему 900 с лишним рублей, а уплатили около 400 руб. Раз вино разлилось, шофер сказал, что он не будет требовать денег за перевоз".

И далее:

"У меня осталось 120 руб из общей собранной суммы за перевоз вина, я отдал их Нику... Мы договорились, что остальные деньги отдадим Нику после продажи вина". (л. д. 114-об., -115)

Такие же объяснения дал Балаур и в последнем судебном заседании:

"Все участники собрали деньги и отдали их мне, чтобы я нанял шофера... Нику требовал, чтобы я отдал 385 руб., но т. к. у меня такой суммы не было, между нами начался скандал..." (л. д. 187).

То, что Нику причиталось за пролитое вино, около 380 руб., подтвердили Гоцонога, Голубенко, Трофин. Подтвердил это и Балаур. Все они объяснили, что после продажи вина собрались в доме Балаура и подсчитали, что помимо денег за реализованное вино (913 руб.) Нику причитается еще 370 руб. (см. их объяснения во всех судебных заседаниях).

— Доказал ли Балаур, что он возвратил Нику 385 руб.?

В своих объяснениях Балаур ссылается на то, что якобы деньги были переданы Трофину для передачи Нику. Трофин, в свою очередь, утверждает, что деньги передал.

Нику, однако, это категорически отрицает и поясняет:

"Если бы мне отдали деньги, то я бы был доволен и не за чем было бы стрелять в Балаура" (л. д. 192-об.).

И далее:

“Я стрелял, т. к. он не отдал 385 руб., которые ему дал шофер за пролитое вино” (л. д. 188-об.).

Никаких поручений Трофину о получении денег Нику не давал, и если Балаур передал деньги Трофину, то пусть он сам с Трофиным и разбирается. 385 руб. не были переданы Нику точно так же, как и не были переданы Трофиным 913 руб., которые суд с него взыскал.

Никаких письменных доказательств возвращения Нику 380 руб. Балаур не представил, хотя в данном случае только такие доказательства могут быть приняты во внимание.

Все сказанное свидетельствует о том, что ответчик Балаур неосновательно обогатился за счет Нику.

Полагаю, что при таких обстоятельствах, в соответствии со ст. 504 ГК МССР, суд должен был удовлетворить заявленный Нику иск.

Ссылка на то, что якобы Нику отказался в этой части от иска к Гоцонога и Балауру не может быть признана заслуживающей внимания, поскольку от заявленного иска Нику никогда не отказывался и, в частности, в последнем суд. заседании он заявил:

“Прошу взыскать 937 руб. и 385 руб., которые дал шофер Балауру”. И далее:

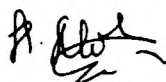
“Иск поддерживаю, прошу взыскать 1.322 руб.” (л. д. 196).

Заявленный Нику иск просил удовлетворить полностью и участвующий в деле прокурор (л. д. 196).

На основании изложенного прошу истребовать настоящее дело и внести протест на предмет отмены решения Коллегии Верховсуда МССР от 1/III-67 г. в части отказа во взыскании с Балаура 383 руб. и возвращения в этой части дела на новое рассмотрение.

Приложение: Копия Решения Верховсуда МССР от 1/III-67 г.

Адвокат

А. Л. Мове.

В дополнение к этой жалобе я подал еще одну жалобу следующего содержания:

Документ

В Верховный суд СССР

Адвоката А. Л. Мове (г. Москва,
Баррикадная ул., дом. 8,
Мособлюрконсультация)

по делу

иска Нику Михаила Георгиевича
к Балауру, Гоцонога и др. о взы-
скании 1.322 руб.

При проверке в порядке надзора указанного дела прошу учесть следующее:

В ответе из Верховного суда МССР делается ссылка на отказ Нику от иска.

Эта ссылка является необоснованной.

1. Вывод об отказе от иска сделан на основе записи в протоколе судебного заседания (с протоколом Нику не знакомили). Между тем, если бы в действительности имел место отказ от иска, то суд в соответствии со ст. 165 ГПК обязан был вынести по этому поводу специальное определение.

Такого определения в деле нет, что свидетельствует о том, что отказа от иска не было.

2. Данное дело рассматривалось в судебных инстанциях неоднократно, что свидетельствует об отсутствии у Нику желания отказаться от иска.

Мало того, и в последнем судебном заседании Нику просил об удовлетворении его иска в полном объеме. Что же касается того, что Нику (по своей юридической безграмотности) просил взыскать деньги не с Балаура, а с других лиц (если этот факт имел место), то суд в соответствии со ст. 34 ГПК не должен был принимать такого отказа, так как этим ущемлялись законные интересы истца.

Адвокат:

(А. Л. Мове)

По этим моим жалобам дело было истребовано в Верховный суд СССР, а затем опротестовано заместителем председателя Верховного суда СССР.

Документы

ВЕРХОВНЫЙ СУД

Союза Советских
Социалистических Республик

19 февраля 1969 г.
03/4-69г.

В Верховный Суд Молдавской ССР

гор. Кишинев

Копия: Адвокату тов. МОВЕ А.Л.

гор. Москва, ул. Баррикадная, 8
Юридическая консультация

Прошу выслать в Верховный Суд СССР для проверки в порядке надзора гражданское дело по иску НИКУ Михаила Георгиевича к ГОДОНОВА Василию Ивановичу, ТРОФИМУ Николаю Андреевичу и БАЛАУТУ Терентию Ивановичу о взыскании 1322 руб. Дело рассмотрено 1 марта 1967 года. При высылке дела сослаться на номер нашего запроса.

Председатель Судебной Коллегии по
гражданским делам Верховного Суда СССР

В. ПАВЛОВИЧ

ВЕРХОВНЫЙ СУД

Союза Советских
Социалистических Республик

19 мая 1969 г.
03Д-25-69

Адвокату МОВЕ А.Л.

г. Москва, Баррикадная ул. 8
Юридическая консультация.

Сообщается, что дело по иску Нику М.Г. к Трофиму Н.А. и другим о взыскании 1322 руб. направлено в Президиум Верховного суда Молдавской ССР с протестом Заместителя Председателя Верховного Суда СССР.

Результат рассмотрения протеста Вам будет сообщен Верховным Судом Молдавской ССР.

Председатель Судебной коллегии по
гражданским делам Верховного Суда СССР

В. Павлов.

Вскоре из Верховного суда МССР поступило следующее сообщение:

Документ

РЕПУБЛИКА СОВЕТИКЭ СОЧИАЛИСТЭ
МОЛДОВЕНЯКЭ

ЖУДЕКАТОРИЯ СУПРЕМЭ

ор. Кишинэу, центр, strada Парогов №70, тел. 2-15-47

МОЛДАВСКАЯ СОВЕТСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ВЕРХОВНЫЙ СУД

гор. Кишинэу, центр, ул. Парогова №70, тел. 2-15-47

1. адвокат 1969 г.
№ 02-ПД-65

г. Москва, ул. Баррикадная, 8
Адвокату Московской областной юридической
консультации

Г. МОВЕ А.А.

Сообщаем, что постановлением пленума Верховного суда МССР от 24 июля 1969 года решение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда МССР от 1 марта 1967 года по делу по иску НИКУ М.Г. к ТРОФИМУ Н.А. о взыскании 1322 руб. отменено в части отказа в иске на сумму 370 руб. с направлением дела на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе судей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО СУДА
МОЛДАВСКОЙ С С Р -

Х.ЗИНГАН

При новом рассмотрении дела иск Нику был удовлетворен в полном объеме.

Так завершилось одно из первых дел, положивших начало моей многолетней работе в Молдавии.

Другим таким делом было дело Якова Лукича Бивола.

Дело Якова Лукича Бивола

Дело главного бухгалтера колхоза Бивола Я. Л. относилось к категории т. н. хозяйственных дел, в которых, по сложившемуся мнению, очень мало захватывающего, могущего представлять большой общественный интерес. Именно поэтому среди адвокатов подобные дела не пользовались большой популярностью, и желающих заниматься ведением таких дел в порядке судебного надзора было очень немного.

В то же время именно этими делами были буквально завалены наши суды, а число осужденных “хозяйственников” составляло значительную часть “населения” наших исправительных лагерей. Разобраться в правильности решений по этим делам, что было, сопряжено зачастую с изучением и анализом многих документов, бухгалтерских и других ревизий и экспертиз, бывало довольно сложно, а главное — очень нелегко было доказать в надзорных инстанциях необоснованность судебного приговора по такого рода делам — в особенности если дело было многоэпизодным и многотомным.

Я. Л. Бивол был осужден еще в 1962 году и к тому времени, когда мы впервые с ним познакомились он находился под стражей уже около 6-ти лет. Все это время он лично буквально “бомбил” своими жалобами надзорные инстанции, всего он подал более 300-т жалоб, но ответы были стереотипными и ничего утешительного не приносили. “Ваша жалоба рассмотрена и за отсутствием оснований для пересмотра дела в порядке надзора, оставлена без удовлетворения”, — как правило гласили поступавшие в лагерь сообщения. Это была глухая стена, пробить которую он, человек вроде бы в определенной степени грамотный, был не в состоянии. Судя по всему, его жалобы там — “наверху” попросту не читали. Было от чего прийти в отчаяние, и именно в этом состоянии, в состоянии полного отчаяния и безысходности, встретил я в лагере этого человека.

После свидания я выехал в г. Оргеев, где в течение нескольких дней в Народном суде изучал дело, а затем, уже в гостинице, составил развернутую жалобу. С ней, с этой жалобой, я и пришел на прием к Заместителю Прокурора Молдавской ССР Георгию Семеновичу Житарю. Сравнительно молодой, поджарый, с острым умным взглядом, Георгий Семенович (а с ним после этого дела мне приходилось довольно часто по делам службы общаться), как-то сразу понял ту очевидную несправедливость, которая было проявлена по отношению к Биволу.

Здесь же было принято решение об истребовании дела, здесь же мне было обещано, что если все обстоит так, как описано в жалобе, приговор будет опротестован.

Так оно и случилось, как говорится, с первого захода. Хотя и крайне редко, но, как видите, случается и такое.

Из досье адвоката

Прокурору Молдавской ССР

Адвоката Московской областной
Коллегии адвокатов (Москва, ул.
Садово-Триумфальная , 2
Юрконсультация)

По делу

Бивола Якова Лукича, осужд.
приговором Народного суда Ор-
геевского р-на МССР от 18-
31/X— 1962 г. по ст. 123 ч. III, 149
ч. II и 184 ч. I УК МССР к 12 годам
лишения свободы с отбыванием
первых 2-х лет в тюрьме, с кон-
фискацией имущества. Опреде-
лением Коллегии Верховсуда
МССР приговор оставлен без из-
менения.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Анализ материалов дела дает защите основание с *полной ответственностью* говорить о том, что по данному делу допущена *серьезная судебная ошибка*, в результате которой инвалид Отечественной войны, человек, лишившийся на фронте ноги, не могущий ни шагу ступить без помощи костылей, осужден к самым строгим наказаниям: здесь и 12 лет лишения свободы в условиях колонии усиленного режима, и 2 года содержания в условиях тюрьмы, и конфискация имущества, и, наконец, лишение права занимать материально-ответственные должности сроком на 3 года.

Естественно, встает вопрос: кто же такой Бивол Я. Л., и настолько ли тяжки его преступления, что с ним следовало так сурово поступить?

Бивол родился в 1923 г. в Бессарабии, в семье крестьянина-бедняка. С 9-ти летнего возраста батрачил у хозяина.

С приходом советской власти сразу же включился в активную трудовую жизнь. В тяжелый 1941 год, в возрасте 17-ти лет, добровольно ушел на фронт. За боевые заслуги имеет правительственные награды, инвалид Отечественной войны. Родители Бивола, оставшиеся на оккупированной территории, были замучены фашистскими захватчиками. С 1944 г. Бивол работал инструктором Котовского Райисполкома, затем учился в Республиканской партийной школе при ЦК МССР, которую окончил в 1946 г. Последние годы работал в колхозах на бухгалтерских должностях. К работе относился добросовестно, пользовался большим авторитетом среди крестьян (см. документы — т. 5 л. д. 411, 572 и др.) В прошлом Бивол Я. Л. не судим.

Вот, собственно, все, что можно сказать об этом человеке.

А теперь о преступлениях Бивола. Следует сразу же оговориться: защита не собирается никого убеждать в том, что Бивол совершенно невиновен. В определенной части он виноват и за это должен нести наказание, в другой части — сейчас, спустя многие годы после случившегося, при условии крайне тенденциозно проведенного предварительного следствия защита просто лишена практически возможности отстаивать невиновность Бивола.

Но вместе с тем абсолютно очевидно главное: к Биволу неосновательно применена ч. III ст. 123 УК, по этой статье закона он осужден неправильно, а следовательно неправильно и несправедливо и то безмерно тяжелое наказание, к которому его приговорил суд.

Конкретно:

По приговору суда Бивол признан виновным в том, что он, в бытность работы гл. бухгалтером колхоза “Вяца Ноуэ”, лично и по сговору с другими осужденными принял участие в хищении гос. имущества на сумму 5.016 руб. (см. приговор, стр. 5).

К этому обвинению отнесены следующие эпизоды:

1) Бивол лично присвоил излишне выплаченную ему пенсию в сумме 790 руб. 87 коп.

2) Бивол лично присвоил 1.300 руб., полученных им у отдельных колхозников.

3) Бивол принял участие в хищении 2.408 кг подсолнуха на сумму 918 руб.

4) Бивол присвоил совместно с Вырлан и Чебаном 500 руб.

5) Бивол присвоил совместно с Капша 1.101 руб.

6) Бивол принял участие в хищении по расходным кассовым ордерам, выписанным на Мацарели — 300 руб., на Вырлан — 207 руб. 60 коп.

Как было сказано выше, защита не будет касаться *всех эпизодов*, связанных с хищением, а остановится лишь на некоторых, на тех, которые подлежат *бесспорному* исключению из приговора, что даст возможность сразу же понять, что по ч. III ст. 123 УК Бивол осужден неправильно.

I. О присвоении Биволом гос. пенсии
в сумме 790 руб. 87 коп.

В этой части Бивол вину свою, по сути, не отрицает и объясняет, что он действительно представил в Райсобес справки, в которых его зарплата была исчислена с учетом продуктов, получаемых им на трудодни (это выразилось в сумме до 200 руб. в месяц). Бивол пояснил, что так сделать ему рекомендовал инструктор Райсобеса — см. показания Бивола.

Хотя в настоящее время пенсии специалистам и механизаторам колхоза исчисляются с учетом не только зарплаты в денежном выражении, но и стоимости получаемых по трудодням продуктов, и Бивол, таким образом, вправе сейчас получать пенсию в том размере, в каком он ее и получал (его средняя зарплата, в частности, за период работы в колхозе им. С. Лазо составляла 25.940 руб. в год, т. е. свыше 2.000 руб. в месяц — в старом исчислении — см. сообщение в Прокуратуру из колхоза — т. 5 л. д. 101), однако, основное не в этом.

Указанные действия Бивола не были связаны с растратой, присвоением вверенных гос. средств, не были они связаны и с хищением путем злоупотребления служебным положением. Следовательно, присвоение излишне полученной пенсии в сумме 790 руб. судом неверно квалифицировано ст. 123 УК.

По этому поводу имеется Руководящее Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 5 от 31/III-

62 г. "О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества", где прямо сказано: "п. 10. Умышленное незаконное получение частным лицом государственных или общественных средств в качестве пенсий, пособий или других выплат в результате обмана или злоупотребления доверием, подлежит квалификации, как хищение гос. или общественного имущества путем мошенничества". (Бюллетень Верховного суда СССР, 1962 г., № 3).

С учетом того, что Биволом представлялись в Райсобес справки неоднократно, его действия надлежит квалифицировать не ст. 123 УК, как это сделал суд, а ст. 122 ч. II УК МССР.

Таким образом, присвоение 790 руб. 89 коп. подлежит безусловному исключению из обвинения Бивола по ст. 123 ч. III УК.

II. О присвоении Биволом 1.300 руб., полученных у отдельных колхозников

Прежде чем перейти к непосредственному изложению позиции защиты по данному пункту обвинения, необходимо обратить внимание на одно весьма важное обстоятельство.

Из материалов дела усматривается, что в финансовой деятельности бухгалтерии колхоза "Вяца Ноуз" допускалось много упрощенчества, нарушения элементарных положений учета, отчетности, ведения кассовых операций и пр. К сожалению, подобные нарушения встречаются во многих колхозах и объясняются отсутствием квалифицированных кадров бухгалтеров-счетоводов.

Одним из подобных нарушений, на которое обращено внимание и в имеющемся в деле акте ревизии, являлось получение денег в кассе колхоза по расходным кассовым ордерам, подписанным лишь одним лицом — главным бухгалтером колхоза, а также несвоевременное отнесение полученных денег на лицевые счета колхозников (этой разницей занимался бухгалтер Спинеи) — см. акт ревизии — т. 4 л. д. 140-141.

Но было бы неверным, исходя только из указанных нарушений выписки и выдачи денег, делать вывод о присвоении полученных денег тем или иным лицом. Такой вывод попытались сделать в своем акте члены рев. комис-

сии (т. 4 л. д. 118-156), однако последующая проверка показала, что в подавляющем большинстве случаев деньги, полученные по расходному ордеру, имеющему одну подпись гл. бухгалтера, хищены не были, и эти обвинения, фигурирующие в акте ревизии (присвоение 540 руб., 425 руб. и т. д.) в настоящем деле уже не фигурируют.

В материалах настоящего уголовного дела также имеются многочисленные расходные кассовые ордера, за одной подписью гл. бухгалтера Бивола, по которым не установлено никакого хищения.

Таковы, например, расходные кассовые ордера выписанные на Мацарели — № 42 от 16/VIII-61 г. на сумму 50 руб., № 108 от 28/XII-61 г. на 50 руб., № 80 от 28/XII-61 г. на 100 руб. (т. 1 л. д. 88, 91, 97), расходный кассовый ордер, выписанный на Михалаш — № 145 от 31/VIII- 61 г. на 1.050 руб. (т. 4, л. д. 208) и многие другие.

Из всего изложенного ясно, что в данном деле строить обвинение в хищении или присвоении государственных средств, основываясь лишь на одном доказательстве — выписке кассового ордера за одной подписью главного бухгалтера, нельзя. Здесь можно вести речь о нарушении финансовой дисциплины, о предании забвению основных законоположений и пр. и пр. — но делать отсюда вывод о хищении этих денежных средств, повторяем, ни в коем случае нельзя.

Между тем, именно так поступил Народный суд: все обвинение Бивола в хищении 1.300 руб., полученных в долг у отдельных колхозников, основано на единственном доказательстве — выписке им расходного кассового ордера за одной своей подписью.

Убедиться в этом нетрудно.

Как видно из приговора суда, в свое время для покупки автомашины, для ее ремонта и других личных нужд Бивол одолжил у отдельных колхозников (иногда из подотчетных сумм) деньги.

При этом никакого намерения и цели присвоить эти деньги Бивол не имел.

Так:

а) у бухгалтера Спинеи одолжил 250 руб.

В связи с тем, что у Спинеи денег не было, на него была оформлена выписка денег в подотчет, и эти 250 руб. были занесены в его лицевой счет.

Впоследствии, в январе м-це 1962 года, когда Спинея попросил возвратить свой долг, Бивол, испытывая материальные затруднения, попросил экспедитора Головку одолжить ему деньги для отдачи Спинею. По расходному кассовому ордеру Головка получил 250 руб. и возвратил их Спинею, а последний внес их в кассу колхоза (см. ордер т. 4 л. д. 193).

Что же касается денег, полученных Головкой, то они были отнесены на его лицевой счет и числились у него в подотчете.

Допрошенный по этому поводу Головка на следствии и в суде показал:

“Бивол меня уверял, что возвратит мне эту сумму... Деньги числились у меня в подотчете (т. 1 л. д. 146)

И далее:

“Мне Бивол не говорил, что представит на эти деньги бестоварный счет (т. 5, л. д. 467).

И далее:

“Бивол мне обещал возвратить 250 руб., а я бы их внес в кассу” (т. 1 л. д. 146).

И вот эти-то действия Бивола, только на том основании, что кассовый ордер был выписан за одной его подписью, суд расценил, как хищение гос. имущества.

Между тем, очевидно, что здесь отсутствует главный признак всякого хищения — цель, намерение присвоить указанные деньги. И то, что это так, подтверждается не только показаниями свид. Спинеи и Головки (т. 1 л. д. 144, 146), но и тем фактом, что полученные Головкой 250 руб. были отнесены ему в подотчет, что Бивол не предпринимал никаких попыток к тому, чтобы списать эту задолженность Головку путем представления подложных документов.

Здесь можно, повторяю, говорить о чем угодно — о нарушении финансовой дисциплины, о неправильной выписке аванса, о должностном проступке, но здесь нет ничего общего с хищением гос. имущества.

б) Точно таким же путем Бивол при покупке автомашины одолжил 500 руб. у бригадира строительной бригады Карнован.

“Как-то в сентябре м-це 1961 г., — показал на следствии Карнован, — Бивол попросил одолжить ему 500 руб. на покупку автомашины, сказав, что вернет через месяц. Так как денег у меня не было, Бивол сказал, что выпишет мне подотчет 500 руб., а когда вернет я внесу их в кассу”. (т. 4 л. д. 51)

Аналогичные показания дал Карнован и в суде. (т. 5, л. д. 474-оборот)

И опять-таки, невзирая ни на что, суд расценил эти действия как хищение гос. имущества и при этом сослался на два обстоятельства:

во-первых — Бивол заставил Карнован расписаться в расходном ордере.

во-вторых — Бивол указанные 500 руб. перенес со счета подотчетных сумм на счет “расчетов по трудодням” (см. приговор, стр. 3).

Материалы дела свидетельствуют о том, что оба этих утверждения суда являются безосновательными.

Во-первых — Карнован взрослый человек, бригадир, и заставить его расписаться в кассовом документе о получении 500 руб. Бивол никак не мог. Кстати, этого не говорит нигде и сам Карнован — он лишь показывает, что первоначально не хотел этого делать и Бивол его долго уговаривал. (см. любое показание Карнован).

Во-вторых — ссылка суда на то, что Бивол пытался как-то завуалировать полученные Карнован 500 руб. и для этого перенес их на счет “расчетов по трудодням” на материалах дела не основана.

В материалах дела имеются бесспорные данные, свидетельствующие о том, что Бивол, не только не пытался вуалировать полученные Карнован деньги, а наоборот, принял все меры к тому, чтобы они были зачислены на его лицевой счет.

Учет по лицевым счетам, как это видно из акта ревизии, вел бухгалтер Спинеи (т. 4 л. д. 141), который на следствии дал следующие показания:

"В ноябре месяце 1961 г. я отнес дебитовый остаток по подотчету у Карнован на его лицевой счет, где расчеты с колхозниками натурой и деньгами в сумме 529 руб. 94 коп., и остаток подотчета у Карнован закрылся.

В ноябре месяце 1961 г. Бивол, сказал мне, что те деньги, которые были отнесены на лицевой счет Карнована надо сторнировать и оставить их в подотчете. Я так и сделал и оставил их в подотчете у Карнован — 528 руб., и вывел ему остаток по подотчету, где он должен колхозу вышеуказанную сумму на 1-1-62 г., т. е. 528 руб." (т. 4 л. д. 194).

Эти показания Спиная подтверждаются не только объяснениями Карнован, которому при ревизии предложили погасить свой долг колхозу, вследствие чего он и внес в кассу колхоза 500 руб., но и документом — лицевым счетом Карнован, из которого видно, что на 1-1-62 г. за ним числится 528 руб. (т. 4 л. д. 54).

Кстати, в судебном заседании Бивол неоднократно хатайствовал о вызове и допросе Спиная, о проведении бухгалтерской экспертизы с целью установления действительного положения вещей, но в этом ему безмотивно суд отказал.

Из сказанного ясно, что никаких попыток к сокрытию полученных Карнован денег Бивол не предпринимал и, следовательно, здесь не было цели присвоить, похитить 500 руб.

в) В декабре месяце 1961 г. Бивол одолжил 300 руб. у зав. фермой Бею.

В данном случае вообще никакого кассового ордера не выписывалось, и ордера на выдачу Бею 300 руб. в деле не имеется. По этому поводу свид. Бею показал:

"В ноябре 1961 г. я получил в подотчет 3000 руб. (три тысячи) руб. Примерно в декабре 1961 г. Бивол, зная, что у меня имеются подотчетные деньги попросил одолжить ему 300 руб., так как он разбил "Волгу" и должен уплатить за ремонт. Доверившись, я дал ему 300 руб. и просил возвратить их побыстрее..." (т. 4 л. д. 19-20).

Аналогичные показания дал Бею и в суде:

"Когда Бивол совершил аварию, просил у меня 300 руб. *взаимы...*" (т. 5 л. д. 466).

Эти объяснения Бею подтверждаются и документом — его лицевым счетом, из которого видно, что в ноябре м-це 1961 г. он действительно получил в подотчет 3.000 руб. и на 1-1-1962 г. за ним числится задолженность в сумме 1.233 руб. 81 коп. (т. 4 л. д. 21).

Естественно, встает вопрос: при чем же здесь Бивол? Почему тот факт, что он *одолжил* у Бею 300 руб., суд расценил, как присвоение государственных средств?

На все эти вопросы нет ответа в приговоре суда, да и ответить на это трудно, ибо здесь имеют место обычные гражданско-правовые отношения, и нет ничего общего с уголовным преступлением.

г) 7-го апреля 1962 г. Бивол взял у завхоза Молошник 250 руб.

Суд расценил эти действия, как хищение, и в приговоре записал:

"7-IV-62 г. Бивол направил завхоза Молошник в колхозный ларек, выписал расходный ордер на 500 руб., из которых взял себе 250 руб., поехал с сожительницей Седько в Кишинев, где купил себе костюм, который был обнаружен и изъят." (см. приговор, стр. 3)

Итак, опять хищение! Создается впечатление, что как только Бивол прикасается к колхозным деньгам — здесь уже не может быть ничего иного кроме хищения!

Между тем, здесь все неправильно.

Допрошенный по этому вопросу Молошник показал на следствии:

"Как-то 6 или 7 апреля 1962 г. *председатель колхоза Блинков* (а не Бивол) дал мне указание купить гвозди и стекло для парниковых рам. Так как в кассе колхоза денег не было, Бивол сказал, чтоб я деньги получил в колхозном ларьке в г. Оргееве, а он поедет вслед и выпишет ордер... После получения денег Бивол сказал дать ему 250 руб., так как якобы он должен купить канцелярские принадлежности для колхоза и *представит мне счета...*" (т. 4 л. д. 16).

Показания Молошника подтверждаются имеющимся в деле расходным кассовым ордером от 7-IV-62 г. (т. 4 л. д. 18)

Подтвердил эти показания и Бивол, который, в частности, пояснил:

"Мне сообщили, что в Кишиневе есть пишущая машинка, а в кассе денег не было, но машинку надо было купить. Я взял у Молошника 250 руб., на не нашел машинки, купил себе костюм и канцтовары на 35 руб." (т. 5 л. д. 455)

И далее:

"35 руб. я потратил на канц. товары, а на остальные купил себе костюм, думал рассчитаться по приезду" (т. 5 л. д. 457).

Однако рассчитаться Бивол не успел, так как *на следующий день* по приезду из Кишенева он был *арестован*.

При личном обыске у него было обнаружено 50 руб. (см. протокол обыска от 8-IV-62 г., т. 1 л. д. 17).

Из сказанного ясно, что:

1) 500 руб. были выданы Молошнику не по инициативе Бивола. Это было сделано по указанию председателя колхоза.

2) Бивол взял у Молошника 250 руб. не с целью их присвоения (для такого вывода нет абсолютно никаких данных), а для расходов на производственные нужды.

3) Бивол намерен был деньги возвратить гр. Молошнику, и нет никаких доказательств тому, что он бы этого не сделал, если бы не был арестован.

4) Никаких разговоров о присвоении 250 руб. Бивол с Молошником не вел, наоборот, он его заверил, что на покупки *представит ему счета*.

Очевидно, что все это не имеет ничего общего с хищением, что в этом факте вообще нет состава преступления.

Общий вывод:

Народный суд безосновательно признал Бивола виновным в присвоении 1.300 руб. В указанных действиях Бивола нет состава преступления.

III. О хищении Биволом совместно с Чебаном и Вырланом 500 руб.

Из материалов дела усматривается, что в 1961-1962 гг. колхоз "Вяца Ноуз" испытывал острую нужду в запчастях для автомашин и, в частности, в автопокрышках.

В связи с невозможностью приобретения указанных товаров в магазине, шофера вынуждены были приобретать их на стороне и представлять в бухгалтерию весьма сомнительные документы о их закупке. Никто иной, как главный бухгалтер Бивол, категорически отказался принимать к отчету подобные документы, в силу чего по инициативе правления колхоза общее собрание колхозников приняло следующее решение:

"В связи с тем, что машины и трактора простаивают из-за отсутствия резины и др. запасных частей, торгующие организации не обеспечивают колхоз, то правление колхоза вынуждено покупать за наличный расчет и *поручить гл. бухгалтеру колхоза принимать акты на покупку запасных частей*". (т. 5 л. д. 419)

Как видно из приговора суда, создавшимся в колхозе положением воспользовался зав. гаража Чебан, который путем представления фиктивных актов на закупку автопокрышек *лично присвоил 1.601 руб.* (см. приговор, стр. 3)

Защита вынуждена с самого начала обратить внимание на указанное обстоятельство потому, что операция, связанная с хищением Чебаном 500 руб. посредством составления фиктивного акта на покупку 5-ти автопокрышек, абсолютно тождественна со всеми другими операциями, фигурирующими в приговоре суда, по которым Чебаном было присвоено 1.601 руб. без всякой помощи Бивола.

Естественно встает вопрос: если Чебан мог присвоить путем составления десятка фиктивных актов 1.601 руб. без всякого участия Бивола, то зачем вдруг ему понадобилась помощь Бивола в присвоении по одному фиктивному акту 500 руб.?

Этот вопрос далеко не праздный, ибо все обвинение Бивола в соучастии в хищении 500 руб. основано на *единственном* доказательстве — голословном заявлении Чебана о том, что он якобы из этих денег дал Биволу 250 руб.

Как видим, это заявление Чебана не только голословно, но и противоречит элементарной логике — не ясно и не понятно, за что именно Биволу причиталась доля похищенного.

Анализ материалов дела свидетельствует о том, что здесь мы имеем дело с самым типичным *оговором*, что Чебан сказал шоферу Вырлану, которому он дал из полученных денег 150 руб., о том, что ему надо еще кое с кем поделиться, с единственной целью — чтобы положить побольше денег себе в карман (способ, кстати, не новый — весьма часто встречающийся в делах судебных).

Убедиться во всем этом нетрудно.

Подс. Чебан в этой части дал следующие показания:

"Перед покупкой "Волги" Бивол, когда никого не было, попросил у меня взаймы 500 руб. Я ответил, что денег нет, он сказал, что надо взять и сказать, что на приобретение скатов для Вырлана..." (т. 1 л. д. 148)

И далее:

"Вырлан взял со склада фиктивную накладную, что он сдал и получил 5 скатов. Эту накладную я отдал Биволу и *он составил акт* о том, что скаты были куплены и сданы на склад. Этот акт подписал я и Вырлан..." (т. 5 л. д. 450 — оборот)

Нетрудно убедиться, что в этих объяснениях все не соответствует действительности.

а) Чебан ссылается на то, что Бивол просил у него деньги взаймы на покупку автомашины. Между тем, все это не могло иметь никакого отношения к покупке автомашины, так как 500 руб. были получены 20 июля 1961 г. (см. ордер — т. 2 л. д. 48), а автомашину Бивол покупал в сентябре месяце 1961 г. и уплатил за нее деньги 29-IX-61 г. (см. справку — т. 5 л. д. 2).

б) Чебан утверждает, что Бивол просил взаймы 500 руб., однако по неизвестной причине он дал ему всего лишь 250 руб.

в) Чебан утверждает, что фиктивный акт на покупку 5 автопокрышек был составлен после получения денег и даже после того, как Вырлан выписал накладные о сдаче и получении этих покрышек со склада.

Эти объяснения Чебана не соответствуют документам, из которых видно, что деньги были получены 20-VII-61 г. (т. 2 л. д. 48), накладные выписаны 20 и 21/VII-61 г. (т. 2 л. д. 52, 53), а акт был составлен еще до получения денег и выписки накладных, т. е. 19-VII-61 г. (т. 2 л. д. 51).

г) Чебан утверждает, что фиктивный акт был составлен Биволом, а он и Вырлан в нем лишь расписались. Однако не требуется никакой графической экспертизы (хотя Бивол и ходатайствовал о ее проведении), чтобы понять, что указанный акт составлен не Биволом.

При этом следует иметь в виду и то, что эти объяснения Чебана противоречат показаниям Вырлана, который пояснил:

"Чебан дал мне 150 руб., взял себе 150 руб., а остальные сказал, что отдаст Биволу. Но дал ли он Биволу я не видел, не знаю.

Одновременно Чебан сказал, что оформил документ о покупке 5 скатов..." (т. 2 л. д. 45 — оборот)

И далее:

"Чебан сказал, чтобы я составил фиктивный акт. Через 1-2 дня Чебан мне дал подписать этот акт" (т. 5 л. д. 68).

Комментарии, думается, излишни!

В заключение следует отметить:

Бивол не имел никакого отношения к составлению фиктивных документов, по которым отчитался Вырлан — все они составлены с помощью Чебана. Бивол не мог не принять к отчету этих документов, поскольку Вырлан представил не только акт о покупке 5 автопокрышек, но и накладную № 204 от 20-VII-61 г. за подписью зав. складом Михалаш о сдаче этих покрышек на склад (т. 2 л. д. 52).

Вопрос о том, почему зав. складом Михалаш расписался в получении этих покрышек остался невыясненным, так как суд отклонил ходатайство Бивола о вызове и допросе этого свидетеля.

Очевидно, что строить обвинение Бивола на голословных, противоречивых показаниях Чебана, показаниях, которые не только не подтверждаются материалами дела, а им противоречат, ни в коем случае нельзя. Обвинение в хище-

нии Биволом 500 руб. подлежит безусловному исключению из приговора.

Защита представила свои соображения только по 3 эпизодам обвинения Бивола, из которых видно, что Бивол осужден неосновательно по ст. 123 ч. III УК за хищение — 790 руб. 87 коп. + 1.300 руб. + 500 руб. = 2.590 руб. 87 коп.

Этим можно было бы и ограничиться, так как даже если и не касаться всех других эпизодов, ясно, что действия Бивола неверно квалифицированы ч. III ст. 123 УК, ибо сумма похищенного составляет менее 2.500 руб. (5.016 руб. — 2.590 руб. 87 коп. = 2.425 руб. 13 коп.)

Считаю, однако, необходимым остановиться еще на двух эпизодах обвинения Бивола, поскольку они носят существенно принципиальный характер.

IV. Об участии Бивола в хищении 2.408 кг подсолнуха на сумму 918 руб.

22 марта 1962 г. грузчик-экспедитор Мацарели совместно с шофером Вырланом совершили хищение 1.208 кг подсолнуха. Подсолнух этот на складе колхоза, где заведующим был подс. Капша, Мацарели не получал, получили его шофер Вырлан и грузчик Александров, и именно им были вручены заведующим складом Капша накладные.

Повторяю, к этому подсолнуху Мацарели никакого отношения не имел, его получили Вырлан и Александров, которые должны были отвезти подсолнух на маслозавод.

Совершенно случайно, в пути следования, в нескольких километрах от г. Резина, Александрова и Вырлана встретил Мацарели, который сел в их машину, приехал с ними к маслозаводу и там организовал хищение этого подсолнуха — он был сдан на маслобойку, а масло было продано заготовителю Гонтарь Ивану.

После реализации масла Мацарели и Вырлан приехали на склад к подс. Капша, которому рассказали, что они продали машину подсолнуха, и уговорили его уничтожить накладные на отпуск этого подсолнуха.

Капша дал согласие, уничтожил все три экземпляра накладных (один экземпляр оставался у него, а два были на руках у Вырлана), за что ему была вручена доля похищенного — 110 руб.

Точно таким же образом, 24-III-62 г., по инициативе Мацарели было похищено еще 1.200 кг подсолнуха. И опять — к получению его Мацарели не имел никакого отношения, получен он был шофером Вырланом. И опять — Мацарели *случайно*, в пути следования, встретил Вырлана и организовал продажу подсолнуха. И опять — уже после реализации подсолнуха Мацарели и Вырлан поехали к зав. складом Капша, который уничтожил накладные и получил свою долю — 110 руб.

Казалось бы, какое отношение ко всей этой операции мог иметь главный бухгалтер колхоза Бивол, за что он мог получить львиную долю похищенного, если никакого непосредственного участия в этом хищении он не принимал, если не причастен он был и к сокрытию этого хищения по бухгалтерскому учету?

Однако, вопреки все и вся, вопреки здравому смыслу и логике, Бивол был привлечен к уголовной ответственности за хищение подсолнуха. И случилось это вот почему.

О хищении подсолнуха Мацарели стало известно органам милиции, Мацарели был задержан и это послужило сигналом к возбуждению всего настоящего дела.

Для того чтобы понять дальнейшее, следует сказать несколько слов о личности Мацарели.

В прошлом он был *дважды* судим по Указу 4-VI-47 г. за хищение гос. имущества, первый раз — к 7 годам лишения свободы, второй раз — к 6 годам лишения свободы (см. приговор). По освобождении из мест лишения свободы Мацарели никаких выводов для себя не сделал, продолжал пьянствовать, заниматься жульничеством. Достаточно сказать, что за систематическую пьянку и разбазаривание стройматериалов летом 1960 г. Мацарели был освобожден от обязанностей бригадира, а в 1961 г. его судил товарищеский суд (см. документы — т. 5 л. д. 40 и 189).

Сейчас трудно сказать, почему-то ли по собственному разумению, то ли по чьей-нибудь подсказке, но Мацарели, уличенный в организации хищения подсолнуха, стремясь избавиться от роли организатора этого преступления, дал в органах милиции показания о том, что организатором этого хищения был гл. бухгалтер колхоза Бивол (см. показания Мацарели от 7-IV-62 г. т. 1 л. д. 263).

И хотя во всех своих показаниях на следствии Мацарели постоянно путался, хотя его объяснения в этой части категорически отрицали и зав. складом Капша, и шофер Вырлан (см. любое их показание на следствии), хотя объяснения Мацарели противоречили здравому смыслу — не взирая ни на что, Бивол был привлечен к уголовной ответственности.

Ошибку следственных органов не исправил и народный суд, который без надлежащей критики отнесся к путанным, разноречивым показаниям *вора-рецидивиста* Мацарели.

Между тем, при оценке показаний Мацарели суду надлежало учесть не только его личность, но и следующее:

1. На первой же очной ставке с Мацарели, 9-IV-62 г., подс. Бивол показал, что отношения у него с ним ненормальные, что в первых числах апреля 1962 г., т. е. за несколько дней до задержания Мацарели, у него с ним произошел серьезный скандал.

“Я ему говорил, — показал Бивол, — что председатель колхоза недоволен его работой, хочет его освободить. Мацарели ответил, что с работой он справляется и он знает, кто на него “капает”. Я его предупредил, что если будет плохо работать, мы поставим вопрос о его освобождении. Мацарели уходя сказал: “Мы вас тоже снимем с работы” (т. 1, л. д. 33).

Из этих объяснений Бивола видно, что Мацарели не только был зол на него, но и незадолго до задержания прямо угрожал ему. Не исключено, что показания Мацарели против Бивола явились реализацией этой угрозы.

2. Понимая, что просто так привязать главного бухгалтера колхоза к хищению подсолнуха, в котором он непосредственного участия не принимал, нельзя, Мацарели в своих первых показаниях сослался на то, что Бивол имел договоренность с зав. складом Капша об отпуске подсолнуха, что Бивол обещал впоследствии документально скрыть это хищение.

Показания Мацарели здесь выглядели так:

“Мне Бивол велел подыскать покупателя и велел в любое время взять у Капша подсолнух и продать. Я сказал, как это сделать? Бивол сказал, что взять по накладным, а накладные попадут к нему. Я так и сделал”. (т. 1 л. д. 263).

Следует отметить, что в этих объяснениях есть своя логика, и если бы Бивол принял подобное участие в этой операции, можно было бы понять выделение ему доли похищенного — 380 руб., можно было бы согласиться с тем, что он виноват.

Однако выяснилось еще на следствии:

а) Никакой договоренности с Капша у Бивола не было (см. любое показание Капша — т. 1 л. д. 66, т. 2 л. д. 4, т. 4 л. д. 220, т. 5 л. д. 444-445 и Бивола).

б) Не было никакой предварительной договоренности о хищении с Капша и у Мацарели. Мало того, *Мацарели вообще 22 и 24 марта 1961 г. не получал подсолнух на складе Капша.* Подсолнух получали Вырлан и Александров. Это обстоятельство вынужден был в дальнейшем признать и Мацарели. В частности, 8/IV-61 г. он уже показал:

“22-III-61 г. я ездил на машине с шофером Попа Александром. Попа уехал домой, а я остался у маслозавода ожидать другие машины, чтобы получить жмых. Последним к маслозаводу подъехал Вырлан. Я его познакомил с покупателем и т. д. (т. 1 л. д. 9)

И далее:

“24-III-61 г. я также возил подсолнечник на маслозавод, а оттуда жмых. В пути следования из Резин в Киперчены меня встретил Вырлан, он вез подсолнух. В связи с этим я вернулся, т. е. пересел с автомашины Попы на его автомашину, поехали в Чинешеуцы, где продали подсолнух...” (т. 1 л. д. 10).

И далее:

“Оба раза подсолнечник со склада Капша получал Вырлан, ему же выписывались накладные” (т. 1 л. д. 11).

Данное обстоятельство подтвердил и Вырлан:

“22-го марта я подъехал на склад Капша, погрузил 1.200 кг подсолнуха. Капша выписал накладные на имя грузчика Александрова и отдал их ему. Когда приехали на маслозавод, встретили там Мацарели и т. (т. 2 л. д. 17).

И далее:

"24 марта я погрузил у Капша подсолнух. По пути встретил Мацарели и т. д." (т. 2 л. д. 18-19).

Подтвердил данный факт и грузчик Александров (т. 1 л. д. 139).

Естественно, встает вопрос: *кто же договаривался с Капша об отпуске подсолнуха?* Ведь если поверить Мацарели, что взять подсолнух у Капша ему велел Бивол, а сам Мацарели подсолнуха у Капша не получал, а получали его Вырлан и Александров, то следует одно из двух:

либо — Мацарели лично договорился с Капша и Вырланом об отпуске "левого" подсолнуха (а это отрицают все: Капша, Вырлан и Мацарели — см. их показания).

либо — лично Бивол договорился об этом с Вырланом и Капша (это тоже отрицают все: Вырлан, Капша, Бивол).

Но если не было ни того, ни другого — следовательно, Мацарели оговаривает Бивола.

Никакой предварительной договоренности с Капша об этом хищении вообще не было, а все произошло безо всякого участия Бивола, произошло так, как показывали на протяжении всего следствия Капша и Вырлан.

Вот их показания:

Подс. Капша показал:

"22 марта 1961 г. я отпустил подсолнух. Выписал накладную в 3-х экземплярах. Один остался у меня, а два — у грузчика. Утром 23 марта на склад, где я находился пришли Мацарели и Вырлан. Оба стали говорить, что одну из машин с подсолнухом, которую отправили в Резину 22 марта, они продали... Я возмущился, но они заверили, что сделали это так, что никто не будет знать и попросили копию накладной порвать. Мацарели дал мне два экземпляра накладных, и я все порвал. После этого Мацарели или Вырлан вручили мне 110 руб." (т. 1 л. д. 67).

И далее:

"24 марта я так же отправил подсолнух в Резину. Спустя 2-3 дня пришел на склад Вырлан и сказал, что они опять одну машину продали. Мы

порвали накладные, и Вырлан передал мне 110 руб. При этом заверил, что об этом никто не узнает". (т. 1 л. д. 67).

Аналогичные показания дал Капша и при других допросах. (т. 2 л. д. 4, т. 4 л. д. 220).

А в суде он, в частности, показал:

"В один из дней мне Мацарели в шутку сказал, что сделаем хищение. Я думал, что он шутит".

И далее:

"Мацарели и Вырлан зашли в склад, закрыли дверь и начали говорить, что сделали то, о чем шутили и т. д.". (т. 5 л. д. 444).

И далее:

"Мацарели со мной не советовался и не договаривался, а распоряжался сам, как своим собственным подсолнухом".

И далее:

"Может быть они с бухгалтером и говорили, но бухгалтер мне о продаже подсолнуха ничего не говорил". (т. 5 л. д. 445).

И далее:

"Мацарели мне не говорил, что об этом знает бухгалтер" (т. 5, л. д. 447).

Подс. Вырлан показал:

"Из вырученных денег мне Мацарели дал 55 руб. Сколько он взял себе я не знаю. Он мне дал так же 110 руб., которые я должен был отдать Капша. На следующий день 23 марта 1962 г., в дневное время я встретил Мацарели и мы вместе пошли на склад Капша. Там было несколько колхозников. Мы дождались пока они вышли и тогда Мацарели подошел к Капша и что-то ему сказал...

И далее:

"Через некоторое время мне Мацарели сказал, чтобы я отдал Капша 110 руб., что я и сделал. Вместе с деньгами я отдал и накладные.

И далее:

"Капша взял накладные и не знал, что с ними делать. Мы его уговорили порвать их. Он так и сделал". (т. 1 л. д. 53-54)

Подтвердил Вырлан показания Капша и по факту продажи подсолнуха 24 марта 1962 г. (т. 1 л. д. 53-54).

Аналогичные показания давал Вырлан на протяжении всего следствия (см. т. 1 л. д. 237, т. 1 л. д. 258, т. 1 л. д. 48-50, т. 2 л. д. 17, т. 5 л. д. 69-70).

Но если это так, если об отпуске подсолнуха Бивол не давал Капша никаких указаний, если и накладные в бухгалтерию не поступали, а были уничтожены, то за что Биволу могла причитаться доля похищенного, почему с ним делились деньгами? На этот вопрос нет ответа в приговоре суда, и это не случайно, так в показаниях Мацарели по этому вопросу, в показаниях, на которые опирался суд, отсутствует всякая логика.

3. При оценке показаний Мацарели нельзя было не учитывать тех серьезных противоречий, которые в них имеются, их несоответствие другим материалам дела.

В частности:

а) Мацарели первоначально говорил, что о хищении подсолнуха Бивол договаривался с ним, что в соответствии с этой договоренностью он заранее подыскал покупателя, а затем, встретив 22 марта 1961 г. Вырлана, сообщил ему об этом покупателе, которому они продали подсолнух (см. показание Мацарели — т. 1 л. д. 7)

В дальнейшем однако, на очной ставке с Биволом, Мацарели изменил эти свои показания и стал утверждать:

"22 марта 1961 г. в 7 км от Резины я встретил Вырлана... Я пересел к нему в машину. По дороге Вырлан сказал, что надо эту машину продать, так как Вырлан пояснил, что гл. бухгалтеру Биволу нужны деньги, и его надо выручить". (т. 1 л. д. 35 — оборот)

Эти объяснения Мацарели не только противоречат его собственным, ранее данным показаниям, но и объяснениям подс. Вырлана, который всегда отрицал и этот разговор, и сговор на хищение с Биволом. Вырлан везде утверждал,

что подсолнух ему предложил продать Мацарели (см. любые показания Вырлана).

Не получив поддержки со стороны Вырлана, Мацарели в судебном заседании *вновь* изменил свои показания:

“О хищении подсолнуха Вырлан узнал уже на обменном пункте, а до этого он не знал. Он вез подсолнух по накладной, а уже в пути я ему сказал, что это везем подсолнух бухгалтера”. (т. 5 л. д. 437 — оборот).

б) Первоначально Мацарели говорил о том, что он передал Биволу в *первый раз* — 280 руб. и во *второй раз* — 300 руб., а всего 580 руб. (т. 1 л. д. 7, т. 1 л. д. 35 — оборот, т. 1 л. д. 263).

Впоследствии Мацарели изменил эти показания и стал говорить, что передал Биволу в *первый раз* — 190 руб. и во *второй раз* — 170 руб., а всего 360 руб. (т. 5 л. д. 146, т. л. д. 436 — оборот).

в) На очной ставке с Биволом Мацарели утверждал, что он вручил Биволу деньги, 300 руб., после приезда из Резины, 24 марта в 6 — 7 часов вечера (т. 1 л. д. 37).

Эти объяснения Мацарели опровергаются прилагаемыми копиями счетов Кишиневской гостиницы “Молдова”, из которых видно, что Бивол Я. Л. с 24 марта 1962 г. по 26 марта 1962 г. включительно находился в г. Кишиневе (см. отношение гостиницы № 126 от 16 октября 1964 г. и копии счетов — прилагается). На данное обстоятельство Бивол ссылаясь на следствие и в суде, говорил, что подтвердить это может и свид. Фрикацел — шофер машины (т. 5 л. д. 456)

г) На следствии и в суде Мацарели утверждал, что якобы о продаже подсолнуха Бивол разговаривал с ним 18-19 марта 1961 г. и просил *предварительно* подыскать покупателя.

“Я ответил Биволу, — показал Мацарели, — что когда буду в Резине, поинтересуюсь. На следующий день я поехал в Резину, там встретил одного гражданина по имени Иван (Гонтарь) и с ним договорился о продаже масла. Прибыв из Резины, я сказал Биволу, что есть покупатель на масло и т.д.” (т. 1 л. д. 7, т. 1 л. д. 33 и др.)

Эти показания Мацарели опровергаются объяснениями на следствии и в суде свид. Гонтарь Ивана, который категорически утверждал, что никакой предварительной договоренности с Мацарели о продаже масла у него не было, что Мацарели и Вырлан предложили ему купить масло 22 марта 1962 г.

“До 22 марта я их не видел и не договаривался о покупке масла”. (т. 5 л. д. 471, т. 1 л. д. 249)

Можно было бы еще много писать о противоречиях в показаниях Мацарели и их несоответствии другим материалам дела, но, думается, что и этого достаточно.

В заключение считаю необходимым обратить внимание еще на одно обстоятельство.

В судебном заседании подс. Вырлан изменил показания, которые он давал на всем протяжении следствия, и стал показывать, что якобы Мацарели ему говорил, что это подсолнух Бивола.

Хотя эти объяснения Вырлана не имеют принципиального значения, так как Мацарели, конечно, мог сказать Вырлану о том, что подсолнух Бивола, что Бивола тоже причитается доля, с целью получения большей части денег себе (прием, как указывалось выше, испытанный и встречающийся в судебной практике довольно часто), однако, думается, что вне зависимости от этого, суду надлежало выяснить причину изменения Вырланом своих показаний и оценить все это критически.

Суд, к сожалению, этого не сделал. Повторяю, все это не имеет принципиального значения, ибо по главному вопросу — об участии Бивола в этом хищении — Вырлан в суде вновь повторил те показания, которые дал на следствии.

Вывод:

Все обвинение Бивола в хищении 2.408 кг подсолнуха на сумму 918 руб. основано на единственном доказательстве — оговоре в прошлом неоднократно судимого Мацарели, с которым Бивол находился в неприязненных взаимоотношениях. Показания Мацарели крайне разноречивы, противоречат другим материалам дела. Обвинение в хищении Биволом 918 руб. подлежит безусловному исключению из приговора.

IV. О хищении Биволом совместно с Капша 401 руб.
(из суммы 1.001 руб.)

В приговоре суда значится, что подс. Бивол присвоил $200 + 400 = 600$ руб., выписанных по расходным кассовым ордерам на Капша от 1 июля и 1 сентября 1961 г., которые впоследствии были списаны с подотчета Капша путем представления бестоварных счетов о покупке краски, шпагата и др. материалов.

Хотя подс. Бивол данный факт и отрицает, считая, что Капша и Михалаш Александр его оговаривают, хотя он и предполагает, что деньги эти были израсходованы на встречи иностранных делегаций, и это предположение имеет под собой определенную почву, защита, однако, в настоящее время лишена возможности оспаривать это обвинение, так как в деле имеется авансовый отчет Капша от 31 декабря 1961 г. на сумму 698 руб., который подписан Биволом — он утверждает, что подписал его ошибочно — т. 4 л. д. 188.

Повторяю, хотя объяснения Бивола не лишены основания, но сейчас, через несколько лет после случившегося, ставить вопрос о доследовании и оспаривать все это практически невозможно.

Вместе с тем, никак нельзя согласиться с утверждением суда о том, что здесь было похищено не 600 руб., а 1.001 руб. (см. приговор).

Данный вывод основан только на том, что как утверждает суд в приговоре, Бивол списал с Капша не только эту сумму, но и его задолженность прошлых лет в сумме 401 руб. (при этом имеется в виду авансовый отчет Капша от 18 августа 1962 г. на сумму 422 руб., к которому приложен ряд фиктивных документов — см. т. 4 л. д. 180-183).

С этим выводом суда согласиться нельзя, ибо он абсолютно не основан на материалах дела.

а) Не установлено, что т. н. недостача прошлых лет в сумме 401 руб. образовалась у Капша в результате хищения. Об этом не говорит и сам Капша.

При таких обстоятельствах, даже если бы Бивол и помог Капша скрыть эту недостачу, его действия нельзя было бы квалифицировать, как хищение. Здесь можно было бы говорить лишь о злоупотреблении служебным положением.

б) Вопреки утверждению суда о том, что якобы Бивол списал с Капша его недостачу в сумме 401 руб., из имеющихся в деле документов видно, что Бивол к этой операции не имеет никакого отношения.

В частности, *авансовый отчет* Капша, по которому произведено списание, *не только не подписан Биволом, но и вообще не оформлен* (на обороте нет никаких реквизитов — см. т. 4 л. д. 180).

Каким образом бухгалтер Спинеи, который вел по бухгалтерии эти операции, произвел списание — остается неясным, так как Спинеи в суде допрошен не был (хотя Бивол неоднократно и ходатайствовал об этом).

Во всяком случае, повторяем, Бивол к этому списанию не имел никакого отношения.

Полагаю, что при таких обстоятельствах хищение Биволом совместно с Капша 401 руб. подлежит исключению из приговора.

У. Об обвинении Бивола по ст. 149 ч. II и 184 ч. I УК МССР

Ни в коей мере не оспаривая фактов, изложенных в этой части в приговоре (не оспаривает их и Бивол), считаю тем не менее, что суд неосновательно расценил их, как преступные.

1. Бивол никогда не отрицал, что он в декабре м-це 1961 г. одолжил у гр. Кореневского 400 руб. и у гр. Выверица 200 руб. Более того, известно, что Кореневскому 200 руб. Бивол даже успел отдать (см. приговор).

То, что Бивол *брал деньги в долг* подтвердили на следствии и в суде Кореневский и Выверица, равно как они подтвердили и то, что Бивол при этом ни в коей мере их не обманывал (см. т. 4 л. д. 266, т. 2 л. д. 103, т. 5 л. д. 483).

Очевидно, что если Бивол и не сумел вовремя полностью рассчитаться со своими кредиторами, отсюда еще нельзя делать вывод о том, что он совершил уголовное преступление.

В данном случае по ст. 149 ч. II УК Бивол осужден за действия, не содержащие состава преступления.

2. Хотя Бивол и пользовался пылесосом, аккумулятором и замшей, принадлежащими колхозу, однако отсюда нельзя делать вывод, что он совершил уголовное преступление.

Никаких последствий, предусмотренных в ст. 184 ч. I УК, здесь не наступило.

По ст. 184 ч. I УК, таким образом, Бивол также осужден неосновательно.

В силу изложенного, прошу Вас истребовать настоящее дело из Народного суда Оргеевского р-на МССР и внести протест на предмет внесения в приговор суда следующих изменений:

I. Переквалификации действий Бивола, связанных с переполучением пенсии в сумме 790 руб. 87 коп. со ст. 123 ч. III на ст. 122 ч. II УК МССР.

2. Исключения из приговора признания Бивола виновным в хищении лично 1.300 руб., совместно с осужденным Капша — 500 руб. и 401 руб. и совместно с Мацарели, Капша и Вырланом — 918 руб., а всего исключения из приговора хищения Биволом лично и с другими осужденными гос. имущества на сумму 3.119 руб.

3. Переквалификации действий Бивола с учетом изложенного в п. 1 и 2, т. е. в связи с исключением из обвинения хищения гос. имущества на сумму 3.119 + 790 руб. 87 коп. = 3.909 руб. 87 коп., со ст. 123 ч. III на ст. 123 ч. II УК.

4. Отмены приговора суда в части признания Бивола виновным по ст. 149 ч. II и 184 ч. I УК МССР и прекращения в этой части в уголовном порядке дела производством за отсутствием в этих действиях состава преступления.

5. Определения Биволу Я. Л. по ст. 122 ч. II и 123 ч. II УК МССР с учетом его личности и содеянного наказания в пределах фактически отбытого с освобождением его из-под стражи.

Справка: Бивол Я. Л. отбывает наказание по адресу: МССР, Криулянский р-н, пос. Криково, п/я 29/4.

Приложение:

1. Копия приговора Народного суда.
2. Отношение гостиницы "Молдова".

3. Копии счетов гостиницы — 3 шт.
4. Характеристики — 3шт.
5. Письмо в газету на 2-х листах.

Адвокат

А. Л. Мове

(А. Л. Мове)

"17" августа 1962 г.

Ответ на жалобу поступил достаточно быстро.

Документ

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК	
ПРОКУРАТУРА Республик Советиче Сечанисте Молдовенешть	ПРОКУРАТУРА Молдавской Советской Социалистической Республики
	
СЕКЦИЯ _____ Ор. Кишинев, стр. Паргома, 70 № <u>2-4085/62</u> При ответе сослаться на №/и дату	ОТДЕЛ _____ г.р. Кишинев, ул. Паргома, 70 <u>31/3 августа</u> 1962 г.

АДВОКАТУ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ
 МОВЕ А.Л.

г.Москва, ул.Садово-Триумфальная дом 2
/консультация/

Ваша жалоба на приговор народного суда Оргеевского района Молдавской ССР от 18-31 октября 1962 года и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда МССР от 23 ноября 1962 года по делу БИВОЛА Якова Лукича поступила в прокуратуру МССР и проверена.

Приговор народного суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда МССР мною опротестованы. В протесте поставлен вопрос об исключении из обвинения БИВОЛА Я.Л. статьи 149 ч. II УК МССР, об исключении из обвинения БИВОЛА Я.Л. эпизодов, связанных с хищением сумм 500, 250, 401 и 918 руб., о снижении иска и снижении меры наказания до 10 лет лишения свободы.

ПРИЛОЖЕНИЕ: копия приговора, копии счетов, справки, характеристики и другие документы - всего на 14 листах.

ЗАМ.ПРОКУРОРА МОЛДАВСКОЙ ССР
 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ
 3 класса

Г. Шитарь
 Г.ШИТАРЬ/

Своим Постановлением от 23 декабря 1967 г. Президиум Верховного суда Молдавской ССР полностью удовлетворил принесенный протест и с учетом внесенных в приговор изменений снизил Биволю наказание до 10-ти лет лишения свободы. Вскоре, по отбытии 2/3 назначенного наказания, Бивол был условно-досрочно освобожден от наказания и обрел свободу.

Вспоминаю, что после того как я составил жалобу и ознакомил с нею находящегося в лагере Якова Лукича, он был страшно потрясен и никак не мог успокоиться: “Неужели все это есть в моем деле? Неужели все это так?” Выяснилось, что по окончании следствия Биволя уговорили долго с делом не знакомиться, не тратить зря времени — дескать, с делом обстоятельно ознакомился адвокат. В суде же, как это нередко бывает, уже оказался совсем другой адвокат, и получилось так, что все эти годы Бивол вел борьбу “с ветряными мельницами”. Он написал многие сотни жалоб, но ни одна из них не могла быть удостоена внимания, поскольку писались они без знания дела и никак не могли опровергнуть воздвигнутых против него обвинений. К сожалению, случаи, подобные этому, не так уж редки в нашей практике.

Дело, безнадежное на все 100 процентов

Крепкая лагерная дружба очень тесно связывала таких как-будто бы совершенно разных людей — бухгалтера Бивола и простого колхозника Нику. Впрочем, ничего удивительного в этом нет, так часто в жизни бывает, и связующим здесь является не занимаемое в прошлом должностное положение и даже не интеллектуальный уровень людей, а обрушившаяся на них беда, свалившееся на них несчастье.

Этим, собственно, объяснялась не только их личная дружба, но и теплые дружеские отношения с еще одним осужденным — простым, совершенно безграмотным человеком — Казаку Демьяном Николаевичем. Этим объясняется и то, что во время моих частых приездов в Криковскую колонию оба они, и Бивол и Нику, очень просили меня заняться и делом их товарища — Демьяна Казаку, который, как они настоятельно убеждали меня, сидит совершенно зазря.

Здесь я должен сделать оговорку. По закону адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого. Но он вовсе не обязан принимать к ведению любое дело, соглашаться на любое поступившее к нему предложение. Этого принципа я неизменно придерживался в своей жизни, в особенности при ведении дел в порядке надзора. Если вина обвиняемого полностью доказана, если действия его правильно квалифицированы, если нет веских оснований для оспаривания назначенной осужденному меры наказания — я, как бы это ни было тяжело для осужденного и его близких, категорически отказывался от ведения подобных безнадежных дел. И наоборот, если имелся хоть какой-нибудь просвет, какая-нибудь надежда оспорить вступивший в законную силу приговор, как бы это ни было сложно, какой бы колоссальной затраты сил и энергии не требовало, я всегда спешил на помощь страждущему... “Я, конечно, не могу гарантировать Вам успеха, — обычно говорил я в таких случаях, — но определенные основания для оспаривания судебных решений имеются, и все зависящее от меня я сделать постараюсь. Не могу гарантировать Вам результат, но могу гарантировать безусловную добросовестность, гарантировать, что все возможное, все что в моих силах будет сделано”.

Таково было мое жизненное кредо, мой жизненный принцип, и от него я не отступал никогда.

Как же в таких условиях я мог взяться за ведение дела Казаку, если не только в процессе следствия, но и в суде он полностью признал свою вину в убийстве односельчанки — гр. Ватаман.

Как мог я братья за это дело, если не только Казаку, но и защищавший его адвокат признал в суде его вину и правильность квалификации его действий и в кассационной жалобе просил лишь о снисхождении? Считая дело на 100% безнадежным, я в течение полугода упорно отказывался от принятия к защите этого дела. Впрочем, судите сами.

**Документ
Копия**

ПРИГОВОР

Именем Молдавской Советской
Социалистической Республики

1965 г. марта месяца 4 дня

Народный суд Дубоссарского района

В составе:

председательствующего	Евдокимова
народных заседателей	Тесловой, Флоря
при секретаре	Поковой
С участием:	
государственного обвинителя	
прокурора	Мартыненко
общественного обвинителя	
адвоката	Грузинского
общественного защитника	

рассмотрел в открытом судебном заседании уголовное дело по обвинению КАЗАКУ Демьяна Николаевича, 1919 г. рождения, уроженца и жителя села Будешты Дубоссарского района МССР, молдаванина, беспартийного, малограмотного, женатого, имеющего на иждивении 7 детей в возрасте от 2 до 14 лет, гражданина СССР, судимого 6 июня 1947 года особым совещанием МВД СССР по ст. 78 ч. 3 УК УССР к 2 годам лишения свободы.

Судимость снята. Колхозника колхоза "Молдова Социалистэ" Дубоссарского района МССР. В перступлении предусмотренном ст. 89 УК МССР

Установил:

КАЗАКУ Д. Н. с 1961 года находился в неприязненных отношениях с односельчанкой Ватаман А. Н., проживающей недалеко от него и по соседству с его сыном. Ссоры между ними происходили на почве уничтожения курами БАТАМАН А. Н. огорода его сына и в большей степени по тем основаниям, что он подозревал ее в распространении слуха по селу о том, что он якобы сожительствовал со своей невесткой в то время, когда сын находился в армии, а также о том, что невестка вообще вела себя недостойно.

Эти неприязненные взаимоотношения привели к тому, что подсудимый угрожал БАТАМАН А. Н. в ноябре 1964 года убийством.

В ночь с 7 на 8 января 1965 года он, будучи в нетрезвом состоянии, пошел к дому своего сына закрыть в сарае кур.

Возвращаясь оттуда он встретил БАТАМАН А. Н., находящуюся около своего дома в нетрезвом состоянии. Между ними возникла ссора. Подсудимый, имея в руках палку, взятую им из дома, погнался за ней и, догнав в ее дворе у крыльца, свалил на землю, а затем палкой нанес несколько ударов по голове, от которых она скончалась.

Вернувшись после гулянья сын погибшей БАТАМАН Д. Ф., обнаружил убитую мать. На другой день труп ее был направлен на судебно-медицинскую экспертизу, которая установила насильственную смерть.

Сын ее, БАТАМАН Д. Ф., сразу же заподозрил в убийстве подсудимого по его неприязненным отношениям с матерью и высказал об этом подозрении своим односельчанам и брату Ватаман В. Ф.

После проведения расследования подсудимый сознался в содеянном, воспроизвел обстановку при которой он совершил убийство.

В судебном заседании он также не отрицал свою вину как в показаниях, а также и в последнем слове. При этом указал, что встретив БАТАМАН А. Н. ночью на улице, не имел намерения ее убить, а когда она начала оскорблять его, то он ударом руки свалил на землю, а затем палкой нанес несколько ударов.

Помимо самопризнания его виновность подтверждена сыновьями погибшей, которые утверждали, что подсудимый проявлял угрозы убийством по отношению к их матери.

Свидетелем ПРОКА Г. Н., которому погибшая при жизни говорила, что боится подсудимого. Материалами дела, в частности протоколом выхода на место совершения преступления, в результате которого подсудимый воспроизвел всю обстановку, которая зафиксирована фотоснимками, опознание им палки, которой он наносил удары, также зафиксированной фотоснимками. Это обстоятельство подтвердили понятия ГОРОБЕЦ Н. С. и ЗАГОРНЯ И. Н.

Помимо этого убийство подтверждено судебно-медицинской экспертизой палки, на конце которой обнаружен волос, происходящий с головы человека, а также исследованием трупа погибшей, показавшим, что смерть ее наступила от закрытого перелома костей свода и основания черепа с размождением головного мозга. Данные повреждения могли быть нанесены палкой, которую имел подсудимый.

Таким образом состав преступления и его квалификация избраны в соответствии с обстоятельствами дела и содеянным. При определении меры наказания суд учитывает прошлое поведение подсудимого, характер содеянного, как отягчающие обстоятельства.

Вместе с тем, судом учитывается положительная трудовая деятельность, наличие на иждивении семи малолетних детей. При определении вида режима учитывается давностный срок его первого осуждения.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 271-272 УПК МССР

Приговорил:

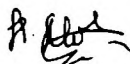
КАЗАКУ Демьяна Николаевича на основании ст. 89 УК МССР подвергнуть лишению свободы сроком на десять лет с содержанием в ИТК усиленного режима.

Наказание исчислять с 12 января 1965 года, а меру пресечения оставить прежнюю — содержание под стражей. Срок обжалования в Верховный суд МССР 7 дней.

Нарсудья:
Нарзаседатели:

Верно:

подпись
подписи

(А. Мове)

По кассационной жалобе адвоката Казаку, который не отрицая его вины и правильности квалификации, просил лишь о снижении ему меры наказания, дело слушалось в кассационной инстанции Верховного суда МССР.

Документ

Копия

Народный судья Евдокимов
Дело № 02-К-416

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

1965 года месяца марта дня 26

Судебная коллегия по уголовным делам
Верховного суда МССР

В составе:

Председательствующего — Андриуца А. Д.

Членов суда — Бордюжа Д. Д. и Осадчего Ф. Н.

в открытом судебном заседании рассмотрела в кассационном порядке дело по обвинению

Казаку Демьяна Николаевича, 1919 года рождения, уроженца и жителя с. Будешты, Дубоссарского района, МССР, молдаванина, б/п, на иждивении имеющего 7 детей, судимого в 1947 году по ст. 78 ч. 3 УК УССР к 2 годам лишения свободы, судимость снята, колхозника колхоза "Молдова Социалистэ", гр-на СССР,

по жалобе адвоката Грузинского на приговор народного суда Дубоссарского района МССР, от 4 марта 1965 года, коим Казаку Д. Н. по ст. 89 УК МССР осужден к лишению свободы сроком на 10 (десять) лет в ИТК усиленного режима.

Содержится под стражей с 12 октября 1965 года.

Заслушав доклад члена суда Осадчего, объяснение адвоката Грузинского, поддержавшего доводы кассационной жалобы и заключение прокурора Труфановой, полагавшей приговор народного суда оставить без изменения, Судебная Коллегия по уголовным делам

Находит:

Казаку Д. Н. признан судом виновным в том, что он в ночь на 8 января 1965 года, будучи в нетрезвом состоянии, в с. Будешты, Дубоссарского района около дома Ватаман Р. Н., во время ссоры с потерпевшей Ватаман Агафией Николаевной палкой нанес несколько ударов по голове, от полученного перелома костей свода и основания черепа с размождением вещества головного мозга Ватаман А. Н. скончалась.

В кассационной жалобе адвокат Грузинский, не отрицая вину Казаку Д. Н. в совершении убийства и правильности квалификации его действий по ст. 89 УК МССР, указывает на то, что потерпевшая Ватаман А. Н. в течение трех лет распространяла ложные слухи о том, что якобы Казаку Д. сожительствует с гр-кой Казаку М., что потерпевшая Ватаман А. 8 января 1965 года оскорбляла осужденного Казаку, просит изменить приговор народного суда, снизить меру наказания Казаку Д., учитывая его семейное положение.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная Коллегия считает приговор народного суда оставить без изменения.

Виновность Казаку Д. в совершении умышленного убийства подтверждается протоколом осмотра места происшествия, заключением судебно-медицинского эксперта, из которого видно, что гр-ке Ватаман А. Н. были причинены: перелом костей свода и основания черепа с размождением вещества головного мозга с кровоизлиянием в полости черепа, показаниями самого Казаку Д., пояснившего, что удары палкой он наносил по голове Ватаман А., что у него были ненормальные отношения со своей соседкой, Ватаман А. Удары ей нанес палкой, которую он взял со своего двора, после нанесения ударов эту же палку он принес к себе обратно и положил ее на саман над погребом; из протокола обыска видно, что 14 января 1965 года во время обыска в хозяйстве Казаку Д. сверху на самане была обнаружена палка из орехового дерева длиной 112 см, из протокола предъявления для опознания вещественного доказательства — палки длиной 112 см из орехового дерева видно, что Казаку Д. опознал палку, которой он нанес удары Ватаман А. Свидетель Беляк В. А. пояснил, что он от Казаку Д. слышал, как последний, признавая себя виновным, во время проведения расследования показал, при каких обстоя-

тельствах он убил Ватаман А., откуда взял палку и как наносил палкой удары Ватаман А. Свидетель Горобец Н. С. пояснил, что Казаку Д. из представленных для опознания 4 палок, опознал палку из орехового дерева и пояснил, что он ею нанес удары Ватаман А. Тот факт, что взаимоотношения между Казаку Д. и Ватаман А. были ненормальными подтверждается как объяснениями Казака Д., так и показаниями свидетелей Казаку В., Казаку М., показаниями потерпевших Ватаман В. и Ватаман Д., которые в суде пояснили, что Казаку Д. на почве неприязненных взаимоотношений ранее угрожал Ватаман убийством.

Народный суд правильно квалифицировал преступления Казаку Д. по ст. 89 УК МССР.

Мера наказания судом определена с учетом личности Казаку Д., характера совершенного преступления и обстоятельств дела.

Оснований к снижению меры наказания по делу не усматривается.

По изложенному, Судебная Коллегия, руководствуясь ст. 319 п. "а" УПК МССР

Определила:

Приговор народного суда Дубоссарского района МССР от 4 марта 1965 года, в отношении Казаку Демьяна Николаевича оставить без изменения, а кассационную жалобу адвоката Грузинского оставить без удовлетворения.

Председательствующий — Анлриуца А. Д.

Члены суда — Бордюжа Д. Д. и
Осадчий Ф. Н.

Копия верна:

(А. Мове)

Итак, повторяю, на протяжении длительного времени я отказывался от защиты Казаку, и к этому, согласитесь, у меня имелись достаточные веские основания.

Резко изменил все, как это нередко бывает, "их величество случаи".

Однажды, будучи в командировке по другим делам в г. Дубоссары, я решил на денек задержаться и ознакомиться в суде непосредственно с судебным делом Казаку. И то, что я увидел в деле, то, что сумел в нем обнаружить, заставило меня в корне изменить свое решение и самым серьезным образом заняться этим во всех отношениях необычным делом. Описывать все то, что я увидел в деле, что обнаружил — не стану, в надежде, что обо всем этом читатель сможет узнать из публикуемых ниже деловых бумаг и документов.

Из досье адвоката

Копия

ПРОКУРОРУ МОЛДАВСКОЙ ССР

Адвоката А. Л. Мове г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 8, Юридическая консультация

По делу

Казаку Демьяна Николаевича, осужденного приговором народного суда Дубоссарского р-на МССР от 4 марта 1965 г. по ст. 89 УК МССР к 10 годам лишения свободы. Определением коллегии Верховного суда МССР от 26 марта 1965 г. приговор оставлен без изменения.

Жалоба в порядке надзора

С самого начала необходимо подчеркнуть, что речь идет о простом *колхознике*, отце многочисленного семейства, вырастившем и воспитавшем 9 детей, из которых 7 и в настоящее время являются несовершеннолетними (см. справку — прилагается).

Полуграмотный молдаванин, абсолютно не владеющий русским языком, Казаку Д. Н. и в процессе следствия, и в судебном заседании полностью признал себя виновным в убийстве односельчанки — Ватаман Агафы, своей дальней родственницы.

* Статья 103 УК РСФСР

А вскоре после осуждения от Казаку стали поступать в различные судебно-прокурорские инстанции жалобы о том, что осужден он неосновательно, что убийства он не совершал, что он оговорил себя в результате применения к нему незаконных методов ведения следствия.

Казаку писал и пишет, что следователь угрожал ему, говорил, что вина его доказана и что "если он не признается, то получит 15 лет или расстрел, а если признается — то ему дадут условное наказание".

Излишне говорить о том, что проверка заявлений Казаку является очень важной и необходимой. Однако защита вполне отдает себе отчет в том, что сейчас, спустя несколько лет после случившегося, проверить все это очень сложно и трудно. И вместе с тем, нельзя сразу же не обратить внимания на некоторые не совсем обычные явления, которые сопутствовали этому делу.

1. Из дела изъяты первоначальные протоколы допросов Казаку.

На 3-й день после возбуждения настоящего дела, 12 января 1961 г., Казаку был задержан как лицо, подозреваемое в совершении убийства (л. д. 9).

Казалось бы, что в точном соответствии со ст. 105 УПК МССР подозреваемый Казаку должен быть допрошен *немедленно*, т. е. 12 января 1965 г. или, во всяком случае, не позднее двадцати четырех часов с момента задержания, т. е. 13 января 1965 г.

Однако первый протокол допроса Казаку, находящийся в деле, датирован 16 января 1965 г. (л. д. 105).

— Что это: упущение следователя, нарушение им ст. 105 УПК?

— Подозреваемый Казаку находился в КПЗ и был допрошен только на 5-й день после задержания?

— Нет. Из анализа материалов дела видно, что до 16 января 1965 г. Казаку неоднократно допрашивался, но протоколы этих допросов по некоторым соображениям из дела были изъяты.

В том что это так — можно легко убедиться.

Известно, что та версия убийства, которая изложена в обвинительном заключении и приговоре суда, целиком за-

имствована из показаний Казаку. Именно он, Казаку, показал, что он зашел во двор гр-ки Ватаман, свалил ее на землю, нанес ей несколько ударов палкой по голове (см. любое показание Казаку).

Повторяем, все это целиком взято из показаний Казаку, так как ни один свидетель ничего этого не видел и никогда об этом не говорил (см. показание свидетелей).

Но если все это так, если эта версия заимствована исключительно из показаний Казаку, то каким образом мог следователь т. Логинов 15 января 1965 г., т. е. тогда, когда Казаку еще не был допрошен, в постановлении о заключении его под стражу изложить эту версию точно так, как показал Казаку на следующий день, т. е. 16 января 1965 г.?

Не лишне отметить, что указанное постановление было не только составлено 15 января 1965 г., но и объявлено Казаку 15 января 1965 г. (после подписи Казаку цифра "15" была исправлена в постановлении на "16" — см. постановление — л. д. 10).

Очевидно, что предвидеть 15 января, что покажет Казаку 16 января, следователь никак не мог. А это значит, что Казаку допрашивался не только 16 января, но и ранее.

То, что до 16 января 1965 г. Казаку неоднократно допрашивался подтверждается и другими данными.

В частности, на допросе 16 января 1965 г. в присутствии следователя т. Кулешова и прокурора Мартыненко, Казаку показал:

"Впервые правду я рассказал на допросе вчера, т. е. 15 января 1965 г., на допросе ст. л-ту милиции Гнатюку и сегодня на допросе в присутствии прокурора" (л. д. 107).

Не вызывает сомнения, что выдумывать все это Казаку не было никакого смысла. Помимо этого, вряд ли бы прокурор т. Мартыненко и следователь т. Кулешов, если бы заявление Казаку не соответствовало действительности, не вмешались бы, не сказали ему, что он лжет, что никакой работник милиции Гнатюк его не допрашивал.

Значит, был такой допрос, был, следовательно и протокол допроса, произведенного г. Гнатюком. Был, но исчез.

Мало того. На допросе 23 января 1965 г. Казаку пояснил:

"Не *первом* допросе я не признавался, что убил, так как боялся ответственности, так как у меня много детей и они останутся без кормильца. Впоследствии, когда *мне стали доказывать*, что я совершил убийство (?!), я решил рассказать всю правду..." (л. д. 144 — оборот)

Излишне убеждать в том, что и в данном случае Казаку не было никакого смысла выдумывать и говорить, что на первом допросе он отрицал свою вину. Помимо этого, и это очевидно, если бы не было такого допроса и таких показаний, следователь г. Логинов вряд-ли не вмешался бы и не разъяснил Казаку, что он лжет, что такого допроса не было, и что он, Казаку, никогда не отрицал своей вины.

Значит, был такой допрос, был, следовательно, и протокол этого допроса. Был, но *исчез*.

Естественно, возникает вопрос: кому и для чего понадобилось изымать из дела протоколы допросов Казаку? Не в них ли кроется разгадка того, как и почему Казаку признал себя виновным в том, чего он не совершал?

Наконец, если в процессе расследования допускались такие извращения, то почему нельзя верить Казаку в том, что по отношению к нему применялись незаконные методы ведения следствия, что только поэтому он признал себя виновным?

II. В расследовании дела принимали участие работники, никем на то не уполномоченные.

Сразу же после возбуждения уголовного дела, 9 января 1965 г., оно было принято к производству следователем прокуратуры т. Логиновым (л. д. 2). Не вызывает сомнения, что в случае необходимости т. Логинову могли оказывать содействие другие следователи.

Однако в соответствии со ст. 110 УПК МССР, в этом случае должно было быть вынесено отдельное постановление прокурора и подозреваемому (обвиняемому) разъяснено его право на отвод всего состава следователей. Ничего подобного в данном случае не было. Невзирая на это, в расследовании настоящего дела принимала участие целая группа работников милиции и прокуратуры, никем на то не уполномоченных.

Следственные действия, допросы свидетелей, обвиняемого производились работниками милиции — капитаном

Дьяченко, ст. л-том Гнатюком, работниками прокуратуры т. Кулешовым, Соловьевым и др.

А ведь именно на это сейчас ссылается Казаку, утверждая, что его допрашивали, применяли незаконные методы и те, кто формально не имел право вести расследование, что фамилии некоторых из них он до сего времени не знает.

Естественно, встает вопрос: кто дал право всем этим лицам вести следствие и, в частности, производить допрос Казаку? По чьему поручению они действовали?

И можно ли после всего этого не верить Казаку в том, что к нему применялись незаконные действия?

В своих заявлениях Казаку ссылается на то, что примерно за 20 дней до суда его привезли из тюрьмы г. Кишинева в г. Дубоссары, где он содержался в КПЗ Горотдела милиции. Он ссылается также на то, что в это время его посещали некоторые работники органов следствия и в том числе, прокурор т. Мартыненко, которые интересовались тем, что он будет показывать на суде, рекомендовали признать свою вину.

Думается, что следует проверить и это заявление (путем осмотра личного дела заключенного) и дать ему соответствующую оценку.

III. Материалами дела не установлен факт совершения преступления

В ночь с 7 на 8 января 1965 года неподалеку от крыльца своего дома был обнаружен труп гр. Ватаман Агафьи.

Никаких следов насилия, которые давали бы основание полагать, что она убита, на теле погибшей обнаружено не было и родственники, считая, что она скоропостижно умерла, решили ее похоронить. Лишь на вскрытии было установлено, что смерть гр. Ватаман наступила в результате закрытого перелома костей свода и основания черепа с разможжением вещества головного мозга и кровоизлиянием в полость черепа. Вскрытие также показало, что у погибшей имеется перелом 7-го ребра.

Касаясь повреждений головы, приведших к смерти гр. Ватаман, судебно-медицинский эксперт увязывал их с тем повреждением, которое было обнаружено на ее лбу (ссадина размером 0,3 x 0,5 см и кровоподтек размером 2 x 2,5 см.) и утверждал:

"Ссадина с кровоподтеком вокруг лба справа могла возникнуть как при ударе твердым тупым предметом, так и при ударе о таковой" (см. заключение эксперта л. д. 129 и схему — л. д. 134).

Не трудно понять, что при таких обстоятельствах еще нельзя было считать доказанным факт насильственной смерти гр. Ватаман, нельзя было считать установленным, что здесь имело место преступление, убийство.

И при этом, видимо, следовало иметь в виду, что гр. Ватаман была женщиной пожилой (ей было 52 года), страдающей болезнью сердца и злоупотребляющей спиртными напитками. Накануне случившегося Ватаман была в гостях, откуда ушла домой в состоянии сильного опьянения.

Допрошенный по этому поводу сын погибшей, Ватаман Дмитрий показал:

"Мать долго болела сердцем, но пила вино, хотя я ее предупреждал, чтоб не пила. От дяди Прока я узнал, что мать была у него до 22 ч., *была пьяная*. Кристой рассказал мне, что мать была *сильно пьяная*" (л. д. 14)

Очевидно, что с учетом сказанного, не исключалась возможность того, что, возвращаясь домой и находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, гр. Ватаман могла упасть (то ли от опьянения, то ли от сердечного приступа), удариться о какой-либо предмет и получить то повреждение, которое и привело к ее смерти.

Все это становится вполне вероятным, если иметь в виду еще и следующее:

Труп гр. Ватаман был обнаружен возле крыльца дома, одна ее нога находилась на нижней ступеньке крыльца. Высота ступенек вместе с т. н. присьбой — 85 см, ступеньки *цементные* (см. показания Ватаман Д. М. — л. д. 11, протокол осмотра места происшествия и фотографии — л. д. 101).

Совершенно не исключено, что, поднявшись на крыльцо, пьяная Ватаман свалилась оттуда и получила все те повреждения, которые у нее обнаружены.

Не исключается и другой вариант:

Рядом с домом находится погреб глубиной около 2-х метров, куда гр. Ватаман часто ходила за вином. "В этот день лестницы в погребе не было (она находилась в кори-

доре дома), и мать спускалась в погреб за вином без лестницы, пользуясь стоявшей в углу бочкой", — показал Ватаман Дмитрий — л. д. 86, 87).

Вполне возможно, что возвращаясь домой, гр. Ватаман, будучи пьяной, решила спуститься в погреб за вином, оступилась и повредила ребро. А выбравшись из погреба и идя домой с тяжелым ушибом, свалилась со ступенек крыльца и стукнулась головой о цементную ступеньку.

Все это, конечно, варианты, предположения, возможные версии, но все они реальные и не считаются с ними нельзя.

Таким образом, факт убийства гр. Ватаман материалами дела бесспорно не установлен, не исключено, что смерть ее явилась результатом *несчастливого случая*.

IV. Обвинение Казаку в убийстве основано исключительно на его признании, не подтвержденном никакими другими доказательствами

Невзирая на все изложенное, следователь с самого начала ведения следствия полностью исключил возможность наступления смерти в результате несчастного случая и проникся убеждением, что здесь имело место убийство.

Но коль скоро это так, свершилось убийство — сразу же появились и подозреваемые. Подозревался в убийстве сын погибшей, Ватаман Дмитрий (следователь даже с ним как с *подозреваемым*, выезжал на место происшествия — л. д. 86). Пало подозрение и на Казаку Д. Н. и буквально на 4-й день после возбуждения дела, при отсутствии каких бы то ни было улик, он был арестован. А еще через два дня, 14 января 1965 г., в доме Казаку был произведен обыск и с самана была изъята палка (л. д. 30).

Чем привлекла к себе внимание следователя эта палка, что он увидел в ней необычного — трудно сказать. Разве может быть только то, что на конце этой палки он заметил два волоска? Забегая вперед скажем, что один волос (белый) оказался волосом *собаки*, а второй — хоть и человеческий, но совсем не похож на волос потерпевшей (об этом см. ниже).

Как бы там ни было, но палку следователь изъяс.

И палка эта словно загипнотизировала его, он сразу же уверовал в то, что именно этой палкой совершено убийство, и уже *никаких других версий* — о возможности несчастного

случая, причастности к этому сына погибшей, Ватамана Д. М., на которого падали серьезные подозрения, и пр. — *не проверял*.

Даже найденный в доме Ватаман *топор* со следами крови, тот самый, который по утверждению следователя, был изъят для "исследования и проверки" (см. протокол обыска — л. д. 34), никакому исследованию не подвергался, ни на какую экспертизу не направлялся, и где он находится сейчас — неизвестно.

14 января 1965 г. изъял следователь палку.

А на следующий день Казаку признал себя виновным в том, что именно этой палкой (а палка эта в действительности была его) он убил Ватаман Агафью. Правда, признавая себя виновным, и не зная, что следователь изъял палку с самана, Казаку пояснил, что после убийства, —

"Зайдя в дом, я палку бросил на поляницу дров, откуда ее брал и раньше, и зашел в дом" (л. д. 107 — оборот)

Что еще здесь выдумал Казаку — трудно судить, т. к., к сожалению, протокол допроса, в котором Казаку *впервые* себя признал виновным, из дела изъят.

Лишь в дальнейшем, видно не без посторонней помощи, Казаку "поправился" и приспособил свои показания к данным, вытекающим из протокола обыска.

Не вызывает сомнения, что если бы из дела не были изъяты некоторые протоколы допросов Казаку, можно было бы, видимо, найти и другие факты которые бы говорили о том, что Казаку оговаривает себя и оговаривая, придумывает то, чего в действительности не было.

Но потеря эта в настоящее время невозполнима, и поэтому защита считает необходимым остановиться на другом.

Известно, что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при одном условии — если это признание объективно подтверждено другими доказательствами. Это незыблемый принцип советского уголовного процесса, и поэтому не случайно он прямо закреплен в ст. 77 УПК РСФСР.

— Какими же доказательствами подтверждается признание Казаку своей вины в убийстве? Чем, помимо его признания, подтверждается его вина?

Народный суд в приговоре перечисляет эти доказательства, однако, нетрудно убедиться в том, что все они не выдерживают никакой критики.

1) Суд в приговоре утверждает, что якобы Казаку не только признал свою вину, но и воспроизвел всю обстановку, которая зафиксирована фотоснимками.

Все это так, однако:

а) Установлено, что сразу же после того, как Ватаман Д. М. обнаружил труп своей матери, он занес его в дом и позвал Казаку Василия (сына осужденного) с женой. Вскоре туда же пришел Казаку Д. Н. со своей женой.

"Место и положение, где я обнаружил свою мать, показал Ватаман Д. — я показал Казаку Василию, Казак Марии, Казаку Демьяну и Казак Елизавете. Я им показал, что мать лежала на земле, во дворе дома возле ступенек, головой вниз к западу и что правая ее нога находилась на первой ступеньке снизу" (л. д. 13 — оборот).

Не трудно понять, что после этого рассказа, Казаку Д. Н. не составляло большого труда показать положение трупа.

б) Что касается места, откуда Казаку якобы брал палку и куда он ее затем положил, то, как указывалось выше, Казаку первоначально показал, что брал ее на полянице дров и туда же ее положил (л. д. 107).

К моменту выхода на место происшествия, 19 января 1965 г. эти показания Казаку претерпели изменения.

Думается, что произошло это не без воздействия посторонних лиц — выходом на место происшествия руководил капитан милиции Дьяченко (л. д. 97).

2) Суд в приговоре ссылается еще на одно доказательство: Казаку опознал палку, которой было совершено убийство.

И это верно, палку Казаку действительно опознал, т. к. палка эта его, он сам ее обстругивал. Однако ничем и никем не доказано, что палкой этой совершено убийство. Как отметил в своем заключении суд. мед. эксперт "каких-либо пятен, подозрительных на кровь и повреждений целостности палки не обнаружено" (л. д. 129)

Не обнаружено никаких повреждений и на платке, находившемся на голове потерпевшей, на нем так же не было

никаких вмятин и отпечатков (см. протокол осмотра одежды, снятой с трупа — л. д. 82).

3) Ссылается суд в приговоре и на то, что якобы "на конце палки был обнаружен волос, происходящий с головы человека" и что это якобы подтверждает показания Казаку о нанесении ударов погибшей этой палкой.

Как указывалось выше, здесь допущена неточность: на палке был обнаружен не один, а два волоса. Один (белый) оказался волосом собаки (см. акт экспертизы вещественных доказательств — л. д. 118).

Что касается другого волоса, то хотя эксперт и дал заключение о том, что "категорически утверждать или отрицать о сходстве человеческого волоса, изъятого с палки Казаку, с волосами, изъятыми с головного платка и с головы трупа, не представляется возможным, ввиду наличия только одного волоса" (л. д. 114), однако здесь необходимо иметь в виду следующее:

а) Маловероятно, чтобы волос, снятый с палки, принадлежал погибшей, т. к. голова ее была повязана плотным шерстяным платком (см. протокол осмотра одежды, снятой с трупа — л. д. 81).

На *наружной* стороне этого платка ни единого волоса обнаружено не было (см. Протокол осмотра вещей — л. д. 96).

б) Как отмечено в акте суд. мед. экспертизы у погибшей на голове были волосы *черные*, с проседью (л. д. 124).

Это же подтверждено и актом экспертизы вещественных доказательств — волосы "*темно-шатенового цвета, почти черные*" (л. д. 115).

А волос, изъятый на палке, оказался "*желтый с красноватым, рыжим оттенком*". (л. д. 118)

Комментарии, думается, излишни.

4) Ссылается суд в приговоре также и на то, что, по заключению суд. мед. экспертизы повреждения, обнаруженные у погибшей, могли быть нанесены палкой, которую имел подсудимый. Как указывалось выше, экспертиза пришла к выводу, что повреждения, обнаруженные у гр. Ватаман, могли образоваться как в результате удара тупым предметом (в том числе и палкой), так и в результате удара о твердый тупой предмет. Эксперт никогда не утверждал, что указанные повреждения причинены именно данной пал-

кой (см. заключение эксперта — л. д. 129). В судебное заседание, к сожалению, суд. мед. эксперт не вызывался, заключение его судом не проверялось и суд вообще не мог ссылаться на данное доказательство, как не проверенное в суде (нарушение ст. 213 УПК МССР).

5) Одним из доказательств виновности Казаку суд считает и тот факт, что между ним и погибшей существовали неприязненные взаимоотношения и он угрожал ей убийством.

Хотя сам по себе данный факт не является бесспорным доказательством виновности Казаку, полагаю необходимым, тем не менее, остановиться и на нем.

а) Казаку не отрицал, что отношения с Ватаман Агафьей у него были натянутые. Однако отсюда еще нельзя сделать вывод, что отношения эти были враждебные и что на этой почве Казаку мог убить Ватаман.

Допрошенная по данному вопросу *Ватаман Мария* (жена Ватаман Д. М.) показала:

“Мне известно, что Казаку Демьян ругался с моей тещей, но сразу мирились и отношения между ними становились хорошие” (л. д. 59).

А свидетель *Ватаман Федор* так пояснил:

“О взаимоотношениях между Ватаман Агафьей и другими родственниками ничего не знаю, во всяком случае она ни на кого не жаловалась” (л. д. 63 — оборот)

О том, что здесь не было особой вражды свидетельствует и тот факт, о котором рассказал на следствии сын погибшей, *Ватаман Дмитрий*:

“Когда Казаку Василий приехал из армии, это было 29 декабря 1964 года (за неделю до случившегося — А. М.), то меня и мать пригласили к Казаку Василию на вечер по случаю приезда Василия. На вечере был Казаку Демьян” (л. д. 16 — оборот).

б) что касается угроз убийством, то об этом говорит лишь сын погибшей, Ватаман Д. М., на которого тоже падало подозрение в убийстве, и его близкие родственники. Но и они утверждают, что все это было задолго до случившегося. Полагаю, что к объяснениям этих людей следует относиться критически.

Но если в деле не имеется никаких доказательств, подтверждающих вину Казаку, то там имеются отдельные данные, свидетельствующие о том, что этого убийства он не совершал.

Материалами дела не установлено, в какое время наступила смерть потерпевшей. Исходя из того, что труп был обнаружен в 2 ч. ночи и трупного окоченения еще не было (оно наступает через 2-3 часа — см. заключение эксперта — л. д. 129), можно предполагать, что смерть наступила где-то между 11 ч. вечера 7 января и 2 ч. ночи 8 января 1965 г.

Где все это время находилась Ватаман А., чем занималась — сказать трудно (из гостей пьяная она ушла в 22 ч.).

Если же говорить о Казаку, то до 24 ч. 7 января он сам находился в гостях, а после 24 ч. 8 января у него находились гости — Лазур Е., Дану Е., Фою С., Фою Л. и др., которые ушли от него во 2-м часу ночи (см. их показания).

Вскоре после их ухода, буквально через 7-8 минут, пришел к Казаку его сын Василий с женой.

В том, что разрыв во времени здесь был очень небольшой, свидетельствует тот факт, что с некоторыми гостями, вышедшими из дома отца, Казаку Василий встретился тогда, когда он шел к нему (см. показания свид. Казаку Василия, Лазур — л. д. 17, 64)

Когда Казаку Василий с женой пришли в дом отца, Казаку Д. Н. был дома (см. показания Казаку В., Казак М., Казаку Д. И., Казак Е.)

По объяснению Казаку Д. Н., именно в тот промежуток времени (после ухода гостей и до прихода сына) он и совершил убийство.

Не вызывает сомнения, что за эти несколько минут, сделать все то, в чем признавался Казаку Д. Н. (оделся, достал палку, пошел к дому сына, закрыл курей, на обратном пути поругался с Ватаман, убил ее, положил на место палку и пр.), он никак не мог.

И еще одна деталь.

В процессе следствия Ватаман Д. М. показал:

“Казаку Демьян сказал мне, чтобы я побежал в больницу и позвал главврача больницы Марию Яковлевну” (л. д. 13).

Очевидно, что если бы Казаку был причастен к нанесению Ватаман смертельных повреждений, он вряд ли бы торопил ее сына бежать за врачом и вряд ли бы жена Казаку бежала с Дмитрием Ватаман в больницу (см. их показания).

Несколько слов о допущенном при рассмотрении этого дела *серьезном нарушении* норм УПК.

Из материалов дела видно, что Казаку Д. Н. русским языком не владеет (он допрашивался при помощи переводчика). Очевидно, что в этом случае в соответствии со ст. 210 УПК МССР копия обвинительного заключения должна была быть ему вручена судом *переведенной на молдавский язык*. Ничего этого сделано не было, в результате чего Казаку был лишен возможности до суда ознакомиться с обвинительным заключением.

Полагаю, что это одно из тех нарушений, которое влечет безусловную отмену приговора.

Казаку Д. Н. сейчас 48 лет. Более 20-ти лет тому назад был судим по ст. 78 ч. 3 УК УССР (служил в румынской армии, был взят в плен советскими войсками, из плена бежал). По работе в колхозе и в быту характеризуется положительно (см. характеристики — л. д. 147, 148).

На иждивении Казаку находится 7 несовершеннолетних детей.

В силу изложенного прошу Вас истребовать настоящее дело и внести протест на предмет отмены указанных приговора народного суда Дубоссарского района и определения Верховсуда МССР и возвращения настоящего дела к рассмотрению для проверки фактов, изложенных в настоящей жалобе.

Приложение:

1. Копия приговора народного суда
2. Копия определения Верховсуда МССР.
3. Справка о семейной положении.

Адвокат

(А. Л. Мове)

7 января 1968 г.

Реакцией на эту жалобу был ответ за подписью лично Прокурора Молдавской ССР А. Казанира, который не мог не удивить меня, особенно в той части, где он "оправдывал" факт изъятия из дела одного из протоколов допроса Казаку и "обвинял" следователя в нарушении процессуальных сроков допросов Казаку.

Вот он, этот ответ А. Казанира.

Документ

ПРОКУРАТУРА
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ПРОКУРОРУЛ ПРОКУРОР

НПОДЛАСИИ СОИЕТАИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИИ РЕПУБЛИКИИ

НПОДЛАСИИ СОИЕТАИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИИ РЕПУБЛИКИИ

Ор. Кишинев, стр. Пирогов, 10.

гор. Кишинев, ул. Пирогов, 70.

1-1252/65

20 февраля 1968 г.

АДВОКАТУ ТОВ.МОВЕ А.Л.

г.Москва, ул.Баррикадная, 18.

Юридическая консультация.

Прокуратурой МССР проверено в порядке надзора уголовное дело по обвинению КАЗАКУ Д.Н., осужденного народным судом Дубоссарского района Молдавской ССР 4 марта 1965 года по ст.89 УК МССР к 10 годам лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда МССР от 26 марта 1965 года приговор оставлен без изменения.

КАЗАКУ Д.Н. признан виновным в том, что он в ночь на 8-е января 1965 года, находясь в нетрезвом состоянии, в селе Будешты Дубоссарского района на почве ссоры с гр-кой БАТАМАН Р.Н. возле ее дома нанес ей несколько ударов по голове палкой, причинив перелом костей свода и основания черепа с размоложением вещества головного мозга, отчего БАТАМАН скончалась.

Виновность осужденного подтверждена его личным признанием на предварительном следствии и в судебном заседании протоколом воспроизведения его показаний в присутствии понятых с приложением фотографий, материалами изъятия вещественного доказательства - орудия убийства /палки/, заключением судебно-медицинской экспертизы о причине смерти потерпевшей, показаниями свидетелей - БАТАМАН В.Ф., обнаружившего труп своей матери возле дома, объяснениями свидетелей КАЗАКУ В.Д., КАЗАКУ И.Т., ПРО-

КА Г.Н., КАЗАКУ Е.А., ГАРАБЕЦ Н.С. и ПАТРАШ Н.Ф.

В процессе расследования дела не подтвердилась версия о том, что смерть потерпевшей наступила от удара при падении ее. В деле так же отсутствуют доказательства совершения убийства БАТАМАН Р.Н. ее сыном - БАТАМАН Д.Ф.

Доводы жалобы о том, что в отношении КАЗАКУ Д.Н. применялись неправильные методы ведения следствия, в связи с чем он якобы вынужден был признать свою вину, при дополнительной проверке не подтвердились.

Следователем по этому делу было допущено нарушение ст.105 УПК МССР тем, что КАЗАКУ Д.Н. после задержания его 12 января 1965 года не допрашивался до 15 января. На это нарушение прокуратуре Дубоссарского района указано.

15 января 1965 года КАЗАКУ был допрошен работником Министерства охраны общественного порядка МССР тов.Гнатюком и признал вину в совершении преступления, но этот протокол к делу не приобщен в связи с тем, что допрошен КАЗАКУ без переводчика / тов.ГНАТЮК владеет молдавским языком/. На следующий день КАЗАКУ был допрошен следователем прокуратуры района с участием прокурора района и переводчика и также рассказал о совершении им преступления.

КАЗАКУ не заявлял прокурору района о том, что к нему применялись недозволённые методы ведения следствия, не говорил он об этом и в судебном заседании, а также не упоминал в кассационной жалобе, не отрицал вины в убийстве гр-ки БАТАМАН.

Учитывая изложенное, оснований к опротестованию приговора по делу КАЗАКУ Д.Н. не усматриваю.

Примечание: ка б.и.е.т.я.

ПРОКУРОР МОЛДАВСКОЙ ССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ
2-го класса -

/А.КАЗАНИР/

Не согласившись с доводами Прокурора республики, я обратился с жалобами непосредственно в Прокуратуру СССР. Одна из этих жалоб была специально посвящена ответу т. Казанира.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

Адвоката А. Л. Мове, г. Москва,
ул. Баррикадная, 8 Юридическая
консультация

По делу

Казаку Демьяна Николаевича,
осужденного приговором Нарсуда
Дубоссарского р-на МССР от 4
марта 1965 г. по ст. 89 УК МССР
к 10 годам лишения свободы.

В дополнение к жалобе в порядке надзора считаю необходимым *особо* остановиться на том ответе, который был мною получен из Прокуратуры МССР и который подписан Прокурором МССР т. Казаниром (№ 2 — 1252/65 от 20 февраля 1968 г.).

1. Известно, что обвинение не может быть построено *на одних признаниях* обвиняемого. И если уж следственные органы, а за ними и суд решились обосновать виновность Казаку Д. Н. *единственным* доказательством — признанием им своей вины (ничего другого в материалах дела нет — об этом см. подробно раздел IV жалобы в порядке надзора), то очевидно, что к тому способу, тем методам, с помощью которых были получены эти признания, необходимо предъявлять особые требования, исключающие какую бы то ни было возможность получения этих признаний путем применения незаконных приемов ведения следствия.

Будучи не в силах опровергнуть доводы жалобы, касающиеся того, что из дела изъяты первоначальные протоколы допросов Казаку, Прокуратура МССР вынуждена была частично признать этот факт, но, как это ни странно, ничего противозаконного Прокурор МССР в этом не усмотрел.

"15 января 1965 г., — пишет автор ответа, — Казаку был допрошен работником Министерства охраны общественного порядка МССР тов. Гнатюком и признал вину в совершении преступления, но *этот протокол к делу не приобщен* в связи с тем, что допрошен Казаку без переводчика (тов. Гнатюк владеет молдавским языком).

Итак, оказывается, на территории МССР существуют какие-то определенные (извинительные) условия, которые дают возможность следователю допрашивать обвиняемого, а затем уничтожать или не приобщать к делу протоколы его допросов, и в этом руководство Прокуратуры МССР даже не видит ничего особенного.

Помимо этого, 9 января 1965 г. настоящее дело было принято к производству следователем Прокуратуры т. Логиновым (л. д. 2).

Кто же дал право, кто поручил работнику милиции т. Гнатюку допрашивать 15 января 1965 г. содержащегося в КПЗ подозреваемого Казаку? Кто его уполномочил на это, где эти полномочия? Документов, подтверждающих все это, в деле нет.

Наконец, если т. Гнатюк допросил подозреваемого и составил протокол на молдавском языке, то разве не ясно, что этот протокол необходимо приобщить к делу и, в случае необходимости, перевести его на русский язык?

Все это вещи абсолютно очевидные и свидетельствуют они об одном: первоначальное признание было получено у Казаку работником милиции т. Гнатюком, который допрашивал подозреваемого, не имея на то никаких полномочий. Методы, которые применялись при этом допросе и с помощью которых было получено признание, являются весьма сомнительными, о чем, в частности, свидетельствует то, что протокол этого допроса не был приобщен к делу, скрыт от суда.

Более подробно об этих методах пишет сам Казаку в своих жалобах.

Очевидно, что уже по одним этим соображениям данный приговор не может быть оставлен в силе.

2. Как видно из материалов дела, Казаку был задержан по подозрению в убийстве 12 января 1965 г. (л. д. 9).

Первый же протокол его допроса, находящийся в деле, датирован 16 января 1965 г. (л. д. 105). В настоящее время Прокуратурой МССР признано, что Казаку допрашивался и 15 января 1965 г., но протокол этот к делу не приобщен.

Что же происходило с Казаку в период с 12 до 15 января 1965 г.? Неужели в это время его, содержащегося в КПЗ, никто не допрашивал? (Ведь в соответствии со ст. 105 УПК

подозреваемый должен быть допрошен немедленно после задержания).

По этому поводу с своим ответе Прокурор МССР пишет:

“Следователем по этому делу было допущено нарушение ст. 105 УПК МССР тем, что Казаку Д. Н. после его задержания 12 января 1965 г. не допрашивался до 15 января. На это нарушение прокуратуре Дубоссарского р-на указано”.

Итак, оказывается, все дело в неопытности следователя. Свершилось убийство, никаких улик нет, предпринимается буквально все возможное, дабы установить преступника, и в этой накаленной обстановке следователь задерживает человека, подозреваемого в убийстве, и не торопится ни о чем его спросить, держит без допросов в КПЗ 4 дня.

Нетрудно понять, что все это плохо уживается с обыкновенной житейской логикой и здравым смыслом.

Помимо этого. На допросе 23 января 1965 г. Казаку пояснил:

“На первом допросе я не признавался, что убил, так как боялся ответственности, так как у меня много детей и они останутся без кормильца. Впоследствии, когда мне стали доказывать, что я совершил убийство, я решил рассказать всю правду...” (л. д. 144 — оборот)

Излишне убеждать, что Казаку не было никакого смысла выдумывать и говорить, что на первом допросе он отрицал свою вину. Если бы не было такого допроса и таких показаний, вряд ли бы следователь т. Логинов не вмешался и не разъяснил бы Казаку, что он лжет, что такого допроса не было, и что он, Казаку, никогда не отрицал своей вины.

Все это вещи абсолютно очевидные и свидетельствуют они о том, что никакого нарушения ст. 105 УПК, в данном случае, конечно, не было.

Просто таким же образом, как исчез из дела протокол допроса Казаку от 15 января 1965 г., исчезли из дела и другие протоколы его допросов, в которых он отрицал свою вину.

Мне хотелось бы быть правильно понятым. Суть в конечном счете не в том, что к делу не приобщены (или из

него изъяты) отдельные протоколы допросов обвиняемого. Здесь дело не в формальном моменте, а в том, что от суда были скрыты эти протоколы, что суд был лишен возможности оценить все показания обвиняемого в их совокупности.

В свете тех жалоб, которые пишет сейчас Казаку, создается впечатление, что сделано все это было не случайно, в связи с тем, что в этих протоколах содержались ссылки на обстоятельства, противоречащие другим объективным данным, т. е. то, что частично еще сохранилось и в протоколе допроса Казаку от 16 января 1965 г. (Прошу сопоставить показания Казаку по вопросу о том, где он взял палку и куда ее положил после убийства, с протоколом изъятия палки — л. д. 107 — оборот и л. д. 30 — более подробно об этом сказано в разделе IV жалобы).

3. В своем ответе т. Казанир утверждает, что якобы помимо признаний Казаку его вина подтверждается "протоколом воспроизведения его показаний в присутствии понятых с приложением фотографий, материалами изъятия вещественного доказательства — орудия убийства (палки) и т. д."

Считаю необходимым еще раз обратить внимание на несостоятельность всех этих доводов.

а) Казаку действительно воспроизвел обстановку убийства. Но воспроизвел он лишь свои показания, которые объективно ничем не подтверждены. Что же касается положения трупа, то об этом Казаку рассказал со слов сына погибшей, свид. Ватаман (см. раздел IV жалобы).

б) Как указывалось выше, в ответе Прокуратуры МССР сделана ссылка на малоопытность следователя (он нарушил ст. 105 УПК).

Между тем, если верить материалам дела, то следователь был не малоопытен, а наоборот, исключительно прозорлив: еще до допроса Казаку, 14 января 1965 г., он изъяс во дворе его дома палку (л. д. 30), обыкновенную деревянную палку, на которой не было абсолютно никаких следов убийства. А на следующий день, 15 января 1965 г., Казаку признался, что именно этой палкой он совершил убийство!

Из сказанного явствует, что изъятая у Казаку палка не только не подтверждает его признания, а наоборот свидетельствует об очевидной искусственности этого признания.

в) Свидетели Казаку В. Д., Казаку М. Т., Прока Г. Н., Казаку Е. А., Гарабец И. С., Патраш Н. Ф., на которых имеется ссылка в ответе Прокуратура МССР, не являлись свидетелями убийства и ни в коей мере не уличают в этом Казаку Д. Н. (см. их показания).

Не уличается он в этом и заключением суд. мед. экспертизы.

4. Не может не вызвать недоумения и следующий довод, содержащийся в ответе Прокуратуры МССР:

“В процессе расследования дела не подтвердилась версия о том, что смерть потерпевшей наступила от удара при падении ее. В деле так же отсутствуют доказательства совершения убийства Ватаман А. И. ее сыном — Ватаман Д. Ф.”.

а) Совершенно очевидно, что версия о возможности наступления смерти потерпевшей в результате удара при падении, могла проверяться единственным путем — путем постановки соответствующего вопроса перед суд. мед. экспертом.

Такой вопрос в процессе следствия перед суд. мед. экспертом не ставился, а в судебное заседание эксперт даже не вызывался.

Как же можно после этого утверждать о том, что эта версия проверялась и не подтвердилась?

Но если следователь и не ставил такого вопроса перед экспертом, то сам суд. мед. эксперт в какой-то степени его осветил. Вот что по этому поводу сказано в акте суд. мед. экспертизы:

“Ссадина с кровоподтеком вокруг лба справа (именно с этим повреждением эксперт увязывает повреждение головы, приведшее к смерти) могла возникнуть как при ударе тупым предметом, так и при ударе о таковой” (см. заключение эксперта л. д. 129 и схему — л. д. 134).

Уж не это ли заключение расценил автор ответа как опровержение версии о возможной смерти потерпевшей в результате несчастного случая?

б) Что касается причастности к случившемуся сына Ватаман, то эта версия вообще не проверялась. Достаточно сказать, что даже найденный в доме Ватаман *топор со*

следами крови, тот самый, который был изъят для "исследования и проверки" (л. д. 33), никакому исследованию не подвергался, ни на какую экспертизу не направлялся и где он сейчас — неизвестно.

5. В ответе Прокурора МССР делается ссылка и на то, что, дескать, "Казаку не заявлял прокурору р-на о том, что к нему применялись недозволенные методы ведения следствия, не упоминал он об этом и в кассационной жалобе".

Этот довод является несостоятельным.

а) На каком основании сделан вывод о том, что Казаку не заявлял прокурору р-на о применении к нему недозволенных методов? Только на том основании, что этого не подтвердил Прокурор р-на, что он это отрицает?

А что пишет по этому поводу осужденный Казаку, что он говорит? Почему его об этом не спросили?

Осужденный Казаку пишет, что он не только говорил об этом Прокурору р-на, но что и сам прокурор т. Мартыненко неоднократно перед судом заходил к нему в КПЗ, убеждал его в том, чтобы он не отказывался от своих показаний и пр.

Казаку ссылается на то, что задолго до суда, дней за 20, он был привезен из тюрьмы г. Кишинева в КПЗ г. Дубоссары, где на него оказывалось перед судом всяческое воздействие.

В своей жалобе защита просила проверить это обстоятельство путем обзора *личного дела заключенного Казаку Д. Н.* Этот довод защиты автор ответа почему-то вообще обошел молчанием.

б) Неосновательна ссылка и на кассационную жалобу осужденного, в которой он якобы не отрицал своей вины.

Казаку — человек малограмотный, русским языком абсолютно не владеет. Никакой кассационной жалобы Казаку не писал и не подавал.

Имеющаяся в деле жалоба составлена адвокатом, от своего имени, с ней Казаку ознакомлен не был. Данное обстоятельство легко проверить путем обзора *личного дела заключенного*, из которого будет видно, что после оглашения приговора никакого свидания с адвокатом у Казаку не было.

Изложенное свидетельствует о том, что поданная мною в адрес Прокурора МССР жалоба по делу Казаку Д. Н. была отклонена безосновательно.

Все это прошу принять во внимание при проверке настоящего дела.

Адвокат

(А. Л. Мове)

По протесту первого заместителя Генерального прокурора СССР Президиум Верховного суда МССР своим Постановлением от 26 июля 1968 г. проговор суда отменил и дело обратил на дополнительное расследование.

Документ

Состав коллегии:	докл. Осадчий Ф. Н. чл. Бордюжа Д. Д.
Председательствующий	Андриуца А. Д.

Дело № 02-Д-83

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СУДА МОЛДАВСКОЙ ССР 26 июля 1968 г.

Президиум Верховного суда МССР в составе:

Председательствующего Президиума Зингана Х. Я. Членов президиума Елисеева А. А., Демидова В. С., Кириллюка А. Д. и Кожевниковой А. П. с участием заместителя прокурора МССР Житаря Г. С. при секретаре Афониной Н. П. рассмотрел по протесту первого заместителя Генерального прокурора СССР уголовное дело по обвинению Казаку Демьяна Николаевича по ст. 89 УК МССР

Заслушав доклад члена Президиума Верховного суда МССР Елисеева и заключение заместителя прокурора Молдавской ССР Житаря, полагавшего протест удовлетворить, Президиум

Установил:

Приговором народного суда Дубоссарского района Молдавской ССР от 4 марта 1965 года —

Казаку Демьян Николаевич, 1919 года рождения уроженец и житель села Будешты Дубоссарского района МССР, из крестьян, молдаванин, образование 3 класса, женатый, имеющий 7 детей, судимый 6 мая 1947 года Особым совещанием МВД СССР по ст. 78 ч. 3 УК УССР к двум годам лишения свободы, наказание отбыл, судимость погашена, гражданин СССР, —

осужден по ст. 89 УК МССР к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Молдавской ССР от 26 марта 1965 года приговор народного суда оставлен без изменения.

Казаку Д. Н. осужден за то, что он, подозревая Ватаман Агафью в распространении порочащих его слухов, в ночь на 8 января 1965 года, будучи в нетрезвом состоянии, встретив последнюю на улице около ее дома, учинил ссору. Когда Ватаман Агафья стала убегать, Казаку Д. Н. догнал ее, свалил на землю, а затем нанес ей несколько ударов палкой по голове, отчего она вскоре умерла.

В протесте Первого заместителя Генерального прокурора СССР ставится вопрос об отмене приговора народного суда и определения Судебной коллегии и направлении дела по обвинению Казаку Д. Н. на дополнительное расследование ввиду поверхностного исследования обстоятельств дела.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Вывод суда и органов предварительного следствия о виновности Казаку Д. Н. основан исключительно на его признании, не подтвержденном другими доказательствами.

Правда, в приговоре указано, что помимо самопризнания виновность Казаку Д. Н. подтверждена показаниями сыновей и брата погибшей — Прока Г. Н. об угрозах якобы высказанных Казаку, протоколом выхода на место происшествия, во время которого Казаку воспроизвел "всю обстановку, которая зафиксирована фотоснимками", а также обнаружением на палке, которой он наносил удары, волоса

с головы человека и заключением судебно-медицинской экспертизы о том, что обнаруженные у Ватаман телесные повреждения могли быть нанесены этой палкой.

Об угрозах убийством показал один из сыновей погибшей — Ватаман Дмитрий, причем на первом допросе он ничего об этом не говорил, а на втором вопросе заявил, что Казаку "все время говорил, что он ее убьет". В своих показаниях он не приводит ни одного конкретного случая, когда были высказаны эти угрозы, но из дальнейших его показаний можно сделать вывод, что это было сказано однажды и в шутку.

Второй сын погибшей — Ватаман Василий в ходе предварительного следствия допрашивался два раза. Из его показаний видно, что ему неизвестно, угрожал ли Казаку его матери.

В судебном заседании он заявил, что якобы она говорила ему об угрозах Казаку. Причина изменений им своих показаний не выяснена.

Прока Г. Н. дал противоречивые показания. На одном из допросов он показывал, что сестра как-то осенью 1964 года жаловалась на Казаку, угрожавшего ей, а на другом допросе он показал, что сестра ему рассказывала осенью 1964 года, что при встрече с Казаку тот старается обнять ее шутя.

Жена одного из сыновей погибшей — Ватаман М. М. показала:

"Мне известно, что Казаку Демьян ругался с моей свекровью, но сразу мирились и отношения между ними становились хорошими".

Из показаний других родственников и односельчан Ватаман А. можно сделать вывод, что какой-либо вражды между ней и Казаку не существовало.

Ссылка в приговоре на то, что Казаку воспроизвел обстановку совершения преступления, также не может служить доказательством его виновности.

Обстановка места происшествия известна лишь со слов Ватамана Дмитрия, который показал:

"Место и положение, где я обнаружил свою мать, показал Казаку Василию, Казак Марии, Казак Демьяну и Казак Елизавете. Я им показал, что

мать лежала на земле во дворе дома возле ступенек, головой вниз к западу, и что правая ее нога находилась на первой ступеньке снизу".

Очевидно, что не только Казаку Демьян, но и другие лица, которые слушали Ватамана Дмитрия, с таким же успехом могли воспроизвести обстановку места происшествия.

Указание в приговоре, что на палке, которой наносились удары обнаружен волос с головы человека, не совсем точно.

На палке обнаружено два волоса. Один из них оказался волосом собаки, а второй — волосом с головы человека, причем в заключении экспертизы указывается, что утверждать о сходстве его с волосами Ватаман А. не представляется возможным, ввиду наличия только одного волоса. Из текста заключения эксперта видно, что волосы Ватаман А. темно-коричневого цвета, а волос, обнаруженный на палке "желтый, с красноватым (рыжим) оттенком".

Следует отметить, что по заключению экспертов "каких-либо пятен, подозрительных на кровь, и повреждений целостности палки не обнаружено".

Не обнаружено никаких повреждений и на платке, которым была повязана голова Ватаман.

В заключении эксперта, производившего судебно-медицинское исследование трупа указано, что телесные повреждения на теле Ватаман могли возникнуть при ударе палкой. Вместе с тем, там же указано, что повреждения головы, явившееся причиной смерти, могли возникнуть "...как при ударе твердым тупым предметом, так и при ударе о таковой".

Таким образом, приведенные в приговоре доказательства (помимо "самопризнания") не дают оснований к выводу о виновности Казаку.

В связи с этим показания Казаку приобретают особо важное значение.

Казаку в ходе предварительного и судебного следствия полностью признал себя виновным в убийстве Ватаман.

Вскоре же после осуждения от него стали поступать жалобы о том, что убийства он не совершил, что он оговорил себя в результате применении недозволенных методов ведения следствия.

Ознакомление с материалами дела дает основание считать, что в ходе предварительного расследования были допущены нарушения уголовно-процессуального закона.

Казаку был задержан 12 января 1965 года как лицо подозреваемое в совершении убийства.

Первый протокол его допроса датирован 16 января, т. е. по материалам дела он впервые был допрошен на 5 день после задержания. На этом допросе он показал:

"Впервые правду о происшедшем я рассказал на допросе вчера, т. е. 15 января 1965 г., на допросе ст. лейтенанту милиции Гнатыку".

На допросе 23 января 1965 года Казаку показал:

"На первом допросе я не признавался в убийстве Ватаман Агафьи... ..Впоследствии, когда мне стали доказывать, что я совершил убийство, я решил рассказать всю правду..."

Таким образом, Казаку до 16 января 1965 года допрашивался неоднократно, но протоколы допросов его к делу не приобщены и суд был лишен возможности оценить все его показания.

Наряду с этим предварительное и судебное следствие по делу произведено односторонне и неполно.

Не выяснены обстоятельства, имеющие существенное значение по делу.

Из показаний Казаку, положенных в основу приговора, видно, что он бил палкой, упавшую на левый бок Ватаман, а затем оставил ее лежащую в том же положении.

Из акта судебно-медицинского исследования трупа усматривается, что помимо телесных повреждений на правой стороне тела у Ватаман обнаружен перелом 7 ребра слева по передне-подмышечной линии.

Как мог образоваться такой перелом, если признано установленным, что удары наносились лежащей на левом боку Ватаман, не выяснено.

В этом же заключении экспертизы отмечено, что ссадина на лице и кровоподтек на ноге "с завороченным эпидермисом кверху". Сын погибшей — Ватаман Дмитрий пояснил,

что мать его 7 января 1965 года спускалась в погреб за вином, причем в этот день лесенки в погребе не было.

В связи с этим возникла версия о возможности несчастного случая, учитывая, что Ватаман в этот день была в нетрезвом состоянии.

Однако версия эта не исследована.

Во время обыска в доме Ватаман был обнаружен топорик со следами, похожими на кровь. Топорик был изъят "для обследования и проверки", но материалы проверки к делу не приобщены.

Вечером 7 января 1965 года Ватаман была в гостях у соседей. Пришла она уже выпившая, там пила вино и угощала соседей своим вином. Ушла она в десятом часу.

В два часа ночи 8 января 1965 года она была обнаружена мертвой. Где была Ватаман после ухода от соседей и что делала не выяснено.

Таким образом ряд обстоятельств, имеющих существенное значение по делу, не исследован, в связи с этим приговор подлежит безусловной отмене с направлением дела на дополнительное расследование.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 37 Закона о судостроительстве Молдавской ССР, Президиум

Постановил:

Приговор народного суда Дубоссарского района от 4 марта 1965 года и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Молдавской ССР в отношении Казаку Д. Н. отменить и дело по его обвинению направить на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования через прокурора МССР. Мэру пресечения Казаку Д. Н. оставить прежнюю — содержание под стражей.

Председательствующий Президиума
Верховного суда МССР

Х. Зинган

Копия верна: председательствующий — подпись.

Копия верна:

(А. Мове)

Указанное Постановление как имеющее принципиальное значение было впоследствии опубликовано в журнале "Социалистическая законность" № 2 за 1969 год под рубрикой "Приговор отменен, поскольку он основан лишь на признании обвиняемым своей вины, не подтвержденном объективными доказательствами по делу".

После отмены Приговора дело доследовалось в течение 9-ти месяцев, в течение которых Казаку продолжал оставаться под стражей.

О том, какой характер носило доследование можно судить хотя бы по такому факту. Совершенно неожиданно за подписью Прокурора республики мною была получена следующая телеграмма.

Из досье адвоката

МИНИСТЕРСТВО				СВЯЗИ СССР	
ТЕЛЕГРАММА					
№ 17 1015		ПЕРЕДАЧА ПОСЛАНИЕ		МОСКВА А-242 БАРИКАДНАЯ В ЗАВЕДОМСТВУ ОБЛАСТНОЙ ПРОКУРАТУРЫ	
КИШИНЕВ 14/4201 16 15					
ОБВИНЯЕМЫЙ КАЗАКУ ЗАЩИТА АДВОКАТА НОВЕ ОТКАЗАЮСЯ ПРОКУРОР ПОДАВИИ КАЗАКУ					
25.X-02 ф. Т. 150000X150 Борисов, инн ул. 1-го Мая Тел. 7122					

С.И. Савинский
авт. 19/69

Эта телеграмма буквально ошеломила меня. Как гром среди ясного неба! Казаку, на защиту которого мною было затрачено столько сил, нервов и энергии, по делу которого с таким трудом я добился отмены приговора, вдруг, при завершении дополнительного расследования, отказался от моих услуг. Это было совершенно непостижимо и, конечно же, очень загадочно.

Разгадку я узнал при слушании дела в Народном суде, где Казаку подробно рассказал о том, как на следствии его вновь понудили сознаться в убийстве и отказаться от "своего" адвоката.

В результате суд вторично возвратил дело на дополнительное расследование, по завершении которого я получил уже совершенно другую телеграмму.

Документ

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ПРОКУРАТУРА
Общественной Прокуратуры
Молдавской Советской
Социалистической Республики

ПРОКУРАТУРА
Молдавской Советской
Социалистической Республики

Имя _____
г.р. Кишинев, стр. Пирогов, 70.

Отдел _____
г.р. Кишинев, ул. Пирогов, 70

м. 3.288/68
при ответе сослаться на № и дату

У. февраля 1969 г.

Москва Д-242, Баррикадная, 8.

Московская областная юридическая
консультация

Адвокату тов. МОВЕ А.И.

Сообщаю, что расследование по делу КАЗАКУ Д.Н. не закончено т.к. он заявил ходатайство о том, что желает ознакомиться с материалами дела с Вашим участием.

О дате ознакомления с делом Вам будет сообщено.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ
Прокуратуры МССР
мл.советник юстиции

Григорьев

(В.КОЧУРКА)

А перед слушанием дела в суде я получил возможность ознакомиться с новым (третьим по счету) обвинительным актом, который без прикрас показывал все то, что происходило с Казаку в тюрьме, во время доследования. Привожу только отдельные выдержки из этого документа.

“Утверждаю”

Прокурор Молдавской ССР
Государственный советник
юстиции 2-го класса

(А. Казанир)

3 июля 1969 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу Казаку Демьяна Николаевича, обвиняемого в преступлении, предусмотренном ст. 89 УК МССР

9 января 1965 года по факту насильственной смерти гр-ки Ватаман Агафьи Николаевны прокуратурой Дубоссарского района было возбуждено уголовное дело. (т. 1 л. д. 1-7)

Расследованием по делу установлено, что обвиняемый Казаку Д. Н., проживая в селе Будешты Криулянского района по соседству с Ватаман Агафьей Николаевной, с последней на протяжении 1961 — 1965 г. г. находился в неприязненных отношениях, часто ссорился с ней из-за того, что она в своем огороде убивала кур, принадлежащих его сыну, кроме того, он подозревал Ватаман Агафью в распространении в селе слухов о том, что он сожительствовал с невесткой Казаку Марией Ильевной — женой сына Казаку Василия, за что он неоднократно угрожал ей убийством. (т. 1, л. д. 15-16, 45-46)

В ночь на 8 января 1965 года, Казаку Д. Н., будучи в нетрезвом состоянии и находясь в неприязненных отношениях, затеял ссору с Ватаман Агафьей, толкнул ее на ступеньках крыльца и имеющейся у него палкой нанес Ватаман А. Н. несколько ударов, причинив перелом костей свода и основания черепа с размождением вещества головного мозга, перелом 7 ребра слева и другие телесные повреждения, от которых она скончалась на месте происшествия. (т. 1 л. д. 91-99, 105-109, 124-134)

4 марта 1965 года за совершенное преступление Казаку Д. Н. был осужден народным судом Дубоссарского района к 10 годам лишения свободы, однако из-за неполноты

следствия приговор в отношении Казаку Д. Н. отменен, а дело возвращено к доследованию (т. 1 л. д. 229, 254)

Обвиняемый Казаку Демьян Николаевич в предъявленном ему обвинении по ст. 89 УК МССР виновным себя не признал (л. 239 т.2), однако 5 апреля 1969 года на имя прокурора МССР подал заявление о том, что он с Ватаман Агафьей находился в неприязненных отношениях, а ночью 7 января 1965 года, когда возвращался от дома своего сына Василия, встретил Ватаман Агафью, которая стала его оскорблять, вывела его — Казаку из терпения, он пошел за ней и толкнул на крыльцо, отчего она упала, а он ушел домой. (т. 2 л. д. 108-109)

10 апреля 1969 года обвиняемый Казаку Д. Н. явился с повинной к инспектору оперчасти тюрьмы и через переводчика дал аналогичное заявление. (л. д. 295-302)

11 апреля 1969 г. Казаку Д. Н., будучи дополнительно допрошен в качестве обвиняемого, собственноручно написал, что он находился в плохих отношениях с Ватаман и что в ночь на 8 января 1965 года она нанесла ему оскорбления, поэтому он во дворе ее дома толкнул Ватаман на ступеньки крыльца, после чего ушел. (т. 2 л. д. 310-311)

17 апреля 1969 года Казаку Д. Н. также пояснил, что с Ватаман Агафьей он находился в неприязненных отношениях и вечером 7 января 1965 года, когда у него находились гости, он выходил за вином и пошел к дому своего сына Казаку Василию. Когда возвращался, Ватаман Агафья начала его оскорблять, он пошел за ней и во дворе перед домом толкнул ее на ступеньки крыльца, отчего она упала, а он ушел. Казаку также заявил, что во время следствия его никто не избивал. (л. д. 313-317 т. 2)

19 мая 1969 года при рассмотрении дела в суде обвиняемый Казаку Д. Н. изменил свои показания и заявил, что явиться с повинной и дать признательные показания об убийстве гр-ки Ватаман Агафьи, его якобы принудили в тюрьме заключенные Кравчук и Буздуган, с которыми вместе находился в камере, а так же работник тюрьмы Крючко, написавший протокол о явке с повинной. (т. 3 л. д. 70-71)

При дополнительном расследовании уголовного дела установлено, что обвиняемый Казаку действительно содержался в одной камере санчасти тюрьмы с заключенными Буздуган, Кравчук, Шаповаловым, Деньговским, Дучко и другими, которым Казаку по своей инициативе рассказал,

при каких обстоятельствах он совершил преступление, и попросил заключенного Кравчука написать об этом заявление на имя прокурора республики, в котором он признает свою вину и раскаивается в содеянном.

Никто из заключенных и сотрудников тюрьмы не уговаривал и не принуждал Казаку Д. Н. пойти к инспектору оперчасти тюрьмы Крючко, заявить о явке с повинной.

Так, свидетель Буздуган И. Т. на допросе показал: "Примерно в марте месяце 1969 года я болел и меня поместили в санчасть тюрьмы, где вновь встретился с Казаку Демьяном. При встрече мы разговорились кто за что арестован. Казаку Демьян стал мне рассказывать как он совершил преступление и просил меня никому об этом не говорить. Я сказал Казаку, что если он боится, то может не рассказывать, у меня есть свое "горе" и это меня не интересует... Казаку рассказывал, что он стал сожительствовать с женой сына и это знала соседка, он называл ее фамилию, но я забыл. Эта соседка стала распространять слухи о связях Казаку с невесткой, и он за это предупреждал, чтобы она молчала, а если не перестанет, то жизнь у нее отнимет..."

Далее Буздуган пояснил: "Когда Казаку выходил из ворот соседки, то его видела одна девушка, которая его знает, он очень волновался, что эта девушка видела его с палкой и может об этом рассказать в селе или заявить в органы". (л. д. 96-98, т. 3)

Допрошенный по делу свидетель Крючко В. Д. показал: "По долгу службы я и другие сотрудники тюрьмы проводили беседы с заключенными о чистосердечных показаниях и явке с повинной. Аналогичные беседы я проводил и в камере, где находились заключенные Казаку Демьян Николаевич, Кравчук Алексей Павлович, Деньговский Петр Федосеевич, Буздуган Иван Тимофеевич, Шаталов, Дучко и многие другие.

Многие заключенные после бесед являются в оперчасть с заявлением о явке с повинной, то есть рассказывают о преступлениях, скрытых на следствии... Так на явку с повинной явились в оперчасть Деньговский, затем Кравчук и позже их Казаку Демьян Николаевич... через переводчика Деньговского Д. Ф. была принята от него явка с повинной и составлен протокол, подписанный Казаку, Деньговским и мною... какого-либо давления с моей стороны на Казаку не было..." (т. 2 л. д. 195-303, т. 3 л. д. 99-100)

Принявший участие в качестве переводчика Деньговский П. Ф. на допросе показал: "В моем присутствии Казаку Демьян заявил майору оперативной части Крючко о том, что он желает чистосердечно рассказать следователю все по делу об убийстве гр-ки Ватаман Агафьи... Все, что в моем присутствии заявил Казаку Демьян, было майором Крючко записано в протоколе на нескольких листах, я прочел его в слух и перевел с русского на молдавский язык, Казаку Демьян сказал, что в протоколе с его слов все записано правильно..." (л. д. 85-87, т. 3)

Свидетель Кравчук А. П. на допросе показал: "Казаку говорил, что он арестован за убийство женщины из своего села, за что был судим на 10 лет лишения свободы, но к нему приезжал в лагерь адвокат, и дело отменили. Казаку высказывал такие мысли, что он намерен признаться в убийстве этой женщины. Казаку попросил меня, поскольку он не умеет хорошо писать, написать письмо..."

Однако при допросе и на очной ставке с Казаку Д. Н. свидетель Талбовцева О. И. не подтвердила его показаний и пояснила, что "за время нахождения Казаку Д. Н. в санчасти тюрьмы он мне на заключенных Буздуган, Кравчука и Деньговского никаких жалоб не высказывал... случая, чтобы заключенные Буздуган и Кравчук требовали от него признания своей вины не было. Я, во всяком случае, такого разговора среди них не слышала". (т. 3, л. д. 101-102, 113)

Выписка верна:

(А. Мове)

В судебном заседании, после того как по моему ходатайству было истребовано личное дело осужденного Буздуган И. Т., выяснилось, что он в свое время являлся главарем банды, которая в течение долгого времени буквально терроризировала ряд районов Молдавии.

Широкоплечий, ростом выше 2-х метров, обладающий незаурядной физической силой, Буздуган, находясь в лагере, был грозой заключенных, одним из тех осужденных, с помощью которых лагерное начальство порой наводило "порядок" в лагере. И вот этот-то человек был специально этапирован из лагеря в следственную тюрьму и посажен в одну камеру с Казаку. Можно только представить себе, какое все это оказало влияние на Казаку и как повлияло на его показания! После разоблачения в суде вышеуказанных противозаконных методов дело было вновь возвращено на доследование.

По окончании расследования дело было направлено в Народный суд, который после допроса подсудимого и свидетелей вынес вновь Определение о возвращении дела к доследованию.

На этот раз доследование длилось еще 2 месяца, и дело было направлено в суд.

При новом рассмотрении дела 3 ноября 1969 года мною был поставлен вопрос о вынесении Казаку оправдательного приговора.

Народный суд вместо Приговора вынес Определение о возвращении дела к доследованию и постановил меру пресечения, избранную в отношении Казаку, изменить и из-под стражи его освободить.

При доследовании дело было прокуратурой Молдавской ССР производством прекращено, и он был полностью реабилитирован.

Казаку Д. Н. неосновательно содержался под стражей 5 лет.

Вместо эпилога:

Из досье адвоката

Копия

Гр.КАЗАКУ Демьяну Николаевичу

Криулянский район, с.Будешты

Сообщаем, что уголовное дело по обвинению Вас по ст.89 УК МССР на основании ст.185 л."б".УПК МССР (недоказанность участия в совершении преступления) производством прекращено.

НАЧАЛЬНИК СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА

ст.советник 1-го класса

Копия верна:

Председатель Будештского с/Совета

ПОЛУЧУК/
ПОЛУЧУК/

Дело, безнадежное на все 200 процентов

Чтобы окончательно завершить рассказ о Якове Лукиче Биволе и его друзьях по лагерным нарам криковского заведения п/я 29/4, не могу не рассказать о деле Поляка Николая Сидоровича, который был арестован еще в 1960 году и осужден за хищение гос. имущества в особо крупном размере, по статье 123-1 УК МССР (статья 93-1 УК РСФСР), на 15 лет лишения свободы.

Ко времени моего приезда в Молдавию Поляк уже находился под стражей свыше 8 лет, и никакой надежды на скорое освобождение у него не было. Куда только он не обращался, в какие только инстанции он не писал жалобы? Результат был один: "Осужден правильно и справедливо".

Когда Бивол и его друзья обратились ко мне с просьбой о помощи Поляку, я только мог развести руками. Если дело Демьяна Казаку представлялось мне стопроцентно безнадежным (в чем, по счастью, я ошибся), то дело Поляка выглядело безнадежным на все 200 процентов. И дело здесь было не в самой сути обвинения, не в самой тяжести приговора, а в том, что были наглухо перекрыты все пути, все дороги во все мыслимые надзорные судебные-прокурорские инстанции. Собственно, некому и некуда было писать жалобы; абсолютно никто (даже при всем желании) не в состоянии был вмешаться в это дело.

А объяснялось все это тем, что Поляк был осужден в большой группе лиц и по жалобам некоторых осужденных Председателем Верховного суда СССР еще в 1967 г. был внесен протест в Пленум Верховного суда СССР, который своим Постановлением внес определенные изменения в приговор не только в отношении этих осужденных, но и в отношении Поляка (они касались в основном незначительных изменений объема и стоимости похищенного и никак не отразились на размере назначенного ему наказания). Ясно, что вносить повторный протест при таких условиях ни Председатель Верховного суда СССР, ни его заместители уже не имели никакой возможности.

Не мог вносить протест в Пленум Верховного суда СССР в защиту интересов Поляка и Генеральный прокурор СССР, поскольку он лично принимал участие в заседании Пленума и выступал против внесенного А. Горкиным протеста. Итак, круг замкнулся! Обращаться с просьбами и жалобами в защиту Поляка некуда и не к кому! Дело не только на 100, а на все 200% безнадежно...

Но меня так просили, так умоляли и Поляк, и его друзья по несчастью, что я все же решился попробовать что-то предпринять. Единственную надежду при этом я возлагал на ошибку, очень незначительную арифметическую ошибку, которая была допущена в тексте Постановления Пленума Верховного суда СССР при подсчете размера похищенного.

Но как использовать этот промах, кому об этом говорить, если я заранее был убежден, что ни к кому, ни в одной из высоких инстанций на личный прием меня не запишут, а если и запишут, и попаду к кому-то — что в этом проку?

И все же, повторюсь, я решился взяться за это безнадежное дело. Изучив материалы, составил жалобу и отправился с ней в приемную Верховного суда СССР.

Ныне покойный Вячеслав Васильевич Ворошилов, начальник приемной, как всегда встретил меня очень радушно, но узнав о цели визита, только выразительно пожал плечами: “Вы же прекрасно понимаете, Абрам Львович, что никакой речи о личном приеме у нас быть не может. Я даже по сути не вправе докладывать о Вашей просьбе Александру Федоровичу Горкину, так как у Вас просто нет предмета для разговора с ним. Ведь при всем желании, он просто не в состоянии Вам помочь”.

И хотя мне все-таки удалось, ссылаясь на злополучную ошибку в Постановлении, уговорить Ворошилова доложить начальству о моей просьбе принять меня, что он и сделал, результат, однако, был безрадостным: “Оснований для приема нет”. Пришлось опустить жалобу в почтовый ящик, стоящий в приемной.

Из досье адвоката Извлечение

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА СССР
А. Ф. ГОРКИНУ**

Адвоката Мове А. Л., г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8 Мособлюрконсультация

По делу

Поляка Николая Сидоровича, осужд. Приговором
Коллегии Верхсуда МССР от 1 июня 1962 г. по
ст. 123-1 и ст. 163 ч. 2 УК МССР на 15 лет
лишения свободы

Жалоба в порядке надзора

То, что произошло в этом деле, не может не привлечь к себе внимания.

За исключением Поляка Н. С. все осужденные указанным приговором коллегии Верховсуда МССР в настоящее время уже освобождены от наказания. А Поляк, который содержится под стражей в нелегких условиях лагеря усиленного режима свыше 8 лет, должен еще целых 7 лет томиться в заключении.

Именно в этом, прежде всего в этом, заключается самая большая и очевидная несправедливость судебного приговора.

1) Нетрудно заметить, что Поляк Н. С. — был *единственным* из всех обвиняемых, который не только всегда признавал свою вину, но и активно способствовал полному раскрытию преступления и изобличению всех причастных к нему лиц.

В Обвинительном заключении по этому поводу сказано:

"Обвиняемый Поляк в процессе следствия признал свою вину в совершенном преступлении и оказал содействие следствию в объективном расследовании и полном раскрытии преступления" (Обвинительное заключение, стр. 42)

Очевидно, что уже по одним этим соображениям Поляк не мог и не должен быть наказан строже других.

2) Поляк никогда не был и *не значился организатором* преступлений. В отличие от осужденных Калики, Юнкельсона, Клеминера др., Поляк не являлся должностным лицом, не имел в своем распоряжении материальных ценностей, не занимался их непосредственным расхищением.

В тяжелые неурожайные годы, когда колхозный скот буквально погибал из-за отсутствия кормов, Поляк по просьбе руководителей колхозов, в интересах колхозов оказывал им содействие в закупке и приобретении этих кормов (жмыха).

Отсюда видно, что *основная вина* Поляка заключалась не в хищении (хотя объективно своими действиями Поляк способствовал в этом другим), а в *коммерческом посредничестве*, которое, конечно, является менее опасным преступлением, нежели хищение гос. имущества.

Если же при этом учесть, что Поляк действовал в интересах колхозов, учесть ту определенную пользу, которая была им принесена в результате заготовки кормов для колхозов, станет понятным, что и с этих позиций Поляк не мог и не должен быть наказан строже других.

3) Из приговора суда явствует, что Поляк *способствовал* хищению 36.510 кг подсолнечника на сумму 5.841 руб., 5.700 кг жмыха стоимостью 285 руб. и 3.427 кг растительного масла на сумму 4.797 руб. а всего способствовал хищению на сумму 10.924 руб. (см. приговор, стр. 9).

Допустим, что это так, хотя Пленум Верховного суда СССР эту сумму несколько снизил (об этом см. ниже). Допустим, что действия Поляка, который скупал подсолнечник и жмых у зав. маслобойных пунктов, верно расценены, как пособничество в хищении.

Но возникает другой немаловажный вопрос.

— Какую долю из 10.924 руб. получил Поляк?

— Какова была его личная заинтересованность в хищении?

Нетрудно убедиться в том, что все эти деньги (свыше 10 тыс. руб.) были присвоены Юнкельсоном, Каликой, Клеминером и др., и что Поляк ни одной копейки из этих денег не получил.

Очевидно, что и с этих позиций, с учетом того, что хотя объективно Поляк и являлся пособником хищения, но львиную долю от реализации похищенного получил не он, а те, кто непосредственно создавали излишки продукции и затем их расхищали (т. е. материально-ответственные лица — Калик, Юнкельсон, Глузман и др.), Поляк не мог и не должен быть наказан строже их.

4) Наконец, нельзя не обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Поляк — в прошлом не судим, он *впервые* оказался на скамье подсудимых.

А те, кто занимались *непосредственным* хищением, должностные, материально-ответственные лица, уже имели знакомство с уголовным кодексом:

Калик — был в прошлом дважды судим, длительное время находился в местах лишения свободы.

Глузман — ранее был судим по ст. 135 ч. 2 УК МССР.

Юнкельсон — ранее был так же судим.

Бузановер — ранее был трижды судим

и т. д. (см. Приговор).

Думается, что и по этим соображениям Поляк не должен был быть наказан строже других.

Характерно, что и *представитель Гос. обвинения* просил в суде об определении Поляку наказания в виде 10 лет лишения свободы, т. е. более мягкого, нежели многим другим подсудимым. (См. Протокол суд. засед. — т. 7 л. д. 748).

Квалификацию действий Поляка ст. 123-1 УК МССР и назначение ему *максимального* наказания, предусмотренного этим законом, наказания, которое (как минимум) является в два раза более строгим, чем наказание, избранное в отношении других осужденных, можно объяснить только одним — теми серьезными ошибками, которые были допущены при рассмотрении данного дела в суде и во всех последующих судебных инстанциях.

Так:

1) По приговору суда Поляк был признан виновным в том, что он способствовал хищению 36.510 кг подсолнечника стоимостью 5.841 руб. 60 коп. (см. приговор — стр. 9).

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР вполне обоснованно отмечено, что "подсчет по приговору дает не 36.510 кг, а лишь 35.992 кг (см. Постановление, стр. 15). Из этого количества следовало исключить хищение 6.159 кг подсолнечника, поскольку, как признал Пленум, 17 декабря 1959 г. Каликом при содействии Поляка было похищено не 10.159 кг подсолнечника, а лишь 4.000 кг на сумму 640 руб. (см. Постановление, стр. 8 и 17).

Таким образом следовало признать Поляка виновным в хищении 29.833 кг подсолнечника (35.992-6.159) на сумму 4.773 руб. 28 коп.

Вместо этого Пленум Верховного Суда СССР своим Постановлением исключил из обвинения Поляка хищение 4.000 кг подсолнечника (а не 6.159 кг) и признал его виновным в хищении 31.992 кг подсолнечника (35.992-4.000 кг) на сумму 5.118 руб. 72 коп. (см. Постановление Пленума — стр. 15 и 17).

С учетом только этого изменения общая сумма похищенного с участием Поляка (стоимость 6.159 кг подсолнечника составляет 985 руб. 44 коп.) снижается до 9.856 руб. 08 коп.

А если из этой суммы исключить еще и стоимость 5.000 кг жмыха (215 руб.), который, как признал Пленум, ошибочно включен в число похищенного (стр. 15 Постановления), то общая сумма похищенного с участием Поляка составит 9.641 руб. 08 коп. (4.773 руб. 28 коп. + 4.797 руб. 80 коп. + 70 руб.).

Мало того.

2) В приговоре суда значится, что в результате реализации похищенных 10.159 кг подсолнечника лично Поляк присвоил 507 руб. 80 коп.

Сумма эта исчислена путем умножения 10.156 x 5 коп. = 507 руб. 80 коп. (разница в стоимости между закупочной и продажной ценой, 35-30=5 коп. — см. Приговор, стр. 7).

Пленум Верховного суда СССР признал, что в данном случае было похищено не 10.156 кг, а лишь 4.000 кг подсолнечника.

Очевидно, что в этом случае следовало сумму 507 руб. 80 коп. также изменить и признать, что лично Поляк получил от реализации похищенного не 507 руб. 80 коп., а лишь 200 руб. (4.000 x 5), т. е. следовало исключить дополнительно 307 руб. 80 коп.

Этого изменения в Приговор Пленум Верховного суда СССР не внес.

Далее следовал подробный анализ имеющихся в деле доказательств и содержалась просьба исправить допущенные по делу ошибки и снизить Поляку наказание до фактически отбытого.

Ответ не заставил себя долго ждать.

Документ

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА СССР

При ответе ссылайтесь на наш № 02Д-466-64 10 апреля 1970 г.

Адвокату тов. Мове А. Л.

Москва, ул. Баррикадная, дом 8
Московская областная
Юрконсультация

Ваша жалоба на приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Молдавской ССР от 1 июня 1963 года, согласно которому Поляк Николай Сидорович по совокупности совершенных преступлений, предусмотренных ст. ст. 163 ч. 2 и 123-1 УК МССР, осужден к 15 годам лишения свободы, в Верховном Суде СССР рассмотрена.

Поляк Н. С., нигде не работая, заключал договора с колхозами и выезжал с представителями колхозов на заготовку подсолнечника, жмыха и масла, лично договаривался с должностными лицами и частными гражданами о количестве и цене

приобретаемых сырья и продуктов; составлял документы, в которых заведомо завышались закупочные цены и участвовал в дележе разницы между действительной стоимостью закупленного и стоимостью, указанной в документах, т. е. в расхищении колхозных денежных средств. Винодность Поляка в содеянном доказана признанием им своей вины, а также показаниями Верещука, Наводило, Бузановера и других.

Доводы жалобы о переквалификации преступления Поляка со ст. 123-1 на ст. 123 ч. 3 УК МССР не могут быть признаны обоснованными, поскольку они требуют переоценки доказательств. Мера наказания Поляку определена в соответствии с санкцией закона.

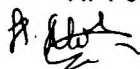
Оснований для пересмотра приговора в отношении Поляка Н. С. не усматривается, в связи с чем Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Документы, приложенные к жалобе на 46 листах, возвращаются.

Председатель
Верховного Суда СССР

Копия верна

А. Горкин

(А. Мове)

...

Получив это сообщение, я написал на него соответствующее возражение и вновь обратился в Приемную Верховного суда СССР с просьбой записать меня на личный прием к А. Ф. Горкину.

Из досье адвоката

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
тов. Горкину А. Ф.

Адвоката Московской областной юрконсультации
Мове А. Л. (г. Москва, ул. Баррикадная, 8)

По делу

Поляка Николая Сидоровича, осужд. приговором
коллегии Верховного суда МССР, от 1 июня 1963 г.
по ст. 123-1 УК на 15 лет лишения свободы

ЗАЯВЛЕНИЕ

На жалобу, направленную в Ваш адрес по указанному делу, мною получен отрицательный ответ за Вашей подписью (№ 02Д-466-64 от 10 июня 1970 г.).

С этим ответом нельзя согласиться, поскольку в нем обойдены молчанием основные доводы жалобы.

В частности:

В жалобе обращено внимание на серьезные ошибки, которые были допущены в Постановлении пленума Верховного суда СССР от 15 декабря 1967 г.

1) Из обвинения Поляка, так же как и из обвинения Калика, следовало исключить хищение 6.159 кг подсолнечника на сумму 985 руб. 44 коп., а не хищение 4.000 кг (см. Постановление, стр. 15 и 17).

С учетом только этого изменения общая сумма похищенного с участием Поляка снижается до 9.856 руб., что давало основание для переквалификации его действий на ч. 3 ст. 123 УК.

Этот довод защиты обойден молчанием.

2) Из обвинения Поляка (в связи с тем, что Пленум признал, что он похитил совместно с Каликом не 10.156 кг, а лишь 4.000 кг подсолнечника), следовало исключить и хищение 307 руб. 80 коп., вырученных от реализации похищенного — см. стр. 5-6 жалобы.

Этот довод защиты не опровергнут.

3) В жалобе обращалось внимание и на то, что при рассмотрении дела на Пленуме Верховного суда СССР в Постановлении появилась ссылка на то, что якобы Поляк способствовал хищению продукции на сумму 14.367 руб., в то время как в приговоре фигурировала сумма 10.924 руб.

Ошибка эта произошла вследствие того, что в данном случае Поляку было приписано не только хищение продукции, на сумму, исчисленную исходя из гос. розничных цен (10.924 руб.), но и присвоение денег, вырученных от реализации похищенного (нажива) — см. стр. 7-10 жалобы.

Исправление только указанных ошибок, а их исправление не требует никакой переоценки доказательств, должно было повлечь снижение размера похищенного, а, следовательно, и переквалификацию действий Поляка на ч. 3 ст. 123 УК.

Эти доводы защиты в ответе обойдены молчанием.

Не опровергнуты и другие важные доводы жалобы.

В связи с изложенным убедительно прошу найти возможным принять меня и выслушать.

Ранее на личном приеме по данному делу в Верховном суде СССР не был.

Адвокат

(А. Мове)

"12" мая 1970 г.

Результат, естественно, был тот же — в приеме мне было отказано.

И здесь мне хотелось бы открыть небольшой секрет, в надежде, что не вызову за это строгих нареканий. Тем более, что нет в живых не только многих участников тех событий, но и "почил в бозе" и сам Верховный суд СССР.

Однажды, в одну из своих частых поездок в Криково (по другому делу), я проинформировал Поляка о ходе его дела и мы условились, что очередную жалобу напишу не я, а он, и адресует ее не в Верховный суд, а в административный отдел ЦК КПС, и жалоба эта будет не по существу дела, а лишь на то, что А. Ф. Горкин отказывает в личном приеме его адвокату. Только об этом!

Как сейчас помню, возвратившись в Москву, через определенный промежуток времени я отправился в Верховный суд СССР с жалобой по своему очередному делу. Встретил меня Вячеслав Васильевич на этот раз не очень радушно и в сердцах сказал: "А Поляк-то Ваш каков, а?" "В чем дело? — непонимающе возразил я, — он вроде бы тихо ведет себя в лагере, порядок не нарушает". "Это только Вам так кажется, Абрам Львович! — раздраженно возразил Ворошилов, — А на самом деле, посмотрите только какую ябеду он написал. И на кого, на самого Горкина! Дескать, его адвокат ходит по Москве, обивает пороги приемной Верховного суда, а Горкин не соизволит его принять. И написал-то куда? Хотя бы направил жалобу нам, в Верховный суд, а то сразу в ЦК партии, в административный отдел! Ну и тип!" — закончил он. "А что же Горкин?" — робко спросил я. "Да что Горкин, что Горкин? — перефразировал меня Ворошилов и, открыв сейф, извлек оттуда объемистую папку, — Это надзорное производство по делу Поляка, и Александр Федорович велел, как только Вы появитесь у нас, немедленно доставить Вас к нему!"

Здесь я должен сделать небольшое отступление.

Александра Федоровича Горкина, одного из старейших большевиков, знала вся страна. Да и как было его не знать, если под каждым Указом, под каждым Постановлением Президиума Верховного Совета СССР многие годы неизменно рядом с подписью Председателя Президиума Верховного Совета СССР И. Сталина — стояла его подпись: "Секретарь Президиума Верховного Совета СССР — А. Горкин". Смерть Сталина и произошедшие в стране перемены круто изменили и судьбу этого человека, который в конечном итоге был призван к руководству высшим судебным органом страны.

Александр Федорович по образованию не был юристом, он не очень-то глубоко разбирался и во всех хитросплетениях юриспруденции, но это был человек широкого кругозора, истинный демократ, либерал и, что самое главное — добрый, гуманный человек. То, чего он не мог, может быть, понять, в чем не мог разобраться с позиций правовых, он очень правильно и чутко воспринимал своим сердцем и душой. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что долгие годы, в течение которых А. Ф. Горкин возглавлял Верховный суд СССР — это были лучшие и самые светлые годы в работе этого судебного органа, и память о себе он оставил самую благодарную.

Лично мне по делам службы приходилось несколько раз соприкасаться с этим замечательным человеком, и всегда после этих встреч оставалось самое приятное, самое чудесное впечатление.

Помню, как однажды был я на личном приеме у А. Ф. Горкина по делу Фурмана, человека тяжело больного, инвалида, осужденного за хищение гос. имущества в крупном размере явно несправедливо. Долгие годы находился этот человек в лагере и никаких реальных шансов добиться снижения ему наказания не было. "Увы, — завершил свой прием Александр Федорович, — к сожалению, ничем, буквально ничем, я помочь Вам не могу. Единственное, могу попытаться от своего имени обратиться с просьбой о его помиловании в Президиум Верховного совета Украины. Может быть они сумеют помочь..." Как вы понимаете, я с большой благодарностью принял это предложение. Такое ходатайство за подписью А. Ф. Горкина на Украину было направлено, и вскоре Фурман был помилован и обрел свободу.

А теперь попробуем проникнуть в психологию самого Александра Федоровича. Он добрый по натуре человек, слышет большим демократом и либералом, и на него вдруг поступает жалоба в ЦК, жалоба на его черствость, бездушие, на то, что он отказывает в приеме адвокату. Как он должен реагировать на подобную жалобу? Конечно же он постарается удовлетворить ее, поддержать свой, как теперь принято говорить, имидж. Короче, наш расчет на глубокую добропорядочность этого человека полностью себя оправдал.

Так я оказался на личном приеме у Председателя Верховного суда СССР по делу Поляка.

Большой просторный кабинет, Т-образный стол, за которым в центре сидит Александр Федорович, по правую руку от него предложили место мне, по левую — полковник юстиции, член военной коллегии Верховного суда, тот самый, который был докладчиком этого дела на Пленуме Верховного суда, и по вине которого была допущена злополучная ошибка.

Полковник рьяно отстаивает обоснованность постановления Пленума, ссылается на то, что уменьшение объема похищенного на столь незначительную сумму (в пределах 300 руб.) не меняет правильности принятого решения. Я — очень немного говорю о Постановлении в целом и весь упор делаю на допущенную ошибку: “Ведь это важнейший судебный документ, Постановление высшей судебной инстанции страны, и вдруг в этом документе ошибка. А ведь его читают и перечитывают в лагере многие заключенные... Что они могут подумать о нашем Верховном суде? Помимо этого, не достаточно ли уже наказан Поляк? Неужто и впрямь он виноват более всех и сидеть ему от звонка до звонка — все 15 лет?”

Александр Федорович очень внимательно слушал нашу полемику, периодически сетовал на то, что ошибка все же допущена, но можно ли ее исправить, а в конечном итоге, похлопав по плечу полковника, утешительно сказал: “А ведь, знаете, ошибку может допустить каждый, все мы люди. Важно не это, а умение исправить допущенную ошибку”. И тут же на моей жалобе он учинил резолюцию: “Ошибку исправить. Наказание снизить до 10 лет”.

Вот так появился документ, которым я очень дорожу и который очень ценю, поскольку он по-своему уникален.

Это был не протест, который обычно вносится на рассмотрение судебных инстанций, а документ, не предусмотренный никаким УПК, и именовался он так: *“Представление председателя Верховного суда СССР на предмет исправления ошибки, допущенной в Постановлении Пленума Верховного суда СССР”*.

Ввиду уникальности этого документа, считаю необходимым привести полный текст принятого по нему Постановления.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 162 — 71 ПЛЕНУМА
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Под председательством 5 июля 1971 года
Председателя Верховного
суда СССР — тов. Горкина А. Ф.
С участием Генерального
Прокурора СССР — тов. Руденко Р. А.
при секретаре — тов. Ефанове А. А.

Представление Председателя Верховного Суда
СССР по делу Поляка Николая Сидоровича

По приговору Верховного суда Молдавской ССР от 1 июня 1963 г. Поляк Николай Сидорович, 1926 г. рождения, уроженец села Озаренцы Могилев-Подольского р-на, Винницкой области, ранее не судимый,

осужден по ст. 163 ч. 2 УК МССР к 5 годам лишения свободы, а по ст. 123-1 УК МССР и по совокупности совершенных преступлений к 15 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима, без конфискации имущества ввиду его отсутствия.

Постановлено взыскать с Поляка в доход государства — 2.631 руб. 10 коп., пользу колхоза им. Кирова Хмельницкой области — 1.937 руб.; в пользу колхоза "Победа" Борщевского р-на Тернопольской области — 2.034 руб.; а также взыскать с Поляка в пользу колхоза "Победа" по солидарной ответственности совместно с Бузановером и Верещуком 900 руб., совместно с Бузановером — 71 руб. и Верещуком — 394 руб. 60 коп.; в пользу колхоза "Заря Коммунизма" с Поляка и Поптюка — 395 руб.; в пользу Чимишлийского РПК с Поляка совместно с Каликом и Глузманом — 1.808 руб.

Поляк признан виновным в том, что он с 1958 года по 1962 год систематически занимался коммерческим посредничеством при заготовке колхозами подсолнечника и жмыха. При этом, установив преступную связь с прибывшими в Молдавию из Украинской ССР заготовителями колхозов Верещуком, Пептюком, заготовителем Чимишлийского райпромкомбината Бузановером и кладовщиком колхоза имени

Ленина Оргеевского района МССР Хынку, он способствовал расхищению колхозных денежных средств путем составления фиктивных закупочных актов и завышения цен.

В тот же период вместе с заведующим Чимишлийским маслобойным пунктом Каликом, приемщиком Глуzmanом, заведующим Ратушской мельницей Клемпнером, а затем Юнкельсоном Поляк участвовал в хищении подсолнечника, растительного масла и жмыха из указанных государственных предприятий.

Как указано в приговоре, всего с участием Поляка похищено из государственных предприятий 36.510 кг подсолнечника стоимостью 5.841 руб. 60 коп., 5.700 кг жмыха на сумму 285 руб. и 3.427 кг растительного масла на сумму 4.797 руб. 80 коп. Из колхозных средств при его участии присвоено, как показывает подсчет по приговору, 4.380 руб. 65 коп.

Кроме того, Поляк признан виновным в присвоении 1.937 руб., полученных от представителя колхоза им. Кирова Дуды для заготовки подсолнечника.

Пленум Верховного суда СССР, рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, постановлением от 15 декабря 1967 г. приговор в отношении Поляка изменил: обвинение его в присвоении 1.937 руб. исключил, предоставив колхозу имени Кирова право предъявить иск на эту сумму в порядке гражданского судопроизводства; Пленум далее отметил, что в приговоре неправильно указывается общее количество подсолнечника, похищенного с участием Поляка, т. к. подсчет по приговору дает не 36.520 кг, а лишь 35.992 кг. Из этого количества Пленум исключил еще 4.000 кг. По эпизоду совместного хищения с Каликом 10.159 кг подсолнечника. Кроме того, было признано ошибочным включение в число похищенного 5.000 кг жмыха, закупленного у участии Поляка, поскольку из самого приговора следует, что Поляк участвовал в хищении не 5.700 кг жмыха, а лишь 700 кг жмыха. В итоге общий объем похищенного Поляком был определен Пленумом в следующих размерах: 31.992 кг подсолнечника (5.118 руб. 72 коп.), 3.427 кг масла (4.797 руб. 80 коп.), 700 кг жмыха (70 руб.). 4.380 руб. 65 коп. колхозных денег, присвоенных путем завышения цен, а всего — 14.367 руб. 17 коп.

Председатель Верховного Суда СССР вошел в Пленум Верховного суда СССР с *представлением*, в котором ставится вопрос об *исправлении допущенной в постановлении*

Пленума ошибки при исчислении размера похищенного Поляком и о снижении ему меры наказания.

Рассмотрев материалы дела и заслушав заключение Генерального прокурора СССР, согласившегося с *представлением*, Пленум Верховного суда СССР находит, что представление подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Согласно приговору Поляку в числе других эпизодов обвинения вменялось в вину, что он 17 декабря 1959 года купил у осужденного по данному делу Калика две бестоварные помольные квитанции на 10.159 кг подсолнечника стоимостью 1.625 руб. 44 коп., похищенного Каликом из наличного сырья. Пленум Верховного суда СССР признал по этому эпизоду доказанным хищение Каликом и Поляком лишь 4.000 кг подсолнечника стоимостью 640 руб., в связи с чем обоснованно уменьшил объем всего похищенного Каликом, соответственно сократил суммы, подлежащие взысканию с него, и снизил ему меру наказания. Однако при внесении изменений по тому же пункту обвинения в отношении Поляка объем похищенного был ошибочно уменьшен не до 4.000 кг, а на 4.000 кг. Вследствие этого общее количество и стоимость подсолнечника, похищенного с участием Поляка, были определены неправильно. В действительности следует считать похищенным с участием Поляка не 31.992 кг стоимостью 5.113 руб. 72 коп., а 29.833 кг на сумму 4.773 руб. 28 коп. Соответственно должен быть уменьшен общий размер хищения указанного в постановлении Пленума с 14.367 руб. 17 коп. до 14.021 руб. 73 коп.

В результате изменений, внесенных в приговор объем хищения, вмененного в вину Поляку уменьшился с общей суммы 17.242 руб. 50 коп. до 14.021 руб. 73 коп.

Из материалов дела усматривается, что Поляк не являлся организатором преступлений. Хищения государственного имущества совершали осужденные по данному делу Калик, Юнкельсон и другие должностные лица, которым было вверено это имущество. Они же получали и присваивали все суммы, вырученные от продажи похищенного. Роль Поляка была второстепенной и сводилась к тому, что он по просьбе приезжавших в Молдавию представителей колхозов договаривался с теми, в чьем распоряжении находились подсолнечник, масло и жмых, о продаже этих продуктов, похищенных ими из государственных фондов.

Хотя общий размер хищений государственного имущества, в которых в той или иной мере участвовал Поляк,

является особо крупным, следует учесть, что сам Поляк из похищенных Каликом и другими сумм в качестве доли ничего не получал. Основным его занятием и источником дохода являлось коммерческое посредничество. Оказав содействие представителям колхоза в приобретении подсолнечника, он затем получал от них определенную сумму из денег, полученных в свою очередь теми за счет завышения цен в закупочных актах, т. е. за счет обмана колхозов. Поэтому действия Поляка правильно квалифицированы как хищение общественного имущества. Однако инициатором этих действий Поляк не являлся.

Учитывая указанные выше обстоятельства и принимая во внимание, что Поляк ранее не судим, имеет на иждивении двоих детей, следует снизить ему меру наказания.

На основании изложенного Пленум Верховного суда СССР

Постановляет:

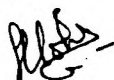
Приговор Верховного суда Молдавской ССР от 1 июня 1963.года, Постановление Пленума Верховного суда СССР от 15 декабря 1967 г. в отношении Поляка Николая Сидоровича изменить, считать, что с его участием похищено подсолнечника не 31.992 кг на сумму 5.118 руб. 72 коп., а 29.833 кг на сумму 4.773 руб. 28 коп. (т. е. на 345 руб. 44 коп. меньше — А. М.).

Меру наказания Поляку по ст. 123-1 УК Молдавской ССР и по совокупности совершенных преступлений снизить до 10 (десяти) лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. В остальной части приговор в отношении Поляка Н. С. оставить без изменения.

Председатель
Секретарь

А. Горкин
А. Ефанов

Копия верна:

 (А. Мове)

Буквально через несколько месяцев Поляк по отбытию назначенного наказания был освобожден из-под стражи.

Вот, оказывается, какова может быть цена ошибки, допущенной в результате завышения стоимости похищенного на 345 руб. 44 коп. Ровно 5 лет лишения свободы!

Дело Алексея Демирова, осужденного за соучастие в изнасиловании

Этим делом я занимался около двух лет. До меня предпринимал попытки оспорить обвинительный приговор Кишиневский адвокат И. С. Цешко. Он последовательно обращался с жалобами в Верховный суд и Прокуратуру Молдавской республики и так же последовательно получал оттуда отрицательные ответы.

Документ*
Копия

**МОЛДАВСКАЯ СОВЕТСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА**
ВЕРХОВНЫЙ СУД

гор. Кишинев, центр, ул. Пирогова, № 70, тел. 2-15-47

4.X.1972 г. № 02-747-72г.

Город Кишинев,
юридическая консультация
Фрунзенского района
адвокату тов. Цешко И. С.

По Вашей жалобе на необоснованность осуждения Демирова А. Г. по ст. 17 УК и ст. 102 ч. III УК МССР проверено в порядке надзора уголовное дело, на основании материалов которого Демиров Алексей Георгиевич осужден Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда МССР 14 июля 1972 г. по ст.ст. 17 УК и 102 ч. III и 108 ч. I УК МССР по совокупности преступлений на основании ст. 39 УК МССР к 5 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии с усиленным режимом.

Демиров А. Г. признан виновным в том, что он, работая в Кишиневском таксомоторном парке водителем на автома-

* Фамилии потерпевших изменены.

шине марки "Волга" № 46-22, 17 июля 1971 г. после окончания смены в 23 часа передал в таксомоторный парк свой путевой лист, чтобы сделали отметку о прибытии в 23 часа 19 минут, а сам, не заезжая в парк, стал перевозить пассажиров, незаконно используя государственную машину в корыстных целях. В ту же ночь, при перевозке пассажиров — сестер Кобзевой С. А. и Кобзевой Л. А., Демиров А. Г. стал соучастником в их групповом изнасиловании, оказав пособничество осужденному Ясскому А. Ш. и Антону (в отношении которого материал выделен в отдельное производство в связи в его розыском) в совершении этого преступления.

Ясский А. Ш. и Антон действовали в отношении потерпевших согласованно, целенаправленно, и их действия правильно квалифицированы как групповое изнасилование.

Демиров А. Г. оказал насильникам активное пособничество; вопреки воле потерпевших, которых он должен был увезти на Рышкановку, он увез их на Ботанику в безлюдное место на окраине города, в его присутствии сестер Кобзевых вытаскивали из машины Ясский А. Ш. и Антон, и Демиров знал с какой целью это делается, не реагировал на просьбу Кобзевой С. А. о помощи, видел, когда Ясский А. Ш. нанес Кобзевой С. А. удар и свалил ее на землю. Оставив потерпевших с Яским и Антоном, Демиров А. Г. с места происшествия уехал. Затем, когда вырвавшаяся от Антона потерпевшая Кобзева Л. А. остановила проходившую машину, это снова оказалась машина Демирова А. Г., Кобзева Л. А. рассказала Демирову о преступных действиях лиц, с которыми он их оставил, и просила помочь спасти сестру Светлану. Демиров А. Г. сказал, что он сейчас привезет милиционера и уехал, больше не вернулся, сдал машину в парк в 2 часа ночи и ушел домой, никому не сообщив о случившемся. Он знал пассажира Антона, так как тот называл его Аликом и в разговоре с ним проявил осведомленность о некоторых моментах личной жизни Демирова. В отношении Ясского А. Ш. Антон сказал сестрам Кобзовым, что это его двоюродный брат.

В совершенном преступлении Демиров А. Г. изобличается показаниями потерпевших Кобзевой С. А. и Кобзевой Л. А., с которыми он ранее не был знаком. Когда Демирова А. Г. опознали потерпевшие Кобзева С. А. и Кобзева Л. А., он при первых допросах категорически отрицал, что возил этих пассажиров, и утверждал, что ничего о случившемся с

ними не знает, вернулся в парк в 23 часа 19 минут, как указано в путевом листе. Показания потерпевших подтверждаются и другими доказательствами, и нет оснований сомневаться в достоверности их показаний. При медицинском освидетельствовании потерпевших Кобзевой С. А. и Кобзевой Л. А. у них были обнаружены легкие телесные повреждения. По заключению экспертизы, такие телесные повреждения, как у Кобзевой С. А., встречаются при борьбе и самообороне, а также при изнасиловании. На месте совершения преступления была обнаружена дамская сумка, 22 руб. денег и другие предметы туалета Кобзевой Л. А., а также были найдены и наручные часы Ясского А. Ш., которые он потерял, когда преодолевал сопротивление потерпевшей.

Изобличается показаниями свидетеля Быстрова В. В., который рассказал, в каком виде возвратились в разное время сестры Кобзевы домой после случившегося и сразу сообщили ему о происшедшем.

Свидетели Марина А. Г. и Марина У. В. присутствовали, когда на месте происшествия были найдены часы, сумочка, деньги и слышали, как Кобзева Л. А. рассказывала, что случилось с нею и ее сестрой. Свидетель Марина А. Г. также показала, что она после полуночи слышала на этом месте женский крик. Изобличается также показаниями свидетеля Станишевско Н. Т., в квартиру которого ночью стучала Кобзева С. А., чтобы спастись от Ясского А. Ш.

Обвинительный приговор в отношении Демирова А. Г. обоснован материалами дела, и действия Демирова А. Г. правильно квалифицированы по ст. 17 УК и 102 ч. III УК МССР. В части обвинения по ст. 180 ч. I УК МССР Демиров А. Г. полностью признал себя виновным и изобличается материалами дела.

Оснований для опротестования приговора из материалов дела не усматривается, и Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА МССР

Верно:

В. МЕЛЕКА

(А. Мове)

**ПРОКУРАТУРА
Молдавской Советской
социалистической Республики**

"13" октября 1972 г.

Адвокату юридической
консультации Фрунзенского
района г. Кишинева
тов. Цешко И. С.

Сообщаем, что Ваша жалоба на приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Молдавской ССР по делу ДЕМИРОВА А. Г., осужденного по совокупности ст.ст. 17-102 ч. III и ст. 180 ч. I УК МССР к 5 годам лишения свободы в ИТК усиленного режима, проверена.

Изучением этого дела установлено, что ДЕМИРОВ, работая водителем на легковом автомобиле "Волга" № 46-22, в ночь на 17 июля 1971 года использовал его в своих корыстных целях для перевозки граждан в г. Кишиневе, а затем оказал активное пособничество ЯССКОМУ А. Ш. и неустановленному преступнику в изнасиловании сестер Кобзевых.

Виновность ДЕМИРОВА подтверждена показаниями потерпевших КОБЗЕВОЙ Л. А. и КОБЗЕВОЙ С. А., свидетелей БЫСТРОВА В. В., МАРИНА А. Г., МАРИНА У. В., вещественными доказательствами, заключением судебно-медицинской экспертизы и другими доказательствами, из которых явствует, что ДЕМИРОВ в качестве пассажиров взял в такси знакомого ЯССКОГО и незнакомого "Антон", а затем, создавая условия, вопреки воле потерпевших завез их в безлюдное место, видел, как их вытаскивали преступники из машины, и знал, для какой цели. Однако, несмотря на просьбу о помощи КОБЗЕВОЙ Светланы, которую ЯССКИЙ свалил на землю, никаких мер не принял и уехал с места происшествия, то есть создал все условия для изнасилования.

При наличии таких доказательств ссылка на отсутствие в действиях ДЕМИРОВА А. Г. состава преступления является неосновательной.

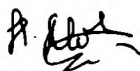
ДЕМИРОВ А. Г. по совокупности ст.ст. 17-102 ч. III и ст. 180 ч. I УК МССР осужден правильно и мера наказания ему назначена в соответствии с содеянным и конкретными обстоятельствами данного дела.

Ваша жалоба по делу ДЕМИРОВА А. Г. оставлена без удовлетворения.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРОКУРОРА МССР
Государственный советник
юстиции 3-го класса

Г. ЖИТАРЬ

Верно:

(А. Мове)

После изучения дела в Верховном суде Молдавской ССР я пришел к твердому убеждению в том, что дело разрешено неправильно, и составив обстоятельную жалобу, обратился в Прокуратуру СССР. (Господи, сколько раз, возвращаясь сейчас к десяткам и сотням дел, прошедшим через мои руки, вспоминаю недобрыми словами тех, кто в Беловежской пуще порушил державу и вместе с ней ликвидировал высшие судебные-прокурорские инстанции — Прокуратуру и Верховный суд СССР!)

Вот и это дело — дело Демирова — после отклонения жалоб адвоката высшими судебными-прокурорскими инстанциями Молдавии, так же, как и ранее упомянутые мною дела Нику М. Г., Бивола Я. Л., Казаку Д., Поляка Н. Г. и многих других были бы обречены, а люди, осужденные по этим делам продолжали бы еще многие годы безвинно находиться в лагерях. Разве так уж трудно было все это предвидеть?

Впрочем, возвращаюсь к своему повествованию.

Итак, жалобу я составил и обратился с ней в Прокуратуру СССР.

Из досье адвоката

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СОЮЗА ССР

Адвоката МОВЕ А. Л. г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8 Мособлюркосультация

По делу ДЕМИРОВА АЛЕКСЕЯ ГЕОРГИЕВИЧА,
осужден Приговором коллегии Верхсуда МССР
от 14/VII-72 г. по ст. 180 ч. I и ст. 17-102 ч. III УК
МССР на 5-ть лет лишения свободы.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Ни в коей мере не оправдывая малодушия Демирова, того, что он не выполнил своего гражданского долга и не

оказал помощи потерпевшим, считаю вместе с тем, что за пособничество в изнасиловании, по ст. 17-102 ч. III УК МССР, шофер такси Демиров А. Г. осужден явно неосновательно.

По смыслу судебного приговора Демиров признан соучастником изнасилования в связи с тем, что он оказал насильникам активное пособничество, которое выразилось в том, что он:

1. "Вопреки воле потерпевших завез их в безлюдное место.

2. Видел, как их вытаскивали из автомашины, знал, с какой целью, однако не реагировал на просьбу Кобзевой С. о помощи, не принял никаких мер, когда она была свалена Яским на землю.

3. Уехав, создал все условия для беспрепятственного совершения изнасилования.

4. Узнав от Кобзевой Л. о совершенном изнасиловании, боясь ответственности, уехал с места преступления" (приговор, стр. 6)

Не составляет большого труда убедиться в том, что почти во всех обвинениях Демирова, которые выражаются в том, что он: "видел, уехал, узнал, не реагировал" (даже при их доказанности — об этом см. ниже) отсутствует элемент соучастия, поскольку в них идет речь не об активном пособничестве преступлению, а о непринятии мер к пресечению преступления (см. по этому поводу Определение коллегии Верховного суда СССР от 29/1071 г. по делу Дарбеняна и Манукяна — Бюллетень Верховсуда СССР № 5, 1971 г.)

Очевидно, что уже только по одним этим соображениям осуждение Демирова по ст. 17-102 ч. III УК нельзя признать обоснованным.

1. О ДЕЙСТВИЯХ ДЕМИРОВА, СВЯЗАННЫХ С ДОСТАВКОЙ ПОТЕРПЕВШИХ В БЕЗЛЮДНОЕ МЕСТО.

Известно, что всякое соучастие в преступлении невозможно без предварительной договоренности, предполагает осведомленность соучастника о преступных намерениях исполнителя (см. ст. 17 УК МССР, Определение коллегии Верховсуда СССР от 31/V-77 г. по делу Галстяна, комментарий УК МССР).

В этой связи с самого начала нельзя не обратить внимание на то, что суд в приговоре, признавая Демирова виновным в соучастии в изнасиловании, нигде не ссылается на то, что у него имелась предварительная договоренность с Яским и "Антоном" об изнасиловании потерпевших.

Отсутствие ссылки на наличие предварительной договоренности является не случайным и объясняется тем, что сведений об этом в материалах дела не содержится:

1) Как на следствии, так и в суде осужденные Яский и Демиров наличие подобной договоренности категорически отрицали (см. любые их показания).

2) Ничего конкретного по этому вопросу не могли сказать и потерпевшие: Кобзева Л. и Кобзева С. Наоборот, они утверждали:

Кобзева Лариса:

"Я не слышала разговора, чтобы ребята договаривались между собой изнасиловать меня и се-стру". (Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 115)

Кобзева Светлана:

"Я не слышала разговора, чтобы Яский, "Антон" и Демиров договаривались насилловать нас..." (там же, т. 3 л. д. 109).

3) Что же касается утверждения суда о том, что якобы сама "обстановка в автомашине при следовании на Ботанику, оставление потерпевших в безлюдном месте наедине с мужчинами свидетельствовали о согласованности действий Демирова с действиями насильников" (Приговор, стр. 6-7), то здесь следует иметь в виду следующее:

а) Данный вывод суда является голословным, никаких конкретных доказательств, подтверждающих это произвольное умозаключение, суд в приговоре не приводит (см. приговор).

б) Установлено, что потерпевшие накануне случившегося были в ресторане и находились в нетрезвом состоянии.

Допрошенный по этому поводу свид. Которов Э. на следствии показал:

"В ресторане мы выпили примерно два литра вина..." (т. 2 л. д. 28)

Это же подтвердила и Кобзева Светлана:

"В ресторане мы выпили два литра вина. В основном пил Эдуард, потом я пила, Лариса мало пила" (Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 101-об).

Говорила об этом и Кобзева Лариса:

"Мы брали два литра вина. Больше пил брат. Мы попросили брата отвезти домой, т. к. он был сильно выпивший" (там же, т. 3 л. д. 111-111-об.).

Подтвердил данное обстоятельство и сотрудник милиции свид. Осневским:

"Девушка (Кобзева С.) в этот вечер была в легком опьянении" (т. 1л. д. 39).

в) Вопреки утверждению суда, обстановка в автомашине, поведение девушек и их случайных попутчиков никак не свидетельствовали о готовящемся преступлении, о намерении Ясского и "Антон" изнасиловать потерпевших.

Установлено, что после того, как в автомашину сели Ясский и "Антон", они познакомились с девушками и между ними завязался непринужденный разговор, девушки вели себя довольно развязно, шутили, смеялись и пр.

"Антон познакомился с девушками,— показал в суде Демиров, — второй представился Анатолием. Девушки представились Светланой и Ларисой.

Девушка, которая сидела с Ясским, целовалась с ним.

Антон сказал, что надо закрепить знакомство, купить вина" (Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 95-об., 96).

Подтверждал все эти обстоятельства и подс. Ясский, который при этом пояснял:

"Я подумал, что это их кампания. Все были веселые. Антон предложил девушкам купить шампанское и я понял, что все согласились.

Не доезжая театра, мы со Светой поцеловались и она сказала: "Ой, как хорошо" (там же, т. 3 л. д. 88-об.).

Показания подс. Демирова и Ясского подтвердили и потерпевшие — сестры Кобзевы.

В частности, еще на следствии Кобзева Светлана объяснила, что в машине все шутили и смеялись:

“В машине зашел разговор, — показывала она, — о том, что сестра замужем, у нее было кольцо.

“Антон” и Ясский сказали, что и они женаты. Шофер в это время повернулся ко мне и сказал: “Значит ты свободна”. Я сказала, что незамужем. Он сказал, что у него мать тоже плачет, когда он женится. Ясский и “Антон” засмеялись и сказали: “Надо вас женить и погулять на вашей свадьбе”. (т. 1 л. д. 151-об.).

И далее:

“Ясский был веселый и оживленный”

Об этом же говорила Светлана Кобзева в суде:

“У Антона было обручальное кольцо и у Ларисы тоже. Антон спросил меня, замужем ли я.

Я ответила, что нет. Он спросил, откуда мы едем. Я ответила, что из ресторана. Я рассказала, что приехала к сестре, и мы познакомились... Антон сказал, что приятное знакомство, что надо купить и выпить шампанское”.

И далее:

“По пути до вокзала Ясский пытался меня поцеловать, обнимал меня, и, возможно, я сказала, что мне от этого хорошо”. (Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 102-об., 103).

И далее:

“Ясский в машине не целовал меня, только хотел поцеловать, обхватил руками меня, я в порядке шутки сказала: “Ой, как хорошо” (Там же, л. д. 108).

И далее (на вопрос Ясского)

“Я говорила следователю, что Вы меня поцеловали в машине... Я вела себя свободно в машине, но не давала поводов близости с Вами...” (там же, л.д. 117-об.).

К этому же сводились показания на следствии и в суде Кобзевой Ларисы:

"Ясский был возбужден, в радостном состоянии" и т.д. (т. 1 л.д. 29).

Из материалов дела усматривается, что в автомашине с самого начала не только сложилась самая непринужденная обстановка, но и то, что после короткого знакомства и с целью его "закрепления" Ясский и его приятель попросили водителя такси подъехать к ресторану "Кишинэу", а затем и к вокзалу с тем, чтобы там купить вино. Никаких особых возражений со стороны девушек это предложение не вызвало:

"Мы остановились у гостиницы "Кишинэу", — показала в суде Кобзева С., — Ясский пошел в ресторан. Я вышла на улицу, меня укачало.

Ясский вернулся, сказал, что вина нет. Поехали на вокзал. Там Ясский пошел за вином..." (Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 103).

Аналогичные показания дала по этому вопросу и Кобзева О.:

"Мы поехали к ресторану, он был закрыт. Поехали на вокзал. Толик помчался в ресторан, а шофер вышел беседовать с подошедшими к нему шоферами такси.

Света вышла подышать воздухом" (т. 1 л. д. 16-об., 28).

И далее:

"Толик сказал: можно ли мы поедем в ресторан, возьмем вино... Он пришел, сказал, что вина нет. Поехали на вокзал. Ясский пошел за вином, Светлана вышла, ей стало плохо, водитель вышел" (Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 112)

Мог ли в подобной ситуации Демиров знать или предполагать, что здесь готовится преступление, что случайные попутчики девушек готовятся их изнасиловать?

— Могли ли в это время думать об этом и девушки — сестры Кобзевы?

Очевидно, что никаких оснований к этому у них не было.

И они прямо говорят об этом:

Демиров А. Г.:

"У меня не возникла мысль, что Ясский и "Антон" будут приставать к девушкам.

Никакого разговора между Ясским и Антоном о их намерении изнасиловать сестер Кобзевых я не слышал. Не было разговора, чтобы Ясский и "Антон" просили меня отвезти их на Ботанику в глухое место, чтобы изнасиловать сестер Кобзевых". (Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 100, 100-об.).

Кобзева Светлана:

"До того, как мы выехали с вокзала, такой мысли (об изнасиловании) у меня не возникало" (там же, т. 3 л. д. 109).

И далее:

"Я не верила, не могла предположить в пути следования с вокзала, что с нами что-то сделают". (т. 3 л. д. 174 — Замечания на протокол, утвержденные судом).

Кобзева Лариса:

"На вокзале Демиров ни с Ясским, ни с Антоном не разговаривал... Когда меня вытаскивали из машины (даже тогда!) я не знала, что со мной сделают: убьют, изнасилуют или ограбят" (Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 115-об. и Замечания на протокол, утвержденные судом, т. 3 л. д. 174).

Установлено, что после того как Ясский возвратился с вокзала, не достав вина, он предложил Кобзевой Светлане поехать к своему другу, Гершеру Х., на Ботанику (см. показания Ясского, т. 1 л. д. 25, 61, Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 89-об.).

Данное обстоятельство Кобзева С. подтвердила как на следствии, так и в суде:

"Анатолий сказал, что на Ботанике есть вино и предложил водителю поехать на Ботанику" (т. 1 л. д. 32, 40).

И далее:

"Он мне сказал, что у меня друг на Ботанике, поедem к другу, но не назвал зачем приглашает меня. Этот разговор никто не слышал. Я ему

сказала, чтобы он не забывался". (Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 103-об., 104)

И далее:

"Возвратившись с вокзала Ясский подошел ко мне и предложил поехать с ним на Ботанику к его другу на квартиру. Я поняла о его намерении и сказала: не забывайтесь, после чего сели в такси и поехали" (т. 2 л. д. 129-об.).

Эти показания Кобзевой С. и Ясского полностью совпадают с показаниями Демирова, который, объясняя, почему он поехал на Ботанику, и на следствии, и в суде утверждал, что никакой цели изнасилования девушек он при этом не преследовал, договоренности об этом с Яским и "Антоном" не имел, а поехал туда лишь потому, что его попросил Ясский отвезти их к приятелю на Ботанику:

"Я поехал на Ботанику, — показал далее Демиров. — Ясский указывал, куда ехать". (Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 96-об.).

Все это нашло отражение в Обвинительном заключении:

"Когда все уселись, Кобзева Л. сказала:

"Ну, теперь на Рышкановку".

Ясский же стал говорить шоферу, что вино якобы имеется у его знакомого, проживающего на Ботанике, и под этим предлогом просил туда поехать". (см. Обвинительное заключение, стр. 5).

Тот факт, что Демиров отвез своих пассажиров не просто, как утверждает суд, "на окраину города, в безлюдное место", а к дому приятеля Ясского, объективно подтверждается тем фактом, что Демиров остановил машину (по просьбе Ясского) неподалеку от дома, где проживал Гершер (приятель Ясского) — см. план осмотра места происшествия и фото — т. 2 л. д. 6, 36, 39, 40.

Подтверждается это и тем, что Ясский впоследствии повел Кобзеву в квартиру Гершера (ул. Х. Ботева д. 19/1 кв. 109), у которого он ранее часто останавливался ночевать (см. показания Ясского, Кобзевой С., Гершера — т. 1 л. д. 61; т. 3 л. д. 89-об., т. 1 л. д. 50-об., 188).

Нашло все это отражение и в приговоре суда, где, в частности, значится:

"Он (Ясский) поднял Светлану и повел на улицу Христа Ботева к дому № 19/1, где живет его знакомый..."

И далее:

"Ясский стал звонить в квартиру Гершера, но того не оказалось дома..." (Приговор, стр. 4)

Очевидно, что при таких обстоятельствах у суда не было решительно никаких оснований к тому, чтобы утверждать, что Демиров знал о преступных намерениях Ясского и "Антонa", что он имел с ними договоренность об изнасиловании потерпевших.

Характерно, что в процессе следствия Демирову и не вменялось в вину наличие подобной договоренности, а в Постановлении о предъявлении обвинения и в обвинительном заключении шла речь о другом:

"Ясский предложил Кобзевой вступить с ней в половую связь на квартире друга, который проживает на Ботанике, но она не согласилась..."

"Ясский подошел к Демирову и, пообещав заплатить, предложил вывезти на окраину города, чтобы вступить с Кобзовыми в половую связь..." (т. 2 л. д. 171, Обвинительное заключение — стр. 5, 14, 17).

Таким образом, из самой формулы обвинения Демирова вытекало, что у него была договоренность с Ясским не об изнасиловании, а о создании Ясскому условий для вступления в половую связь с Кобзевой (разумеется на добровольных началах).

Существенно изменив формулу обвинения Демирова в сторону ухудшения его положения, суд не только погрешил против истины, но и допустил серьезное нарушение ст. 220 УПК МССР.

— Но, может быть, в пути следования с вокзала на Ботанику у Демирова состоялась договоренность об изнасиловании?

— Может быть, в это время по поведению Ясского и Антона, по обстановке в машине он должен был догадаться о готовящемся насилии?

Ничего подобного.

Установлено, что в пути следования на Ботанику никаких разговоров об изнасиловании между Демировым, Ясским и "Антоном" не было.

На это не ссылается и суд в приговоре.

Что же касается обстановки в машине, то и по ней в это время невозможно было достоверно полагать о готовящемся насилии. Хотя Кобзева Лариса поначалу и возражала против поездки на Ботанику, кричала, чтобы водитель ехал на Рышкановку, однако она тут же успокоилась и уже только шепотом переговаривалась с сестрой.

Допрошенная по этому поводу Кобзева Л. показал:

"Антон включил громко приемник. Я закричала: "Куда вы нас везете, ведь был же заказ на Рышкановку?"

Толик обнял меня, сказал: "не кричи". Я шепотом сказала сестре: "Сейчас нас изнасилуют и убьют". Сестра сказала водителю: "Мы запомнили номер такси, без приключений, пожалуйста, а то тебе всыпят."

Они все:

"Да что вы девочки, все будет хорошо" (т. 1 л. д. 77- об., 136).

И далее:

"Антон включил радио громко. Ясский обхватил меня за плечи, тихо сказал: "не кричи". Рот он мне не зажимал... Я говорила Свете, что нас убьют, изнасилуют, но она мне не верила" (Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 112).

Это же подтвердила и Кобзева Светлана:

"Анатолий сказал, что на Ботанике есть вино, и предложил водителю поехать на Ботанику. Они разговаривали между собой, в машине играла музыка...

Ясский положил руку на сестру, сказал: не надо кричать и т. д." (т. 1 л. д. 32).

И далее:

"Мне сестра сказала, что нас сейчас изнасилуют и убьют.

Анатолий обнял Ларису и сказал: "Ничего не будет" (т. 1 л. д. 49).

И далее:

"Антон и Ясский кричали: "Не бойтесь, девочки, ничего плохого не будет". Шофер ничего не говорил". (т. 3 л. д. 104)

— Можно ли было по подобному поведению Кобзевой Л. судить о том, что она категорически возражала против поездки на Ботанику?

— Можно ли было в это время по поведению Ясского и "Антон", которые не только не угрожали девушкам, а, наоборот, всячески успокаивали их, заверяли, что все будет хорошо, судить об их преступных намерениях?

Совершенно очевидно, что шофер Демиров никак не мог предполагать всего этого, не мог допускать мысли о готовящемся насилии.

При оценке действий Демирова нельзя не учитывать и того, что Кобзева Светлана, та самая, которой Ясский предложил поехать к другу на Ботанику, которая накануне целовалась и обнималась с Ясским в машине, восклицая: "Ой, как хорошо", хотя и возразила в ответ на предложение Ясского: "Не забывайтесь", но села в машину, закурила и, по сути, всю дорогу молча курила, не проявляя особой озабоченности и беспокойства.

"Антон и Ясский кричали: "Не бойтесь, девочки, ничего плохого не будет", — показала Кобзева в суде. — Ясский показывал водителю куда ехать.

Я сидела в машине и молчала..." (Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 104)

И далее:

"Когда поехали с вокзала, я курила. Когда Ясский вытаскивал меня из машины, папираса упала, обожгла мне ногу" (таким образом, курила всю дорогу — А.М.) (Там же, л. д. 104-об.)

Так обстоит дело с основным обвинением Демирова, с обвинением в том, что он "отвез девушек на окраину города, в безлюдное место" и этим оказал пособничество насильникам.

Абсолютнейшая беспочвенность этого обвинения не вызывает никакого сомнения. Оно не только не нашло своего подтверждения в материалах дела, а наоборот, опровергается ими.

Они, материалы дела, свидетельствуют о том, что у Демирова не было предварительной договоренности с насильниками об изнасиловании, что он не был осведомлен о преступных намерениях исполнителей преступления, не имел умысла на оказание пособничества в изнасиловании.

Все это приводит к выводу о неосновательности квалификации действий Демирова ст. 17-102 ч. III УК.

2. О ДРУГИХ ОБВИНЕНИЯХ ДЕМИРОВА.

Как указано выше, все иные обвинения Демирова, заключающиеся в том, что он, тогда, когда вытаскивали девушек из машины, не реагировал на их просьбы о помощи, уехал с места происшествия и пр., не могут быть расценены, как пособничество изнасилованию, поскольку они заключаются не в активном содействии преступлению, а в неприятии мер к пресечению преступления.

Справедливости ради следует лишь обратить внимание на следующее:

1) Утверждение суда о том, что Демиров знал, с какой целью Ясский и "Антон" вытаскивали девушек из машины, что в его присутствии Ясский ударил по голове Кобзеву С. и свалил ее на обочину дороги (Приговор, стр. 3 и 6), из материалов дела не вытекает.

На очной ставке с Ясским потерпевшая Кобзева С. показала:

"Он (Ясский) меня вытащил из машины. Я схватилась за водителя, сказала, что он за нас отвечает, я запомнила номер. Анатолий оттолкнул водителя, схватил меня за руку, потащил в темноту.

Водитель сразу же уехал.

После этого Анатолий насильно повалил меня и т. д." (т. 1 л. д. 34-об.)

И далее:

"Ясский оттолкнул водителя, схватил меня за руки, потащил..." (т. 1 л. д. 51).

Аналогичные показания дала Кобзева С. и в суде:

"Демиров уехал до того, как Ясский потянул меня в сторону от дороги и повалил меня на землю..." (см. п. 3 Замечаний на протокол, утвержденных судом, т. 3 л. д. 175-176).

Такие же показания давала по этому вопросу на очной ставке с Яским и Кобзева Лариса:

"Анатолий потянул Свету.

В это время таксист уехал.

Антон стал тащить меня в сторону, а Анатолий повалил Свету у дороги" (т. 1 л. д. 30).

Об этом говорила она и на суде:

"Анатолий повалил Свету, таксист до этого уехал". (Протокол суд.засед., т. 3 л. д. 118).

И далее:

"Ясский потянул Свету в сторону от дороги после того, как такси уехало.

Точно такие показания я давала на очной ставке с Яским, 22/VII-71 г. Эти показания я подтверждаю". (См. п. 2 Замечаний на протокол, утвержденных судом, т. 3 л. д. 175-176).

Из материалов дела усматривается, что Ясский и его приятель до того, как они стали вытаскивать сестер Кобзевых из машины, вели с ними переговоры:

"Когда машина остановилась, — показала в суде Кобзева Л., — Демиров и Ясский вышли. Антон подошел ко мне и сказал: "Давай выйдем, я хочу поговорить. Я сказала, что не хочу". (т. 1 л. д. 77-об., протокол суд. засед., т. 3 л. д. 112)

А из показаний Кобзевой С. явствует, что тогда, когда ее вытаскивал Ясский из машины, она не кричала, только сопротивлялась. (т. 2 л. д. 129).

Очевидно, что при таких условиях Демиров еще не мог знать и предполагать, что Ясский и его друг будут насилловать девушек, а не попытаются, скажем, склонить их пойти на квартиру к приятелю Яского и пр. и пр.

2) При оценке поведения Демирова нельзя не учитывать того, что он в какой-то мере предпринял попытку предотвратить случившееся.

"Шофер что-то пытался сделать, но не смог, сел в машину и уехал", — показала на очной ставке с Демировым потерпевшая Кобзева Л. — т. 1 л. д. 90-об.

Говорила об этом Кобзева Л. и в суде:

"Я видела, как Света подбежала к Демирову, просила помощи.

Демиров обратился к Антону и Толику: "Может не надо" (Протокол суд.заседания, т. 3 л. д. 112-об.).

К этому же сводились и показания Кобзевой С., которая пояснила, что когда шофер сказал, "Ребята, может не надо", Ясский оттолкнул его, сказал: "Поезжай" (т. 1 л. д. 12, 34-об., 51, Протокол суд.засед., т. 3 л. д. 105-об., 108-об.).

Нашло все это отражение и в приговоре суда, где значится:

"Светлана подбежала к Демирову с просьбой оказать помощь.

Тот сначала колебался, просил Ясского и "Антон", чтобы они ничего не делали с женщинами, но потом уехал, обещав вскоре вернуться". (Приговор, стр. 3).

Ни в коей мере не оправдывая малодушия Демирова, его нерешительности, нельзя не учитывать при этом того, что все происходило темной ночью, в безлюдном месте, что он был один против двух пьяных парней.

В какой-то степени, видимо, оказывала воздействие и надежда на то, что до насилия здесь не дойдет, что все будет так, как заверяли попутчики девушек — "по-хорошему".

3) Установлено, что через непродолжительное время Демиров возвратился туда, где он оставил своих пассажиров.

Этот факт, сам по себе, бесспорно свидетельствует о том, что он не знал о готовящемся изнасиловании, о совершенном преступлении. В противном случае — его возвращение на место происшествия, сопряженное с опасностью быть опознанным, задержанным, с опасностью того, что

могут разглядеть номер его автомашины — никак невозможно объяснить.

Только здесь, после сообщения Кобзевой Л., Демиров доподлинно узнал, что произошло.

И именно поэтому, понимая, что объективно (хотя и без всякого умысла) он оказал содействие преступникам, боясь ответственности, Демиров уехал с места происшествия, обещав сообщить о случившемся в органы милиции.

Этого, как известно, Демиров не сделал.

Полагаю, что при таких обстоятельствах действия Демирова надлежало квалифицировать не ст. 17-102 ч. III УК, а ст. 203 УК МССР, как недоносительство.

—""—

Демиров А. Г. 1941 г. рождения. По окончании 10-ти классов средней школы и школы шоферов, с 1960 г. работал шофером. С 1960 по 1963-й год служил в Советской армии.

По работе в автоколонне № 2808 зарекомендовал себя как исключительно добросовестный, трудолюбивый, исполнительный работник. Производственный план систематически выполнял. (см. характеристику — т. 2 л. д. 200)

В прошлом не судим.

В силу изложенного прошу Вас истребовать настоящее дело и внести протест на предмет переквалификации действия Демирова А. Г. со ст. 17-103 ч. III УК на ст. 203 УК МССР и определения ему наказания по ст. 203 и 180 ч. I УК МССР в пределах санкции указанных статей закона.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Копии приговора коллегии Верхсуда МССР на 8-ми листах.
Справка: Демиров А. Г. отбывает наказание по адресу: Молдавская ССР, Криулянский р-н, пос. Криково, п/я 29/4.

Адвокат
г. Москва
"3" февраля 1973 г.

(Мове А. Л.)

...

На эту свою жалобу я получил отрицательный ответ за подписью Ю. В. Корневского.

ПРОКУРАТУРА

Союза Советских
Социалистических Республик

Москва К-9, Пушкинская. 13-а

Документ
Копия

Москва, Баррикадная ул., 8,
Мособлюрконсультация

адвокату т. Мове А. Л.

Ваша жалоба по делу Демирова А. Г. в Прокуратуре СССР рассмотрена.

За пособничество в изнасиловании Кобзевой С. А. и покушение на изнасилование Кобзевой Л. А., а также незаконное использование государственной автомашины в корыстных целях Демиров осужден правильно, вина его материалами дела доказана.

Ссылка на отсутствие осведомленности Демирова об изнасиловании — несостоятельна.

Установлено, что вопреки воле сестер Кобзевых, которые первыми сели в "такси" и назвали маршрут "Рышкановку", Демиров повез их в противоположном направлении, остановил машину в темном, безлюдном месте и, несмотря на применяемое насилие со стороны Ясского и "Антон", а также просьбы потерпевших о помощи, уехал.

После повторной встречи с потерпевшей, обратившейся к Демирову за помощью, он опять скрылся.

Демиров умышленно оказывал содействие Ясскому и "Антону" в совершении преступления.

Ваше утверждение о "малодушии" Демирова, его "нерешительности", так как он был "один против двух пьяных парней", явно противоречит материалам предварительного и судебного следствия.

Преступные действия Демирова носили активный характер и совпадали с действиями лиц, совершавших насилие.

Оснований для опротестования приговора не имеется.

Жалоба оставлена без удовлетворения.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на "8" листах.

ЗАМ.НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ПО
НАДЗОРУ ЗА РАССМОТРЕНИЕМ В
СУДАХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
Государственный советник
юстиции 3 класса

(Ю. Корневский)

(А. Мове)

Копия верна:

Должен сразу же оговориться, что никаких претензий к Кореневскому не имею и упрекнуть его ни в чем не могу. Как говорится, два юриста — три мнения. Точка зрения Юрия Владимировича была именно такой, как он ее ясно выразил. Но разубедить меня в правильности моих суждений он не смог, а поэтому, написав небольшое возражение на его сообщение, я повторно, а затем (после получения ответа за подписью П. Кудрявцева) и в третий раз вновь обратился в Прокуратуру СССР.

Ответы я получил неутешительные.

**Документ
Копия**

ПРОКУРАТУРА

**Союза Советских
Социалистических Республик**

Москва К-9, Пушкинская, 13-а

Москва, Баррикадная ул., дом № 8
Юридическая консультация

адвокату т. Мове А. Л.

Ваша жалоба по делу ДЕМИРОВА А. Г., осужденного Верховным судом МССР к 5 годам лишения свободы, рассмотрена.

Дело проверялось в Прокуратуре СССР.

Вина Демирова в пособничестве изнасилованию КОБЗЕВОЙ С. А., покушении на изнасилование КОБЗЕВОЙ Л. А. и незаконном использовании государственной автомашины в корыстных целях, установлена показаниями потерпевших и другими доказательствами.

Материалами предварительного и судебного следствия установлено, что Ясский, Демиров и "Антон" по отношению к потерпевшим действовали согласованно, завезли их в темное, безлюдное место (а не к дому Гершера, как Вами указано в жалобе) в противоположном направлении от названного ими маршрута и, когда Ясский и "Антон" применяли насилие, Демиров, несмотря на просьбы потерпевших о помощи, уехал. Если Ясский и "Антон" имели договоренность об изнасиловании сестер Кобзевых, то поведение Демирова и в пути следования в автомашине, и по прибытии в указанное Яским место свидетельствовало о прямом пособничестве в преступлении. Его неправомерные действия носили активный характер и полностью совпадали с действиями Ясского и "Антона".

Приводимые Вами в жалобе произвольные выдержки, вырванные из общего контекста показаний осужденных и особенно потерпевших, не отражают общего смысла показаний этих лиц, а в отдельных случаях им дается неправильное толкование.

Так, в частности, утверждение о том, что Демиров уехал до того, как Ясский и "Антон" стали применять к потерпевшим насилие, опровергается показаниями Кобзевых и самого Демирова, из которых видно, что Ясский и "Антон" силой вытаскивали потерпевших из такси и, несмотря на их просьбы о помощи, Демиров уехал, сославшись на наличие

"срочного заказа". После повторной встречи с Кобзевой Л. А., обратившейся к Демирову за помощью в то время, когда Кобзеву С. А. насильно Ясский, он опять скрылся.

Эти и другие факты, положенные судом в основу приговора, не находят отражения в Вашей жалобе и не опровергнуты.

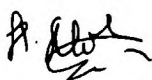
Вы правильно указываете в жалобе, что всякое соучастие в преступлении предполагает осведомленность соучастника о преступных намерениях исполнителя. Осведомленность Демирова о преступных намерениях Ясского и "Антон" материалами дела доказана. Ссылка на изменение судом формулы обвинения, предъявленной Демирову, явно неосновательна и противоречит материалам дела. За отсутствием оснований для опротестования приговора, жалоба Ваша оставлена без удовлетворения.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ПО НАДЗОРУ
ЗА РАССМОТРЕНИЕМ В СУДАХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Государственный советник

юстиции 1 класса

Копия верна:

(П. КУДРЯВЦЕВ)

(А. Мове)

Документ

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА

Союза Советских
Социалистических Республик

Москва-центр, Пушкинская, 15 а.

13 мая 1967 г.
№ 4-3734-83

Москва, Баррикадная ул. 8
Москоблпрокуратура

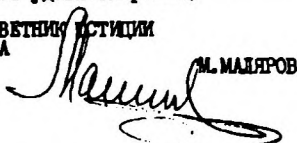
адвокату г. МОСК. А.А.

При ответе сослаться на номер 4

Ваша жалоба по делу Демирова А.Г., осужденного Верховным судом Молдавской ССР к 5 годам лишения свободы, рассмотрена.

За пособничество в изнасиловании Кобзевой Л.А. и незаконное использование автомашин в корыстных целях Демиров осужден правильно, вина его материалами дела доказана. Оснований для опротестования приговора не имеется. Жалоба оставлена без удовлетворения.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ
I КЛАССА

В.И.У.ло

В связи с тем, что здесь, как говорится, "нашла коса на камень", одновременно с обращением в Прокуратуру СССР (в целях экономии времени) я обратился с жалобой и в Верховный суд СССР.

Дело в Верховный суд СССР было истребовано, изучено, но с доводами принесенной жалобы там не согласились, в связи с чем я получил следующий ответ:

Документ

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР

При ответе сослаться на номер 02Д-355-73

16 ноября 1973

Адвокату МОВЕ А.Л.

Москва, Баррикадная, 8
Московская областная
юридическая консультация

В связи с Вашей жалобой в Верховном Суде СССР изучено дело Демирова.

Приговором Верховного Суда Молдавской ССР от 14 июля 1972 года Демиров обоснованно осужден за пособничество в изнасиловании Ясским и Антоном сестер Кобзевых 17 июля 1971 года.

Ваше утверждение в жалобе о том, что Демиров не был осведомлен о преступных намерениях Ясского и Антона и его действия не свидетельствовали о пособничестве последним, поэтому он должен отвечать лишь за недоносительство, является необоснованным.

Потерпевшие Кобзева Лариса и Кобзева Светлана как на предварительном следствии, так и в суде дали последовательные и подробные объяснения об обстоятельствах их изнасилования, а также в чем конкретно выразилось пособничество Демирова.

Из показаний Кобзевых, самого Демирова усматривается, что Демиров был знаком с одним из насильников Антоном, по его просьбе отвез Кобзевых в ночное время в безлюдное место, хотя потерпевшие возражали и просили Демирова доставить их по указанному ими адресу. Когда же Антон и Ясский насильно вытащили Кобзеву Ларису и Кобзеву Светлану из автомашины, Демиров уехал.

Такое поведение Демирова свидетельствует о том, что он был осведомлен о преступных намерениях Антона и Ясского, активно им способствовал в совершении преступления, в связи с чем его действия по ст. 17-102, ч. 3 УК СССР квалифицированы судом правильно.

Оснований для пересмотра приговора в порядке судебного надзора не имеется. Документы возвращаются.

Председатель Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда
СССР

Е. Смоленцев

Что оставалось делать? Может быть, действительно все эти важные государственные чиновники были правы, а я ошибался и, следовательно, надо поставить точку и сообщить клиентам, что все возможное по делу сделано, все инстанции, как у нас принято говорить, “пройденны”, и работу над делом завершаю. Конечно, я имел право в подобной ситуации так поступить. И думаю, что никаких претензий никто ко мне бы за это не предъявил.

Но я то был убежден в своей правоте, и поэтому мой долг адвокатский, моя гражданская совесть не позволяли мне так поступить. Оставалась одна — последняя инстанция — Председатель Верховного суда СССР и я не вправе был завершить работу над делом, не обратившись непосредственно к нему, что и было мною сделано.

Из досье адвоката

Председателю Верховного суда Союза ССР

Адвоката Мове А. Л., г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8 Мособлюрконсультация

По делу

ДЕМИРОВА Алексея Георгиевича, осужд. по ст.
17-102 ч. III УК МССР коллегией Верховсуда МССР

ЖАЛОБА

На жалобу, адресованную Вам, мною получен ответ за подписью Председателя коллегии Верховного суда СССР т. Смоленцева, содержание которого сводится к тому, что действия Демирова правильно квалифицированы как пособничество в изнасиловании ст. 17-102 ч. III УК, поскольку Демиров, будучи знаком с одним из насильников — Антоном, по его просьбе, несмотря на возражение потерпевших, отвез их в ночное время в безлюдное место и тогда, когда Антон и Ясский насильно вытащили сестер Кобзевых из автомашины, уехал.

“Такое поведение Демирова, — утверждает автор ответа, — свидетельствует о том, что он был осведомлен о преступных намерениях Антона и Ясского и активно им способствовал в совершении преступления”.

С доводами т. Смоленцева нельзя согласиться по следующим основаниям:

1. Признавая Демирова виновным в соучастии в изнасиловании, суд в Приговоре не ссылается на то, что у него *имелась предварительная договоренность* с Ясским и Антоном на совершение данного преступления, без чего соучастие немыслимо.

Отсутствие подобной ссылки в приговоре является не случайной и объясняется не только тем, что как Демиров, так и Ясский (и в суде, и на следствии) категорически отрицали наличие сговора на изнасилование, но и целым рядом других обстоятельств, подробный анализ которых дан в разделе 1 жалобы.

Все эти доводы защиты автором ответа обойдены молчанием.

Между тем, ни обстановка в машине, ни поведение потерпевших (и девушки, и ребята были пьяны, шутили, смеялись, ездили по городу в поисках шампанского, Ясский обнимал Кобзеву С., целовал ее, она говорила, что ей это нравится, всю дорогу курила и пр. и пр.) не давали водителю такси никаких оснований предполагать, что здесь готовится изнасилование.

Не думали об этом в это время и потерпевшие, которые серьезно не возражали против поездки к приятелю Ясского.

Тот факт, что Ясский (а не Антон, как утверждается в ответе т. Смоленцева) предложил поехать с ним *к его другу на квартиру* (а не в безлюдное место), подтвердила Кобзева С., которая показала:

"Анатолий (Ясский) сказал, что на Ботанике *есть вино* и предложил водителю поехать на Ботанику" (т. 1 л. д. 32, 49).

И далее:

"Возвратившись с вокзала (Кобзевы спокойно ждали в машине!), Ясский подошел ко мне и предложил поехать с ним на Ботанику к его другу на квартиру". (т. 2 л. д. 129-об.).

Тот факт, что Демиров отвез своих пассажиров не просто в безлюдное место, как утверждает т. Смоленцев, а к дому приятеля Ясского, объективно подтверждается тем, что Демиров по просьбе Ясского остановил машину неподалеку от дома, где проживал Гершер (друг Ясского), куда впоследствии Ясский и повел Кобзеву (т. 2 л. д. 6, 36, 39, 40, т. 1 л. д. 61, т. 3 л. д. 89-об. и др. и Приговор, стр. 4).

2. Что касается всех других обвинений Демирова, которые сводятся к тому, что он *не реагировал на просьбы девушек о помощи* (когда их вытаскивали из машины), *уехал с места происшествия* и пр., то они не могут быть расценены как пособничество в изнасиловании, поскольку заключались не в активном содействии преступлению, а в непринятии мер к пресечению преступления.

При оценке поведения Демирова т. Смоленцевым не были учтены и доводы, содержащиеся в разделе II жалобы, свидетельствующие о том, что (как объяснила Кобзева Л.) *"шофер что-то пытался сделать, но не смог, сел в машину и уехал"*. (т. 1 л. д. 90, т. 3 л. д. 112- об. и др.).

Это же подтвердила и Кобзева С. (более подробно этот вопрос освещен в разделе II жалобы).

В силу изложенного прошу Вас пересмотреть принятое решение, вторично истребовать дело и дать указание проверить его с учетом доводов, изложенных в жалобе защиты.

Адвокат
"18" декабря 1974 г.

 (Мове А. Л.)

Только в конце февраля 1975 г. из Верховного суда СССР поступили, наконец, долгожданные ответы.

Документ

ВЕРХОВНЫЙ СУД

Союза Советских
Социалистических Республик

18 февраля 1975

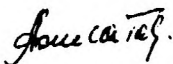
№ 02/Д-335-73

Адвокату тов. Мове А.Л.

Москва, Баррикадная, 8
Проконсультация

Сообщая, что приговор Верховного Суда Молдавской ССР от 14 июля 1972 года в отношении ДЕМИРОВА Алексея Георгиевича определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 6 февраля 1975 года изменен, действия его со ст.ст. 17 и 102 ч. II УК Молдавской ССР переквалифицированы на ст. 203 того же УК и по совокупности преступлений на основании ст. 39 УК Молдавской ССР наказание ему определено - три года лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии общего режима.

Член Верховного Суда
Союза ССР -

 А. М. Филатов.

Вслед за этим мною была получена и копия Определения Верховного суда СССР от 6 февраля 1975 г.

Надзорное производство № 02-Д-335-73

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам
Верховного Суда СССР в составе:

Председательствующего Казнина Г. В. и

Членов Бризе Р. К. и Филатова А. М.

рассмотрела в заседании от 6 февраля 1975 года протест и.о. Председателя Верховного Суда СССР на приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Молдавской ССР от 14 июля 1972 года, которым

ДЕМИРОВ Алексей Георгиевич, 1941 года рождения, болгарин, образование среднее, холост, ранее не судим, работал шофером Кишиневского таксомоторного парка, осужден по ст. 180 ч. I УК МССР (незаконное использование государственных транспортных средств в корыстных целях) к 1 году исправительных работ по месту жительства, с удержанием в доход государства 20% заработка; по ст.ст. 17 и 102 ч. III УК МССР (соучастие в изнасиловании, совершенном группой лиц) с применением ст. 42 УК МССР (назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом) и по совокупности преступлений к 5 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

По настоящему делу осужден также Ясский А. Ш., протест в отношении которого не вносится.

В протесте ставится вопрос о переквалификации действий Демирова А. Г. со ст.ст. 17 и 102 ч. III УК МССР на ст. 203 УК МССР (недоносительство).

Заслушав доклад члена Верховного Суда СССР т. Филатова А. М. и заключение помощника Генерального Прокурора СССР т. Запороженко Л. Н., полагавшей протест отклонить, судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Демиров признан виновным в том, что он оказал содействие Ясскому и неустановленному следствием лицу по

имени Антон в изнасиловании и попытке изнасилования сестер Кобзевых — Светланы и Ларисы, а также в незаконном использовании в корыстных целях вверенной ему государственной автомашины.

Преступления, как признал суд, были совершены им при следующих обстоятельствах.

Демиров работал водителем в Кишиневском таксомоторном парке на автомашине "Волга". 17 июля 1971 года по окончании смены он в парк не заехал, а через неустановленное лицо передал путевой лист для отметки прибытия в парк в 23 часа 19 минут, после чего без путевого листа стал перевозить пассажиров в личных целях.

Подъехав к ресторану "Бутуяш", он посадил в машину вышедших оттуда сестер Кобзевых — Ларису и Светлану и их двоюродного брата Которова и поехал в микрорайон города Рышкановку, где проживали Кобзевы. При въезде в центр города Которов вышел из машины, сказав Демирову, чтобы он благополучно доезжал его сестер.

В это время в автомашину сел неустановленный следствием гражданин по имени Антон, который, как оказалось, знал Демирова. По просьбе Антона в такси посадили стоявшего на противоположной стороне улицы Ясского, после чего пассажиры познакомились друг с другом. В пути Антон предложил поехать к ресторану "Кишинэу" за вином, но поскольку это было не по пути на Рышкановку, Кобзева Лариса возразила. Однако, Демиров заверил, что на Рышкановку можно проехать по другой улице и подъехал к ресторану "Кишинэу". Там Ясский вышел из автомашины, но из-за позднего времени вина не купил и вернулся обратно.

После этого Антон предложил поехать за вином в ресторан железнодорожного вокзала, но сестры Кобзевы вновь напомнили, что их нужно отвезти домой. Однако и на этот раз Демиров убедил их, что от вокзала до улицы, по которой можно проехать на Рышкановку, недалеко. Подъехав к вокзалу, Ясский снова направился за вином, но и в этом случае его не достал. Вернувшись к автомашине, он подошел к стоявшей около нее Кобзевой Светлане и предложил поехать на квартиру к его знакомому выпить вина и переночевать, однако последняя отклонила это предложение. Затем все снова сели в такси, где Ясский в отношении Кобзевой Светланы допускал вольности, пытался ее обнять.

Отъехав от вокзала, Демиров повернул машину не в сторону района Рышкановки, а в противоположную и поехал в направлении другого микрорайона города — Ботаники. На настойчивые просьбы Кобзевых, а затем крики Ларисы, сказавшей сестре, что их хотят изнасиловать и убить, — зачем они едут не в том направлении — никто из мужчин не реагировал, в том числе и Демиров. Чтобы заглушить крик Ларисы, Антон включил на всю громкость радиоприемник, а Ясский успокаивал женщин, что все будет хорошо.

Проехав путь на большой скорости, Демиров по требованию Ясского остановился на окраине города вдали от жилых домов и вышел из автомашины, а за ним вышли Ясский и Антон. Последний стал вытаскивать Ларису, державшуюся за Светлану, Ясский в свою очередь вытащил из автомашины Светлану, но она подбежала к Демирову и попросила оказать помощь. Однако Ясский оттащил ее от него и свалил на обочину дороги. Демиров вначале поколебался, просил Ясского и Антона, чтобы они ничего не делали с женщинами, но потом сказал им, что все будет хорошо и, сославшись на оплаченный вызов, уехал, пообещав возвратиться через 10 минут.

После того как Демиров уехал, Ясский затащил Светлану в траву и там изнасиловал.

В это же время Антон завел Ларису в другую сторону, свалил ее на землю и пытался изнасиловать, однако ей удалось вырваться от него и убежать. Когда она шла по шоссе, то увидела ехавшую навстречу автомашину и остановила ее. За рулем оказался Демиров. Кобзева Лариса сказала ему, что ее и сестру изнасиловали двое, находившиеся в такси, и попросила оказать помощь. Демиров пообещал ей привезти работников милиции, однако обещания не выполнил, вернулся в парки, где оставил автомашину и ушел домой.

Рассмотрев доводы протеста и материалы дела, судебная коллегия находит, что приговор в отношении Демирова в части осуждения его по ст.ст. 17 и 102 ч. III УК МССР подлежит изменению по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 17 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и ст. 17 УК МССР, соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления, а пособником признается лицо, содействовавшее соверше-

нию преступления советами, указаниями, предоставлением средств или устранению препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, орудие и средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем.

Из этого следует, что соучастие в виде пособничества обязательно предполагает, чтобы пособник был осведомлен о преступных действиях, которые собирается совершить исполнитель, и умышленно помогал ему в их осуществлении.

Суд в основу обвинения Демирова положил показания потерпевших, однако их тщательно не проанализировал, сославшись лишь на то, что они изложены в фабуле приговора. Между тем показания потерпевших отражены в приговоре неполно и не совсем точно.

Пособничество Демирова, по мнению суда, выразилось в том, что он знал, для какой цели доставляются потерпевшие в район Ботаники, и действовал согласованно с Ясским и Антоном. Однако такой вывод суда вызывает серьезные сомнения, поскольку обстановка, предшествующая изнасилованию, не свидетельствовала о том, что Демиров знал намерения Ясского и Антона изнасиловать потерпевших и умышленно содействовал им в этом.

Из показаний Кобзевых Светланы и Ларисы в судебном заседании усматривается, что они 17 июля 1971 года вместе со своим братом Которовым Эдуардом до 24 часов находились в ресторане "Бутуяш" и выпили там 2 литра сухого вина. Затем они остановили такси и втроем поехали к центру города. Когда около госбанка из машины вышел их родственник и в нее сел пассажир по имени Антон, а затем Ясский, то Кобзевы против этого не возражали. В машине они познакомились с ними, и Антон, сославшись на "приятное знакомство", предложил поехать к ресторану "Кишинэу" за шампанским, а потом к ресторану железнодорожного вокзала. Хотя Кобзева Лариса и говорила, что "им не по пути", но ни она, ни Светлана не возражали против поездки за вином. Более того, когда Ясский не мог купить вина в ресторане "Кишинэу" и машина затем подъехала к ресторану железнодорожного вокзала, то из нее вышли Кобзева Светлана и Ясский. По возвращению Ясского она беседовала с ним. Он предложил ей поехать к его знакомому на квартиру выпить вина и переночевать, не согласившись с этим предложением, Светлана в то же время села с ним в машину.

Что касается дальнейших действий Демирова, то он выполнил просьбу незнакомого ему пассажира Ясского, отвезти их в район Ботаники.

Действительно, Лариса в это время возражала против поездки в этот район, однако Ясский по пути успокаивал Кобзевых, заявляя, что с ними ничего плохого не будет.

В этой связи важное значение для подтверждения вины Демирова имеет довод, приведенный судом в приговоре о том, что "на настойчивые просьбы Кобзевых, а затем крики Ларисы, сказавшей сестре, что их хотят изнасиловать и убить, — зачем они едут не в том направлении — никто из мужчин не реагировал, в том числе и Демиров".

Между тем, Кобзева Светлана по этому поводу в суде дала другие показания, что она в пути следования от вокзала в район Ботаники все время молчала, а ее сестра Лариса хотя и сказала ей, что их "в лес завезут, убьют и изнасилуют", но этих слов, кроме нее, Кобзевой Светланы, никто не слыша. Поскольку Демиров не слышал этих слов, то он не мог и реагировать.

Демиров, не признавая себя виновным, в судебном заседании показал, что у него не было договоренности с Ясским и Антоном о совершении преступления и оказании им помощи в этом. Он также не слышал разговора между ними о желании изнасиловать сестер Кобзевых и у него "не возникла мысль, что Антон и Ясский будут приставать к девушкам".

Показания Демирова в этой части подтверждается объяснениями в суде потерпевших. Кобзева Лариса, в частности, показала, что она "не слышала разговора, чтобы ребята договаривались изнасиловать ее и сестру и с какой целью они поехали с ними в район Ботаники". Кобзева Светлана по этому поводу пояснила, что она "не верила, не могла предполагать в пути следования с вокзала, что с ними сделают что-то".

Таким образом, действия Демирова, выразившиеся в том, что он доставил потерпевших в район Ботаники г. Кишинева и оставил их в ночное время наедине с Ясским и Антоном не могут рассматриваться как пособничество в изнасиловании, поскольку приведенные выше обстоятельства, предшествующие этому, свидетельствуют о том, что у Демирова не было договоренности с Ясским и Антоном о содействии в совершении ими преступления и что он мог

заведомо не знать, что впоследствии они сделают в отношении потерпевших.

В деле имеется достаточно доказательств, подтверждающих вину Демирова в том, что он, зная о совершенном Ясским и Антоном преступлении, не донес об этом органам власти, и эти его действия прямо подпадают под признаки ст. 203 УК МССР, по которой он и должен нести уголовную ответственность.

Вина Демирова в незаконном использовании государственных транспортных средств в корыстных целях материалами дела доказана.

Руководствуясь ст. 11 Положения о Верховном Суде СССР, судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

Приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Молдавской ССР от 14 июля 1972 года в отношении Демирова Алексея Георгиевича изменить. Переквалифицировать его действия со ст.ст. 17 и 102 ч. III УК МССР на ст. 203 УК МССР. Меру наказания Демирову А. Г. по ст. 203 УК МССР и по совокупности преступлений на основании ст. 39 УК МССР определить три года лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима.

Председательствующий

Г. Казнин

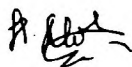
Члены суда

Р. Бризе А. Филатов

Верно: Член Верховного
Суда СССР

А. М. Филатов

Копия верна:

(А. Мове)

Если учесть, что к этому времени (6.02.75 г.) Демиров уже находился под стражей около трех лет, станет понятным, что указанное решение коллегии Верховного суда СССР было для Демирова той самой долгожданной путевкой на свободу, о которой он так мечтал.

Дело Венедикта Мокрия

“Ох уж этот Ваш Мокрий!, — сказала мне как-то при встрече член Верховного суда СССР Ирина Денисовна Якименко, — покоя мне не даст.”

Прекрасный юрист, очень опытный судебный работник, Ирина Денисовна ко всему этому обладала еще одним бесценным качеством — человечностью, сердобольностью и очень близко принимала к сердцу всякую несправедливость и бездушие. А в данном случае, как ей было не сопереживать вместе со мной, если допущенная несправедливость была очевидной и из-за нее, из-за этой чудовищной несправедливости, молодой, 19-летний юноша, уже столько лет находился под стражей...

Но начну по порядку...

Это дело я принял к защите в 1967 году. Составив жалобу, последователем был на приемах в Верховном суде и Прокуратуре Молдавской ССР. Ответы, увы, были неутешительны.

Документ

МОЛДАВСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЕРХОВНЫЙ СУД

Адвокату тов. Мове А. Л.
г. Москва, ул. Баррикадная, 8.
Московская областная
юрконсультация

Сообщаю, что Ваша жалоба по делу Мокрий В. С., осужденного 20 февраля 1962 года Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда МССР по ст. 89 УК МССР на 12 лет лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима, разрешена.

Изучением в порядке надзора материалов уголовного дела по обвинению Мокрия В. С. установлено, что вина его в том, что он во время драки в ночь на 20 ноября 1961 году убил гр-на Матвеева, доказана.

Свидетелями происходивших событий явились гр. гр. Баба Александра, Баба Мария и Баба Лукьян. О том, что Матвеева убил Мокрый, на следующий день, т. е. утром 20 ноября 1961 года, в органы местной власти заявил Баба Лукьян, и это соответствовало действительности.

Проверка версии органами следствия о причастности к убийству Матвеева Бабы Лукьяна была закономерной.

Как установлено в суде, до 19 ноября 1961 года взаимоотношения семьи Бабы с осужденным были нормальные.

Поэтому все предположения, высказанные в жалобе, о том, что указанные выше свидетели, боясь ответственности за случившееся, дали ложные показания в отношении обстоятельств, при которых Мокрый убил Матвеева, лишены основания.

Свидетель Баба Александра при сложившейся ситуации имела возможность лучше других наблюдать действия, которые совершал Мокрый и Матвеев во время драки в ночь на 20 ноября.

На предварительном следствии, а также в суде она показала:

“Луня просил не вести его в комнату, т. к. ему было плохо. Санду стал угрозой тащить его в дом и ударил его.

Потом взял полушубок и ушел домой. Во дворе остались Георгий Матвеев и мой брат Луня. Они держали друг друга, и Георгий предложил Луне идти в дом. В это время пришел Ваня и, обратясь к Георгию Матвееву, сказал, чтобы он отпустил Луню. Мокрый повторил свою просьбу дважды. Тогда Георгий отпустил Лукьяна и, подойдя, спросил, почему он вмешивается не в свое дело. Мокрый и Георгий стали драться. Мокрый вытащил нож и сказал Георгию: “Видишь нож, сегодня тебе будет конец”. Мать стала кричать, а я держала брата, Георгий крикнул: “Луня, не оставляй меня” — и тогда брат вырвался и побежал к ним. Мокрый находился сверху Георгия, он поднялся и пошел домой”.

Баба Лукьян и Баба Мария дали аналогичные показания в суде, каждый в той последовательности, в которой ими были восприняты в ночное время быстро проходившие события.

У суда не было данных для того, чтобы усомниться в правдоподобности показаний Баба Л., Баба А., и Баба М.

По утверждению этих свидетелей, драка между Матвеевым и Мокрый началась нанесением друг другу ударов.

угрозой Матвееву со стороны Мокрый ножом, затем они оказались на земле, находились попеременно друг на друге, в конце драки сверху на Матвееве был Мокрый.

При таких обстоятельствах предположение (не научно обоснованный вывод), высказанное в заключении судебно-медицинского эксперта, что "Матвееву повреждения нанесли в тот момент, когда он находился в горизонтальном положении, т. е. лежа спиной вверх", не исключает вины Мокрый в содеянном. В конкретном случае нет и нарушения ст. 64 УПК МССР, на что имеется ссылка в жалобе.

По совокупности всех доказательств, собранных по делу, в том числе факт получения Матвеевым во время драки 5 ножевых ранений, нанесенных Мокрый с большой силой, давали суду право прийти к выводу, что убийство совершил Мокрый, что его действия подлежат квалификации по ст. 89 УК МССР.

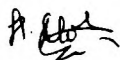
Мера наказания, назначенная Мокрый судом, соответствует тяжести содеянного.

С учетом изложенного оснований для внесения протеста в порядке надзора на приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда МССР от 20 февраля 1962 года по делу Мокрый на предмет его отмены не усматривается. Жалоба оставлена без удовлетворения.

Зам. председателя
Верховного суда МССР

(А. Елисеев)

Верно:

(А. Мове)

Документ

Прокуратура Молдавской ССР

Адвокату Московской областной
юридической консультации
тов. Мове А. Л.

г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8

Ваша надзорная жалоба по делу Мокрый В. С., осужденного 19 ноября 1961 года Судебной Коллегией по уголовным делам Верховного Суда МССР к 12 годам лишения свободы, проверена.

Изучением материалов уголовного дела установлено, что 19 ноября 1961 года примерно в 23 часа во время

обоюдной драки во дворе у гр-на Баба Л. И. Мокрый В. С. нанес Матвееву Г. В. 5 ножевых ранений в спину, одно из которых — проникающее в грудную полость, повредившее легкое и вызвавшее обильное внутреннее кровотечение в левую плевральную полость, отчего последовала смерть потерпевшего.

Виновность Мокрый В. С. в совершении указанного преступления подтверждается показаниями свидетелей Баба Л., Баба М., Баба А., Баба Р., Морошан А., Кучерявой В., заключением судебно-медицинской экспертизы о причине смерти потерпевшего и другими доказательствами изобличающими Мокрый в убийстве Матеева во время обоюдной драки.

Сам Мокрый В. С. в суде подтвердил, что когда вошел во двор к гр-ну Баба, то пьяные Матвеев и Баба Л. дрались между собой. Он стал говорить Матвееву, чтобы прекратили драку, но Матвеев набросился на него и, свалив на землю, стал бить его. Тогда он достал из кармана нож и нанес им удары в спину Матвееву, после чего ушел домой.

Свидетель Баба Л. пояснил, что во время того, как он толкался с Матвеевым, подошел Мокрый, который стал драться с Матвеевым. Мокрый стоя нанес Матвееву удары ножом в спину. Откуда появился Мокрый, он, Баба, не видел, но убил Матвеева — Мокрый.

Свидетель Баба М. показал, что в драку между Матвеевым и Баба Л. вмешался Мокрый, который вытащил нож и предложил Матвееву отпустить Баба Л., а когда Матвеев сказал, что ножа не боится, то они стали драться между собой, а что произошло дальше она не видела.

Свидетель Баба А. подтвердила, что Мокрый вытащил нож и сказал Матвееву:... "видишь нож, сегодня для тебя будет конец", и между ними началась драка.

При таких конкретно установленных обстоятельствах суд правильно пришел к выводу о виновности Мокрый в убийстве Матвеева в драке.

Таким образом, доводы Вашей жалобы о том, что Мокрый действовал в состоянии необходимой обороны и не превысил ее пределов, т. е. в порядке самообороны от нападения Матвеева нанес последнему 5 ножевых ранений, являются неосновательными и опровергаются приведенными выше доказательствами.

Действия Мокрия В. С. по ст. 89 УК МССР квалифицированы правильно, осужден он обоснованно и мера наказания ему судом определена с учетом тяжести совершенного преступления и характеристики его личности.

Основания для опротестования приговора по делу Мокрий В. С. по мотивам Вашей жалобы не усматривается, в связи с чем Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Зам. Прокурора Молдавской ССР
Государственный советник
юстиции 3 класса

Верно:

(Г. Житарь)

(А. Мове)

Только после этого я обратился в Верховный суд СССР, где был на личном приеме у Г. З. Анашкина.

Из досье адвоката

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Адвоката Московской областной
юрконсультации А. Л. Мове
(г. Москва, ул. Баррикадная, 8)

По делу

Мокрий Венедикта Саввовича,
осужд. приговором коллегии
Верхсуда МССР от 20/II-62 г. по
ст. 89 УК МССР к 12 годам ли-
шения свободы

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Допущена не просто ошибка, а ошибка *тяжелая*, требующая немедленного вмешательства и исправления.

Приговор умалчивает о главном, о том, что приговоренный к *максимальной* мере наказания, 12-ти годам лишения

* Статья 103 УК РСФСР — убийство без отягчающих обстоятельств.

свободы, Мокрый В. С. не только в суде, но и на следствии, свою вину в убийстве категорически отрицал, поясняя, что нанес ножевые ранения Матвееву, находясь в состоянии *необходимой обороны*.

— Как отнесся суд к этим показаниям подсудимого?

Согласился с ними или отверг? Если отверг, то почему?

Ничего этого понять из приговора нельзя. В нарушение п. 5 Руководящего Постановления Пленума Верховного суда СССР от 28/VII-50 г. "О судебном приговоре" суд не дал никакой оценки показаниям подсудимого, по сути молчаливо отверг их.

Анализ материалов дела свидетельствует о том, что умолчание в приговоре о показаниях подсудимого, уклонение от оценки этих показаний, является не случайным и объясняется тем, что опровергнуть эти показания невозможно.

I. Обстоятельства дела

Поздним вечером 19 ноября 1961 г. 19-летний Венедикт Мокрый возвращался домой от знакомой девушки, Руснак.

Утром, в этот же день, Мокрый провожал в армию своего товарища, Брагуца, и, будучи в гостях, выпивал. Но затем, днем, он несколько часов спал и к вечеру был абсолютно *трезв*.

У дома Руснак к Мокрию пытались пристать находившиеся в нетрезвом состоянии Морошан, Баба и Матвеев. Не желая связываться с пьяными, Мокрый окружным путем, огородами, пошел к своему дому.

Проходя мимо дома Лукьяна Бабы, Мокрый вдруг услышал шум и крики о помощи, а когда подошел ближе, то увидел, что во дворе дома Бабы происходит драка: дрались между собой Лукьян Баба и Матвеев.

По мнению суда, Мокрию, видимо, следовало спокойно наблюдать за этой дракой, или равнодушно пройти мимо. Но Венедикт Мокрый был комсомольцем и не так понимал свой долг: он, как утверждает суд в приговоре, "*ввязался в эту драку*".

По просьбе матери Бабы Л. Мокрый зашел во двор и пытался *разнять дерущихся*. Тогда пьяный Матвеев, оста-

вив Лукьяна, набросился на Мокрия, сбил его с ног, уронил на землю и, навалившись на него, стал избивать.

Для того, чтобы правильно оценить создавшуюся ситуацию, следует сразу же заметить, что Матвеев был *сильно пьян, озлоблен* на Мокрия (он еще у дома Руснак пытался затеять с ним драку, специально посылал Лукьяна Бабу в дом Руснак — узнать, там ли находится Мокрий — см. обвинительное заключение) и *физически значительно сильнее* Мокрия (он был старше Мокрия на 6 лет, 3 года служил в армии, рост 177 см — см. Акт экспертизы — л. д. 28).

— *Что оставалось делать Мокрию?*

“Я, увидев, что меня Матвеев сильно бьет, — показал Мокрий, — сильно перепугался и, так как находился в лежачем положении, вытащил нож, как-то открыл его и нанес несколько ударов Матвееву в шею и спину”.

И далее:

“Ножевые ранения наносил Матвееву тогда, когда он лежал на мне”. (см. показания Мокрия — л. д. 14, 40, 54, 38, 106, 154)

Вот, собственно, вся фабула дела.

Один из ударов ножом, которые нанес Мокрий, оказался смертельным.

Естественно, возникает вопрос, тот самый, который суд обошел молчанием в приговоре: *правду ли говорил Мокрий? Подтверждены ли его показания? Не вызваны ли эти показания стремлением уйти от ответственности?*

Защита берет на себя смелость утверждать, что Мокрий не кривил душой, что он говорил только правду.

II. Показания Мокрий В. С. материалами дела подтверждены

1. Как указывалось выше, на всем протяжении следствия Мокрий давал точно такие же показания, какие он дал и в суде. Только на первом допросе в милиции, правильно рассказав о всех обстоятельствах драки, Мокрий смалодушничал и не сказал, что в тот момент, когда Матвеев навалился на него, он нанес ему удары ножом.

Уже одно это, последовательность показаний подсудимого и отсутствие в них каких бы то ни было противоречий, не может не внушить к ним определенного доверия.

2. О том, что Мокрый *вечером* 19/XI находился в нетрезвом состоянии, не сказал ни один свидетель.

Показания Мокрый о том, что он после проводов товарища в армию несколько часов спал и вечером был трезв подтвердил свид. Мокрый С. Г. (л. д. 43-44, л. д. 165-об.).

3. Объяснения Мокрия о том, что еще у дома Руснак пьяные Баба Л., Матвеев и Морошан пытались затеять с ним драку, материалами дела подтверждены.

В обвинительном заключении по этому поводу сказано:

"В это время в дом Руснак пришел Баба в нетрезвом состоянии, которого послал туда Матвеев с целью узнать, есть ли там Мокрый. Баба, убедившись, что Мокрый в доме Руснак, вышел на улицу, где его ждал Матвеев и Моршан в нетрезвом состоянии. Они, узнав, что Мокрый там, стали ожидать его и при появлении Мокрый стали свистеть и хлопать в ладоши."

"Мокрый вышел и огородами пошел в сторону п. Секуряны, после чего направился домой". (См. обвинительное заключение, стр. 2).

4. Баба Лукьян — близкий приятель погибшего, и он вряд ли был заинтересован в том, чтобы выгораживать Мокрия, который убил Матвеева. Скорее даже наоборот. Между тем, на следствии *Лукьян Баба* показал:

"Матвеев являлся мне лучшим другом..." (л. д. 9)

И далее:

"Когда пришел Мокрый, то я дрался с Георгием (Матвеевым) и Мокрый стал нас разнимать и просить Матвеева, чтобы он прекратил бить меня... Матвеев отпустил меня и стал драться с Мокрый. Матвеев Георгий повалил Мокрия на землю и стал бить его, лежа на нем... Как Мокрый ударил его ножом я не видел, только слышал, как Матвеев кричал: "Ой, он меня бьет ножом". (л. д. 56-об. - 57)

Впоследствии Баба Л. изменил свои показания (см. ниже), но однако и в суде он вынужден был признать, что Мокрий и Матвеев находились на земле, что "физически Матвеев сильнее" (л. д. 158, 159-об.).

Подтвердил Баба и то, что его Матвеев посылал в дом Руснак, посмотреть, есть ли там Мокрий (л. д. 159-об.).

5. Свид. Баба Мария Павловна — мать Лукьяна Бабы, ближайшего друга Матвеева. Она так же вряд ли была заинтересована в том, чтобы выгораживать Мокрия. Скорее наоборот. Однако на *первом* же допросе, 10/XI-63 г., она показала:

"Мы с сестрой услышали ночью крики и лай собаки. Моя дочь Александра посмотрела в окно и увидела, что во дворе возятся несколько человек. Мы вышли и увидели, что на земле клубком возятся мой сын, Лукьян, Морошан и Матвеев. Они все были в нетрезвом состоянии. Я с дочкой начали кричать о помощи и просить их, чтобы прекратили драку, но они нас не слушали..."

И далее:

"С трудом удалось отправить домой Морошана, а сын с Матвеевым продолжали драться..."

И далее:

"Зайдя во двор? Мокрий начал спрашивать Матвеева, почему он дерется с моим сыном. Я в это время с дочерью пытались завести домой Луню (Лукьяна).

Матвеев в это время начал драться с Мокрий, и он его бросил на землю и продолжал избивать лежащего" (л. д. 16).

Характерно, что эти показания были даны свид. Баба М. на следующий день после случившегося, с Мокрий она за это время не виделась и ни о чем договориться не могла. Невзирая на это, ее показания точно совпали с показаниями Мокрия. О чем это говорит — понять не трудно.

Впоследствии Баба М. изменила свои показания (см. ниже), но однако и здесь она не могла отрицать того, что: "Я стала кричать, чтобы они не дрались..." (л. д. 76)

"Когда Мокрый зашел во двор, он сказал Матвееву: "Отпусти Луню" (л. д. 161-об.).

6. Объяснения Мокрый В. о том, что Матвеев дрался с Лукьяном Баба и что в это время были крики о помощи, подтвердили свид. Баба Раиса, Моршан Екатерина, Малярчук, Курчева В., Баба Александра.

Они показали:

Баба Александра:

"Залаяла собака, я увидела, что на улице дрались какие-то мужчины. (л. д. 162). "Мы с мамой стали кричать, чтобы они не дрались" (л. д. 65)

Баба Раиса:

"Я посмотрела в окно и увидела, что кто-то дерется... Мама и сестра на улице кричали и разнимали дерущихся" (л. д. 17).

Моршан Екатерина:

"Вечером пришел Баба Лукьян, жаловался, что сын его избил" (л. д. 164-об.).

Курчевая В.:

"Ночью я вышла во двор и слышала, как во дворе у Баба кричали женщины о помощи". (л. д. 164-об.)

Малярчук:

"Когда я подошел ближе, то убедился, что там (во дворе Бабы) кто-то дерется... В том же месте я встретил Мокрый, которому предложил, чтобы он подошел ближе и посмотрел, зачем они дерутся..." (л. д. 20).

7. Объяснения Мокрый о том, что он нанес ножевые ранения Матвееву в тот момент, когда Матвеев лежал на нем, подтверждены заключением судебно-медицинской экспертизы.

На вопросы следователя о том, в какой позе находился потерпевший в момент нанесения повреждений и соответствуют ли показания Мокрый медицинским данным исследования трупа (см. Постановление о назначении экспертизы, вопросы №№ 4 и 8 — л. д. 25), эксперт дал следующее заключение:

“п. 7. Принимая во внимание характер ран и их расположение, а также обстоятельства дела, считаю, что Матвееву повреждения наносились в тот момент, когда он находился в горизонтальном положении, т. е. лежа спиной вверх”.

И далее.

“п. 10. Принимая во внимание расположение ран, их размеры, глубину и характер, считаю, что в данном случае медицинские данные исследования дела не противоречат обстоятельствам дела” (см. Заключение экспертизы л. д. 32 и описание обстоятельств дела в Постановлении следователя о назначении экспертизы и в Акте экспертизы — л. д. 25 и 27).

К сожалению, в судебное заседание суд. мед. эксперт вызван не был.

— *Как же отнестся суд к этому заключению экспертизы? Согласился с ним, или отверг?* Ничего этого понять из Приговора невозможно, хотя известно, что в соответствии со ст. 64 УПК МССР свое несогласие с заключением экспертизы суд обязан в приговоре мотивировать.

Не трудно понять, что при наличии всех этих данных, с учетом того, что было установлено, что Мокрый действовал в состоянии необходимой обороны и не превысил ее пределов, еще в процессе следствия возбужденное в отношении Мокрия дело надлежало в уголовном порядке производством прекратить и Мокрия из-под стражи освободить.

В самом худшем для Мокрия случае могла идти речь лишь о том, превысил или не превысил он пределы необходимой обороны.

III. Об изменении показаний свидетелями Баба Лукьяном и Марией

Возбужденное против Мокрий В. С. дело прекращено, однако, не было. И случилось это потому, что буквально за неделю до окончания расследования свид. Баба Лукьян и его мать в корне изменили свои показания, а следственные органы (впоследствии и суд) не дали никакой критической оценки этому их поведению, по сути, пошли у них на поводу.

Для того, чтобы понять все то, что произошло, и дать ему надлежащую оценку, следует сделать небольшое отступление.

Из материалов дела видно, что с самого начала подозрение в убийстве Матвеева пало на Лукьяна Баба:

- 1) Он дрался с Матвеевым
- 2) Труп Матвеева был обнаружен в огороде Баба
- 3) В доме Баба был обнаружен топор со следами крови
- 4) На одежде Лукьяна Бабы имелась кровь

5) В доме Бабы была обнаружена шапка потерпевшего, не известно как там оказавшаяся.

Все это серьезно волновало и Лукьяна Баба, и его близких, тем более, что на следующий день после убийства, 20/XI-61 г., Лукьян Баба как *подозреваемый* был подвергнут *телесному осмотру*, а одежда его направлена на *экспертизу* (л. д. 93).

Свид. Мокрий С. Г. в суде об этом так рассказал:

"На второй день утром я был в милиции. Видел, что вывели Лукьяна Баба *без рубахи*. Я спросил, почему? мне сказали, что у него обнаружили рубашку *в крови* и посадили в погреб" (л. д. 165-об.).

Все это, повторяем, вызывало большое беспокойство в семье Баба. Не случайно, на всем протяжении следствия и в суде Лукьян Баба и его близкие всячески оправдывались и убеждали, что Лукьян к убийству не причастен. "В доме нашли топор, — говорила Баба Раиса, — им брат зарезал курицу. Шапку в комнату принесла сестра Александра". (л. д. 157)

"Фуражку Матвеева, — объясняла Баба Мария, — подобрала моя дочь после драки" (л. д. 16).

"На следующий день у нас *производился обыск* и на топоре видели *брызги крови*. Топором я резала курицу" (л. д. 76-об.)

"Фуражку принесла дочь" (л. д. 161) и т. д.

Все это нельзя не учитывать при оценке показаний свид. Баба, поскольку очевидно, что уличая в убийстве

Мокрый, они тем самым снимали подозрение в убийстве с Лукьяна Баба.

Нельзя не учитывать здесь и того, что Лукьян Баба — являлся близким другом потерпевшего, в связи с чем и он, и его мать, и сестра не могли не быть заинтересованы в наказании Мокрый. Не исключено, что к концу следствия они поняли (или может быть им разъяснили), что если все обстояло так, как они первоначально показывали, Мокрый не может быть привлечен к уголовной ответственности.

Все это, конечно, предположения, но думается, определенную почву они под собой имеют, и не учитывать всего этого при оценке показаний этих свидетелей нельзя.

Как бы там ни было, но факт остается фактом: за неделю до окончания следствия свидетели Баба, свидетели, которых никак нельзя было заподозрить в том, что они поначалу пытались выгородить Мокрый, резко изменили свои показания. Неискренность этих, новых, показаний не вызывает никакого сомнения.

Первой задала тон родная сестра Лукьяна, Баба Александра. Через 2 месяца после случившегося, она вдруг показала:

"Матвеев и брат не дрались, они лишь держали друг друга за одежду, но не дрались. Матвеев уговаривал брата, чтобы он ушел домой". (л. д. 65-об.)

— Разве трудно было понять, что Баба Александра лжет?

— Или, может быть, следовательно, записывая эти показания, забыл о показаниях всех других очевидцев драки?

"В это время, — продолжала она, — Мокрый прошел мимо мамы и подошел к брату и Матвееву. Мама еще спросила: Кто такой? Он ответил: я, но не назвал кто" (л. д. 66).

Какая необыкновенная идилия!

Оказывается, не было никакой драки, шума, криков о помощи. Просто Мокрый непрошеным гостем явился во двор Баба и пристал к брату и его другу!

— Неужели и здесь так трудно было уличить свидетеля во лжи?

"Мокрый вытащил нож, — впоследствии объясняла Баба Александра суду, — и сказал: "Видишь нож, сегодня тебе будет конец!" Георгий (Матвеев) крикнул: "Луня, не оставляй меня!" (л. д. 162-об.)

Вот, оказывается, как обстояло дело! Оказывается Мокрый, тот самый, который не захотел связываться с пьяным Матвеевым и его компанией у дома Русняк и ушел от них домой окружным путем, огородами, теперь чуть ли не напал на Матвеева и его приятеля, и Матвеев в страхе просил Луню не оставлять его...

Можно без конца цитировать показания этой свидетельницы и демонстрировать их несуразность, их несоответствие всем другим материалам дела.

Но возникают вопросы: *неужели можно было серьезно во все это верить?* Почему Баба Александра ничего не сказала об этом сразу после случившегося, а заявила об этом лишь спустя 2 месяца после убийства?

Наконец, почему ничего не рассказала она об этом своему брату, своей матери, которые, конечно же, рассказали бы об этом следователю — ведь ничего подобного в их показаниях на следствии не было?

Вслед за сестрой на следующий день, 16/1-64 г., в корне изменил свои показания и брат, Баба Лукьян: "Мокрый первый ударил, Мокрый и повалил на землю Матвеева и т. д." (л. д. 69).

"Я хотел идти в клуб, но они не пускали, — заявил он в суде, — и мы стали толкаться... Мокрый стал драться с Матвеевым, а я пытался их разбороть..."

"Мокрый избивал Матвеева... Когда они поднялись, стоя, Мокрый нанес удары ножом и т. д." (л. д. 158).

Вот, оказывается, что здесь происходило! Никакой драки не было, просто толкались, пришел Мокрый и стал избивать Матвеева, а Лукьян Баба их разнимал!

— *Неужели во все это можно было серьезно верить?*

— *Как можно было при этом забыть о показаниях всех других очевидцев случившегося, о показаниях самого Лукьяна Бабы, данных им за две недели до этого, 2/1-64 г. (л. д. 57)?*

Наконец, неужели так трудно было заметить, что т. н. "новые" показания Бабы Л. о том, что Мокрый нанес Матвееву удары ножом в то время, когда Матвеев стоял, не только не соответствуют показаниям других лиц, но и находятся в прямом противоречии с заключением судебно-медицинской экспертизы?

Вслед за своими детьми, Александрой и Лукьяном, через два дня, 17/1-64 г., в корне изменила свои показания и мать, *Баба Мария Павловна*:

"Во дворе остались Матвеев и сын. Они держали друг друга за борта, но не дрались. В это время я заметила, что около ворот кто-то стоит. Потом этот стоявший подошел к Матвееву" и т. д. (л. д. 76).

Комментарии, думается, излишни!

Из сказанного явствует, что буквально за несколько дней до окончания следствия в показаниях Бабы М. И., ее сына и дочери картина происшедшего резко изменилась.

Как отнесся ко всему этому следователь — известно. Он просто пошел на поводу этих "новых" показаний свидетелей Баба, начисто перечеркнув все то, другое, что имелось в собранных им же материалах следствия.

— А как отнесся к этому суд, как расценил он это?

Не спорим: оценка доказательств принадлежит суду. Это бесспорно. Но бесспорно и другое: ту или иную свою оценку доказательств суд обязан в приговоре надлежащим образом обосновывать, мотивировать.

— Каким показаниям свидетелей Баба суд отдал предпочтение? Каким их показаниям поверил: тем, путанным показаниям, которые они дали в суде и в конце следствия, или тем показаниям, которые они давали на первых этапах следствия и которые объективно подтверждены другими материалами дела?

Ничего этого понять из приговора нельзя, суд просто обошел все это молчанием. Да и о какой оценке доказательств можно говорить, если все случившееся описано в приговоре одной фразой:

"Подсудимый Мокрый В. С., ввязавшись 13/XI-61 г. в драку, происходившую между Баба Лукьяном и Матвеевым,

нанес Матвееву 5 ножевых ранений, одно из которых проникающее в грудную полость..." (стр. 1).

— Почему ввязался в драку? Зачем? При каких обстоятельствах нанес ранения?

Ни на один из этих вопросов ответа в приговоре нет. И нет ответа потому, что для этого требовалось с чем-то согласиться, а что-то отвергнуть, что-то признать доказанным, а что-то опровергнуть, т. е., иными словами, произвести оценку доказательств. А оценка эта не в пользу обвинения. Куда проще написать лаконично: "ввязавшись в драку, убил".

Несколько слов в заключение.

Венедикт Мокрый родился и вырос в простой крестьянской семье. Отцу сейчас 56 лет, мать — пенсионерка, тяжело больной человек. Венедикт — их единственный сын. В свое время он окончил 9 классов средней школы, работал в колхозе, рабочим Секурьянского карьера. К работе относился добросовестно — л. д. 103, 104. Член ВЛКСМ. В прошлом не судим.

В тяжелых условиях лагеря усиленного режима Мокрый В. С. содержится свыше 7 лет.

Все материалы дела свидетельствуют о том, что Мокрый осужден неосновательно, что в момент случившегося он находился в состоянии необходимой обороны.

Я прошу истребовать настоящее дело и внести протест на предмет отмены судебного приговора и прекращения в уголовном порядке дела производством за отсутствием в действиях Мокрый В. С. состава уголовного преступления.

Приложения:

1. Копия приговора коллегии Верховного суда МССР от 20/II-62 г.
2. Выписка из протокола общего собрания членов колхоза им. Кирова.
3. Прощение — на 6 листах.

Адвокат
г. Москва
30 октября 1968 г.

 (А. Л. Мове)

На эту свою жалобу спустя несколько месяцев я получил весьма неутешительный ответ за подписью Г. З. Анашкина.

Документ

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР

При ответе сослаться на наш № 02-196-66

10.

апреля

1969 г.

Адвокату тов. Мове А. Л.

Москва, ул. Баррикадная, дом 8
Московская областная прокуратура

Ваша жалоба, поданная на личном приеме, по делу Мокрия В. С., осужденного 20 февраля 1962 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Молдавской ССР по ст. 89 УК Молдавской ССР и 12 годам лишения свободы, по поручению Верховного Суда СССР проверена Верховным судом Молдавской ССР по материалам дела.

Виновность Мокрия в убийстве Матвеева путем нанесения ножем неоднократных ранений, одно из которых в жизненно важные органы потерпевшего, установлено показаниями свидетелей Баба, Мокричук, объяснениями осужденного и актом судебно-медицинской экспертизы.

Доводы Вашей жалобы о том, что Мокрий совершил преступление, находясь в состоянии необходимой обороны признаны необоснованными, поскольку они опровергаются показаниями свидетеля Баба А. и заключением эксперта, где указано, что Матвееву повреждения наносились в тот момент, когда он находился в горизонтальном положении, т.е. лежа спиной вверх.

Преступление Мокрия квалифицировано правильно.

По изложенным основаниям Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Приложенные к жалобе документы на 12-ти листах возвращаются.

Председатель Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда СССР

Г. АНАШКИН

Этот ответ был мною обжалован руководству Верховного Суда СССР.

Из досье адвоката.

Председателю Верховного Суда СССР

Адвоката А. Л. Мове,
г. Москва, ул. Баррикадная, 8,
Мособлюрконсультация

По делу

Мокрий Венедикта Саввовича,
осужд. коллегией Верхсуда
МССР по ст. 89 УК к 12 годам
лишения свободы

На жалобу, поданную на личном приеме в Верховном Суде СССР, мною был получен ответ за подписью председателя судебной коллегии Верхсуда СССР т. Анашкина, в котором он, ссылаясь на результаты проверки Верхсуда МССР, признает осуждение Мокрия В. С. по ст. 89 УК МССР правильным.

В этом ответе, в частности, утверждается, что "доводы жалобы о том, что Мокрий совершил преступление, находясь в состоянии необходимой обороны, признаны необоснованными, поскольку они опровергаются показаниями свидетеля Баба А. и заключением эксперта, где указано, что Матвееву повреждения наносились в тот момент, когда он находился в горизонтальном положении, т. е. лежа спиной ввѣрх".

Это утверждение (а основано оно на результатах проверки, проведенной в Верхсуде МССР) не может не вызвать недоумения.

1. В своей жалобе, анализируя заключение суд. мед. эксперта, защита указывала на то, что это заключение *целиком соответствует объяснениям Мокрия.*

На вопросы следователя о том, в какой позе находился потерпевший в момент нанесения повреждений и соответствуют ли показания Мокрия медицинским данным исследования трупа (вопросы №№ 4 и 8 — л. д. 25), эксперт дал следующее заключение:

п. 10: "Принимая во внимание расположение ран, их размеры, глубину и характер, считаю, что в данном случае медицинские данные исследования дела не противоречат обстоятельствам дела".
(См. Описание обстоятельств дела в Постанов-

лении следователя о назначении экспертизы и в акте экспертизы — л. д. 25 и 27).

Таким образом, заключение экспертизы не только не опровергает объяснений Мокрия о том, что он наносил удары ножом потерпевшему в тот момент, когда последний лежал на нем, а, наоборот, подтверждает эти объяснения, а следовательно, подтверждает тот факт, что Мокрий действовал в состоянии необходимой обороны.

2. В своей жалобе, анализируя показания свид. Баба Александры (родной сестры Баба Лукьяна) защита обращала внимание на то, что свидетельница эта была впервые допрошена через 2 месяца после случившегося и дала показания, прямо противоречащие тем показаниям, которые первоначально давали на следствии свид. Баба Лукьян и Баба Мария.

Защита обращала внимание на то, что показания этой свидетельницы (а вслед за ней изменили свои показания и ее брат, и мать) противоречили не только показаниям Баба Л. и Баба М., но и всем другим материалам дела (см. раздел III жалобы).

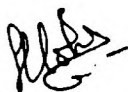
К сожалению, никакой оценки всем этим обстоятельствам, подробно освещенным в жалобе, при проверке ее в Верховном Суде МССР дано не было.

Учитывая изложенное, а так же и то, что действия Мокрий В. С. явно неправильно квалифицированы ст. 89 УК МССР, прошу истребовать настоящее дело и проверить его непосредственно в Верховном Суде СССР.

Приложение:

1. Копия Приговора.
2. Выписка из протокола общего собрания членов колхоза.
3. Прощение.

Адвокат

(Мове А. Л.)

25 апреля 1969 г.

Увы, Григорий Захарович на этот раз был абсолютно непробиваем. Как позже мне стало известно, его не могли переубедить не только мои доводы, но и мнение изучавшей дело И. Д. Якименко. Было ясно, что в этой инстанции мне больше делать нечего и, круто изменив маршрут, я обратился с жалобой в Прокуратуру СССР.

Как выяснилось, поступил я совершенно правильно: 30 октября 1969 г. Заместителем Генерального прокурора СССР Н. Жогиним по делу был принесен протест. Это уже была победа, лед тронулся!

В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Протест (в порядке надзора)

по делу Мокрый В. С.

Приговором Верховного суда Молдавской ССР от 20 февраля 1962 г.

Мокрый Венедикт Саввович, 1941 года рождения, ранее не судимый, — осужден по ст. 89 УК МССР к 12 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

Мокрый признан виновным в том, что он 19 ноября 1961 года около 23 часов, ввязавшись в драку, происходившую между Баба Лукьяном и Матвеевым, нанес последнему пять ножевых ранений. От полученных телесных повреждений Матвеев скончался.

Приговор суда подлежит отмене, а дело направлению на новое судебное рассмотрение по следующим основаниям:

Как в ходе предварительного следствия, так и на суде Мокрый, отрицая свою вину в убийстве, пояснил, что нанес ножевые ранения Матвееву, находясь в состоянии необходимой обороны.

Суд, рассмотрев настоящее дело, не дал никакой оценки этим показаниям Мокрия.

Между тем как показания Мокрия подтверждаются материалами дела.

Убийство Матвеева было совершено при следующих обстоятельствах:

19 ноября 1961 года, поздним вечером, Мокрый возвращался домой от знакомой девушки, Руснак.

У дома Руснак к Мокрию пытались пристать находившиеся в нетрезвом состоянии Морошан, Баба и Матвеев. Не желая с ними связываться, Мокрый окружным путем, огородами, пошел к своему дому.

Проходя мимо дома Лукьяна Бабы, Мокрый услышал шум и крики о помощи, а когда подошел ближе, то увидел, что во дворе дома Бабы происходила драка: дрались между собой Лукьян Баба и Матвеев.

По просьбе матери Бабы Л. Мокрый зашел во двор и пытался разнять дерущихся. Тогда Матвеев, оставив Лукья-

яна Бабу, набросился на Мокрия, сбил его с ног, уронил на землю и, навалившись на него, стал избивать.

Мокрый показал:

“Я, увидев, что меня Матвеев бьет, испугался и, находясь в лежачем положении, вытащил из кармана перочинный нож как-то открыл его и нанес несколько ударов Матвееву в шею и спину. Ножевые ранения наносил Матвееву тогда, когда он лежал на мне”.

Свидетель Баба Лукьян — близкий приятель погибшего, на следствии показал:

“Матвеев являлся мне лучшим другом...”

“Когда пришел Мокрый, то я дрался с Матвеевым, и Мокрый стал нас разнимать и просить Матвеева, чтобы он прекратил бить меня... Матвеев отпустил меня и стал драться с Мокрым. Матвеев Георгий повалил Мокрия на землю и стал бить его, лежа нем... Как Мокрый ударил его ножом, я не видел, только слышал, как Матвеев кричал: “Ой, он меня бьет ножом”.

Впоследствии Баба Л. изменил свои показания, но в суде он признал, что Мокрый и Матвеев находились на земле.

Свидетель Баба М. П. — мать Лукьяна Бабы показала:

“Мы с сестрой услышали ночью крики и лай собаки. Моя дочь Александра посмотрела в окно и увидела, что во дворе возятся несколько человек. Мы вышли и увидели, что на земле клубком возятся мой сын Лукьян, Морошан и Матвеев. Они все были в нетрезвом состоянии. Я с дочкой начали кричать о помощи и просить их, чтобы прекратили драку, но они нас не слушали. С трудом удалось отправить домой Морошана, а сын с Матвеевым продолжали драться. Зайдя во двор, Мокрый стал спрашивать Матвеева, почему он дерется в моем сыном. Я в это время с дочерью пытались завести домой Лукьяна. Матвеев в это время начал драться с Мокрым, и он его бросил на землю и продолжал избивать лежащего”.

Характерно, что эти показания были даны Баба М. П. на следующий день после случившегося. С Мокрым она до этого не виделась и ни о чем договориться не могла. Невзирая на это, ее показания точно совпали с показаниями Мокрия.

Впоследствии Баба М. П. изменила свои показания, но однако и здесь она не могла отрицать того, что: “Я стала

кричать, чтобы они не дрались..." "Когда Мокрый зашел во двор, он сказал Матвееву... отпусти Луню".

Показания Мокрый о том, что Матвеев дрался с Лукьяном Баба и что в это время были крики о помощи, подтвердили свидетели Баба Раиса, Морошан Екатерина, Малярчук, Курчевая, Баба Александра.

Объяснения Мокрый о том, что он нанес ножевые ранения Матвееву в тот момент, когда Матвеев лежал на нем, подтверждены заключением судебно-медицинской экспертизы.

"п. 7 Принимая во внимание характер ран и их расположение, а также обстоятельства дела, считаю, что гр-ну Матвееву повреждения нанесли в тот момент, когда он находился в горизонтальном положении, т. е. лежа спиной вверх".

В судебное заседание судебно-медицинский эксперт вызван не был.

Как же отнесся суд к этому заключению экспертизы?

Согласился с ним или отверг? Ничего этого понять из приговора невозможно. Хотя в соответствии со ст. 64 УПК МССР свое несогласие с заключением экспертизы суд обязан в приговоре мотивировать.

Не дал суд никакой критической оценки и измененным показаниям свидетелей Баба Лукьяна и Марии.

Каким показаниям свидетелей Баба поверил суд: тем ли путанным показаниям, которые они дали в суде и в конце следствия, или тем показаниям, которые они давали в начале следствия и которые объективно подтверждены другими материалами дела?

Ничего этого понять из приговора нельзя, суд просто обошел это молчанием.

Все случившееся описано в приговоре одной фразой:

"Подсудимый Мокрый В. С. , ввязавшись 19 ноября 1961 года в драку, происходившую между Баба Лукьяном и Матвеевым, нанес последнему 5 ножевых ранений, одно из которых проникающее в грудную полость".

Почему ввязался в драку, при каких обстоятельствах нанес ранения? Ни на один из этих вопросов ответа в приговоре нет.

Все материалы дела свидетельствуют о том, что при постановлении приговора суд не дал должной оценки всем доказательствам, на основании которых пришел к убеждению, что эти обстоятельства имели или не имели место в действительности.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 25
Положения о Прокурорском надзоре в СССР, —

Прошу:

Приговор Верховного суда Молдавской ССР от 20
февраля 1962 года в отношении Мокрия Венедикта Савво-
вича отменить и дело направить на новое судебное рас-
смотрение в ином составе судей.

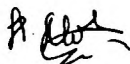
Приложение: дело в 1 томе.

Заместитель Генерального прокурора СССР
Государственный советник
юстиции 1 класса

Н. Жогин

30 октября 1969 г.

Копия верна:

(А. Мове)

Вскоре после этого я получил извещение из Прокуратуры СССР,
а затем и копию Определения коллегии Верховного суда СССР.

Документ

ПРОКУРАТУРА

Союза Советских
Социалистических Республик

Москва, М-79, Баррикадная, 17

адвокату тов. МОВЕ А.Л.

Московская областная юридическая
консультация гор. Москва

ул. Баррикадная, дом 8

По протесту Заместителя Генерального Прокурора СССР
судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР,
своим определением от 28 ноября 1969 года изменяла приговор
Верховного суда Молдавской ССР от 20 февраля 1962 года в
отношении Мокрий Венедикта Саввовича, снизила ему наказание
до 8 лет лишения свободы.

Приложение: на II листах.

Прокурор отдела по надзору за
рассмотрением в судах уголовных дел
старший советник юстиции

/МОРОЗОВА/

И.2.ХП.лс

Надзорное производство № 02-Д-245-69 года

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в составе: председательствующего — Анашкина Г. З. и членов суда — Казнина Г. В. и Якименко И. Д.

Рассмотрела в заседании от 28 ноября 1969 года протест заместителя Генерального прокурора СССР на приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Молдавской ССР от 20 февраля 1962 года, которым осужден по ст. 89 УК Молдавской ССР за умышленное убийство без отягчающих обстоятельств на двенадцать лет лишения свободы в ИТК усиленного режима —

Мокрий Венедикт Саввович, 1941 года рождения, уроженец и житель села Клокушно Окницкого района МССР, молдаванин, грамотный, беспартийный, холостой, ранее не судимый, до ареста по данному делу работал рабочим Секрянского карьера Окницкого района МССР.

Протест внесен на предмет отмены приговора в отношении Мокрия и направления дела о нем на новое судебное рассмотрение в тот же суд, в ином составе судей.

Заслушав доклад члена Верховного Суда СССР тов. Якименко И. Д. и заключение старшего помощника Генерального Прокурора СССР тов. Темушкина О. П., поддержавшего протест с изменением, полагавшего возможным согласиться с мнением докладчика, — приговор в отношении Мокрия изменить, снизить ему меру наказания до восьми лет лишения свободы, Судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Мокрий признан судом виновным в том, что он 19 ноября 1961 года в селе Клокушно Окницкого района МССР около 23 часов ночи, ввязавшись в драку, происходившую между Баба Лукьяном и Матвеевым, нанес последнему пять ножевых ранений, одно из которых проникающее в грудную полость, с повреждением легкого.

От полученных телесных повреждений Матвеев, пройдя несколько метров от места происшествия, скончался на огороде Баба Лукьяна.

Это преступление, как видно из дела, было совершено при следующих обстоятельствах.

19 ноября 1961 года Мокрий, проводив товарища в ряды Советской Армии, вечером пришел к знакомой девушке Руснак. Вскоре в дом Руснак зашел и Баба Лукьян.

Пробыв у Руснак несколько минут, Баба Лукьян ушел, а вслед за ним отправился домой и Мокрий. На улице у дома Руснак к Мокрию пытались пристать находившийся в нетрезвом состоянии Матвеев, Морошан и Баба Лукьян. Не желая связываться с ними, Мокрий огородами пошел к своему дому. Выйдя затем на улицу и проходя мимо дома Баба Лукьяна, Мокрий услышал шум и крик женщин во дворе дома последнего. На крик Мокрий зашел во двор, где увидел, что Матвеев избивает Баба Лукьяна, а мать Лукьяна — Баба Мария и сестра Баба Александра кричали и просили прекратить драку. Подойдя ближе, Мокрий предложил Матвееву прекратить избиение Баба Лукьяна. В ответ Матвеев отпустил Баба Лукьяна и стал избивать его — Мокрия. Мокрий, в свою очередь, стал наносить удары Матвееву.

Во время этой драки Мокрий имевшимся у него перочинным ножом нанес Матвееву 5 ударов в область спины, один из которых оказался смертельным, проникающим в грудную полость, с повреждением легкого.

В протесте зам. Генерального Прокурора СССР не оспаривается, что убийство Матвеева совершил Мокрий во время обоюдной драки, но вместе с тем указывается, что суд недостаточно глубоко исследовал обстоятельства совершенного преступления, и ставится вопрос об отмене приговора и возвращении дела в отношении Мокрия на новое судебное рассмотрение.

Проверив материалы дела и обсудив доводы, изложенные в протесте, Судебная коллегия считает, что, хотя суд и допустил некоторые пробелы в исследовании обстоятельств дела Мокрия, о чем правильно указывается в протесте, однако они не являются достаточным основанием, влекущим отмену приговора. Более того, по делу установлено, что убийство Матвеева совершил Мокрий, совершил он это тяжкое преступление в драке, начавшейся по инициативе потерпевшего Матвеева. Между тем, суд при определении меры наказания Мокрию не учел этого обстоятельства, в результате назначил Мокрию максимальную меру наказания, предусмотренную ст. 89 УК МССР, что не соответствует требованию ст. 32 Основ уголовного законодательства Союза СССР и ст. 36 УК МССР. Поэтому коллегия с учетом конкретных обстоятельств данного дела считает необходимым изменить приговор в отношении Мокрия, снизить ему меру наказания до восьми лет лишения свобо-

ды и, за отбытием им этого срока наказания, Мокрия из-под стражи по данному делу освободить.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия, соглашаясь с протестом с дополнением и руководствуясь ст. II Положения о Верховном суде СССР,

ОПРЕДЕЛИЛА:

Приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда МССР от 20 февраля 1962 года в отношении Мокрия Венедикта Саввовича изменить, снизить ему меру наказания до восьми лет лишения свободы и за отбытием им этого срока наказания Мокрия Венедикта Саввовича из-под стражи по данному делу освободить.

Председательствующий —

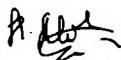
Анашкин

Члены суда

Казнин и Якименко

Справка: Мокрий В. С. отбывает наказание с 21 ноября 1962 года, в настоящее время он содержится по адресу: Ульяновская обл., г. Мелекесс, п/я ЮИ-75/5 "Д".

Верно:

(А. Мове)

Здесь я получил, если так можно выразиться, двойное удовлетворение. Прежде всего, обрел свободу мой подзащитный, справедливость (хотя и не в полной мере) восторжествовала через 8 лет.

А во-вторых, порадовался я за Г. З. Анашкина, которого с давних пор высоко ценил и который в данном конкретном случае, являясь председательствующим коллегии Верховного суда СССР, рассматривающей дело Мокрия, сумел не удариться в амбицию (дескать, я уже несколько раз отказывал в пересмотре дела!) и исправил допущенные им ранее свои ошибочные решения.

Это ли не пример высокого служения делу правосудия?!

Дело Меера Янкелевича, осужденного за убийство

На фоне недавних кровавых событий в г. Бендеры просто не верится, что совсем недавно этот цветущий, расположенный на самом берегу Днестра город жил спокойной мирной жизнью, люди трудились, отдыхали, работали клубы, кино, кафе и рестораны. В одном из этих ресторанов — “Юбилейный” — 30 мая 1970 г. произошел малозначительный инцидент, завершившийся, однако, тем, что Янкелевич М. Н. нанес удар по голове Шевченко, от которого тот на следующий день скончался.

Янкелевич был привлечен к уголовной ответственности и осужден по ст. 88 п. “б” УК Молдавской ССР (ст. 102 УК РСФСР — убийство из хулиганских побуждений) и по ст. 218 УК МССР (злостное хулиганство) на 12-ть лет лишения свободы.

Обращение с жалобами в судебную-прокурорские инстанции Молдавии и в Прокуратуру СССР ничего не дало. Ответы на жалобы приходили неизменно отрицательные.

**Документ
Копия**

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР

26 октября 1973 г.

Адвокату Таллеру А. С.
Молдавская ССР, гор. Бельцы,
ул. Ленинградская, 57

В связи с Вашей жалобой в Верховном Суде СССР изучено уголовное дело Янкелевича М. Н., осужденного Верховным Судом Молдавской ССР 12 июля 1973 года по совокупности совершенных им преступлений к 12 годам лишения свободы.

Вина Янкелевича в умышленном убийстве гр-на Шевченко из хулиганских побуждений, в злостном хулиганстве в отношении Чернея, Власенко и с применением ножа в отношении Куряева подтверждена показаниями названных потерпевших, свидетелей Раченковой, Соснина, Сидоренко, Чулака, Чехунова и другими, заключением судебно-медицинской экспертизы.

Ваши выводы, изложенные в жалобе, основаны на переоценке доказательств, опровергаются материалами дела.

Суд дал правильную оценку показаниям потерпевших и свидетелей, исходя из их полного объема и в совокупности с другими материалами дела. Действия Янкелевича квалифицированы правильно, мера наказания определена ему с учетом общественной опасности содеянного и личности осужденного.

Член Верховного Суда СССР

Верно:

А. М. Филатов

А. М. Филатов (А. Мове)

Документ

Москва, ул. Баррикадная, 6
Моссоплексконсультация
адвокату тов. Мове А. Л.

ПРОКУРАТУРА СССР

101793. Москва, К-9. Пушкинский, 16-я

8.10.74 № 4-4090-74

На №

Ваша жалоба по делу Янкелевича, осужденного Верховным судом СССР к 12 годам лишения свободы, рассмотрена.

Дело проверено в Прокуратуре СССР.

За хулиганство и за убийство Шевченко Янкелевич осужден обоснованно, в совершенных преступлениях он изобличен материалами предварительного и судебного следствия.

Смысла в жалобе на то, что конфликт в фойе ресторана между Янкелевичем и Шевченко произошел по вине последнего, неосновательна.

Суд признал установленным, что Шевченко на ходу закуривал, при этом случайно задел плечом шедшего ему навстречу Янкелевича, перед которым сразу же извинился.

Ваше утверждение, будто Шевченко нанёс первый удар Янкелевичу, основаны на показаниях свидетелей Чехунова и Кучеренко, которые суд отверг. Показания Чермеля подтверждаются заключением судебно-медицинских экспертов о том, что потерпевшему нанесен удар твердым предметом с ограниченной поверхностью.

Хулиганские действия Янкелевича по отношению к Власенко и Куряку доказаны показаниями потерпевших, свидетеля Токарева и другими материалами дела.

Оснований оспаривать выводы суда не имеется.

Жалоба оставлена без удовлетворения.

Приложение: на 1/2 листах.

Зам. начальника отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел
государственный советник юстиции
3 класса

Ю. В. Корнеевский

Ю. В. Корнеевский

ПРОКУРАТУРА

Молдавской Советской
Социалистической Республики

"17" июня 1974 г.

Адвокату Московской областной
юридической консультации
тов. МОВЕ А. Л.
гор. Москва, Баррикадная, 8

Ваша жалоба по делу ЯНКЕЛЕВИЧА Меера Нутовича, осужденного Верховным судом МССР 12 июля 1973 года по ст.ст. 88 п. "б", 218 ч. II и 218 ч. III УК МССР к 12 годам лишения свободы, прокуратурой МССР проверена.

Установлено, что приговор в отношении ЯНКЕЛЕВИЧА М. Н. вынесен в соответствии с материалами дела.

Вина ЯНКЕЛЕВИЧА в убийстве из хулиганских побуждений гр-на ШЕВЧЕНКО и особо злостном хулиганстве доказана показаниями потерпевших ВЛАСЕНКО А. В., ЧЕРНЕЙ В. А., свидетелей СОСИНА А. Н., ЧУЛАКА А. С., КУРЯЕВА А. В., ВИДОРЕНКО Н. И., РАЧЕНКОВОЙ З. К., заключением судебно-медицинской экспертной комиссии.

Утверждение в жалобе о том, что потерпевший ШЕВЧЕНКО первый ударил ЯНКЕЛЕВИЧА, является необоснованным и опровергается материалами дела.

Показания свидетелей ЧЕХУНОВА и КУЧЕРЕНКО по этому вопросу суд признал недостоверными, поскольку они противоречат фактическим данным.

Что касается предмета, которым ЯНКЕЛЕВИЧ причинил смертельное повреждение потерпевшему ШЕВЧЕНКО, то суд установил его, исходя не только из показаний потерпевшего ЧЕРНЕЯ, но и из совокупности всех доказательств по делу, в том числе и заключения судебно-медицинской экспертизы.

Заключением судебно-медицинской экспертной комиссии в суде установлено, что причиной смерти ШЕВЧЕНКО

явилась тяжелая черепно-мозговая травма. Вдавленный многооскольчатый перелом костей левой лобно-височно-теменной области с повреждением головного мозга — несовместим с жизнью и относится к категории тяжких телесных повреждений, повлекших за собой смерть.

Эксперты категорически утверждали, что указанный перелом костей черепа слева причинен при сильном ударе твердым тупым предметом с ограниченной ударяющей поверхностью, о чем свидетельствуют многооскольчатость перелома и вдавленность на ограниченном участке.

Противоречия в заключениях экспертиз, на которые указывается в жалобе, в ходе судебного следствия были устранены.

Также неосновательны Ваши доводы о неправильной квалификации действий ЯНКЕЛЕВИЧА.

Из дела видно, что никакого нападения на ЯНКЕЛЕВИЧА совершено не было, а поэтому ему не от кого было обороняться. Суд правильно квалифицировал содеянное ЯНКЕЛЕВИЧЕМ по ст.ст. 88 п. "б", 218 ч. II и 218 ч. III УК МССР.

При назначении наказания ЯНКЕЛЕВИЧУ суд принял во внимание тяжесть и общественную опасность совершенного преступления, а также учел и все смягчающие ответственность обстоятельства.

Оснований для опротестования приговора прокуратура МССР не находит и Вашу жалобу оставляет без удовлетворения.

Возвращается копия приговора.

Зам. Прокурора Молдавской ССР
Государственный советник
юстиции 3-го класса

(Г. ЖИТАРЬ)

Верно:

(А. Мове)

ПРОКУРАТУРА СССР

Гор.Москва, Баррикадная ул., дом № 8
 Мосооблпроконсультация
 адвокату тов.Мозе А.Д.

103793, Москва, К-9, Пушкинская, 15-а

02.75 № 4/4090-74

На №

Ваша жалоба по делу Янкевича М.Н. рассмотрена.

Дело проверено непосредственно в Прокуратуре СССР. За убийство Шевченко и хулиганство Янкевич осужден законно и обоснованно, вина его материалами дела доказана.

Свидетели Чехунов и Кучеренко на предварительном следствии и в суде действительно показывали, что они видели, как Шевченко первым ударил Янкевича, а последний ударил его в ответ. Эти показания суд не признал достоверными, так как они противоречили показаниям очевидца происшедшего Чернея, телесных повреждений у Янкевича не было и о них он не заявлял.

О неправильном отражении имевших место событий свидетельствуют и показания Чехунова о том, что у входа в ресторан Янкевич лишь оттолкнул Чернея, тогда как в действительности Янкевич дважды его ударил — этого не отрицал и осужденный.

Свидетелю Чулаку Янкевич рассказывал, что он "побил мужиков", просил посмотреть как чувствует себя Шевченко, а позже, переодевшись, сам пришел к ресторану, так как его тревожил поход нанесенных Шевченко ранений.

Суд дал правильную оценку имеющимся в деле доказательствам.

За отсутствием оснований для опротестования приговора, жалоба оставлена без удовлетворения.

Начальник отдела по надзору за
 рассмотрением в судах уголовных дел
 Государственный советник юстиции
 I класса

П.И.Кудрявцев

сх 2 II.02.75

Откровенно говоря, после всех этих ответов, руки в бессилии опускались. И все же решил вновь обратиться в Верховный суд СССР, куда уже однажды безуспешно обращался великолепный молдавский адвокат и мой близкий друг Арнольд Таллер.

Из досье адвоката

Председателю Верховного суда Союза ССР

Адвоката МОВЕ А. Л.
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная
юрконсультация

По делу

ЯНКЕЛЕВИЧА Меера Нутовича,
осужд. приговором коллегии
Верхсуда МССР от 12-VII-73 г. по ст.
99 п. "б", 218 ч. II и III УК МССР
на 12-ть лет лишения свободы

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Анализ материалов дела дает защите основание с полной ответственностью утверждать, что допущена серьезная ошибка, в результате которой Янкелевич М. Н. явно необоснованно признан виновным и осужден за совершение ряда тяжких преступлений к длительному лишению свободы.

1. Действия Янкелевича неосновательно квалифицированы ст. 88 УК МССР

Исходя лишь из того, что Янкелевич, по мнению следственных органов и суда, нанес удар потерпевшему не кулаком, а "твердым тупым предметом", действия Янкелевича были квалифицированы п. "б" ст. 88 УК МССР.

Между тем, совершенно очевидно, что, *вне зависимости от того, чем были причинены потерпевшему повреждения*, действия Янкелевича не могли быть квалифицированы как убийство из хулиганских побуждений, т. к. *решающее* значение для правовой оценки действий виновного имеют не характер примененного орудия, а *мотивы*, которыми он руководствовался в своих действиях. (См. Руководящее Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4/VI-60 г. № 4 "О судебной практике по делам об умышленном убийстве").

Установлено, что конфликт в фойе ресторана между Янкелевичем и Шевченко произошел по вине последнего, который умышленно или по неосторожности (как признает суд) *"задел плечом шедшего ему навстречу Янкелевича"* (см. приговор, стр. 2).

Установлено также, что по выходе из ресторана, вопреки утверждению приговора, не Янкелевич, а Шевченко нанес первый удар Янкелевичу.

Данное обстоятельство, как на следствии, так и в суде, подтвердили свидетели — очевидцы случившегося Чехунов и Кучеренко.

Характерно, что свидетели эти ранее Янкелевича не знали и были привлечены следователем не для защиты, а для изобличения Янкелевича (см. их показания т. 1 л. д. 52, 203 и протоколы очных ставок, т. 1 л. д. 73 и 74).

Уличая Янкелевича в том, что он нанес удар кулаком Шевченко, и Чехунов, и Кучеренко в то же время объясняли, что до этого Шевченко ударил Янкелевича, а приятель его, Черней, также набросился на Янкелевича.

В частности, на самом первом допросе, 4-го июня 1970 г., свид. Кучеренко показал:

"Янкелевича я ранее не знал.

Я и Игорь (Чехунов) сидели на скамейке. Увидели, что выходили из ресторана двое пожилых, а впереди шел Янкелевич, и один из мужчин держал Янкелевича за руку. Выходя из ресторана, один из мужчин ударил Янкелевича.

В свою очередь Янкелевич ударил его, отчего он упал" (т. 1 л. д. 52).

Это же подтвердил Кучеренко и на очной ставке с Янкелевичем:

"На пороге один мужчина ударил Янкелевича в лицо. Кинулся драться и второй мужчина.

Янкелевич, я это видел хорошо, ударил одного кулаком и тот упал" (л. д. 74 т. 1).

Такие же показания дал Кучеренко и на других допросах. (т. 1 л. д. 98, 211-212)

Свои показания свид. Кучеренко подтвердил и при воспроизведении его показаний на месте происшествия, где он указал, что

"первым из фойе выходил Янкелевич. Его вытаскивал пожилой мужчина. За ним следом шел другой мужчина в берете. Я видел, как Шевченко первым ударил Янкелевича, и после этого видел протянутую руку Янкелевича в сторону Шевченко...

Мужчина в берете тоже бросился на Янкелевича, но тот ударил его..." (см. Протокол воспроизведения показаний Кучеренко, схему и фотографии — т. 1 л. д. 213-214, 216, 217-218).

Свои показания на следствии свид. Кучеренко подтвердил в судебном заседании, где он вновь пояснил:

"До этого Шевченко ударил Янкелевича при выходе..." (т. 3 л. д. 94, 95-об.).

Аналогичные показания, как на следствии, так и в суде, дал и другой очевидец случившегося, свид. Чехунов.

"Первым ударил Янкелевича Шевченко, — объяснил Чехунов на допросах у следователя. — В ответ Янкелевич толкнул Шевченко.

Следом за Шевченко на Янкелевича набросился второй мужчина" (т. 1 л. д. 97, 54, 73, 241-244, т. 2 л. д. 278).

Свои показания Чехунов подтвердил и при воспроизведении его показания на месте происшествия, где он указал, что

"Шевченко первым ударил Янкелевича... после этого на Янкелевича набросился второй в берете и он его ударил..." (см. Протокол воспроизведения показаний Чехунова, схему и фотографии — т. 1 л. д. 205-207, 208, 209-210).

К этому же сводились и показания Чехунова в судебном заседании, где он подтвердил:

"Один из пожилых мужчин ударил или толкнул Янкелевича, после чего Янкелевич оттолкнул кого-то из них и т. д." (Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 90-об., 91-92).

Совершенно очевидно, что при таких обстоятельствах, когда бесспорно устанавливалось, что драку развязал не

Янкелевич, а Шевченко и Черней, которые набросились на Янкелевича, действия Янкелевича, вне зависимости от того, чем он нанес ответный удар, не могли быть квалифицированы как убийство из хулиганских побуждений, ст. 88 п. "б" УК. Очевидно, что в данном случае могла идти речь лишь об одном: превысил или не превысил Янкелевич пределы необходимой обороны, т. е. об ответственности Янкелевича в пределах ст. 91 УК МССР.

И именно поэтому, полагая, что Янкелевич не превысил пределов необходимой обороны, следственные органы *четырежды прекращали* настоящее дело производством (см. Постановления о прекращении дела — т. 1 л. д. 103, 160, 223, 271 и статью в газете "Советская Молдавия" от 8/1-71 г. *"В убийстве не виновен"* — прилагается).

Не соглашаясь с показаниями очевидцев случившегося, Чехунова и Кучеренко, а, следовательно, и с указанными Постановлениями о прекращении уголовного преследования против Янкелевича, коллегия Верховного Суда МССР свое решение в приговоре мотивировала следующим:

1. Показания Чехунова и Кучеренко "не подтверждаются объективными данными, при освидетельствовании Янкелевича никаких *телесных повреждений не обнаружено*, и он об этом не заявлял" (приговор, стр. 9).

2. "Указанные свидетели *находились от места удара на более дальнем расстоянии, чем Черней и могли неправильно воспринять этот момент*" (там же).

Эти доводы суда являются *несостоятельными*:

1. Общеизвестно, что *не всякий удар* (а тем более кулаком) *оставляет следы* в виде телесных повреждений.

Таким образом, отсутствие телесных повреждений у Янкелевича ни в коей мере не опровергает показания очевидцев — Чехунова и Кучеренко.

2. Неправильным является утверждение суда и о том, что Янкелевич не заявлял о нанесенном ему ударе.

На одном из первых допросов Янкелевич заявил:

"Я вышел первым, ни о чем не думая. В это время он меня толкнул или стукнул" и т. д. (т. 1 л. д. 33).

Об этом же заявил Янкелевич и при его обследовании.
(т. 1 л. д. 36)

Говорил об этом Янкелевич и на всех допросах в процессе следствия и в суде (т. 1 л. д. 69, т. 2 л. д. 357, т. 3 л. д. 85 и др.)

3. Чехунов и Кучеренко действительно "находились от места удара на более дальнем расстоянии, чем Черней", однако, как это видно из имеющихся в деле документов, они находились *в непосредственной близости от случившегося*, на расстоянии 6-ти метров, место происшествия было хорошо освещено, и возможность ошибки здесь исключалась (см. протокол осмотра места происшествия — т. 1 л. д. 9, схемы и фотографии — т. 1 л. д. 208, 209-210, 216, 217-218).

Вывод суда о том, что Чехунов и Кучеренко "могли неправильно воспринять этот момент" является *предположительным* и противоречит категорическим утверждениям этих свидетелей на следствии и в суде о том, что первый удар нанес не Янкелевич, а Шевченко, что приятель Шевченко — Черней — также набросился на Янкелевича.

4. Отвергнув показания совершенно незаинтересованных свидетелей-очевидцев и положив в основу обвинения Янкелевича показания потерпевшего Черней, суд при этом не учел следующего:

а) Черней — являлся лицом, *заинтересованным в исходе дела*. Он принимал *непосредственное участие в драке, первым набросился на Янкелевича* (см. показания свид. Чехунова и Кучеренко)

б) Черней — *близкий приятель Шевченко*. Это обстоятельство он признал в суде:

"У меня были очень хорошие, приятельские отношения с Шевченко". (Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 80)

Очевидно, что и по этим соображениям к показаниям Черней надлежало относиться критически.

в) При оценке показания Черней не учел суд тех *серьезных противоречий*, которые имеются в его показаниях по самым существенным обстоятельствам случившегося (об этом см. ниже).

г) Вечером 30-го мая 1970 г. Черней был пьян.

Даже из тех показаний Черней, которые воспроизводятся в приговоре, видно, что Черней в этот вечер *выпил 120-180 гр. водки и бутылку пива*. (Приговор, стр. 6 и протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 78)

По вопросу употребления спиртных напитков 30/V-70 г. Черней на следствии и суде давал самые разноречивые показания, утверждая в одном случае, что он выпил 100 гр. водки, а в другом случае — 100 гр. водки и еще *бутылку водки* на 3-х (т. 1 л. д. 237-об.).

Касаясь противоречий в своих показаниях по этому вопросу, Черней на допросе заявил:

“Я не могу пояснить, почему в моих показаниях имеются противоречия по вопросу где мы выпили и где взяли водку”.

И далее:

“Я действительно был выпившим, но не таким пьяным, чтобы ничего не помнить”. (т. 2 л. д. 483-об., 484)

Тот факт, что Черней, вопреки его утверждению, был не просто “выпившим”, а пьяным, подтвердили свидетели Раченкова З., Раченков Э., Ушинский, Штейнберг.

Они показали:

Свид. Штейнберг:

“В фойе ресторана я увидел Янкелевича, который спорил с женщиной (Черней). Янкелевич хотел от него отвязаться...”

Мужчина, с которым разговаривал Янкелевич, был сильно пьян” (Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 100).

Свид. Раченкова:

“Мы с мужем и Ушаковским сидели в ресторане. Видели, как Шевченко, Черней и Гулька прошли к стойке.

Ранее я их знала.

По виду можно было определить, что Черней находился в сильном опьянении.” (т. 1 л. д. 175-об.)

И далее:

"После случившегося я поехала в милицию, т. к. Черней сказал работникам милиции, что якобы Шевченко и его побил Ушаковский..."

Я сказала ему, что такого не может быть, т. к. *Ушаковский наш шофер и во время происшествия сидел за нашим столиком*". (т. 1 л. д. 177)

Свид. Ушаковский:

"Человек в берете (Черней) был пьян..."

Работники милиции стали разбираться и, когда зашли в фойе, чтобы найти того, кто их ударил, он показал на меня, что я дрался и меня пригласили в машину.

Зина Раченкова стала говорить, что я не мог драться, т. к. был за ее столом, но ее не стали слушать..." (т. 1 л. д. 181-185-об.).

"Находясь в милиции, когда человека в берете спрашивали, кто дрался, он то говорил что я, то что кто-то другой." (там же)

К этому же сводились и показания свид. Раченкова. (т. 1 л. д. 178)

Показания указанных свидетелей явились одним из оснований, по которому еще 26/III-71 г. возбужденное против Янкелевича дело было прекращено.

При этом, в *Постановлении о прекращении дела* было прямо указано:

"Свидетели Раченкова З. и ее муж, которые были знакомы с Шевченко и Черней, видели их входящими в зал ресторана и обратили внимание, что Черней был пьян" (т. 1 л. д. 226).

О пристрастии Черней к выпивкам свидетельствует и тот факт, что он *выпивал в рабочее время, в нетрезвом состоянии с работы был доставлен на допрос к следователю* (т. 1 л. д. 195).

Думается, что на показаниях подобного свидетеля, заинтересованного в исходе дела и находившегося в таком нетрезвом состоянии, что он ту же, сразу же после случившегося, стал уличать в содеянном ни в чем неповинного человека, строить обвинение недопустимо.

Тем более, что показания эти путанные и противоречивые, *опровергаются* объяснениями абсолютно ни в чем не заинтересованных свидетелей — очевидцев.

д) На всем протяжении следствия и в судебном заседании подс. Янкелевич показывал, что он оттолкнул от себя Шевченко лишь потому, что последний первым его ударил (т. 1 л. д. 33, 69, т. 2 л. д. 278, т. 3 л. д. 85 и др.).

Эти показания Янкелевича подтвердили не только Кучеренко и Чехунов, но и свидетели Чулак, Сосин, Беккер Р., Дембург Э. и др., которые пояснили, что со слов Янкелевича им известно, что он ударил Черней и толкнул Шевченко лишь потому, что *они первые его ударили* (см. их показания, т. 1 л. д. 432, 50, т. 3 л. д. 96, 97- об. и Приговор, стр. 7).

Характерно, что и сам Черней не исключал в своих показаниях того, что Шевченко пытался первым ударить Янкелевича. Он лишь настаивал на том, что "это было сделано Шевченко не умышленно":

"Возможно, когда выходили, Шевченко случайно приподнял руку или какое-то другое движение сделал рукой, и Чехунов, и Кучеренко приняли это за удар, — показал Черней на допросе.

Умышленный удар со стороны Шевченко я исключаю" (т. 2 л. д. 485).

Суммируя изложенное, следует признать, что:

1. Вывод суда о том, что Янкелевич беспричинно, из хулиганских побуждений, избил Шевченко и Черней, основан на *единственном доказательстве* — путанных показаниях Черней, *заинтересованного* в исходе дела и находившегося в *нетрезвом состоянии*.

2. Показания Черней не могут быть положены в основу приговора и потому, что они *противоречат* показаниям *очевидцев* случившегося, Чехунова и Кучеренко, показаниям *других свидетелей, подтвердивших, что потерпевшие первыми набросились на Янкелевича.*

3. При таких обстоятельствах, *вне зависимости от того, чем нанес Янкелевич ответный удар Шевченко, действия его не могли быть квалифицированы п. "б" ст. 88 УК.*

Исходя из конкретных обстоятельств случившегося, полагаю, что действия Янкелевича надлежало квалифициро-

вать не ст. 88, а ст. 91 УК МССР, как убийство при превышении пределов необходимой обороны. По этим же соображениям действия Янкелевича, связанные с нанесением ответного удара Черней не могли быть квалифицированы ч. II ст. 218 УК.

В данном случае Янкелевич не превысил пределов необходимой обороны.

Об орудии преступления

Хотя вопрос о том, чем был нанесен ответный удар потерпевшему, не имеет, как указано выше, решающего значения для правовой оценки действий Янкелевича, считая, тем не менее, необходимым, обратить внимание на следующее:

Утверждение следственных органов и суда, что Янкелевич нанес удар Шевченко "твердым тупым предметом с ограниченной ударяющей поверхностью" (приговор, стр. 3), основано на показаниях потерпевшего Черней и заключении судебно-медицинской экспертизы (там же, стр. 9).

Этим доказательствам суд не дал должной оценки.

а) Потерпевший Черней.

И на следствии, и в суде по вопросу о том, чем Янкелевич нанес удар Шевченко, Черней давал крайне *разноречивые* показания.

В частности, в своем *первоначальном* заявлении в органы милиции, 30/V-70 г., Черней ни словом не обмолвился о том, что Янкелевич, выходя из ресторана, "*что-то достал из кармана, переложил в правую руку и пр.*" (Приговор, стр. 6)

В этом заявлении Черней утверждал (*дословно*):

"Этот товарищ (Янкелевич) сказал: "я покажу тебе "твой сын" и ударил его (Шевченко) кулаком в лицо, и Шевченко упал" (т. 1 л. д. 2).

Ничего не говорил Черней о наличии в руках Янкелевича какого-то предмета и на допросе 1/VI-70 г. (т. 1 л. д. 10).

Только спустя 1,5 месяца после случившегося, 10/VII-70 г., в показаниях Черней *впервые* появилась ссылка на то, что Янкелевич ударил Шевченко *кастетом по голове*.

При этом Черней подробно описывал, как Янкелевич доставал *кастет*, одевал его на *правую руку* и пр.

“Этим же кастетом Янкелевич ударил два раза и меня, — утверждал на этом допросе Черней” (т. 1 л. д. 75-об.)

Аналогичные показания дал Черней при воспроизведении его показаний на месте происшествия (т. 1 л. д. 190) и придерживался этих показаний в течение 9-ти месяцев, до 25/III-71 г.

Только на допросе 25/III-71 г., когда следователь попросил Черней описать форму кастета, последний вынужден был признать:

“Кастета в руках Янкелевича я не видел и какой он формы сказать не могу” (т. 2 л. д. 198-об.).

И здесь же, *уличенный во лжи*, Черней придумывает новую, *третью по счету*, версию о том, что Янкелевич, *“что-то, вынул из кармана и положил в правую руку”* (там же, л. д. 198-об.).

Совершенно очевидно, что на подобных показаниях потерпевшего вряд ли мыслимо строить обвинение.

Тем более, что на всем протяжении следствия и в суде свидетели — очевидцы происшествия, Кучеренко и Чехунов, утверждали, что они сразу же после того, как Шевченко упал, подбежали к Янкелевичу и *никакого постороннего предмета в его руках не видели* (т. 1 л.д. 203, 212).

б) Заключение судебно-медицинской экспертизы.

Хотя в приговоре суд ссылается на одно заключение судебно-медицинской экспертизы, таковых, как это видно из материалов дела, было проведено *шесть*, при этом в подавляющей части *экспертные комиссии приходили к выводу о том, что обнаруженные у Шевченко повреждения могли образоваться как при ударе твердым тупым предметом, так и при падении и ударе о таковой* (т. 1 л. д. 6-7, 117-124, 157-159).

Более того, *комиссионная экспертиза, проведенная 6/X-72 г. под председательством зам. директора НИИ судебной медицины т. Левченкова и при участии консультанта НИИ нейрохирургии имени академика Бурденко АМН СССР доктора медицинских наук А. М. Куна, кандидата медицинских наук доцента Прилуцкого и младшего научного сотрудника НИИ судебной медицины Исаева, пришла к выводу и дала категорическое заключение о том, что “указанные*

повреждения головы (перелом костей черепа слева с повреждением головного мозга) не характерны для травмы от удара твердым тупым предметом с небольшой ограниченной поверхностью" (т. 2 л. д. 326).

И далее:

"Повреждения в левой половине головы и перелом левой скуловой дуги — могли возникнуть в результате удара левой половины головы о твердую поверхность или угловатый предмет (решетку) при падении..." (Там же).

Что же касается кровоизлияния в мягкие покровы правой теменной области, то указанная экспертная комиссия пришла к выводу, что оно

"могло возникнуть от удара твердым тупым предметом, например, невооруженным кулаком человека в правую половину головы или вследствие противоудара при падении на левую половину тела, сопровождавшемся ударом левой стороны головы о твердую поверхность" (т. 2 л. д. 326)

И только одна экспертная комиссия, возглавляемая проф. Прозоровским, в своем заключении от 2/IV-73 г. пришла к прямо противоположным выводам (т. 2 л. д. 426-432).

Положив в основу обвинения Янкелевича данное экспертное заключение, суд не учел следующего:

1. Невзирая на то, что по вопросу нанесения удара Шевченко каким-то посторонним предметом, Черней, как указывалось, давал крайне противоречивые показания и никаких объективных данных об этом в деле не имелось, в своем Постановлении о назначении дополнительной экспертизы следователь признал данный факт установленным и предложил экспертам при проведении экспертизы исходить, из этого "установленного факта".

В указанном Постановлении значится (дословно):

"Выводы экспертизы от 6/X-72 г. противоречат материала дела(?)"

Следует учесть показания свид. Черней, который объяснил, что Янкелевич на ходу достал из кармана брюк какой-то предмет и, держа его в

правой руке, нанес Шевченко сильный удар, и т. д." (т. 2 л. д. 392-393).

Нетрудно понять, какое влияние могло оказать и оказало подобное извращенное освещение обстоятельств случившегося на заключение экспертов.

2. Экспертиза 2/IV-73 г. была проведена с серьезным нарушением требований ст. 167 УПК.

С Постановлением о ее назначении и проведении обв. Янкелевич был ознакомлен уже *после* дачи экспертами заключения, т. е. 9/IV-73 г. (т. 2 л. д. 396 а), что *лишило его возможности возражать против искажения обстоятельств случившегося в указанном постановлении, воспользоваться другими своими правами, предоставленными законом.*

3. Заключение от 2/IV-73 г. *противоречит* тем выводам, к которым пришла экспертная комиссия 6/X-72 г.

Это признал и суд, который поставил в судебном заседании перед экспертами вопрос:

"Чем объяснить, что заключение экспертизы от 6/X-72 г. в определенной степени противоречит заключению экспертизы от 2/IV-73 г.?" (т. 3 л. д. 113-об.)

Очевидно, что по одним этим соображениям в связи с наличием в деле двух *противоречивых* комиссионных экспертных заключений суд, в соответствии со ст. 65 УПК МССР, обязан был назначить дополнительную экспертизу, о чем ходатайствовала в судебном заседании защита (т. 3 л. д. 66, 120-об.).

Обоснованное ходатайство защиты суд, однако, *советаясь на месте, безмотивно отклонил* (т. 3 л. д. 121-об.).

4. Отвечая на вопрос суда о причинах противоречий имеющихся в заключениях экспертиз от 2/IV-73 г. и 6/X-72 г. эксперты в своем заключении в суде свели все к тому, что якобы *"после того, как было дано заключение от 6/X-72 г. по делу открылся ряд новых обстоятельств и, в частности, выяснилось, что металлическая решетка для чистки обуви в момент падения Шевченко не находилась под его головой"* (т. 3 л. д. 52-53).

Между тем:

а) Нетрудно убедиться в том, что и до проведения экспертизы 6/X-72 г. в материалах дела не имелось данных о том, что в момент падения Шевченко под его головой находилась решетка.

б) В своем заключении от 6/X-72 г. экспертная комиссия исходила не из того, что Шевченко упал и ударился головой о металлическую решетку.

Наоборот, эксперты, как указывалось, утверждали, что *"перелом костей черепа слева не характерен для травмы от удара твердым тупым предметом с ограниченной поверхностью"* (т. 2 л. д. 326).

в) Эксперт т. Левченков является Зам. директора НИИ судебной медицины по научной части, т. е. находится в *прямой служебной зависимости* от т. Прозоровского (директора НИИ).

Этим и только этим, может быть объяснима та необыкновенная легкость, с какой он отказался от того заключения, которое дала возглавляемая им экспертная комиссия, и присоединился к заключению комиссии, возглавляемой т. Прозоровским.

Однако, этим не были устранены те существенные противоречия, которые имеются между заключениями экспертных комиссий от 2/IV-73 г. и 6/X-72 г., поскольку в состав комиссии, возглавляемой т. Левченковым, входили еще *три* весьма авторитетных эксперта, которые в суде не присутствовали и на сегодняшний день не отказались от того заключения, под которым стоит их подпись (т. 2 л. д. 324- 327).

Свое несогласие с указанным заключением экспертизы, в нарушение ст. 64 УПК МССР и требований Руководящего Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30/VI-69 г. "О судебном приговоре", суд в приговоре *не мотивировал*.

Очевидно, что с учетом всех этих данных у суда не было решительно никаких оснований к тому, чтобы утверждать, что в руках Янкелевича имелся какой-то "твердый тупой предмет, с ограниченной поверхностью", что именно этим предметом он ударил Шевченко.

2. Действия Янкелевича неосновательно квалифицированы ч. III ст. 218 УК

1. Из материалов дела усматривается, и это нашло отражение в приговоре, что во время конфликта, происшед-

шего между Янкелевичем и Власенко во дворе ресторана, Янкелевич никакого оружия не применял (см. показания Янкелевича, Власенко и приговор, стр. 2-4).

"Увидев Власенко избитым, — значит в приговоре, — Токарев и Куряев завели его на кухню ресторана, где он смыл с лица кровь, а Куряев пошел искать Янкелевича с целью его задержания.

И далее:

"На углу ресторана "Молдавия" Куряев встретил Янкелевича, пытался его задержать, но Янкелевич вынул нож, пытался нанести удар Куряеву, но последний уклонился, а Янкелевич убежал..." (Приговор, стр. 2)

Не входя в обсуждение доказанности вины Янкелевича (об этом см. ниже), следует признать, что действия Янкелевича так, как они описаны в судебном приговоре, неосновательно квалифицированы ч. III ст. 218 УК, поскольку известно, что "сопротивление, оказанное после прекращения хулиганских действий, в частности, в связи с последующим задержанием виновного, не должно рассматриваться как квалифицирующее обстоятельство хулиганства и подлежит квалификации по совокупности с последним" (см. ст. 17 ч. III Руководящего Постановления Пленума Верховного Суда СССР № 9 от 16/X-72 г. "О судебной практике по делам о хулиганстве").

Таким образом, в данном случае, если исходить из того, что действия Янкелевича, связанные с нанесением удара кулаком Власенко, следует квалифицировать ч. II ст. 218 УК (об этом ниже), его действия, сопряженные с оказанием сопротивления Куряеву при задержании и угрозой нанесения ему телесных повреждений, надлежало квалифицировать не ч. III ст. 218 УК, а ст. 206 ч. 1 УК МССР (по совокупности со ст. 218 ч. II УК).

2. На всем протяжении следствия и в судебном заседании Янкелевич утверждал, что конфликт между ним и Власенко возник по вине последнего, что Власенко предложил ему выйти из ресторана "поговорить, что Власенко нанес ему первый удар" (см. любые показания Янкелевича).

Показания Янкелевича подтвердил свид. Авдеев, который пояснил:

"Власенко был изрядно пьян. Он стал приставать к Янкелевичу, предложил ему выйти."

И далее:

"Я не советовал Янкелевичу выходить, но он пошел с Власенко." (Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 100-об.).

И далее:

"Инициатива выйти на улицу исходила от Власенко, а не от Янкелевича" (там же, л. д. 102).

Частично подтвердил показания Янкелевича и свид. Токарев, который был в ресторане с Власенко и Куряевым:

"Мы были хорошо выпившие, выпили до этого по 300 гр. водки, по 100 гр. коньяка..." (там же, л. д. 104-об., 103)

И далее:

"О чем Власенко говорил с Янкелевичем, я не слышал, но видел, что Власенко пошел к выходу, а Янкелевич пошел за ним". (там же, л. д. 103)

Если учесть, что помимо *голословных* объяснений Власенко, противоречащих всем указанным доказательствам, *в деле нет абсолютно никаких других данных*, станет понятным, что у суда не было никаких оснований к тому, чтобы расценивать действия Янкелевича, как хулиганские и утверждать, что Янкелевич предложил Власенко выйти из ресторана, что Янкелевич первый нанес удар Власенко.

Полагаю, что с учетом всего изложенного, с учетом того, что конфликт между Власенко и Янкелевичем произошел *поздним вечером, во дворе* ресторана, где помимо них *не было посторонних граждан*, действия Янкелевича в надлежащем случае могли быть квалифицированы ч. 1 ст. 100 УК, как причинение легкого телесного повреждения.

Учитывая, однако, что в деле *не имеется жалобы потерпевшего*, что со дня совершения преступления прошло свыше 3-х лет, т. е. *истекли сроки давности*, предусмотренные ст. 46 п. "а" УК, дело в этой части подлежало прекращению производством.

3. При оценке показаний свид. Кураева о том, что он пытался задержать Янкелевича, что Янкелевич замахнулся на него ножом, суд не учел следующего:

а) Куряев — *приятель* Власенко, он вместе с ним был в ресторане, *выпивал* (см. показания свид. Токарева).

б) Показания Куряева *появились* в деле через *три года* после случившегося. Ранее Куряев об этом ничего не говорил.

в) Куряев — *подчиненный* Власенко. Он работает начальником одного из цехов завода, директором которого работает Власенко (см. показания Куряева, т. 3 л. д. 107).

г) Показания Куряева *голословны*. Его заявление о том, что у Янкелевича был нож, *никто не подтвердил*.

Полагаю, что при таких обстоятельствах Янкелевич не может нести ответственности и по ч. 1 ст. 206 УК, т. е. за оказание сопротивления при задержании, сопряженного с угрозой причинения телесных повреждений.

В заключение нельзя не обратить внимание на следующее.

Пытаясь в какой-то мере оправдать явно неосновательную квалификацию действий Янкелевича, как хулиганских, суд в приговоре мотивировал подобную квалификацию тем, что

"Янкелевич необоснованно проявляя высокомерие и пренебрежение к Власенко, Шевченко и Черней, т. е. из хулиганских побуждений избил их". (Приговор, стр. 9)

Между тем, известно, что понятие хулиганства, изложенное в ст. 218 УК МССР и заключающееся в проявлении действий, грубо нарушающих общественный порядок и *выражающих явное неуважение к обществу*, является исчерпывающим и *расширительному толкованию не подлежит*.

И если действия Янкелевича, как утверждает суд, заключались не в том, что он выражал явное неуважение к обществу, а в том, что он *проявлял высокомерие и пренебрежение к потерпевшим*, то подобные действия никак не могли быть расценены, как хулиганские.

В данном случае, таким образом, суд *допустил расширительное, не основанное на законе, толкование понятия хулиганства*.

Полагаю, что и по этим соображениям данный приговор не может быть оставлен в силе.

Янкелевич М. Н. 1946 г. рождения. Член ВЛКСМ. С 1965-го по 1968 год служил в Советской армии (т. 2 л. д. 533). С января 1969 г. работал токарем Бендерского завода

электроаппаратуры. По работе зарекомендовал себя положительно, производственные нормы выполнял на 125-140% (см. характеристику — т. 1 л. д. 66).

В ноябре 1971 г. как высококвалифицированный специалист был выдвинут на должность *мастера смены*, где проявил себя как *хороший организатор*, руководимая им смена неоднократно выходила победителем соц. соревнований. Производственную работу Янкелевич совмещал с большой общественной работой, являлся *начальником штаба комсомольского прожектора, членом комитета комсомола цеха*. По поведению в быту и общественных местах замечаний не имел (см. характеристику — т. 3 л. д. 67 и Протокол общего собрания цеха — т. 3 л. д. 25).

В прошлом Янкелевич не судим. На иждивении его находится жена и малолетний ребенок.

—""—

В силу изложенного прошу Вас истребовать настоящее дело и принести протест на предмет внесения в приговор суда следующих изменений:

1. Отмены приговора суда в части признания Янкелевича виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. II и III ст. 218 УК, и прекращения в этой части дела производством по основаниям, изложенным в ч. 1 и II жалобы.

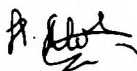
2. Переквалификации действий Янкелевича со ст. 88 п. "б" на ст. 91 УК МССР и определения ему минимального наказания, предусмотренного санкцией указанной статьи закона.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Копия приговора коллегии Верховсуда МССР на 10-ти листах.

Справка: Янкелевич М. Н. отбывает наказание по адресу: МССР, Криулянский р-н, пос. Криково, п/я 29/4.

Адвокат
г. Москва
"3" июня 1974 г.

 (А. Л. МОВЕ)

Полученные из Верховного суда СССР документы в комментариях, как мне кажется, не нуждаются.

ВЕРХОВНЫЙ СУД СССР

181260, г. Москва, ул. Воровского, 18

От Х 10-75 № 02/Д-312-73

На № _____

Адвокату тов. Мове А.Л.

г. Москва, ул. Баррикадная, 8
Мособлпроконсультация.

Сообщая, что приговор Верховного Суда от 12 июля 1973 года в отношении ЯНКЕЛЕВИЧА Меера Нутовича определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 15 октября 1975 года изменен: действия его со ст. 88 п. "б" УК Молдавской ССР переквалифицированы на ст. 89 УК Молдавской ССР по этой статье и по совокупности преступлений наказание ему назначено восемь /8/ лет лишения свободы, с отбыванием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

В остальной части приговор в отношении его оставлен без изменения.

Член Верховного Суда
Совза ССР-

А. М. Филатов - А. М. Филатов.

Из досье адвоката
Копия

НАДЗОРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО № 02Д-312-73 ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам
Верховного Суда СССР

В составе:

председательствующего
и членов

Казнина Г. В.
Алхазова И. М.
Филатова А. М.

Рассмотрела в заседании от 15 октября 1975 г. протест заместителя Председателя Верховного Суда СССР на приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Молдавской ССР от 12 июля 1973 г., которым

ЯНКЕЛЕВИЧ Меер Нутович, 1946 года рождения, уроженец г. Бендеры, Молдавской ССР, еврей, образование 9 классов, на момент вынесения приговора член ВЛКСМ, ранее не судимый, женат, имеющий на иждивении малолетнего ребенка, работавший до ареста мастером Бендерского завода электроаппаратуры.

осужден по ст. 88 п. "б" УК Молдавской ССР к 12 годам лишения свободы, ст. 218 ч. 2 УК Молдавской ССР к 3 годам лишения свободы, по ст. 218 ч. 3 УК Молдавской ССР к 4 годам лишения свободы и по совокупности совершенных преступлений к 12 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

В протесте ставится вопрос о переквалификации действий Янкелевича со ст. 88 п. "б" УК Молдавской ССР на ст. 89 УК Молдавской ССР и назначении ему меры наказания по этой статье и по совокупности совершенных преступлений в виде 8 лет лишения свободы.

Правильность осуждения Янкелевича за злостное и особо злостное хулиганство в протесте не оспаривается.

Заслушав доклад члена Верховного Суда СССР т. Филатова А. М. и заключение помощника Генерального Прокурора СССР т. Запороженко Л. Н., полагавшей протест удовлетворить, Судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Янкелевич признан виновным в умышленном убийстве из хулиганских побуждений гр-на Шевченко и в совершении злостного и особо злостного хулиганства.

Как указано в приговоре, Янкелевич 4 октября 1969 года находился в ресторане "Молдавия" г. Бендеры, с пренебрежением указывал на танцующего в зале Власенко и его партнершу, смеялся над ними.

После окончания танца Власенко подошел к Янкелевичу, чтобы выяснить причину такого поведения, Янкелевич предложил ему выйти из ресторана и объясниться. Власенко согласился и, когда они выходили, Янкелевич неожиданно нанес удар кулаком по лицу Власенко, причинив ему легкие телесные повреждения. Служивец Власенко Куряев увидел это и хотел задержать Янкелевича, но последний вынул из кармана нож и пытался нанести им удар Куряеву, однако ему удалось уклониться от удара. После этого Янкелевич с места происшествия скрылся. 30 мая 1970 года Янкелевич находился в ресторане "Юбилейный" г. Бендеры. Примерно в 22 часа в тот же ресторан зашли после работы шоферы Бендерской АТБ-9 Шевченко, Черней и Гульпа, которые выпили у буфетной стойки по бутылке пива. Проходя к выходу из ресторана, Шевченко стал на ходу закуривать, наклонил голову и, не заметив шедшего ему навстречу Янкелевича, неосторожно задел его плечом. Янкелевич в ответ оскорбил Шевченко, последний в свою очередь стал стыдить Янкелевича за оскорбления, нанесенные ему по

столь незначительному поводу. Янкелевич пошел за Шевченко к выходу и на крыльце ресторана нанес ему сильный удар твердым предметом с ограниченной ударяющей поверхностью в лобно-теменно-височную область головы слева, отчего Шевченко упал, ударившись головой об асфальт.

Рядом с Шевченко находился его знакомый Черней, который, возмущившись действиями Янкелевича, спросил его, за что он ударил Шевченко. В ответ Янкелевич дважды ударил Чернея кулаком по лицу, причинив ему легкие телесные повреждения. В результате нанесенного Янкелевичем удара Шевченко был причинен многооскольчатый, вдавленный перелом костей черепа с повреждением головного мозга. От этих повреждений Шевченко на следующий день умер.

Рассмотрев доводы протеста и материалы дела, Судебная коллегия находит, что приговор в отношении Янкелевича подлежит частичному изменению по следующим основаниям.

Признавая Янкелевича виновным в совершении умышленного убийства гр-на Шевченко из хулиганских побуждений, суд в основу приговора положил только показания Черней, утверждающего, что Шевченко не наносил удара Янкелевичу. Между тем очевидцами этого происшествия были еще два свидетеля Кучеренко и Чехунов, являвшиеся по отношению к участникам конфликта посторонними людьми.

По делу установлено, что ссора в фойе ресторана между Янкелевичем и Шевченко произошла по вине последнего, который по своей неосторожности толкнул плечом шедшего ему навстречу Янкелевича и, хотя повод для обострения конфликта был незначительный, оба они, продолжая ссориться, в сопровождении Чернея направились к выходу из ресторана. По выходе из ресторана не Янкелевич, а Шевченко первый ударил Янкелевича, а после того, как Янкелевич нанес ему ответный удар, в конфликт вступил Черней, который набросился на Янкелевича, последний ударил его дважды, причинив легкие телесные повреждения.

Эти обстоятельства подробно и последовательно излагали на допросах на протяжении всего предварительного следствия и в судебном заседании свидетели Кучеренко и Чехунов.

Не соглашаясь с показаниями Кучеренко и Чехунова, суд свой вывод мотивировал тем, что у Янкелевича не было обнаружено никаких телесных повреждений, и кроме того, указанные свидетели находились от места происшествия "на более дальнем расстоянии, чем Черней и могли неправильно воспринять этот момент" (т. 3 л. д. 137).

Такой вывод суда необоснован, поскольку не всякий удар, а тем более кулаком, оставляет следы в виде телесных повреждений, поэтому отсутствие следов удара на лице Янкелевича не опровергает показаний Кучеренко и Чехунова о том, что первым удар нанес Янкелевичу Шевченко. Помимо этого, хотя Кучеренко и Чехунов действительно находились от места происшествия на большем расстоянии, чем Черней, но также в непосредственной близости от выхода из ресторана, в шести метрах, и, судя по их показаниям, они хорошо видели подробности происшествия.

При таких обстоятельствах, когда собранные по делу доказательства подтверждают факт ссоры и обмен ударами между Шевченко и Янкелевичем, действия Янкелевича не могут быть квалифицированы, как умышленное убийство из хулиганских побуждений.

Вместе с тем Янкелевич, регулярно занимался атлетическими видами спорта, обладал большой физической силой и, нанося Шевченко сильный удар в голову, должен был предвидеть возможность наступления для потерпевшего смертельного исхода, поэтому эти действия Янкелевича надлежит квалифицировать как умышленное убийство без отягчающих обстоятельств, то есть по ст. 89 УК Молдавской ССР.

Руководствуясь ст. 11 Положения о Верховном Суде СССР Судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Молдавской ССР от 12 июля 1973 года в отношении Янкелевича Меера Нутовича изменить: действия его со ст. 88 п. "б" УК Молдавской ССР переqualифицировать на ст. 89 УК Молдавской ССР и определить Янкелевичу М. Н. по этой статье и по совокупности совершенных преступлений меру наказания в виде 8 лет лишения свободы, с отбыванием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

В остальной части приговор оставить без изменения.

Председательствующий
Члены суда

Г. В. Казин
И. М. Алхазов
А. М. Филатов

Копия верна:

(А. Мове)

Большого, к сожалению, по этому делу мне добиться не удалось, к тому же в скором времени, Янкелевич был условно-досрочно освобожден от наказания.

Дело Ефима Трейгера, осужденного за взяточничество

В наши бурные дни перестройки мы очень часто недобрым словом поминаем беззакония и произвол сталинских времен, страшные судебные процессы 30-х годов и совсем редко говорим о том, что творилось в нашем правосудии в совсем недавние годы, когда за всякую малость человек на долгие годы мог быть лишен свободы, оторван от семьи и направлен на лесоповал или в криковские подземелья.

Одним из таких дел, как мне кажется, является нижеприведенное дело Трейгера. И с каким неимоверным трудом, на каком высочайшем уровне приходилось добиваться их правильного разрешения

Пройдя безрезультатно и не единожды по коридорам всех надзорных судебно-прокурорских инстанций Молдавии, я вынужден был обратиться с жалобой в Верховный суд СССР.

Из досье адвоката

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Адвоката **МОВЕ А. Л.**,
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Мособлюрконсультация

В защиту

ТРЕЙГЕРА Ефима Леонидовича,
осужд. приговором Коллегии
Верхсуда МССР от 20/1-75 г. по
ст. 187 ч. II УК МССР на 8-мь лет
лишения свободы.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Приговор суда, которым *младший продавец* магазина № 116 "Мотовелотовары" Бендерского горпромторга Трейгер Е. Л. признан виновным и осужден по ст. 187 ч. II УК МССР, за *получение взяток в сумме 70 руб.*, на 8-мь лет лишения свободы, является явно несправедливым и неправильным по следующим основаниям.

1. О справедливости наказания

Не входя в обсуждение доказанности предъявленного Трейгеру обвинения, нельзя не признать, что назначенное ему наказание является *явно несправедливым*, не соответствующим степени его вины и личности.

В момент случившегося Трейгеру Е. Л. был 21 год. Он рос и воспитывался в честной трудовой семье, в семье заслуженного участника *Великой Отечественной войны*.

В 1968 году Ефим Трейгер окончил 10-ть классов средней школы, в которой он зарекомендовал себя не только как добросовестный учащийся, но и как общительный, добрый и справедливый юноша, прекрасный комсомолец (см. характеристики — л. д. 201 и прилагаемую).

С 1969-го по 1972-й год Трейгер служил в советской армии, где он так же проявил себя исключительно хорошо, являлся отличником боевой и политической подготовки (л. д. 74).

После демобилизации из армии, с 7/VII-72 г. по 26/II-74 г. Трейгер работал *мл. продавцом* магазина № 116, успешно совмещая работу с *учебой* в институте Советской торговли (см. л. д. 5 и прилагаемую справку).

При работе он зарекомендовал себя как добросовестный, дисциплинированный, исполнительный работник, пользующийся уважением коллектива (см. характеристику — л. д. 7).

Если к изложенному добавить, что никогда ранее Трейгер не только *не был судим*, но и не был замечен ни в чем предосудительном, что речь идет о взятках, размер которых в общей сложности не превышает 70 руб., станет очевидным, что наказание в 8-мь лет лишения свободы в лагере усиленного режима вряд ли можно признать *справедливым*, соответствующим содеянному и личности осужденного.

Полагаю, что по одним этим соображениям, в связи с нарушением судом при назначении наказания требования ст. 36 УК МССР и определением Трейгеру наказания *явно несправедливого*, несоразмерного содеянному и его личности, данный приговор, как явно несправедливый, не может быть оставлен в силе.

2. О доказанности обвинения

Указанный приговор суда является не только явно несправедливым, но и неправильным.

1. О вымогательстве взяток.

Утверждение следственных органов и суда о том, что Трейгер занимался вымогательством взяток, на материалах дела не основано.

Известно, что вымогательство означает не просто требование должностным лицом взятки, а требование взятки, под угрозой причинения ущерба законным интересам взяткодателя, либо поставление взяткодателя в условия, вынуждающие его дать взятку для предотвращения вредных последствий его *правоохраняемым* интересам (п. 8 "г" Руководящего Постановления Пленума Верховного Суда СССР № 9 от 31/VII-62 г. "О судебной практике по делам о взяточничестве").

Ничего подобного в данном случае не было.

Из материалов дела усматривается, что взяткодатели давали Трейгеру взятки за продажу им мотоциклов марки ЯВА-350 *вне очереди*.

Это вытекает не только из показаний Трейгера, но и из показания взяткодателей — Турчининова, Гылка и Шулика (см. их показания).

Данное обстоятельство признали установленным следственные органы, что нашло отражение в *Обвинительном заключении* (стр. 2).

Признал установленным данный факт и суд, который в *Приговоре* прямо записал (дословно):

"Трейгер... вымогал и получал от покупателей взятки за продажу *вне очереди* мотоциклов марки ЯВА-350". (Приговор, стр. 1)

Между тем, продажа мотоциклов марки ЯВА-350, как это явствует из приобщенного к делу Приказа по Бендерскому Горпромторгу № 43 от 12/IV-71 г., должна была производиться строго согласно очереди, установленной по *предварительной записи* в специальной книге магазина (см. приказ № 43 — л. д. 3).

Подтвердила данное обстоятельство и допрошенная на следствии и в суде свид. *Мушинская В. В.*, которая показала:

"При продаже мотоциклов необходимо было строго руководствоваться очередью" (л. д. 83-84 и Протокол суд. заседания, л. д. 214).

Все это свидетельствует о том, что продажа мотоциклов *вне очереди* являлась *незаконной*, что и было признано следственными органами в *Обвинительном заключении* (стр. 2) и в *Представлении* в адрес Нач. Управления торговли Бендерского Горисполкома (л. д. 163).

Очевидно, что при таких обстоятельствах, когда установлено, что все взяткодатели, давая взятки за продажу им мотоциклов *вне очереди*, в *обход установленного порядка*, преследовали *незаконные цели*, что ничто не угрожало причинением ущерба их *законным* интересам, действия взяткополучателя (Трейгера) никак не могли и не должны были квалифицироваться как вымогательство.

Таким образом, и по этим соображениям, в связи с *неосновательным* признанием Трейгера виновным в получении взяток при отягчающих обстоятельствах — *путем вымогательства* — данный приговор не может быть оставлен в силе и нуждается в изменении.

2. О получении взятки в сумме 50 руб. от Шулика.

С самого начала необходимо обратить внимание на следующее:

настоящее дело было возбуждено 17/VI-74 г., т. е. *спустя длительное время* после происшедшего, и не только в отношении Трейгера, но и в отношении *других продавцов* этого же магазина (Радулеску, Мельман), которые, как выяснилось, так же занимались поборами с покупателей.

Учитывая эти обстоятельства и исходя из возможности *добросовестного заблуждения* покупателей при *опознании* продавцов, т. е. *взяткополучателей*, следственные органы во всех случаях ориентировались не только на указанные опознания, но и на другие доказательства, *косвенно их подтверждающие* и, в частности, на документы, оформленные на продажу мотоциклов (справки-счета).

Именно по этим соображениям невозможно отрицать вину Трейгера в получении взятки в сумме 10 руб. от Гылка, поскольку помимо опознания Трейгера, хотя и проведенного с определенными нарушениями, в деле имеется *справка-счет* на продажу Гылка мотоцикла, выписанная Трейге-

ром (л. д. 114, 120). А по заявлению Гылка справку-счет оформлял ему тот же продавец, который и отпускал мотоцикл.

Повторяем, в этой части невозможно отрицать вину Трейгера, поскольку здесь опознание подкреплено другими доказательствами.

Что же касается получения взятки в сумме 50 руб. от Шулика и 10 руб. от Турчининова, то нетрудно заметить, что в этой части вина Трейгера основана на *единственном доказательстве — опознании Шулика и Турчининовым Трейгера спустя длительное время после происшедшего, опознания, проведенном с серьезным нарушением требований, гарантирующих его достоверность и исключающих возможность добросовестного заблуждения.*

Так:

а) установлено, что справку-счет на продажу Шулика мотоцикла оформил не Трейгер, а Рахлис (см. справку-счет, л. д. 94 и показания свид. Рахлис — л. д. 77 и Обвинительное заключение, стр. 3).

б) Допрошенный по факту покупки мотоцикла свид. Шулика Н. А. на допросе 23/Х-74 г. показал, что

“...внешность продавца я описать не могу, т. к. не помню. Помню только, что волосы у него были курчавые”. (л. д. 100)

И далее:

“При выписке счета присутствовали все три продавца... Кто из них выписал счет — сейчас не помню”. (л. д. 100)

На прямой вопрос следователя:

— Тот ли продавец выписал счет, который получал деньги?

Шулика объяснил:

“Я не могу этого сказать, т. к. не помню”.

Следователь:

“Опишите внешность того, который выписывал счет.”

Шулика:

"Я не могу назвать приметы, т. к. не помню сейчас его". (л. д. 101)

в) Очевидно, что при таких обстоятельствах, когда Шулика не мог предварительно описать внешность и приметы ни продавца, ни лица, оформившего счет, когда он не мог даже вспомнить, имел ли он дело с одним человеком или с разными лицами, следовательно обязан был проявить особую требовательности и осторожность к проведению опознания.

Это, однако, не случилось.

г) В нарушение требований ст. 145 УПК МССР, имея полную возможность предъявить Шулика для опознания самого Трейгера, следовательно, однако, отдельным поручением поручил произвести это опознание другому следователю по фотокарточке (и это через 1 год и 3 м-ца после случившегося!) — л. д. 103.

При этом, на что сослался следователь в своем отдельном поручении, как он сформулировал задание, как описал событие преступления (а это далеко немаловажно!) — судить сейчас трудно, т. к. копия указанного отдельного поручения к делу не приобщена.

В подобных условиях, однажды увидев продавца, через 1 год и 3 м-ца, по фотографии, Шулика "опознал" Трейгера "по волосам и линиям рта". (л. д. 103)

И в дальнейшем лично Трейгер ни разу не был предъявлен Шулика для опознания (см. материалы дела).

Представляется, что на одном подобном "опознании", произведенном с серьезным нарушением требований ст. 145 УПК МССР, не исключая возможность добросовестного заблуждения, строить обвинение недопустимо.

Тем более, что как на следствии, так и в суде, Трейгер Е. Л. свою вину в этой части категорически отрицал и утверждал, что 50 руб. он от Шулика не получал. (см. показания Трейгера — л. д. 135, 141, 147, 109 и Протокол суд. заседания — л. д. 205-206).

По аналогичным соображениям следует признать недоказанной и вину Трейгера в получении взятки в сумме 10 руб. от Турчининова.

а) Хотя справку-счет на продажу мотоцикла Турчининову оформил Трейгер, однако, в своем объяснении в органы милиции Турчининов сообщил:

"Я не могу точно сказать выписывал ли счет тот продавец, которому я платил деньги" (л. д. 111).

Не заявлял об этом категорически Турчи니нов и на допросе у следователя. Здесь он только высказал *предположение*:

"Кажется, счет-справку выписал тот же продавец, которому я платил деньги" (л. д. 113).

Очевидно, что при таких обстоятельствах и с учетом того, что в ряде случаев счета-справки оформлялись не тем продавцом, который отпускал товар (см. показания Трейгера — л. д. 137-об., Рахлис — л. д. 213 и др.), следует признать, что сам факт оформления счета-справки Трейгером не доказывает того, что именно он отпускал товар, а следовательно, и получал деньги у Турчининова.

б) Оpozнание Турчининовым Трейгера (*через 2 года после происшедшего!*) было произведено с серьезным нарушением требований, гарантирующих его достоверность и исключающих возможность добросовестного заблуждения.

В частности, *до проведения опознания Турчининов не мог назвать примет опознаваемого*. Он лишь сказал, что это был "молодой парень не с черными волосами" (л. д. 113).

В нарушение требований ст. 145 УПК МССР, имея полную возможность предъявить Турчининову для опознания самого Трейгера, следователь, однако, произвел опознание по *фотокарточке* (и это через 2 года после случившегося!).

Но и здесь Турчининов *не мог назвать примет*, по которым он опознал Трейгера, не мог категорически утверждать, что Трейгер является именно тем самым лицом, которому он вручил деньги.

Турчининов здесь высказал лишь *предположение*, заявив:

"Он (Трейгер) похож на того продавца, которому я платил деньги" (л. д. 115).

В дальнейшем лично Трейгер ни разу не был *предъявлен для опознания* Турчининову (см. материалы дела).

Представляется, что на одном подобном "опознании" по фотографии, произведенном *через два года* с серьезным нарушением требований ст. 145 УК и *не исключающем*

возможность добросовестного заблуждения, строить обвинение недопустимо.

Тем более, что, как на следствии, так и в суде, Трейгер свою вину в этой части категорически отрицал, утверждая, что денег в сумме 10 руб. он от Турчининова не получал. Одновременно Трейгер объяснял, что на следствии он *"наговорил на себя, т. к. думал, что отпустят домой"* (Протокол суд. заседания, л. д. 205)

В силу изложенного *прошу Вас истребовать* настоящее дело и внести *протест* на предмет внесения в приговор суда следующих изменений:

1. *Отмены приговора суда в части признания Трейгера Е. Л. виновным в получении взяток в сумме 50 руб. от Шулика и 10 руб. от Турчининова и прекращения в этой части дела производством за недоказанностью предъявленного обвинения.*

2. *Исключения из приговора ссылки на получение Трейгером взяток путем вымогательства.*

3. *Переквалификации действий Трейгера на ч. 1 ст. 173 УК МССР и определения ему наказания, с учетом содеянного и его личности, в пределах фактически отбытого.*

ПРИЛОЖЕНИЕ:

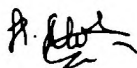
1. Копия приговора коллегии Верховсуда МССР от 20/1-75 г. на 3-х листах.
2. Справка из института Советской торговли.
3. Характеристика из школы № 3.

Справка: Трейгер Е. Л. отбывает наказание по адресу: МССР, Криулянский р-н, пос. Криково, п/я 29/4 "з".

Адвокат

"19" января 1976 г.

г. Москва

(Мове А. Л.)

Примерно через полгода пришли долгожданные ответы.

ВЕРХОВНЫЙ СУД СССР

Адвокату тов. Мове А.Л.

Москва, ул. Баррикадная, 8
Моссоблпроконсультация

121260, г. Москва, ул. Вороского, 15

Л²: 06-76 № 02/Д-91-76

На № _____

Сообщая, что приговор Верховного Суда Молдавской ССР от 20 января 1975 года в отношении ТРЕЙГЕРА Ефима Леонидовича определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 9 июня 1976 года изменен, исключены из его обвинения эпизоды получения взяток от Турчанинова в сумме 10 рублей и от Шулико в сумме 50 рублей, переквалифицированы действия ТРЕЙГЕРА на ч. 1 ст. 187 УК МССР и по этой статье наказание ему назначено с применением ст. 42 УК МССР в виде лишения свободы на два/2/года лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима.

Член Верховного Суда
Совбез ССР-

Р.К.Бризе.

Документ
Копия

Надзорное производство № 02Д-91-76

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по делам Верховного суда МССР

В составе:

председательствующего — Казанина Г. В.

и членов — Алхазова И. М. и Бризе Р. К.

Рассмотрела в заседании от 9 июня 1976 года протест заместителя Верховного Суда СССР на приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Молдавской ССР от 20 ноября 1975 года, которым

ТРЕЙГЕР Ефим Леонидович, 1951 года рождения, уроженец города Бендеры, член ВЛКСМ, со средним образованием, работавший продавцом магазина № 116 "Мотовелотовары" Бендерского горпромторга, ранее не судимый, —

осужден по ч. 2 ст. 187 УК МССР к 8 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

Протест внесен на предмет изменения приговора суда: исключения из обвинения Трейгере эпизода получения взяток от Турчининова в сумме 10 руб. и от Шулико в сумме 50 руб., переквалификации действий осужденного на ч. 1 ст. 187 УК МССР и назначения ему по этой статье, с применением ст. 42 УК МССР, меры наказания в виде лишения свободы сроком на 2 года

Заслушав доклад члена Верховного суда СССР тов. Бризе Р. К. и заключение помощника Генерального Прокурора СССР тов. Запорожченко Л. Н., полагавшего протест удовлетворить частично — в части снижения Трейгеру меры наказания, а в остальной части протест оставить без удовлетворения, Судебная коллегия

установила

Согласно приговору суда Трейгер признан виновным в неоднократном получении взяток путем вымогательства при следующих обстоятельствах.

Работая продавцом магазина "Мотовелотовары" Бендерского горпромторга, Трейгер неоднократно вымогал и получал от покупателей взятки за продажу им мотоциклов марки "Ява-350" вне очереди.

За указанное содействие Трейгер получил в виде взяток 25 ноября 1972 г. от Турчининова 10 руб., а 26 июля 1973 г. от Шулико 50 руб. и от Гылки 10 руб.

Судебная коллегия, рассмотрев доводы протеста и материалы дела, находит, что протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 31 июля 1962 года "О судебной практике по делам о взяточничестве" разъяснил, что вымогательство взятки означает требование должностным лицом взятки под угрозой совершения таких действий по службе, которые могут причинить ущерб законным интересам взяткодателя, либо умышленное поставление последнего в такие условия, при которых он вынужден дать взятку для предотвращения вредных последствий его правоохраняемым интересам.

Между тем, по делу установлено, что действия Трейгера не угрожали причинением ущерба или наступлением вредных последствий законным, правоохраняемым интересам взяткодателей. Последние покупали у Трейгера мотоциклы за взятки в обход установленного в магазине порядка, вне очереди и, следовательно, незаконно.

Получение Трейгером взяток при этих обстоятельствах нельзя рассматривать как вымогательство.

Следует признать и то, что Трейгер без достаточных доказательств признан виновным в получении взятки в сумме 50 руб. от Шулико и 10 руб. от Турчининова.

Обвинение Трейгера по этим эпизодам суд обосновал показаниями Шулико и Турчининова, опознанием ими Трейгера и справками-счетами на продажу мотоциклов.

Из показаний Шулико и Турчининова на предварительном следствии видно, что никто из них не мог назвать лицо, которое за взятку продало им мотоциклы и оформило справки-счета на их продажу.

Шулико и Турчининов не могли описать внешность продавца, заявив, что они не помнят.

Кроме того, показания Шулико и Турчининова по обстоятельствам дачи взятки являются противоречивыми.

При допросе 13 октября 1974 года Шулико пояснил, что продавцу предложили за мотоцикл 750 рублей вместо его фактической стоимости 730 руб. В суде же он заявил, что предложил Трейгеру за мотоцикл 780 руб.

На очной ставке с Трейгером и в судебном заседании Шулико утверждал, что деньги отдал Трейгеру. На вопрос председательствующего ответил, что когда отсчитывал за мотоцикл деньги, у прилавка магазина находился один Трейгер, а затем подошли другие продавцы. Приготовленные 780 руб. он положил на прилавок, но, кто из продавцов их взял, не видел.

По делу также установлено, что справку-счет на продажу мотоцикла Шулико оформил не Трейгер, а продавец Рахлис.

Свидетель Турчининов в своем первоначальном объяснении указал, что в ноябре 1972 года при расчете за мотоцикл присутствовало трое продавцов и, кому из них он отдал деньги, не знает. Во время опознания Трейгера 12 ноября 1974 года по предъявленным ему трем фотокарточкам Турчининов, указав на фотокарточку Трейгера, заявил, что последний похож на продавца, который продал ему мотоцикл за 740 рублей.

При оценке достоверности опознания Трейгера Турчининовым необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что опознание проведено с нарушением требований ст. 145 УПК МССР: ни предварительно, ни в ходе опознания не выяснено, по каким приметам и особенностям Турчининов смог опознать Трейгера; опознание проведено по фото-снимкам, хотя никаких препятствий предъявить Трейгера не было.

Таким образом, в деле нет достаточных доказательств, подтверждающих вину Трейгера в получении взяток от Шулико и Турчининова.

Вместе с тем Трейгер обоснованно признан виновным в получении взятки от Гылки в сумме 10 руб., поскольку помимо опознания им Трейгера имеется справка-счет, выписанная Трейгером на продажу Гылке мотоцикла. По заявлению Гылки, справку-счет оформил ему тот продавец, который получил от него деньги и отпустил мотоцикл.

Принимая во внимание, что Трейгер получил от Гылки взятку 10 рублей при отсутствии вымогательства, эти действия Трейгера следует квалифицировать по ч.1 ст.187 УК МССР.

С учетом размера полученной от Гылки взятки и молодого возраста Трейгера Судебная коллегия находит возможным применить ст. 42 УК МССР и назначить ему наказание ниже низшего предела, предусмотренного ч. 1 ст. 187 УК МССР.

На основании изложенного Судебная коллегия, соглашаясь с протестом и руководствуясь ст. 11 Положения о Верховном Суде СССР

определила:

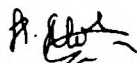
приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Молдавской ССР в отношении Трейгера Ефима Леонидовича изменить, исключить из его обвинения эпизоды получения взяток от Турчининова в сумме 10 руб. и от Шулико в сумме 50 руб., переквалифицировать действия Трейгера на ч. 1 ст. 187 УК МССР и назначить ему по этой статье наказание с применением ст. 42 УК МССР в виде лишения свободы сроком на 2 года в исправительно-трудовой колонии общего режима.

Председательствующий — Казанин

Члены суда —

Алхазов
Бризе

Копия верна:

 (А. Мове)

Несложно понять, что уже буквально через несколько месяцев Фима Трейгер возвратился домой.

Дело Гинзбурга М. М., осужденного за подстрекательство к убийству

Где-то летом 1976 года, когда я находился в очередной командировке в г. Кишиневе, ко мне обратился с просьбой вести это дело местный адвокат Братт Эмиль Иосифович.

“Вы понимаете, Абрам Львович, — сказал он, — вот обращался я по этому делу во все наши инстанции, даже ездил в Москву, был на приеме в Прокуратуре СССР, а толку никакого. Может быть, у Вас что-нибудь получится? Не хотите ли заняться этим не совсем обычным делом?”

Надо сказать, что подобные просьбы ко мне со стороны местных адвокатов были не так уж редки и объяснялись они различными причинами, в том числе и тем, что, находясь где-то в Молдавии, Грузии или на Дальнем Востоке, не так уж просто заниматься ведением дела в порядке надзора в Московских инстанциях. Ведь туда порой приходится обращаться не единожды, а по многу раз, и все это, естественно требует повторных выездов в столицу. Так что дело здесь не в слабости или беспомощности местных адвокатов. В частности в Молдавии в ту пору работали такие блестящие адвокаты, как Разумный И. И., Лейбович Л. А., Рожанский Я. С., Пшеничников Е. В., Сонин И. С., Вайсман Е. И., погибший в автокатастрофе мой добрый друг и изумительный адвокат Таллер Арнольд и многие другие.

Это были прекрасные мастера судебной защиты, и они, разумеется, не нуждались в посторонней помощи столичного адвоката, но очень часто, встречаясь с ними, в приватной дружеской беседе мы живо обменивались своими мнениями по тому или иному делу, советовались о методах и способах ведения конкретных дел. Это был золотой фонд молдавской коллегии адвокатов, и воссоздать его сейчас будет ой как тяжело! Где они все сейчас? По каким краям и землям разбросала их судьба?

Так что обращение с просьбой принять участие в защите Гинзбурга М. М., повторяю, не являлось исключением.

Результатом глубокого изучения этого дела явилась составленная мною жалоба, из которой, как мне кажется, будет ясно и понятно, за что именно был осужден этот уже далеко не молодой человек, и в чем заключалась ошибочность судебного приговора.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

Адвоката **МОВЕ А. Л.**
г. Москва, ул. Баррикадная, л. 8
Московская Областная
юридическая консультация

По делу

ГИНЗБУРГА Михаила Михайловича,
осужд. Приговором Народного
суда Октябрьского р-на г. Киши-
нева от 26/IV-76 г. по ст. 17-89
УК МССР* на 11-ть лет лишения
свободы

Определением коллегии Верховного
суда МССР от 1/VI-76 г. приговор
оставлен без изменения

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Только крайней *необъективностью, тенденциозностью*, явившихся прямым следствием того *нездорового ажиотажа*, который был поднят вокруг случившегося, может быть объяснимо *явно неосновательное* осуждение управляющего подсобным хозяйством Гинзбурга М. М. — человека *преклонного* возраста, *впервые* оказавшегося на скамье подсудимых, в прошлом ничем *не опороченного* — к длительному лишению свободы, с отбыванием первых 3-х лет в условиях *тюремного режима*.

I.

Известно, что в соответствии со ст. 113, 206, 221 и 222 УПК *выделение* дела в отношении *соучастников* преступления допустимо лишь во время *предварительного следствия* или в *стадиях* предания суду и *судебного разбирательства*.

Мало того, подобное выделение дела возможно лишь в тех случаях, если оно не отразится на полноте и объектив-

* Статья 17-103 УК РСФСР — подстрекательство к убийству

ности предварительного следствия и судебного разбирательства.

В нарушение всех этих требований закона, *после окончания рассмотрения в суде дела по обвинению Крайждана И. К. (исполнителя преступления), после вступления в законную силу приговора*, которым он был признан виновным по ст. 89 УК МССР, прокурор Октябрьского р-на г. Кишинева т. Мартыненко (тот самый, который утвердил Обвинительное заключение по делу Крайждана — см. дело № 02431, л. д. 140), счел возможным 8/XII-75 г. *отменить Постановление о прекращении дела в отношении Гинзбурга — предполагаемого подстрекателя (л. д. 2), выделить материалы о нем в отдельное производство, и по этим выделенным материалам, вновь возбудить против него 8/1-76 г. уголовное дело (л. д. 1).*

При этом не был поставлен вопрос о *пересмотре в порядке надзора или по вновь открывшимся обстоятельствам* дела Крайждана, об обращении этого дела на дополнительное расследование и объединении его, в соответствии с требованиями ст. 113 УПК МССР, в одном производстве с делом Гинзбурга.

В результате всех этих серьезнейших нарушений требований закона появилось не только *два Обвинительных заключения*, совершенно по разному трактующих случившееся (оба они утверждены *одним лицом* — прокурором т. Мартыненко), но и *два вступивших в законную силу приговора*, два вступивших в законную силу *Определения коллегии Верховного суда МССР*, в которых содержатся *диаметрально противоположные выводы* по самым главным вопросам обвинения: о доказанности вины Гинзбурга в подстрекательстве к убийству, о степени вины Крайждана и пр. и пр.

В Определении коллегии Верховного суда от 30/IX-75 г. по делу Крайждана значится:

"Обстоятельства и события совершенного преступления... подтверждены показаниями Жеко П. Г. и Цепляевой М. Д., пояснивших, что...

Гинзбург передал ружье Крайждану, и тот с криком "уходи, застрелю", произвел выстрел (копия, стр. 2), и далее:

В Определении коллегии Верховного суда МССР от 1/VI-76 г. по делу Гинзбурга значится:

"Свидетель Жеко П. Г. пояснил в судебном заседании, что Гинзбург... передал ружье Крайждану и *предложил ему стрелять*. Крайждан взял ружье и *сразу выстрелил*. (Копия, стр. 2)

И далее:

"Из показаний свид. Дровниченко, Цепляевой М. Д. и др.

"Версия о соучастии Гинзбурга в убийстве органами предварительного следствия проверена и по этому поводу вынесено постановление о прекращении против него уголовного преследования по п. "б" ст. 5 УПК МССР.

При проверке не были добыты данные, свидетельствующие о том, что Гинзбург подстрекал Крайждана на убийство.

Не добыты эти данные и в судебном заседании.

И далее:

"В связи с этим доводы жалоб о соучастии Гинзбурга в убийстве на материалах дела не основаны. (Там же, стр. 2)

видно, что Гинзбург... передал ружье Крайждану и сказал последнему стрелять (там же, стр. 3),

И далее:

"Народный суд обоснованно признал виновным Гинзбурга в совершенном преступлении..., так как он является соучастником совершенного преступления, он подстрекал Крайждана к совершению умышленного убийства и т. д. (там же, стр. 3).

— Кто же, после передачи Гинзбургом ружья Крайждану, закричал "стреляй" или "застрелю": Гинзбург или Крайждан?

— В каком приговоре и Определении коллегии Верховсуда МССР дана правильная оценка показаниям Крайждана, Гинзбурга, свидетелей Жекю, Цепляевой и других: в тех, что фигурируют в деле Крайждана, или в тех, которые были вынесены по делу Гинзбурга?

— Какому из Определений коллегий Верховсуда МССР (а оба они вступили в законную силу) следует доверять: тому, где значится, что Гинзбург являлся подстрекателем к убийству или тому, где зафиксировано, что версия о соучастии Гинзбурга в убийстве является несостоятельной, что "доводы жалоб о соучастии Гинзбурга в убийстве на материалах дела не основаны"?

Содержатся в указанных Определениях коллегий Верховсуда МССР и судебных приговорах разноречия и по другим вопросам, имеющим серьезное значение для правильного разрешения дела.

Так, известно, что совершение преступления в силу служебной зависимости является одним из смягчающих обстоятельств, прямо предусмотренных ст. 37 п. "в" УК МССР.

Именно поэтому в своих показаниях, в своей кассационной жалобе осужденный Крайждан и ссылался на то, что Гинзбург, являвшийся его непосредственным начальником, дал ему указание стрелять.

Этот довод Крайждана и Народный суд, и коллегия Верховсуда МССР сочли несостоятельным, отвергли его и признали, что Крайждан совершил убийство без всякого подстрекательства со стороны своего начальника — Гинзбурга (см. Приговор и Определение по делу Крайждана).

Впоследствии, однако, Народный суд под председательством т. Капаклы Е. М. произвел переоценку показаний Крайждана, дал им совершенно иную оценку и записал в приговоре:

"Показания Крайждана объективно подтверждаются показаниями Жекю, Дровниченко, Цепляевой и др. (копия приговора, стр. 2)

И далее:

"Таким образом, в судебном заседании установлено, что Гинзбург... передал ружье сторожу Крайждану, находящемуся в его подчинении и являющемуся исполнительным человеком, и сказал ему стрелять..., а Крайждан, подчинившись его указанию как начальника, мгновенно произвел выстрел и т. д. (там же, стр. 2).

И далее:

"То обстоятельство, что Гинзбург... передал ружье Крайждану и сказал, чтобы он стрелял, зная о том, что Крайждан, находился в его подчинении и беспрекословно выполнял все его указания... свидетельствует о прямом умысле Гинзбурга на убийство и т. д. (там же, стр. 2).

И все это при том, когда не только Народный суд, но и коллегия Верховсуда МССР под председательством Председателя Верховного суда МССР т. Зингана Х. Я. в своем определении прямо записала, что

"... доводы жалоб (в том числе и жалобы Крайждана — А.М.) о соучастии Гинзбурга в убийстве на материалах дела не основаны". (См. копию Определения от 30/IX-75 г. — прилагается).

— *Вправе ли Народный суд производить переоценку доказательств, которые уже однажды были оценены другим судом и которые зафиксированы в приговоре и кассационном определении, вступивших в законную силу?*

— *Не очевидно ли, что это прерогатива не Народного суда и не любого суда 1 инстанции, а исключительно надзорной инстанции?*

Нельзя не обратить внимание и на следующее. Как в деле Крайждана, так и в деле Гинзбурга фигурируют одни и те же доказательства. Помимо заключений судебно-ме-

дицинской и криминалистической экспертизы это: показания Крайждана и Гинзбурга, а так же свидетелей: Жекю, Цепляевой, Дровниченко, Емельяновой и Рязанцевой.

Все эти доказательства были исследованы и получили *надлежащую оценку* при расследовании и рассмотрении в суде дела Крайждана (см. Обвинительное заключение, Приговор и Определение Верховного Суда МССР по делу Крайждана).

Эти доказательства таким же образом, как и показания Крайждана, также подверглись переоценке при рассмотрении дела Гинзбурга. Показаниям свидетелей Жекю, Цепляевой, Дровниченко и других суд также *дал иную оценку*, нежели та, которая дана им во вступивших в законную силу Приговоре и Определении по делу Крайждана.

Представляется, что только по одним этим соображениям, в связи с допущенными при рассмотрении дела нарушениями требований ст. 113, 206, 221, 222 УПК МССР, которые в свою очередь привели к нарушению требований ст. 351, 354 УПК МССР и присвоению себе судом 1 инстанции прав надзорной инстанции, т. е. *к незаконной переоценке народным судом доказательств уже однажды получивших оценку во вступивших в законную силу судебных решениях*, данный приговор не может быть оставлен в силе.

Очевидно, что при наличии достаточных оснований для привлечения Гинзбурга к уголовной ответственности (об этом см. ниже), данный приговор, равно как и все состоявшиеся решения (как по делу Гинзбурга, так и по делу Крайждана), подлежат отмене, а дела обращению на *дополнительное расследование для их объединения в соответствии со ст. 113 УПК в одном следственном производстве с целью полного и объективного расследования и рассмотрения по существу*.

II.

Известно, что подстрекателем признается лицо, *склонившее к совершению преступления* (ст. 17 УК).

Между тем, на всем протяжении следствия и в двух судебных заседаниях Гинзбург утверждал, что у него *не было умысла убивать Русакова*, что он *не склонял к этому Крайждана* (см. его показания).

Вопреки утверждению приговора, осужденный Крайждан не только *не уличал Гинзбурга в подстрекательстве к убийству*, а, наоборот, *подтверждал показания Гинзбурга*.

И на следствии, и в суде Крайждан утверждал, что *умысла на убийство Русакова он не имел*, что слова и действия Гинзбурга не были восприняты им как подстрекательство к убийству.

По этому поводу в своем первоначальном объяснении, данном 23/V-75 г., спустя несколько часов после случившегося, Крайждан указал:

"Я взял ружье, хотел выстрелить вверх, но каким образом я попал в него, я не знаю". (см. дело Крайждана, л. д. 11).

Это же подтвердил Крайждан и на допросе 24/V-75 г.:

"Умысла на убийство парня у меня не было, я хотел только испугать его." (Дело Гинзбурга, л. д. 34).

Подтвердил эти свои показания Крайждан и на очной ставке с Гинзбургом 27/V-75 г.

"Гинзбург передал мне ружье и сказал, чтобы я выстрелил.

Я понял, что надо стрелять вверх. Однако, не пойму, как получилось так, что я выстрелил в одного из парней... Я не имел умысла убить того парня" (л. д. 50).

И далее:

"Еще раз уточняю, что Гинзбург мне не говорил, чтобы я стрелял в парней, он просто сказал выстрелить, а куда, в кого не сказал. Да я и сам понял, что надо стрелять в воздух, чтобы напугать парней (л. д. 50).

И далее (на вопрос Гинзбурга):

"В людей, чтобы стрелять вы мне никогда не говорили.

Учили только, чтобы стрелял в воздух, чтобы напугать тех, кто зайдет в сад или огород". (л. д. 50-об.)

Характерно, что на указанной очной ставке Гинзбург не только не подтверждал показаний Крайждана о том, что он дал ему команду стрелять, но и уличал Крайждана в том, что последний стрелял не с расстояния в 23 метра (как показывал Крайждан), а с близкого расстояния — примерно 2 метра. (л. д. 50-об.)

И невзирая на это, невзирая на столь острые противоречия с Гинзбургом, Крайждан, как указывалось, не уличал Гинзбурга в подстрекательстве к убийству.

Аналогичные показания дал Крайжданов и при допросе его в качестве обвиняемого 3/VI-75 г.:

"Гинзбург передал мне ружье, сказал... чтобы я выстрелил, чтобы напугать их. В кого стрелять, Гинзбург мне не говорил (л. д. 29).

И далее:

"Умысла на убийства парня у меня не было, произошло это случайно" (л. д. 29-об.)

Свои показания Крайждан подтвердил и в первом судебном заседании.

"Я не хотел стрелять в Русакова. Я хотел поугаать его. Я не знаю, как это случилось". (Протокол суд. засед., л. д. 107)

И далее:

"Гинзбург дал мне ружье, чтобы я стрелял, но не в человека (там же).

И далее:

"Гинзбург сказал, когда передавал ружье, чтобы я стрелял или пугал их...

В Русакова я специально не целился, а попал случайно" (там же, л. д. 108).

К этому же сводились показания Крайждана и во втором судебном заседании:

"Я выстрелил с целью припугнуть..." (Протокол суд. засед., л. д. 198)

И далее:

"Он сказал: "На ружье и стреляй, а то у меня дало осечку".

Я понял, что надо стрелять чтоб припугнуть..." (там же, л. д. 201).

И далее:

"Он не сказал, куда стрелять, я не хотел стрелять, думал припугнуть. Я понял, что "бери, стреляй", чтобы припугнуть.

Когда сказал "бери, стреляй", то я так и понял, что припугнуть... я сам не понимаю, как это случилось" (там же, л. д. 201-об.)

И далее:

"Я взял ружье... у меня дрожали руки, думал, что выстрелю в воздух или в сторону.

Каким образом это случилось, я не знаю.

Гинзбург, когда передавал ружье, сказал, чтобы припугнуть." (там же, л. д. 202-202-об.)

И далее (на вопрос прокурора):

"Он сказал, чтобы только испугать ребят, он не показывал в кого стрелять, только их испугать...

Я сам не знаю, как это получилось." (там же, л. д. 203)

И далее:

"Мне 54 года, я никогда не думал никого убивать, не хотел убивать и Русакова. Я не думал, что с этой бумагой можно убить парня.

И далее:

"Не знаю, какие мысли были у Гинзбурга, он мне не говорил убивать мальчика". (там же, л.д. 204)

Совершенно очевидно, что при таких обстоятельствах, когда установлено, что у Гинзбурга (предполагаемого подстрекателя) отсутствовал прямой умысел на подстрекательство к убийству, когда установлено, что отсутствовал прямой умысел на убийство и у Крайждана, когда установлено, что слова и действия Гинзбурга не возбудили в Крайждане решимости совершить убийство, действия Гинзбурга ни при каких условиях не могли быть квалифицированы как подстрекательство к убийству, ст.17-89 УК МССР.

Суд, однако, счел возможным осудить Гинзбурга по ст. 17-89 УК и при этом сослался на то, что

"...то обстоятельство, что Гинзбург кричал, ругался, выгонял Русакова и Жею из сада, замахнулся на Русакова прикладом, а затем, угрожая застрелить, направил ружье стволом на них, находясь в непосредственной близости от Русакова, в таком же положении ружье передал Крайждану и сказал, чтобы он стрелял... свидетельствует о наличии прямого умысла у Гинзбурга на убийство Русакова".(Приговор, стр. 2)

С этими доводами суда согласиться невозможно:

1. Прежде всего, известно, что все те обстоятельства, на которые сослался суд в приговоре, были установлены и получили соответствующую оценку при расследовании и рассмотрении дела Крайждана.

В частности, не только в обвинительном заключении, но и в Приговоре по делу Крайждана значитсся, что

"Гинзбург и Крайждан... стали кричать на Русакова... чтобы они убирались из сада.

При этом Гинзбург стал пугать их охотничьим ружьем, направляя последнее в их сторону, замахивался на них прикладом, делая вид, что хочет их ударить, потом Гинзбург передал ружье Крайждану" и т. д. (копия приговора, стр. 2)

Из этих фактов Народный суд не сделал, однако, вывода о наличии у Гинзбурга прямого умысла на убийство, а коллегия Верховного суда МССР, оценив все эти обстоятельства, пришла к выводу об отсутствии в материалах дела данных о том, что "Гинзбург подстрекал Крайждана на

убийство" (см. Приговор и Определение коллегии Верховного Суда МССР по делу Крайждана).

Народный суд под председательством т. Капаклы, присвоив себе права надзорной инстанции, произвел переоценку всех указанных доказательств и пришел, как видно, к совершенно противоположным выводам.

Очевидно, что уже по одному этому данный вывод суда как противоречащий выводам вступивших в законную силу Приговора и Определения коллегии Верховного Суда МССР по делу Крайждана следует признать неправильным.

2. Ссылка на то, что "своими действиями, тем, что он кричал, ругался, выгонял Русакова и Жекю из сада..., угрожал застрелить их и пр., Гинзбург склонил Крайждана к убийству (Приговор, стр. 2) является произвольным умозаключением суда.

На материалах дела и, в частности, на показаниях Крайждана этот довод суда не основан, им противоречит.

Мало того, известно что с Русаковым и Жекю Гинзбург разговаривал на русском языке, которым Крайждана не владеет и которого он не понимает (на суде и следствии он допрашивался с помощью переводчика).

Естественно, что понять, о чем говорил Гинзбург с парнями, Крайждана никак не мог, а, следовательно, все это никак не могло возбудить в нем решимости убить Русакова.

По этому поводу сам Крайждана показывал:

"С ребятами Гинзбург разговаривал на русском языке.

Что он говорил, я не понял.

Понял только то, что они должны покинуть сад, больше ничего не понял". (См. протокол суд. заседания, № 1, л. д. 108)

3. При оценке показаний Гинзбурга и Крайждана, об отсутствии у них умысла на убийство Русакова, суд не учел следующего:

а) Крайждана и Гинзбурга — люди преклонного возраста (Гинзбургу в то время было 56-ть, Крайждана — 54 года), в прошлом ничем не опорооченные, не судимые, в течение длительного времени (более 10-ти лет) добросовестно трудились на одном предприятии (см. характеристики — л. д. 128 и дело № 02431, л. д. 72, 75), 23/V-75 г. находились при исполнении своих служебных обязанностей.

Известно, что ранее они Русакова не знали, неприязни к нему не питали, конфликт, происшедший между ними днем 23/V-75 г., был не настолько острым, чтобы он мог породить у них умысел на убийство.

б) Установлено, что выстрел был произведен Крайжданом из ружья, заряженного *холостым патроном*. Это обстоятельство подтверждено заключениями криминалистической и судебно-медицинской экспертизы (л. д. 18, 23, 23б). Признал доказанным это и суд (см. копию приговора по делу Крайждана — стр. 3 и копию Приговора по делу Гинзбурга — л. 2).

И по этим основаниям вряд ли возможно здесь говорить о наличии *прямого умысла* на убийство.

Далеко не случайно Крайждан в суде объяснял:

“... парень схватился за живот..., я понял, что ударило, но о том, что умрет, даже не подумал. Я думал, что его ударило бумагой и ему больно”. (Протокол суд. засед., л. д. 203-об.)

И далее:

“Я не думал, что с этой бумагой можно убить парня”. (Там же, л. д. 204)

И далее:

“Я видел, что заряжал Тодика ружье солью, бумагой, но не видел ни разу, чтоб дробью”. (там же, л. д. 215)

Очевидно, что максимум о чем здесь может идти речь — это о косвенном, *звентуальном умысле*, наличие которого достаточно для квалификации ст. 89 УК действий исполнителя и недостаточно для квалификации действий подстрекателя ст. 17-89 УК.

По этому поводу, в частности, Пленум Верховного суда СССР в известном Постановлении по делу Петросяна А. прямо указал:

“... действия того или иного лица могут рассматриваться как *подстрекательство* лишь в том случае, если доказано, что они совершены с *прямым умыслом* склонить другое лицо к совершению преступления” (см. Комментарий к УК МССР, 1968 г., стр. 50)

в) Из материалов дела усматривается, что ранее Гинзбург неоднократно *инструировал* Крайждана о недопустимости *стрелять в людей*, о том, что в необходимых случаях надо стрелять в воздух с тем, чтобы только *пугать* нарушителей (см. показания Гинзбурга, Крайждана, свид. Тодика Я. Г. — л. д. 63, 50-об., 81 и др.).

Очевидно, что и по этим соображениям вряд ли можно говорить о том, что, передавая ружье сторожу со словами “стреляй” (если допустить, что они были Гинзбургом

произнесены — об этом см. ниже), Гинзбург склонял Крайждана к убийству.

Из объяснений Крайждана, как указывалось, следует, что *он не воспринял эти слова Гинзбурга, как приказ убить*, а понял их так, что надо стрелять в воздух. (л. д. 50, 50-об., 29, Протоколы суд. заседаний)

Таким образом, даже если допустить, что Гинзбург передав ружье Крайждану, произнес слово: "стреляй", действия его необоснованно квалифицированы, как подстрекательство к убийству, ст. 17-89 УК МССР.

III.

На всем протяжении следствия и в двух судебных заседаниях Гинзбург *категорически отрицал*, что он, возвратив ружье Крайждану, дал ему указание стрелять.

"Я возвратил ему ружье и *сказал по-молдавски*, что пойду, найду их (этих ребят — А. М.) *старшего*" — утверждал всегда Гинзбург (см. его объяснения от 23/V-75 г. — дело Крайждана, л. 12, 36 и показания, л. д. 50, 62 и др.).

В подтверждение того, что Гинзбург, направлял ружье на Русакова и Жеку, угрожал их застрелить, что он, передав ружье Крайждану, *предложил ему стрелять*, суд в приговоре сослался на показания осужденного Крайждана и свид. Жеку, Дровниченко, Цепляевой, Емельяновой и Рязанцевой. (копия приговора, л. д. 1-об.-2)

При этом суд не учел следующего:

1. О ПОКАЗАНИЯХ КРАЙЖДАНА.

а) Крайждан, как указывалось, является лицом, *прямо заинтересованным* в исходе дела, в том, чтобы представить себя в роли подчиненного, *выполнявшего приказ начальника*, что по Закону является обстоятельством, *смягчающим* вину (ст. 37 п. "в" УК МССР).

Уже по одному этому к показаниям Крайждана надлежало относиться *критически*.

б) По вопросу о том, что Гинзбург, передав ему ружье, предложил произвести выстрел, Крайждан на следствии и в суде давал *крайне путанные показания*.

В частности, в своем *первоначальном* объяснении, 23/V-75 г., Крайждан ничего не говорил о том, что Гинзбург угрожал парням убийством, что передав ему ружье он предложил стрелять.

"Миша подошел ко мне и сказал, что ружье дает осечку, — утверждал здесь Крайждан.

Я взял ружье, хотел выстрелить вверх, но каким образом я попал в него, я не знаю" (См. дело Крайждана, л. д. 11)

Только на следующий день, при допросе 24/V-75 г., в показаниях Крайждана появилась ссылка на то, что Гинзбург предложил ему стрелять (л. д. 32).

Этих своих показаний Крайждан придерживался до конца, но, однако, при этом в одном случае утверждал, что Гинзбург предложил ему *стрелять вверх* (л. д. 50), в другом случае утверждал, что он сказал стрелять по ногам (л. д. 201), в третьем случае — показывал, что Гинзбург велел стрелять, *не говоря куда* (л. д. 29).

И во всех случаях — утверждал, что "Гинзбург не предлагал убивать парня, велел лишь попугать их" (см. любые показания Крайждана).

Очевидно, что и по этим соображениям показания Крайждана не могли быть положены в основу обвинения Гинзбурга в подстрекательстве к убийству.

в) Наконец, известно, что в свое время следственные органы и суд дали надлежащую оценку показаниям Крайждана и отвергли его версию о причастности Гинзбурга к случившемуся. (см. Приговор и Обвинительное заключение по делу Крайждана).

Эту оценку следственными органами и судом показаний Крайждана признала правильной коллегия Верховного Суда МССР (см. Определение от 30/IX-75 г. — л. д. 59-60).

Производить *переоценку* этого доказательства Народный суд не имел права.

2. О ПОКАЗАНИЯХ ЖЕКЮ.

а) Из материалов дела усматривается, что на протяжении 9-ти месяцев свид. Жекю вводил в заблуждение следственные органы и суд и упорно скрывал тот факт, что он находился на месте происшествия совместно с Русаковым.

Мало того, давая следственным органам и суду *ложные показания*, Жекю дошел до того, что описывал приметы того парня, который находился в саду вместе с Русаковым.

"Второй парень был низкого роста, рыжий, курчавый... он после выстрела убежал, — показывал Жекю следователю. (л. д. 44, 45)

"Второй парень был маленького роста, рыженький, не местный житель, кто он — не знаю", — лгал Жекю суду. (Протокол суд. засед., л. д. 112)

Только 24/II-76 г., спустя 9-ть м-цев, Жекю признал, что давал на следствии и в суде *ложные показания*, что

с Русаковым был не какой-то неизвестный парень, а он. (л. д. 99)

Подобные показания Жекю привели к тому, что во вступивших в законную силу приговорах по делу Крайждана и Гинзбурга *по-разному описаны события преступления:*

В приговоре по делу
Крайждана

В приговоре по делу
Гинзбурга

"Примерно в 13 ч. дня Русаков вместе с *неустановленным следствием парнем* зашли в фруктовый сад..." (стр. 1)

"Примерно в 13 ч. ... Гинзбург взял у Крайждана ружье... и угрожал им зашедшим в сад РУСАКОВУ и ЖЕКЮ" (л. 1).

"Вина подсудимого доказана показаниями Жекю, который показал, что, проходя мимо сада... увидел Гинзбурга и *двух парней*... Крайждан, взяв ружье, крикнул: "уходи, застрелю" на молдавском языке..." (стр. 2)

"Показания Крайждана подтверждаются *показаниями Жекю*, который пояснил, что Гинзбург передал ружье Крайждану и сказал ему выстрелить". (л. 1-об.)

Представляется, что только по одним этим соображениям, в связи с тем, что *на протяжении длительного времени* свид. Жекю вводил в заблуждение следственные органы и суд, давал ложные показания, к его объяснениям надлежало относиться очень осторожно.

б) Из показаний Жекю вытекает, что накануне случившегося он вместе с Русаковым *выпивал*, при этом *выпили они поровну* (по 1,5 стакана вина) — см. л. д. 99 и копию Приговора, л. 1-об.

Если учесть, что, как это видно из акта судебно-медицинской экспертизы, в крови потерпевшего Русакова было обнаружено 1,58 промилей алкоголя (л. д. 24), что соответствует *средней степени опьянения*, станет понятным, что Жекю во время случившегося находился в *такой же степени опьянения*.

Средняя степень опьянения характеризуется, как известно, *неустойчивостью, опасной для окружающих, неясной речью, шатающейся походкой* и пр. (см. Таблицу НИИ Судебной медицины Министерства здравоохранения СССР).

Очевидно, что и по этим соображениям, к показаниям Жекю, находившегося в состоянии *значительного алкогольного опьянения*, надлежало относиться критически.

в) *Впервые* о том, что Гинзбург якобы сказал сторожу: "стреляй", свид. Жекю показал 11/IX-75 г. в суде по делу Крайждана, т. е. через 3,5 м-ца после случившегося (л. д. 111).

При этом Жекю оговаривался:

"Я плохо слышал разговор между Гинзбургом и Крайжданом" (л. д. 111).

И далее:

"Сторож потом говорил, что стрелял солью, думал, что ничего не будет" (там же).

И далее:

"Гинзбург отдал сторожу ружье и крикнул, чтоб ребята уходили, а то он их застрелит" (там же).

До этого, на следствии, Жекю никогда не говорил о том, что Гинзбург сказал сторожу: "стреляй".

Он утверждал на следствии:

"Тогда агроном... передал сторожу ружье...

Сказал ли что-либо агроном сторожу в это время, я не расслышал". (см. показания Жекю от 26/V-7 г. — л. д. 45)

И далее:

"Потом подошли какие-то мужчины, сказали, что они спрашивали сторожа, зачем он выстрелил, он сказал, что ничего страшного, это же соль..." (там же, л. д. 45-об.)

Не трудно понять, что на подобных *разноречивых* показаниях Жекю, находившегося в *нетрезвом состоянии*, с учетом его крайне *неискреннего поведения* на следствии и в суде, строить обвинение недопустимо.

3. О ПОКАЗАНИЯХ СВИД. ДРОВНИЧЕНКО МАРИИ.

а) Дровниченко М. П. *никогда не показывала, что Гинзбург дал указание сторожу стрелять.*

Никогда, вплоть до последнего судебного заседания, не говорила Дровниченко и о том, что "по действиям Гинзбурга... она поняла, что он сказал, чтобы Крайждан стрелял..." (копия приговора, л. 1- об.).

В своем *первоначальном объяснении* (написанном *собственноручно*) Дровниченко указывала:

"Гинзбург отдал сторожу ружье и что-то сказал, но что я не расслышала. Сторож взял ружье, крикнул: "Застрелю" и в то же время стрельнул". (Дело Крайждана, л. д. 6-об.)

Аналогичные показания дала Дровниченко и на допросе 23/VI-75 г.:

"Я услышала, что Гинзбург что-то сказал сторожу, но содержание я не расслышала."

И далее:

"Гинзбург протянул руку с ружьем в сторону сторожа. Последний (сторож — А. М.) взял это ружье, крикнув: "застрелю", сторож тут же выстрелил" (л. д. 53).

Из этих показания Дровниченко вытекало, таким образом, что "не Гинзбург, а сторож закричал: застрелю!"

В дальнейшем, почти через год, на допросе 15/III-76 г. по делу Гинзбурга, подтвердив, что она не расслышала, что именно Гинзбург сказал сторожу, свид. Дровниченко скрыла от следователя, что она слышала, как Крайждан (а не Гинзбург) крикнул: "застрелю" (л. д. 104).

Скрыла это обстоятельство свид. Дровниченко и от суда, представив все таким образом, что Крайждан, взяв от Гинзбурга ружье, мгновенно выстрелил.

Представляется, что на подобных показаниях Дровниченко, которая безмотивно изменила ранее данные ею объяснения, строить обвинение нельзя.

б) Недопустимой является ссылка суда как на одно из доказательств и на то впечатление, которое сложилось у Дровниченко от поведения Гинзбурга.

И не только потому, что вплоть до последнего судебного заседания Дровниченко никогда не говорила о том, что по поведению Гинзбурга она поняла, что "Гинзбург сказал, чтобы Крайждан стрелял" (Приговор, л. 1-об.), но и потому, что всякое впечатление свидетеля субъективно носит предположительный характер и не может являться бесспорным доказательством (ст. 55 и 60 УПК МССР).

4. О ПОКАЗАНИЯХ свид. ЦЕПЛЯЕВОЙ, ЕМЕЛЬЯНОВОЙ и РЯЗАНЦЕВОЙ

Указанные свидетели никогда не уличали Гинзбурга в том, что он дал указание Крайждану стрелять.

Так, свид. ЕМЕЛЬЯНОВА показывала:

"Я не заметила, чтобы управляющий направлял ружье в парней или чтобы замахивался на кого-то. Я только заметила, что сторож выхватил ружье у управляющего и сказал: "отойдите, стрелять буду", и тут же выстрелил" (л. д. 47-об.).

Таким же образом, так же, как поначалу утверждала и Дровниченко, Емельянова подтверждала, что не Гинзбург, а Крайждан сказал: "стрелять буду".

К этому же сводились и показания свид. ЦЕПЛЯЕВОЙ:

"Я не расслышала, что сказал Гинзбург сторожу" (л. д. 37, 83)

И далее:

"Я не заметила, чтобы завхоз направлял ружье в сторону ребят, он только замахнулся прикладом". (Протокол суд. засед., л. д. 115)

И далее:

"Ствол Гинзбург не направлял в сторону ребят... Ружье было небрежно направлено в сторону ребят, он не хотел стрелять, просто отталкивал ребят" (там же, л. д. 116)

К этому же сводились показания Цепляевой и во втором судебном заседании:

"Я не заметила, чтобы Гинзбург направил в сторону ребят ружье, видела, что он замахнулся прикладом... (Протокол суд. засед., л. д. 208)

И далее:

"... левой рукой Гинзбург отталкивал ребят, другой держал ружье, где-то за середину" (там же, л. д. 208-об.)

Аналогичные показания дала и свид. РЯЗАНЦЕВА:

"Я не видела, что Гинзбург направлял ружье на парня". (там же л.д. 213)

Вопреки утверждению Приговора (л. 1-об.), свид. Рязанцева и Емельянова никогда не подтверждали показаний Дровниченко о том, что она якобы им сказала, что Гинзбург предложил сторожу стрелять (см. любые их показания).

Никогда не говорила об этом на следствии и свид. Цепляева (см. л. д. 36 и Дело Крайждана, л. д. 8).

Не говорила об этом Цепляева и в судебном заседании по делу Крайждана (л. д. 115-116).

Только после возбуждения дела против Гинзбурга, 16/II-76 г., т. е. спустя 9-ть м-цев после случившегося, Цепляева дала показания о том, что Дровниченко якобы говорила ей, что слышала, как Гинзбург сказал сторожу: "стреляй" (л. д. 83).

Эти показания Цепляевой поначалу Дровниченко не подтвердила (л. д. 104), а в суде сослалась на то, что хотя подобных слов она от Гинзбурга не слышала, но по еговедению у нее сложилось впечатление, что он их произнес. (Протокол суд. засед., л. д. 219- об.).

Очевидно, что на подобных путанных показаниях Дровниченко и Цепляевой вряд ли мыслимо строить обвинение Гинзбурга в подстрекательстве. Тем более, что, как установлено, накануне случившегося Гинзбург выдворил их из сада, что не могло не породить у них определенную неприязнь к этому человеку.

И еще одно соображение.

Показания Дровниченко и Цепляевой получили определенную оценку при расследовании и рассмотрении в суде дела Крайждана.

Очевидно, что если после завершения слушания дела Крайждана в суде, указанные свидетели изменили свои показания, надлежало поставить вопрос о *пересмотре* дела Крайждана *по вновь открывшимся обстоятельствам* и лишь после этого решать вопрос о привлечении к ответственности Гинзбурга.

Этого, однако, сделано не было.

Присвоив себе права *надзорной инстанции*, народный суд под председательством т. Капаклы *произвел переоценку показаний свид. Цепляевой и Дровниченко*, в результате чего во вступивших в законную силу приговорах по делу Крайждана и Гинзбурга появились *прямо противоположные утверждения* по одному из главных вопросов обвинения.

В приговоре по делу Крайждана значится

"Гинзбург передал ружье сторуку.. КРАЙЖДАН, взяв ружье, направил его на Русакова и крикнул: "убью" (стр. 2).

В приговоре по делу Гинзбурга значится

"ГИНЗБУРГ передал ружье Крайждану и *предложил* произвести выстрел"(л. 1)

Ссылка на то, что не Гинзбург, а КРАЙЖДАН *закричал*: "уйди, застрелю", имеется и в Определении коллегии Верховсуда МССР от 30/IX-75 г., где значится:

"Обстоятельства и события совершенного преступления, изложенные в приговоре, не отрицались осужденным. Подтверждены они показаниями Жекю и Цепляевой, пояснивших, что... "Гинзбург передал ружье Крайждану, и тот с криком "уйди, застрелю" произвел выстрел..." (л. 1-об.).

Суммируя изложенное, следует признать, что у суда не имелось решительно никаких оснований для утверждения о том, что не Крайждан, а Гинзбург произнес слово "стреляй".

Данный вывод суда основан на *переоценке* показаний свид. Дровниченко, Цепляевой, Емельяновой, Жекю и осужденного Крайждана и *прямо противоречит* обстоятельствам, установленным и зафиксированным во вступивших в законную силу Приговоре и Определении коллегии Верховсуда МССР по делу Крайждана.

IV.

В связи с отсутствием в материалах дела *каких бы то ни было доказательств* причастности Гинзбурга к случив-

шемуся, 28/VI-75 г. следователем было вынесено постановление *о прекращении* против него дела производством (л. д. 4), с которым *согласился прокурор* р-на т. Мартыненко, утвердивший Обвинительное заключение по делу Крайждана.

С этим решением следственных органов согласился Народный суд и коллегия Верховного суда МССР.

В дальнейшем, идя на поводу потерпевшей — матери Русакова, в связи с ее многочисленными жалобами (л. д. 61), прокурор т. Мартыненко отменил Постановление о прекращении дела, а Народный суд счел возможным, *переоценив* ранее оцененные судом доказательства, *явно неосновательно* осудить Гинзбурга к длительному лишению свободы.

Чем при этом руководствовался суд и прокурор, подерживавший обвинение, — сказать трудно. Известно лишь, что после провозглашения приговора в адрес Нарсудьи т. Капаклы и прокурора т. Карцана поступило *благодарственное письмо потерпевшей* (см. письма — в деле).

Спору нет, безмерна трагедия матери, потерявшей сына, и не сочувствовать ей нельзя.

Но бесспорно и другое: *цели правосудия* далеко не всегда совпадают с интересами потерпевших, и вершить суд, *поступаясь*, в угоду этим интересам, *законом*, — недопустимо.

— " " —

В силу изложенного прошу Вас *истребовать* из Народного суда Октябрьского р-на г. Кишинева дело по обвинению Гинзбурга М. М. по ст. 17-89 УК и дело по обвинению Крайждана И. К. по ст. 89 УК МССР, и внести *протест* на предмет отмены приговора Народного суда и Определения коллегии Верховного суда МССР и прекращения в отношении Гинзбурга М. М. в уголовном порядке дела производством за отсутствием в его действиях *состава преступления*.

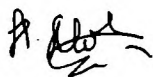
ПРИЛОЖЕНИЕ:

1. Копия приговора по делу Гинзбурга — на 2-х листах.
2. Копия Определения коллегии Верхсуда МССР от 1/VI-76 г. на 3-х листах.
3. Копия Приговора по делу Крайждана — на 4-х листах.
4. Копия Определения коллегии Верхсуда МССР от 30/IX-75 г. на 1 л.

Справка: Гинзбург М. М. отбывает наказание по адресу:
МССР, учреждение п/я 29/4

Адвокат
г. Москва

"3" февраля 1977 г.

(Мове А. Л.)

С этой жалобой я был на приеме в Прокуратуре СССР, куда дело было истребовано для изучения.

Впоследствии по протесту заместителя Генерального Прокурора СССР Президиум Верховного Суда МССР отменил указанный судебный приговор и дело обратил к доследованию.

В процессе дополнительного расследования, уже в 1978 г., уголовное дело в отношении Гинзбурга М. М. было производством прекращено и он был полностью реабилитирован.

Случай в Баурчи-Молдаван (дело Барбу С. Г.)

А сейчас мне хотелось бы рассказать об одном не только из ряда вон выходящем, но и глубоко поучительном во всех отношениях деле.

Где-то в 1977 году, вскоре после памятного для юга Молдавии землетрясения, моя адвокатская судьба забросила меня на самую границу Молдавии с Румынией, в г. Леово, в Народном суде которого свыше месяца, с участием именитых экспертов — зав. кафедрой Кишиневского Мединститута доктора медицинских наук профессора Ботезату Г. А. и старшего научного сотрудника Научно-исследовательского института судебной медицины Минздрава СССР кандидата медицинских наук Тишина В. С., рассматривалось дело Барбу Степана Георгиевича.

Я не случайно с самого начала делаю акцент на участие в этом деле высококвалифицированных специалистов-экспертов, ибо именно их высокоавторитетным заключением был обоснован обвинительный приговор. Тот самый приговор, который до сего времени (невзирая на то, что с той поры прошло свыше 15-ти лет) берedit мою душу, заставляет опасаться, что наш суд порой может вынести любой, даже самый архидремуций приговор.

И объясняется это несовершенством нашего законодательства, теми изъянами, которые в нем еще, к сожалению, имеются.

Для того чтобы понять случившееся, я позволю себе, прежде всего, привести выдержки из той кассационной жалобы, которая была подана мною в Верховный суд МССР сразу же после провозглашения судебного приговора.

Из досье адвоката Извлечение

В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА МССР

Адвоката МОВЕ А. Л., г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8, Московская областная юрконсультация

По делу

БАРБУ Степана Георгиевича,

осужд. Приговором Леовского Нарсуда МССР от 24-25/1-78 г. по ст. 177 ч. II УК МССР на 5-ть лет лишения свободы

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА (дополнительная)

Речь идет о приговоре явно необоснованном, в результате которого Барбу С. Г., в прошлом ничем не опороченный, отец *четырёх малолетних детей* в возрасте от 4-х месяцев до 5-ти лет, осужден к лишению свободы на длительный срок.

Речь идет о совершенно безосновательной дискредитации Председателя Исполкома Сельсовета Пила Г. Г., уголовное преследование в отношении которого было возбуждено с серьезным нарушением "*Положения о статусе депутата*", без согласия Сессии депутатов Сельсовета, и который в процессе следствия незаконно, в нарушение ст. 104 УПК МССР, был *арестован* и в течение 5-ти суток содержался в КПЗ (см. ответ из Прокуратуры МССР от 27/XI-77 г. — приобщен к делу судом по ходатайству защиты, и Особое определение суда).

Представляется, что уже по одному этому указанное дело подлежит самой глубокой и всесторонней проверке.

1. ПРОИСШЕСТВИЕ В БАУРЧИ-МОЛДОВАН

29-го марта 1976 г., в послеобеденную пору, рабочая центрального склада совхоз-завода "Питомниковод", расположенного в с. Баурчи-Молдаван, Каврук Вера Андреевна пришла на склад вместе со своей 8-ми летней дочерью — Леной. Мать пошла на свое рабочее место — в чердачное помещение склада, а девочка осталась гулять на территории склада.

Примерно через 1,5-2 часа во дворе склада, неподалеку от туалета, Лена была обнаружена мертвой. Лежала она на спине, во рту и носу была земля, в сжатых ладонях был так же песок и земля, один туфелек был на ноге, другой — валялся рядом. Неподалеку от трупa лежал *транспортёр* — массивный, тяжелый агрегат, весом в 196 кг. (см. фото и протокол осмотра места происшествия — т. 1, л. д. 2-4).

Транспортер этот, или как его впоследствии назовут "*вибратовстряхиватель*", был привезен на склад буквально

за 2-2,5 часа до случившегося и не уложен, как это следовало бы сделать, а просто сброшен с машины на землю.

Когда обезумевшую от горя мать подвели к трупу ребенка, у нее сразу же возникла мысль о том, не придавило ли девочку транспортером.

"Когда я пришла с обеда, — показала Каврук В. А. на первом допросе, — то сторож Давид сказал мне, что женщины разгрузили какой-то транспортер, а я опоздала..." (Том 1, л. д. 17)

И далее:

"Когда я пришла на работу транспортер стоял прижат к ящикам. А когда обнаружили мертвую девочку, транспортер лежал на земле на ребре на расстоянии 3-х метров. На месте были видны следы волочения". (там же, л. д. 19)

Говорила об этом потерпевшая и на следующем допросе, 10/1-77 г.:

"Транспортер был прижат к ящикам. Он стоял на ногах, не на боку, серединой он упирался на ящики. Я спрашивала Барбу, кто оттащил транспортер с прежнего места. Он ничего не ответил..." (т. 2 л. д. 102)

Еще более определено говорила об этом Каврук В. А. на допросе 19/X-7 г.:

"Я заметила транспортер, который не лежал, а стоял, упершись рамой на ящики. Стоял он метрах в 10-ти от забора, недалеко от туалета."

И далее:

"Я еще спросила Давида почему не положили, а поставили транспортер. Не знаю, почему я, вдруг, спросила его об этом. Но когда я зашла во двор мне сразу бросился в глаза транспортер и я сразу подумала о Лене, как бы она не залезла на него. (т. 3 л. д. 180-об.)

И далее:

"На мой вопрос Давид ответил, что женщины не смогли его по другому поставить, так как он очень тяжелый. Я еще подошла, пыталась его

сдвинуть, но он стоял очень устойчиво, и я успокоилась" (там же, л. д. 181)

И далее:

"Я подумала, что, наверное, на Лену упал транспортер, так как он находился не там, где я его видела, и уже не стоял, а лежал" (там же, л. д. 181).

Свои показания Каврук В. А. подтвердила и в суде, уточнив, что она видела на месте происшествия не только след волочения транспортера, но и след того, как девочка выгребала руками землю. (см. Протокол суд. заседания и Замечания на протокол)

Аналогичные показания дала по этому вопросу и свид. МОКАНУ М. А.:

"На территорию склада пришла грузовая машина, на которой был доставлен транспортер и какие-то ящики с деталями...

И далее:

"Транспортер положили одним концом на ящик.

И далее:

"После случившегося я обратила внимание, что транспортер стоял не на том месте, где мы его разгрузили. Один его конец при разгрузке упал на ящик, а теперь находился на другом месте, ящики были в стороне и ни один из концов транспортера не упирался в ящик". (т. 3 л. д. 1-4)

Подтвердив указанные показания в суде, свид. Мокану М. А. уточнила, что "транспортер находился одним концом на ящике, положение его было неустойчивым, он шатался". (см. Протокол суд. заседания и замечания на протокол)

Ознакомившись на следствии с актом экспертизы, подс. БАРБУ С. Г. прямо заявил:

"Я считаю, что она игралась, упал транспортер и она оказалась под ним. Кто-то шел мимо, поднял транспортер, перевернул девочку, она оказалась мертвой, испугался и ушел". (т. 3 л. д. 84)

Такие же показания дал Барбу и в суде, подтвердив при этом, что транспортер оказался не на том месте и не в том

положении, в котором он находился незадолго до случившегося (см. Протокол суд. заседания и замечания на протокол).

Очевидно, что при таких обстоятельствах и с учетом того, что по заключению комиссионной суд. мед. экспертизы от 27/IX-77 г., проведенной в НИИ судебной медицины Минздрава СССР, смерть Каврук Е. наступила в результате механической асфиксии, последовавшей в связи с *придавлением ее тела к грунту* (т. 3 л. д. 60-64), надлежало самым тщательным образом проверить указанную версию.

Между тем, на следствии она абсолютно не исследовалась.

Именно поэтому в судебном заседании защитой *дважды* возбуждались ходатайства о возвращении дела на *дополнительное расследование*, которые судом, по сути, безмотивно были отклонены.

Забегая вперед, скажем, что проведенные в суде суд. мед. экспертизы так же не исключали возможности наступления смерти Каврук Е. в результате падения (опрокидывания) и придавливания ее тела транспортером.

Так, эксперт т. Тишин В. С. на вопрос защиты дал заключение:

"п. 18 Придавливание тела Каврук к земле транспортером весом 196 кг. или подобным ему массивным предметом *маловероятно...*"

Таким образом, категорически исключить такую возможность эксперт не смог. Еще более определенно высказался по этому поводу эксперт т. Ботезату Г. А., который на аналогичный вопрос защиты сделал ссылку на п. 1 своего заключения (стр. 5 Заключения), т. е. сослался на то, что травма образовалась от действия твердых тупых предметов. Это же отражено и в п. II заключения т. Ботезату Г. А.

В судебном заседании эксперт т. Ботезату Г. А. на вопрос защиты заявил:

"Исключить возможность причинения повреждений транспортером нельзя, т. к. это зависит от многих факторов: высоты падения его или соскальзывания, положения ребенка и пр. Такого описания всех этих условий, равно как и очевидцев этого, не имеется, поэтому и невозможно это

исключить" (см. протокол суд.заседания и замечания на протокол).

Собственно, ничего иного суд. мед. эксперты и не могли сказать суду, так как *ни на следствии, ни в суде трасологическая экспертиза на предмет определения возможности образования повреждений на платье Каврук в результате воздействия транспорта не проводилась*, равно, как и не исследовался ею вопрос о возможности придавления тела девочки транспортером.

Ссылка суда в приговоре на то, что указанная версия не нашла своего подтверждения, поскольку ни один из свидетелей или очевидцев этого не подтвердил, вряд ли может быть признана обоснованной, поскольку совершенно очевидно, что несчастья не всегда происходят на глазах у свидетелей и очевидцев.

Повторяем, в процессе следствия данная версия *абсолютно не исследовалась*: в материалах следствия отсутствуют данные о размерах транспорта, его весе, габаритах, не были допрошены шофер и другие лица, принимавшие участие в его разгрузке, не зафиксировано точно положение транспорта до случившегося и после и пр. и пр.

И произошло все это прежде всего потому, что с самого начала следствия следователь оказался в плену *домыслов и сплетен*, появившихся вокруг случившегося, и слепо пошел на поводу у них..."

Так я писал впоследствии в своей кассационной жалобе, и здесь, видимо, следует дать некоторое пояснение к тому, что произошло на следствии далее и о чем я говорил в своей судебной речи.

Находясь в плену своей версии следователь вынес Постановление о проведении комиссионной суд. мед. экспертизы в Институте судебной медицины при Минздраве СССР, будучи полностью уверенным в том, что экспертиза эта его версию подтвердит.

Но тут случилось непредвиденное. Экспертиза дала заключение:

"Изучив материалы дела, проведя исследования гистологических препаратов внутренних органов, приходим к заключению: смерть Каврук могла наступить от механической асфиксии. Высказаться более определено о причине смерти

Каврук по имеющимся материалам дела не представляется возможным".

(Из Заключения на следствии комиссионной суд. мед. экспертизы от 15/IV-77 г., проведенной в Институте судебной медицины при Минздраве СССР).

Это заключение, конечно, не устроило следователя, в связи с чем 12/VII-77 г. он вынес Постановление о назначении дополнительной суд. мед. экспертизы, в котором, в частности, указал:

"Экспертиза от 15/VII-77 г. дала заключение, что смерть Каврук Елены наступила от механической асфиксии.

Выводы экспертов не соответствуют материала дела.

В связи с этим поставить перед экспертами дополнительные вопросы:

— Можно ли категорически исключить автотравму?

— Могла ли механическая асфиксия наступить в результате придавливания тела девочки днищем автомобиля?

В распоряжение экспертов предоставить все материалы дела, в том числе и вновь появившийся том № 3."

Вы уже, наверное, догадались, что именно после этого в деле появилось категорическое заключение экспертов от 27/X-77 г., где утверждается о гибели девочки в результате придавливания ее тела днищем автомобиля.

"Изучив материалы уголовного дела, в том числе и дополнительно представленный том № 3, — значит в новом заключении экспертов, — исследовав одежду Каврук Е. С., а так же повторно представленные на экспертизу кости и гистологические препараты..., заключаем, что причиной смерти Каврук явилась механическая асфиксия, которая наступила в результате придавливания ее тела (лица, шеи, туловища) к грунту выступающими частями нижней поверхности автомобиля... Смерть Каврук Е. должна была наступить быстро, в течение ближайших минут, вслед за попаданием ее под автомобиль" (из Заключения на следствии комиссионной судебно-медицинской экспертизы от 27/IX-77 г., проведенной в Институте судебной медицины при Министерстве здравоохранения СССР).

По этому поводу я в своей речи в суде, в частности, говорил:

"Закон, товарищи судьи, предусматривает право эксперта до дачи заключения знакомиться с материалами дела в части, имеющей отношение к его заключению. Но как определить, какие материалы дела имеют отношение к экспертному заключению, а какие — не имеют? С какими материалами дела эксперт вправе знакомиться, а с какими не вправе? Вопрос этот далеко не праздный, ибо в делах уголовных нас интересует не вообще мнение эксперта по делу (в этом юристы куда более искушены, нежели эксперт, в такой помощи нужды у нас нет), а мнение эксперта, основанное на его научном познании в той узкой области, в которой он является специалистом, и в которой мы, юристы, нуждаемся в его помощи и знаниях.

Казалось бы, что может быть плохого в том, что эксперт до дачи заключения ознакомится не только с теми материалами, которые имеют отношение к его экспертизе, но и всеми другими материалами: показаниями свидетелей, очевидцев, потерпевших, вещественными доказательствами?

А плохое от этого, к сожалению, может быть и бывает. Дело в том, что для правильной оценки всех этих материалов нужны познания в юриспруденции, опыт юридической работы, чем эксперт, разумеется, не обладает и не должен обладать. И как нередко еще бывает, что они, эти материалы дела, не только не помогают эксперту в его заключении, а, наоборот, словно гипнотизируют его и уводят от истины.

Это чаще всего случается не в суде, где присутствуют юристы: и судьи, и прокурор, и адвокат и где, таким образом, эксперт проходит знакомство с материалами дела в сопровождении надежных гидов, которые освещают их с различных позиций: с позиции обвинения и с позиции защиты. Так случается чаще на следствии, где в лучшем случае эксперт остается один на один с делом, лишенный всякой юридической помощи, или в худшем случае — получает не совсем объективное освещение всех этих материалов со стороны не совсем объективного следователя, который порой бывает крайне увлечен избранной им версией. Бывает и такое.

Нет, будь моя воля, я бы при направлении дела на экспертизу в процессе следствия обязал бы непременно приобщать к делу небольшую справку (или назовите ее как-то по иному) с изложением контрдоводов юриста-адво-

ката по этим самым материалам. А если это невозможно, категорически бы запретил знакомить эксперта с материалами дела. Ведь в конечном итоге, повторяю, нам нужно не мнение эксперта по делу, а его заключение, основанное на его глубоких познаниях в науке и той узкой области, где он является специалистом. Такое заключение по поставленным ему вопросам эксперт может и в состоянии дать и в кабинетной тиши, вдали от тех самых материалов дела, которые порой чисто по-человечески могут оказать не самое полезное влияние на его заключение.

Так вот, в томе № 3 дела, который *дополнительно* представил следователь экспертам, и на который сослались в своем заключении от 27/IX-77 г. уважаемые тов. эксперты, как раз и появились через год после трагедии показания т. н. очевидцев случившегося: Неделко, Журба и несовершеннолетнего Вранчану Степана, показания некоторых других свидетелей, одежда потерпевшей. И моя задача, видимо, и состоит в том, чтобы показать вам, товарищи судьи, насколько это был доброкачественный материал и какое влияние оказало все это на экспертное заключение.

Еще задолго до того, как основные свидетели обвинения — Журба, Неделко и Врынчану С. — дали показания, что они являлись *очевидцами* случившегося (а заявили они об этом спустя год и более, в 1977 г.) по селу ходили слухи, поддерживаемые и потерпевшей, Каврук В. А., о том, что девочка была сбита автомашиной Пилы Г. Г., что к этому причастен Барбу С. Г., что труп перевезли на территорию склада и т. п. С большей или меньшей степенью вероятности можно проследить как и почему возникли все эти домыслы.

По всему было видно, что смерть девочки насильственная (во рту и носу была земля, в ладонях зажата земля и пр.). Однако, на теле погибшей и, в частности, на ее лице *крови не было*.

Отсюда заключили, что преступник, замечая следы, *смыл* кровь на лице девочки.

Но смыть кровь можно было здесь же, любой влажной тряпкой. Однако, кто же и зачем снял с девочки один туфель, почему он оказался рядом с трупом?

И возникает домысел, что смыли кровь не здесь, что труп *увезли* куда-то, там *снимали туфельки, колготки*, обмыли кровь на лице и теле, затем одели девочку, *потеряв*

при этом один туфель, нашли затем его, привезли труп на территорию склада, положив рядом туфельку.

О том, что крови на лице и теле девочки могло не быть, т. к. помимо трех небольших ссадин на лице, других повреждений у нее обнаружено не было (см. Акт суд. мед. экспертиз), что туфель мог слететь с ноги девочки в результате предсмертной агонии, что если бы лицо обмывали, то смыли бы и землю во рту и в носу, что не было никакого смысла *увозить* труп со склада к рыпе (оврагу), за 400-500 метров, а затем *вновь привозить его обратно* — во двор склада — все эти соображения в голову авторов всех этих вымыслов как-то не приходили.

Дальше — больше.

Если труп увозили и привозили на склад, следовательно, был транспорт, была машина. И конечно же, так как все это происходило среди бела дня, не могло все это обойтись без заведующего складом — Барбу С. Г., который весь день был на складе, и даже без сторожа Давида, который тоже находился там.

— Но чья была машина?

Как появилась во всех этих домыслах машина Пила Г. Г. установить несложно.

Дело в том, что у Председателя Исполкома сельсовета Пила Г. Г. была не только собственная автомашина "Москвич-412", но и немало недругов в селе: у одного по указанию Председателя Исполкома изъяли часть приусадебного участка, другого — за управление машиной в нетрезвом состоянии — лишили водительских прав, третьему — отказали в выделении земельного участка под застройку дома и т. д.

"Вскоре после случившегося, — показал в суде Пила Г. Г., — Каврук Вера предъявила мне претензию, что я сшиб ее дочь. При этом она сослалась на Арнаут Марию. Когда Арнаут М. была в Сельсовете, я спросил ее, зачем она распространяет такие сплетни, ведь она хорошо знает, что 29/III я был в гараже, ремонтировал машину. Но она сказала, что в гараже я был не 29/III, а 27/III".

Подтвердила данное обстоятельство и Каврук В., которая пояснила:

"Про Пилу Г. Г. мне первой сказала Арнаут Мария, я ему это сказала, он вызвал Арнаут М., ругал".

Установлено, что с семьей Арнаут у Пила Г. Г. существовали крайне *неприятные отношения*.

В свое время Председатель Исполкома подписал акт, составленный инспектором ГАИ, об управлении в нетрезвом состоянии автотранспортом Арнаут Сергеем — родным братом мужа Арнаут Марии (см. справку ГАИ).

Арнаут Сергей затаил злобу, в августе 1976 г. он *стрелял* в дом Пила Г. Г. из *охотничьего* ружья (см. Выписку из протокола № 22 от 15/VIII-76 г. по обсуждению поведения Арнаут Сергея Ивановича).

Таким образом, в том, что к домыслам о причастности Пила к случившемуся имела отношение Арнаут Мария — нет ничего удивительного, как нет ничего удивительного и в том, что она не подтвердила *алиби* Пила, т. е. нахождение его в гараже 29/III-76 г.

Чем больше Пила Г. Г. настаивал на своем алиби, а допрошенные по делу свидетели опровергали его (допрашивались они через много месяцев после случившегося и здесь не исключена возможность добросовестного заблуждения), тем больше подозрений Пила навлекал на себя...

Так, задолго до появления показаний "очевидцев", еще в 1976 г., возник домысел, легенда о причастности к гибели Каврук Е. — Пила Г. Г., Барбу С. Г. и сторожа Давида.

Защита берет на себя смелость говорить о *сплетне, о вымыслах, о домыслах, о легенде* — поскольку тогда, в 1976 г. были только слухи, только *разговоры* — и не было *главного — очевидцев, доказательств*, которыми можно было бы все это подтвердить.

Тот факт, что та версия, к которой впоследствии, в 1977 г., были подключены "очевидцы", существовала задолго до их показаний, еще в 1976 г., подтверждается целым рядом доказательств.

Так:

Допрошенная на следствии потерпевшая Каврук В. А. прямо заявила следователю:

"Я подумала, что наверное на Лену упал транспортер, так как он находился не там, где я его видела и уже не стоял, а лежал. Через 7-мь дней после похорон по селу стали распространяться слухи, что убили Пила и Барбу. (т. 3 л. д. 181)

Подтверждается это и тем, что еще задолго до показаний "очевидцев", в 1976 году, неоднократно допрашивались Пила и Барбу С. (см. их показания), был задержан по подозрению в автоаварии и содержался в КПЗ с 23-го по 26-ое декабря 1976 года Барбу С. Г. (Постановление приобщено судом к делу по ходатайству защиты), был допрошен целый ряд свидетелей с целью опровержения показаний Пила об алиби — нахождении 29/III-76 г. в гараже (свид. Буня Н., Буня И., Авдеенко, Буня А., Адамицу, Арнаут Мария и Петр и др. — все они были допрошены в 1976 г.), была допрошена свид. Мокану Георгина, которая якобы 29/III-76 г. платила за газ и видела машину Пила и др. В это время, в 1976 г., возник конфликт между потерпевшей, Каврук В., и свид. Давид С. Н. из-за того, что она допытывалась у него: "Как вы убили мою дочь?" (мы, конечно, помним ее показания в суде), в результате чего Давид стал выражаться в ее адрес нецензурной бранью, за что он был подвергнут 25/IX-76 г. аресту на 10-ть суток (см. Постановление о применении административного наказания в отношении Давида С. Н. от 25/IX-76 г. — истребовалось судом и было обзрено в суд.заседании). Тот факт, что еще задолго до показаний Неделко, Журбы и Врынчану С. уже сложилась версия о причастности к случившемуся Пила и Барбу, подтверждается и Постановлением следователя т. Махлина от 11/VIII-76 г. о прекращении дела, в котором он, в частности, пишет:

"По жалобе Каврук В., в которой она заявила, что дочь была сбита легковым автомобилем, затем задушена и перевезена на территорию склада, 7/VII-76 г. была произведена эксгумация трупа и т. д." (т. 1 л. д. 95, 96).

Итак, были домыслы, были слухи, в которые слепо поверил и следователь, который словно только и ждал их подтверждения. Но не было главного: не было очевидцев, не было доказательств.

И тогда 10/1-77 г. следователем т. Махлиным было вынесено Постановление о приостановлении следствия в связи с тем, что "лицо, совершившее преступление, уста-

новить не удалось, что все следственные действия выполнены и пр." (т. 2 л. д. 108).

10/1-77 г. следователь вынес Постановление о приостановлении следствия. А через 10-ть дней, 20/1-77 г., им уже было вынесено Постановление о возобновлении расследования (т. 2 л. д. 109).

Поводом к этому послужили появившиеся 20/1-77 г. показания свид. Журба о том, что он является очевидцем случившегося (т. 2 л. д. 110).

Через две недели, 2/II-77 г., появился новый очевидец — Неделко В. Г. (т. 2 л. д. 144).

А еще через пять месяцев, 22/VI-77 г., появился и третий очевидец — Врынчану С. (т. 3 л. д. 48).

Наконец-то появились в деле долгожданные очевидцы, которые подтвердили те слухи и домыслы, которые задолго до их показаний ходили по селу!

И не обратил следователь внимания на то странное обстоятельство, что все трое "очевидцев" были друзьями-приятелями, которые часто собирались в кочегарке у Неделко, где вместе с ним *распивали вино и играли в карты*. Это они подтвердили в суде.

Не обратил внимание на то, что все трое крайне *нелепно характеризовались*.

Несовершеннолетний Врынчану Степан вместо школы систематически пропадал в кочегарке у Неделко, где они распивали спиртное, играли в карты. Из приобщенной к делу характеристики школы усматривается, что Степан "недобросовестно относился к труду. Нарушал правила поведения учащихся, много прогуливал, поведение его в школе *неудовлетворительно*".

Поведение Степана систематически обсуждалось на административной комиссии Сельсовета, за что родители его подвергались штрафам, а сам он числился в списках *трудновоспитуемых* детей (см. Выписку из протокола заседаний административной комиссии — приобщена к делу).

Журба В. В. за период проживания на территории Сельсовета почти *не работал*, не состоял на учете в Сельсовете в течение 5-ти лет, бывали случаи появления в общественных местах в нетрезвом состоянии, часто учинял драки в семье и в общественных местах. Его поведение

обсуждалось на заседании административной комиссии и товарищеском суде (см. характеристику Сельсовета — приобщена к делу).

Не отличался от них и Неделко, который часто менял места работы, допускал прогулы и появление на работе в нетрезвом состоянии, избивал жену и свекровь, а так же дрался с жителями села, за что неоднократно вызывался для бесед в Сельсовет (см. характеристику Сельсовета — приобщена к делу).

Характерно, что и в судебное заседание Неделко явился в состоянии сильного алкогольного опьянения, в связи с чем по ходатайству защиты, которое поддержал и прокурор, допрос его был прекращен, перенесен на другой день, а Неделко направлен в вытрезвитель (см. письменное ходатайство адвоката и Определение суда от 16/1-78 г.).

О приобщении к делу всех указанных документов защитой дважды возбуждались ходатайства перед судом.

На все это, повторяем, следователь не обратил никакого внимания, и не только слепо пошел на поводу показаний Неделко, Журбы и Врынчану, но и принял необходимые меры к тому, чтобы искусственно устранить те резкие противоречия, которые появились в их показаниях.

Не обратил внимание следователь и еще на одну немаловажную деталь.

Невзирая на наличие еще в 1976 г. всевозможных слухов о причастности к случившемуся Пила и Барба, вызов на допросы десятков людей с. Баурчи-Молдован, о чем не могли не знать жители этого села Журба, Неделко и Врынчану С., последние, однако, в течение года и более никому не говорили, что являлись очевидцами случившегося (см. их показания). Несовершеннолетний Врынчану С. ни ранее, ни впоследствии не поставил в известность об этом и своих родителей (см. показания отца и матери Врынчану С.). Ссылка свид. Журба, Неделко и Врынчану С. на то, что они не сообщали никому, что являлись очевидцами случившегося, т. к. им был дан знак молчать (приложен палец к губам), а Неделко — на то, что ему за молчание было обещано вознаграждение, — является голословной и необидительной, тем более, что между Неделко и Пила Г. Г. существовали неприязненные отношения.

Нельзя не обратить внимание и на следующее: в мае м-це 1976 г. по указанию Пила был отчислен из детского сада ребенок Неделко (об этом я скажу позже). Стал ли бы Пила делать это, обострять отношения с Неделко, зная, что последний являлся очевидцем случившегося?

— Чем можно объяснить, что даже после этого, в мае 1976 г., Неделко не сообщил никому о преступлении Пила?

Представляется, что сам по себе данный факт, умолчание о случившемся на протяжении целого года и более, при том, что об этом ходили слухи и велось следствие, внушал самое серьезное сомнение в достоверности показаний свид. Неделко, Журба и Врынчану С.

Но главное даже не в этом. Позволю себе сделать небольшой обзор их показаний.

1. О показаниях "очевидца" Журба.

Можно ли при оценке этих показаний не учитывать следующего?

а) Показания о том, что он является очевидцем случившегося, свид. Журба В. В. дал *впервые* 20/1-77 г. (т. 2 л. д. 110).

20/1-77 г. Журба находился под стражей, в КПЗ, куда он был водворен 17/1-77 г. и где он до 22/1-77 г. дожидался решения своей участи (решение о наказании Журба — 15-ть суток ареста — было вынесено почему-то только 22/1-77 г., т. е. после дачи им указанных показаний — см. Постановление Кагульского нарсуда от 22/1-77 г., где имеется пометка о том, что Журба был задержан 17/1-77 г. — затребовано судом по ходатайству защиты и обозревалось судом).

Очевидно, что уже по одному этому, в связи с тем, что Журба давал показания, находясь под арестом, в ожидании решения своей судьбы, к его показаниям надлежало относиться критически, имея в виду, что Журба мог сделать это заявление, желая облегчить свою участь.

б) Допрошенный по этому поводу свид Брашовяну А. П. при допросе 11/X-77 г. (показания были оглашены в суде) показал, что в январе м-це 1977 года он находился в КПЗ вместе с Журба В.

"Журба нам говорил, — показал этот свидетель, — что ему якобы следователь говорил, что если он расскажет о происшествии с девочкой в с.

Баурчи-Молдован, то его раньше отпустят домой".

И далее:

"Журба говорил, что его якобы следователь упросил сказать, что он видел наезд". (т. 3 л. д. 85, 86)

Спору нет, суд был вправе доверять или не доверять данным показаниям свид. БРАШОВЯНУ. Но бесспорно и другое: свое отношение к показаниям этого свидетеля суд обязан в приговоре мотивировать (требование руководящего Постановления Пленума Верховного суда СССР № 4 от 30/VI-69 г. (п. 4) "О судебном приговоре").

На допросе 20/1-77 г. (а эти показания Журба явились основанием для возобновления следствия и ареста 27/1-77 г. Барбу С. Г. — т. 2 л. д. 230), свид. Журба В. заявил, что он являлся очевидцем наезда на Каврук Е. и очевидцем того, как сторож Давид понес девочку на руках на территорию склада, где положил ее, а так же положил ей на шею какой-то железный предмет.

"29/III-76 г., — показал Журба 20/1-77 г., — я был у дедушки, пил вино, потом пошел домой. Я увидел, что около ворот лежала убитая девочка. Она была сбита буфером автомашины, правой стороной.

И далее:

"Сторож Давид взял эту девочку, понес на территорию склада на руках и положил ее возле труб у туалета, на шею ей положил железяку.

И далее:

"Когда железный предмет Давид положил ей на шею, то она лежала на земле" (т. 2 л. д. 111).

Аналогичные показания дал Журба В. и на допросе в помещении Кагульского РОВД 22/1-77 г. (показания записаны на магнитофонную пленку):

"Девочка была сбита буфером машины с правой стороны. Они заставили сторожа отнести девочку и т. д." (т. 2 л. д. 142).

Говорил об этом Журба и на допросе 25/1-77 г., который производился в присутствии прокурора т. Кушнир М. А.:

“У деда я выпил около одного литра вина. Ничем не закусывал, вышел на улицу...

Около ворот, в полусогнутом состоянии спиной к воротам, находилась девочка Каврук.

Машина ехала со стороны школы...

В 1,5 метрах от ворот, когда она находилась чуть выпрямившись, то на нее был совершен толчек *передней частью машины*, правым буфером. Она была отброшена лицом к машине.”

И далее:

“Пила и Барбу позвали сторожа Давида...

Давид взял девочку на руки и понес ее к трубам и железякам у забора, где положил. Рядом с ней находилась железяка прямоугольной формы, он положил ее частично на спину, а часть на шею” (т. 2 л. д. 112-114).

И далее:

“Сейчас я вспомнил, что девочку машина ударила в область живота, когда она была в полусогнутом состоянии”. (т. 2 л. д. 117)

Об этом говорил Журба и на очной ставке с Давид С. Н., 26/1-77 г., в присутствии прокурора Кушнир М. А.:

“Я увидел, как машиной, *передней частью*, была сбита девочка.

Сторожа они заставили отнести ее к туалету, где он положил ее у труб, на шею положил какой-то угольник металлический”. (т. 2 л. д. 122-об.).

На очной ставке с Барбу 27/1-77 г. свид. Журба заявил:

“Хочу уточнить, что она была сбита радиатором, *передней частью*...

Удар нанесли с правой стороны, в двух метрах от ворот”. (т. 2 л. д. 125)

Говорил об этом и на очной ставке с Пила Г. Г., 28/1-77 г.:

“Я видел, как машина сбита девочку радиатором и она отлетела на полметра в сторону.

До столкновения девочка сидела на корточках на расстоянии примерно одного метра от ворот" (т. 2 л. д. 127)

Итак, показания на 6-ти допросах, на 3-х очных ставках, с записью на магнитофонную пленку, в присутствии прокурора Кушнир М. А.!

А 3/II-77 г. Журба сознался, что он вводил следствие в заблуждение, что он не является очевидцем наезда на девочку, что он не видел, как сторож Давид нес девочку, что ее якобы несли Пила и Барбу, за ноги нес Пила, за голову — Барбу, что не Давид, а Барбу положил на Каврук Е. железку (т. 2 л. д. 148).

— Что же осталось от первоначальных показаний Журба, тех самых, на основании которых было возобновлено расследование и арестован Барбу?

— Ничего.

— Почему же, в силу каких причин отказался Журба от всех своих первоначальных показаний и сознался в том, что он не являлся очевидцем случившегося?

В судебном заседании выяснилось, что все первоначальные показания Журба на 6-ти допросах, в том числе и в присутствии прокурора, никак не вязались с теми показаниями, которые дал впервые допрошенный на следствии 2/II-77 г. свид. Неделко В. Г. (т. 2 л. д. 144), в связи с чем следователь т. Махлин 3/II-77 г. с грубым нарушением требований ст. 138 УПК МССР произвел допрос Неделко в присутствии Журба, а затем — допрос Журба в присутствии Неделко (см. протоколы допросов — т. 2 л. д. 148 и т. 2 л. д. 167).

"После того, как я услышал показания Неделко, — показал в суде Журба, — я вспомнил, что я лично не видел наезда и знаю об этом по рассказу Неделко.

Об этом же заявил Журба и на допросе следователю 4/II-77 г.:

"Я раньше говорил, что видел, как машина сбила девочку передней частью, но когда Неделко мне рассказал, что сбила задней частью, я вспомнил, что видел только, как выносили девочку..." (т. 2 л. д. 152)

Об этом же говорил Журба и на допросе 7/II-77 г.:

"Когда Неделко меня встретил в *прокуратуре*, он мне рассказал, что сбили задней частью, и я вспомнил.

Я ошибся и сказал неправильно — что видел, как сбили и т. д.". (т. 2 л. д. 156 — показания записаны на магнитофонную пленку).

На вопрос защиты в судебном заседании свид. Журба пояснил:

"О том, что машина сбила девочку *передней* частью, мне рассказывал Неделко в кочегарке.

О том, что девочку нес сторож Давид также рассказывал Неделко".

Показания Журба о том, что они допрашивались на следствии в присутствии друг друга, подтвердил в суде свид. Неделко, который высказал предположение о том, что это была очная ставка.

Из приобщенной к делу справки следователя т. Махлина усматривается, что очная ставка между свидетелями Журба и Неделко не проводилась, что лишний раз свидетельствует о грубом нарушении требований ст. 138 УПК при допросе свид. Неделко и Журба и *искусственном устранении серьезных противоречий в их показаниях.*

Допустимо ли на подобных показаниях "очевидца" Журба, который, по сути, признался в том, что им был сделан *ложный донос*, строить обвинение?

2. О показаниях "очевидцев" Неделко В. Г. и Врынчану С.

При оценке показаний свид. Неделко В. Г. и Врынчану С. нельзя не учитывать следующего:

а) Из показаний в суде свид. Неделко В. Г. и его жены, Неделко Е. И., усматривается, что между ними и Пила Г. Г. сложились крайне неприязненные отношения на почве того, что они неоднократно обращались к Пила Г. Г. как председателю Исполкома Сельсовета с просьбой выделить им участок под застройку дома, а Пила им в этом отказывал и предлагал строиться на участке их родителей. Помимо этого, в мае м-це 1976 года по указанию Пила Г. Г. был отчислен из детского сада их ребенок.

Эти показания свид. Неделко В. Г. и Е. И. подтвердил в суде и свид. Пила Г. Г. Очевидно, что уже по одному этому к показаниям Неделко В. Г. и его жены надлежало относиться критически.

б) В течение года после случившегося Неделко никому не рассказывал о том, что он являлся очевидцем случившегося.

Из объяснений Неделко в суде усматривается, что он часто выпивает, редкий посетитель приходит мыться в кочегарку, не преподнося ему спиртного, он даже в судебное заседание явился в нетрезвом состоянии.

Вряд ли мыслимо, чтобы, даже находясь в нетрезвом состоянии, Неделко в течение года никому из односельчан не рассказал о том, что он являлся очевидцем случившегося.

в) Показания Неделко крайне противоречивы. Он, в частности, не подтвердил показаний в суде Журба В. В. о том, что он ему рассказывал, что якобы машина сбила девочку *передней частью*.

Не подтвердил он в суде и показаний Журба о том, что рассказывал ему, что якобы *сторож Давид нес девочку к туалету*, положил ей на спину железо и т. д.

г) На многочисленных допросах в процессе следствия Неделко ничего не говорил о том, что вместе с ним являлся очевидцем случившегося несовершеннолетний Врынчану С.

Начиная с допроса 2/II-77 г. вплоть до 22/VI-77 г., т. е. в течение 5-ти месяцев, Неделко ни на допросах, ни на очных ставках об этом не говорил и утверждал, что он шел на работу один (см. его показания — т. 2 л. д. 144, 153, 167, 171, 178; т. 3 л. д. 11).

И это далеко не случайно, так как Неделко имел возможность убедиться, что Журба, который не без его участия попытался выступить в роли "очевидца", не только ничем не помог ему, а многое напутал.

— *Стоит ли после этого подключать к делу несовершеннолетнего Врынчану?*

И на протяжении 5-ти м-цев Неделко не пытается этого делать, умалчивает об этом. Только на допросе 22/VI-77 г., через 5-ть месяцев, Неделко *вспомнил* о том, что он шел на работу не один, а с Врынчану Степаном, который тоже видел случившееся (т. 3 л. д. 43).

После этого заявления Неделко в деле появился новый "очевидец", Врынчану С., который еще на следствии признал, что, как давать показания следователю, его учил Неделко (т. 3 л. д. 51-й об.) см. ниже.

д) На всех допросах в процессе следствия, вплоть до последнего допроса в день окончания расследования, 28/X-77 г. (т. 3, л. д. 161), Неделко утверждал, что *внутри территории склада игралось четверо детей (два мальчика и две девочки), что машина развернулась у ворот склада и въезжала задним ходом на территорию склада, что девочка была сбита неподалеку от линии ворот склада, что машина проехала упавшую между колесами девочку и она оказалась впереди машины по грудь и т.п.*

Так, на *первом* допросе 2/II-77 г. Неделко показал:

"Я увидел, что на территории склада у ворот игрались два мальчика и две девочки. Примерно в 15 метрах от ворот я увидел, что стала сдавать назад машина. Сдавая назад, он сбил девочку, и она оказалась между колесами и была впереди буфера машины.

Когда он проехал ее, то она оказалась как бы впереди ворот".

И далее:

"Кто-то положил девочку в машину, я не заметил...

Перед тем как сдавать назад, сторож открывал ворота. Об этом мне рассказывал и Журба, с которым мы в тот вечер играли в карты в кочегарке" (т. 2 л. д. 144)

е) На допросе 3/II-77 г. Неделко подтвердил эти показания:

"Я увидел, как в открытые ворота задним ходом стала двигаться машина...

Я увидел, что девочка, лежавшая вниз лицом, оказалась впереди машины" (т. 2 л.д. 167).

В то же время, на этом допросе, вопреки тому, что он говорил на допросе 2/II-77 г., Неделко показал:

"Я увидел, что сзади машины появились Пила и Барбу, подняли девочку...

Давида я здесь не видел". (т. 2 л. д. 167)

На допросе 7/II-77 г. (допрос записан на магнитофонную пленку) Неделко показал:

"Внутри склада игрались две девочки..."

Сначала девочка была живая, потом она оказалась впереди машины" (т. 2 л. д. 171).

Об этом же говорил Неделко и на очной ставке с Пила Г. Г.:

"Я увидел, как в открытые ворота задним ходом стала двигаться автомашина. Лежавшая лицом вниз девочка оказалась впереди машины по грудь".

И далее:

"Когда ее ложили в машину, она была еще жива".
(т. 2 л. д. 178- об., 180)

Примерно такие же показания дал Неделко и на очной ставке с Барбу, 30/III-77 г.

"Я увидел, что на территории склада игрались два мальчика и две девочки..."

Я увидел, как в открытые ворота задним ходом стала двигаться легковая автомашина" (т. 3 л. д. 11-об.).

На допросе 22/VI-77 г., абсолютно уверовав в свою безнаказанность, свид. Неделко стал еще более сгущать краски:

"Машина подъехала к складу, завернулась за колодцем, чтобы заехать на территорию склада задней частью. Здесь за руль сел Барбу... Пила был выпившим, т. к. я увидел, что он шатается.

И далее:

"Барбу вытащил девочку из-под машины, она один раз крикнула из-под машины..."

Барбу подставил два пальца к шее девочки, чтобы она не кричала, а другой рукой закрыл ей рот... Машина поехала в сторону оврага..." (т. 3 л. д. 43)

И далее:

"Я видел, как Барбу и Пила обмыли лицо девочки, снимали колготки, их потрусили, после этого они поехали обратно". (т. 3 л. д. 44)

И далее:

"Врынчану мне рассказал, что машина подъехала к стене склада с тыльной стороны (а Врынчану признался следователю, что это его учил так говорить Неделко — т. 3 л. д. 51-об.), Барбу перепрыгнул через забор, принял из рук Пилы девочку, после чего Пила уехал". (т. 3 л. д. 4)

Характерно, что аналогичные показания давал в это время и несовершеннолетний Врынчану С., о присутствии которого на месте происшествия вдруг "вспомнил" Неделко.

Так, на допросе 21/VI-77 г. Врынчану показал:

"Машина задним ходом стала двигаться на территорию склада, но полностью на территорию склада не заехала...

Задней частью машина сбила девочку".

И далее:

"Мы с Неделко пошли в кочегарку, покупались около 15-ти минут, а затем Неделко предложил мне пойти вновь к складу посмотреть, что будет дальше. Когда мы шли к складу со стороны кочегарки, то увидели, что около склада на дороге стояла та же машина. Барбу перепрыгнул через забор, взял девочку из рук Пилы..." (т. 3 л. д. 49).

И далее:

"Барбу на вытянутых руках нес девочку к туалету во дворе склада...

Видела это Унчук Жоржета и Неделко".

И далее:

"Барбу положил девочку на какой-то железный предмет, а на спину девочке в поясничной области положил две заржавленные трубы" (т. 3 л. д. 49).

И далее:

"Работник милиции, который был в гражданской одежде, в белой рубашке и форменных брюках, на которых был красный кант, убрал с девочки

железные трубы... По весу я думаю эти трубы килограмм 50" (т. 3 л. д. 49-об)

Подтвердил свои показания о том, что "машина задним ходом двигалась на территорию склада, но полностью за ворота не заехала", что "девочка была сбита машиной в 2-3-х метрах от линии ворот склада" (т. 3 л. д. 50-об.), свид. Врынчану, вслед за Неделко, и на допросе 29/VI-77 г., где он показал:

"Она один раз крикнула, тогда Барбу подставил к горлу девочки два пальца". (т. 3 л. д. 50-об.)

В то же время на этом допросе Врынчану вынужден был признать, что перед тем, как он пошел на допрос к следователю, Неделко инструктировал его, что следует говорить на допросе и чего не следует говорить.

Врынчану здесь показал:

"В воскресенье, 19/VI-77 г., я пришел к Неделко отнести повестку в прокуратуру. Здесь Неделко попросил меня на следствии сказать, что якобы я не видел момент наезда машины на девочку, а сказать, что я видел только как девочку положили во двор склада".

И далее:

"Он же попросил сказать, что якобы Барбу перепрыгнул через забор, а также положил на тело девочки железный предмет" (т. 3 л. д. 51-об.)

И далее:

"Я не видел, чтоб на девочку клали какой-либо предмет" (там же).

Эти показания Врынчану полностью соответствуют тому заявлению, которое его родители и он отправили в адрес Генерального прокурора СССР и в котором значится:

"Просим разобраться с гр. Неделко, потому что он заставляет моего ребенка Врынчану Степана говорить неправду и т. д." (см. указанное заявление — приобщено к делу по ходатайству защиты).

Таковы были показания Неделко и Врынчану почти до самого окончания расследования. Однако, 15/VI-77 г. комиссионная суд. мед. экспертиза при НИИ Минздрава СССР дала заключение о том, что смерть Каврук наступила

не в результате механической травмы шейного отдела позвоночника, как это утверждалось экспертизой от 10/XII-76 г. (т. 2 л. д. 47, 57), а в результате *механической асфиксии* (т. 2 л. д. 247, 249).

Это заключение в корне не устраивало следователя, оно никак не вязалось с показаниями Неделко и Врынчану, в связи с чем следователем 12/VII-77 г. было вынесено Постановление о назначении повторной суд.мед.экспертизы, в котором, в частности, указывалось на то, что

"Выводы экспертов о механической асфиксии не соответствуют материалам дела" (т. 3 л. д. 52).

Однако и повторная экспертиза от 27/IX-77 г. подтвердила выводы экспертизы от 15/VI-77 г. (т. 3 л. д. 60, 64). Только после этого *дети, которые ранее, по показаниям Неделко и Врынчану, играли внутри территории склада, вдруг стали играть за территорией склада, у землянки, а машина, которая ранее двигалась задним ходом на территорию склада, вдруг стала двигаться задним ходом с территории склада, а девочка Каврук, которая ранее (по показаниям Неделко и Врынчану) была якобы сбита на ровной поверхности, в 2-3-х метрах от линии ворот склада, вдруг оказалась сбитой на косогоре, у землянки.*

К этому теперь стали сводиться показания Неделко от 28/X-77 г., где он заявил:

"Я увидел, как машина стала двигаться задним ходом в сторону землянки... Около землянки игрались две девочки... Девочка упала под машину, ноги ее выступали из-под задней части машины на полметра и т. д." (т. 3 л. д. 161).

Такое же освещение приобрели эти события и в показаниях Врынчану от 27/X-77 г. и 22/IX-77 г. (т. 3 л. д. 108, 229).

Именно так теперь освещены все эти события в Обвинительном заключении.

Была и еще одна причина, которая заставила Неделко отказаться от показаний о том, что машина проехала лежавшую между колесами девочку и она оказалась впереди машины по грудь.

28/X-77 г. следователем был произведен следственный эксперимент, которым было установлено, что

"При движении передней частью манекен не проходит переднюю балку переднего моста" (т. 3 л. д. 237)?!!

ж) При оценке показаний Неделко и Врынчану С. нельзя не учитывать того, что несовершеннолетний Врынчану находился под влиянием Неделко, который, будучи значительно старше его по возрасту, имея жену и детей, дружил с Врынчану, последний часто приходил к нему в кочегарку, где они распивали спиртные напитки, играли в карты и пр. В этой же кампании находился и Журба. Представляется, что на подобных противоречивых показаниях Неделко, Врынчану С. и Журба строить обвинение нельзя, тем более, что, как указывалось, их показания на определенных этапах корректировались лицом, имеющим отношение к расследованию дела."

Заключительная часть моей речи была посвящена критике заключений судебно-медицинских и трасологических экспертиз.

"В указанных заключениях, — говорил в речи адвокат, — имеются самые серьезные противоречия по главному вопросу: о причине смерти Е. Каврук.

В частности:

В акте экспертизы от 10/XII-76 г. значится:

п. 2 Смерть Каврук К. наступила от механической травмы шейного отдела позвоночника, возможно в комбинации с повреждением других внутренних органов и закрытием дыхательных отверстий землей.

п. 3. Травма шейного отдела позвоночника (перелом левого поперечного отростка 7-го шейного позвонка) и ссадины на лице возникли от действия различных твердых тупых предметов или при ударе о таковые (т. 2 л. д. 56, 57).

В акте экспертизы от 21/IX-77 г. значится:

Смерть Каврук последовала от механической асфиксии, которая наступила в результате придавливания ее тела (лица, шеи, туловища) к грунту...

Повреждение 7-го шейного позвонка, выявленное при исследовании эксгумированного трупа, является результатом отделения реберного корешка поперечного отростка в результате гниения и последующих манипуляций, связанных со вскрытием трупа. (т. 3 л. д. 60-64)

К изложенному нельзя не добавить, что по заключению Комиссионной суд. мед. экспертизы от 15/VI-77 г., проведенной в НИИ судебной медицины Минздрава СССР (а это заключение подтвердила и экспертиза от 27/IX-77 г.):

"Повреждение поперечного отростка 7-го шейного позвонка... не характерно для смерти от механической, в том числе и транспортной травмы (т. 2 л. д. 248).

— *Какому же из этих заключений можно верить?*

— *Допустимо ли в судебном приговоре признавать достоверными два взаимоисключающих, противоречащих друг другу экспертных заключения?*

Те противоречия, которые возникли между указанными заключениями экспертиз в процессе следствия *не были устранены и в судебном заседании*, в результате чего даже на те общие вопросы, которые были поставлены перед ними судом, эксперты т. т. Тишин и Ботезату *не смогли дать единого заключения*. (см. Определение суда от 18/1-78 г. о постановке вопросов перед экспертами и Заключение экспертов в суде).

По-прежнему, по мнению **эксперта т. Тишина**, смерть Каврук наступила *от механической асфиксии* (п. 2 заключения), прижизненных повреждений шейного отдела позвоночника не имелось (п. 19 заключения).

По мнению **эксперта т. Ботезату**, смерть Каврук последовала от механической травмы *шейного отдела позвоночника* (повреждение 7-го шейного позвонка), возможно, в комбинации с повреждением внутренних органов и т. д. (п. 1 и II заключения).

Повреждение шейного отдела позвоночника *характерно для транспортной травмы* (п. II заключения).

Совершенно очевидно, что при таких обстоятельствах и с учетом тех серьезных *противоречий*, которые возникли между заключением суд. мед. экспертиз суд обязан был в соответствии со ст.ст. 65 и 264 УПК МССР назначить и провести *повторную* экспертизу, о чем защитой и было возбуждено ходатайство.

Однако указанное ходатайство защиты, как известно, было судом *безмотивно отклонено* (см. письменное хода-

тайство адвоката от 23/1-78 г. и Определение суда об отклонении ходатайства).

При оценке заключений всех указанных экспертиз нельзя не учитывать и следующего:

1. Все проведенные по делу экспертизы не могли дать категорического заключения о том, что *смерть* Каврук Е. последовала в результате наезда на Каврук Е. автомашины и, в частности, автомашины Москвич-412, принадлежащей гр. Пила Г. Г.

Заключения экспертов в этой части носят *вероятный* характер. А *вероятное* заключение экспертов в соответствии с п. 14 *Руководящего Постановления* Пленума Верховного суда СССР № 1 от 16/III-71 г. *"О судебной экспертизе по уголовным делам"*, не может быть положено в основу приговора.

Очевидно, что только по одному этому суд лишен возможности сослаться в приговоре на заключения указанных экспертиз.

2. В процессе расследования *комиссионная суд. мед. экспертиза* от 27/IX-7 г. дала заключение о том, что *механическая асфиксия*, в результате которой последовала смерть Каврук Е., наступила от придавливания ее тела (лица, шеи, туловища) к грунту выступающими частями нижней поверхности автомобиля (т. 3 л. д. 60-64).

Для подобного утверждения у экспертов не имелось никаких оснований, т. к. *трасологическая экспертиза в процессе следствия не проводилась* (она была проведена лишь в суде), *автомашина абсолютно не исследовалась* и *следственные эксперименты* на предмет возможности *придавливания* к грунту манекена днищем или выступающими частями нижней поверхности автомашины *были проведены* лишь 27 и 28/X-77 г., т. е. *после* дачи экспертами заключения 21/IX-77 г. (см. Протокол воспроизведения показаний Врынчану на месте, фото к протоколу — т. 3 л. д. 229-230, 231-236, протокол следственного эксперимента — т. 3 л. д. 237).

Далеко не случайно поэтому, что в судебном заседании суд. мед. эксперт т. Тишин не смог поддержать этого заключения и сослался на то, что *механическая асфиксия* возникла в результате травмы с *прижатием головы*, лицом к земле (п. 2 заключения), т. е. *исключил* придавливание к грунту шеи и туловища.

При этом т. Тишин пришел к выводу о том, что "придавливание тела к грунту могло быть незначительным, поскольку в результате удара головой о землю девочка должна была потерять сознание, а в таких условиях механическая асфиксия должна была наступить крайне быстро" (п. 17 заключения).

Одновременно, т. Тишин уже не говорит категорически о придавливании девочки днищем автомашины, а ведет речь лишь о "возможности наезда на девочку Каврук автомобиля" (п. 5 Заключения).

Все эти изменения в заключении эксперта произошли потому, что:

а) Проведенные после экспертизы 27/IX-77 г. следственные эксперименты показали, что при проезде манекена автомашиной последний "касался кожуха заднего моста машины, при этом манекен не сдавливался и оставался целым" (т. 3 л. д. 230).

И это при том, что эксперимент проводился на *косогоре*, а не на гладкой дороге! (т. 3 л. д. 229-230).

б) Аналогичные данные были получены и проведенной в суде трасологической экспертизой, где отмечается, что поверхность манекена на участке бюста и бедер лишь *соприкасалась* с выступающими частями днища кузова машины (см. Заключение эксперта-трассолога — стр. 9).

Этим и только этим объясняется то, что эксперт т. Тишин отказался от заключения комиссионной экспертизы от 27/IX-77 г. о придавливании к грунту днищем автомашины тела девочки (лица, шеи, туловища) и ведет речь о наступлении асфиксии в результате удара головой о землю с потерей сознания (это при том, что абсолютно никаких повреждений на голове Каврук не обнаружено — А. М.), с последующим незначительным прижатием лица к грунту и т. п.

3. Материалы дела свидетельствуют о том, что как на следствии, так и в суде ни одна из проведенных суд. мед. экспертиз не имела никаких оснований не только для категорического, но и для вероятного утверждения о наезде на Каврук Е. автомобиля.

Так:

Свое вероятное заключение о возможности наезда на Каврук Е. автомашины эксперт т. ТИШИН В. С. аргументи-

ровал не данными суд. мед. исследований, а ссылкой на множественные разрывы платья по задней его поверхности с наличием гипонидной смазки, признаки контакта девочки с грунтом с передней поверхностью тела, а так же данными трассологической экспертизы" (п. 5 заключения).

Между тем:

а) Известно, что заключение эксперта не должно выходить за пределы его специальных познаний, на что особо обратил внимание Пленум Верховного суда СССР в вышеуказанном Руководящем постановлении, п. 11.

В данном случае, как *отмечалось выше, вероятное заключение* основано не на данных судебной медицины.

б) Несостоятельна ссылка на заключение трассологической экспертизы, поскольку заключение этой экспертизы не является категорическим, а носит *вероятный* характер.

В частности, в исследовательской части заключения эксперта-трассолога значитсся:

"Однако утверждать в *категорической* форме, образованы ли повреждения на платье Каврук выступающими частями автомобиля и какими выступающими частями, *не представляется возможным*, ввиду того что в повреждениях отсутствуют индивидуальные признаки предметов, которыми они могли быть образованы" (стр. 10 заключения)

На основе изложенного эксперт и дал свое заключение:

"п. 3. Установить, образованы ли повреждения на платье выступающими частями автомобиля, *не представляется возможным*" (стр. 11 Заключения).

Обосновывать свое заключение (даже вероятное) вероятным заключением другой экспертизы никакой эксперт (в т. ч. и судебномедицинский) не вправе.

Мало того. Вывод т. Тишина о возможности придавливания головы (лица) к грунту вообще ни на чем не основан, т. к. при экспериментах экспертом-трассологом использовался манекен, в котором голова отсутствовала (см. фото).

в) Несостоятельна ссылка суд. мед. эксперта и на разрывы платья и наличие на нем гипонидной смазки. Прежде всего, гипонидная смазка могла появиться на платье и в

результате его соприкосновения с грунтом. В материалах дела нет сведений об отсутствии на грунте каких-либо загрязняющих веществ. Помимо этого установлено, что после вскрытия трупа одежда погибшей была возвращена родственникам.

Из имеющегося в деле акта суд. мед. исследования трупа от 30/III-76 г. (т. 1 л. д. 7, 8) усматривается, что никаких повреждений на одежде (в том числе и на платье) не имеется. Допрошенный в суде свидетель Думитрашко (эксперт) пояснил, что если бы на одежде имелись повреждения, он бы их описал. Говорил об этом и допрошенный в суде свид. Ковалев (следователь). Однако более чем через три месяца после случившегося потерпевшей Каврук В. было выдано следственным органам платье Лены, на котором имелись разрывы ткани на задней части (см. протокол выдачи платья от 7/VII-76 г. т. 1 л. д. 15).

В качестве вещественного доказательства это платье было приобщено к делу лишь через 1,5 года, 26/X-7 г. (т. 3 л. д. 242).

Где и в каких условиях хранилось платье в течение указанного времени, неизвестно.

Обращает на себя внимание, что платье потерпевшей в декабре м-це 1976 года представлялось для обозрения комиссионной экспертизе и тогда на нем имелись повреждения лишь на задней части (см. акт экспертизы) — т. 2 л. д. 56. А при представлении этого платья на экспертизу в НИИ судебной медицины Минздрава СССР на нем появилось 6-ть повреждений на передней части (см. акт экспертизы от 27/IX-77 г. и рисунки платья — т. 3 л. д. 65, 76).

— Вправе ли был при таких обстоятельствах эксперт исходить в своих научных выводах (даже вероятных) из наличия повреждений и пятен на платье потерпевшей?

Так обстоит вопрос с вероятным заключением эксперта Тишина В. С.

Не имел оснований для вероятного утверждения о наезде на Каврук Е. автомобиля и эксперт т. Ботезату Г. А.

Свое вероятное заключение о наезде на Каврук автомашины эксперт т. Ботезату Г. А. аргументировал следующим образом:

“Таким образом, повреждение седьмого шейного позвонка, по нашему мнению, возникло одновременно с ссадинами лица, шеи и повреждени-

ями одежды от действия твердых тупых предметов, возможно, и более вероятно, частей движущегося автомобиля..." (п. II заключения)

Далее следует ссылка на наличие гипонидной смазки на спинке платья, заключение эксперта-трасолога и данные специальной литературы (п. II заключения, стр. 3, 4).

С этим вероятным заключением эксперта так же нельзя согласиться:

а) В отношении разрывов платья, наличия на нем гипонидной смазки, заключения эксперта-трасолога — вопрос подробно освещен в п. 1, 2, 3 возражений на заключение эксперта т. Тишина В. С.

б) Несостоятельна ссылка эксперта тов. Ботезату Г. А. на повреждение седьмого шейного позвонка, поскольку его заключение в этой части было опровергнуто комиссионными суд.мед.экспертизами, проведенными в НИИ судебной медицины Минздрава СССР 15/IV и 27/IX-77 г. (т. 2 л. д. 247-249; т. 3 л. д. 60, 64). Заключение указанных экспертиз в этой части подтвердил в суде и эксперт т. Тишин В. С. (п. 1, 15, 16 и 19 заключения). Наконец, не вправе был т. Ботезату Г. А. делать вывод о вероятном происхождении повреждения 7-го шейного позвонка в результате транспортной травмы, поскольку в акте комиссионной суд. мед. экспертизы от 15/IV-77 г. по этому поводу значится:

"Изолированное повреждение реберного корешка поперечного отростка 7-го шейного позвонка... не характерно для смерти от механической, в том числе и транспортной травмы" (т. 2 л. д. 248).

Изложенное свидетельствует о том, что никаких оснований не только для категорического, но и для вероятного заключения о гибели Каврук Е. в результате транспортной травмы у экспертов т.т. Тишина В. С. и Ботезату Г. А. не имелось."

...

На основе всего сказанного адвокат и просил в своей речи о вынесении Барбу оправдательного приговора.

Суд, однако, вынес Обвинительный приговор, в котором записал, как мне кажется, нечто неслыханное:

"Барбу, управляя автомашиной "Москвич-412" выезжая задним ходом из ворот склада...на косогор, сбил находившуюся там девочку Каврук, а затем придавил ее нижними выступающими частями авто"

машины (не причинив абсолютно никаких телесных повреждений — А. М.), отчего последняя на месте скончалась" (от асфиксии — А. М.)

По этому поводу в своей речи в суде я говорил:

"Мы часто говорим, тов. судьи, об уважении к закону, о том, что суд всей своей деятельностью должен воспитывать в этом граждан и что в этом ему должны помогать и все мы, участники процесса: и прокурор, и адвокат, и эксперт... Но я думаю сейчас даже не о том, с каким чувством покинут этот зал присутствующие на этом процессе в случае осуждения Барбу, что будет твориться в их душе.

Я думаю больше о них, об этих молодых, но уже сбившихся с пути, — о Неделко, Журба, несовершеннолетнем Врынчану. Сохранится ли у них в этом случае на всю их жизнь уважение к закону, не станут ли они думать о нем плохо?

Не случится ли так, что соберутся они где-нибудь опять в кочегарке у Неделко и за стаканом водки и картежной игрой, потирая руки и пьяно ухмыляясь, не скажут ли: А как ловко мы их! А ведь все это и не так уж сложно: наговорили, наболтали бог не весть чего — и погляди как все закрутилось, завертелось, аж до самой Столицы докатилось! А там, гляди, какие ученые, какие умные дяди нас поддержали. Чудеса, да и все. Ловко мы их! Вы знаете, уже только по одному этому, чтоб не восторжествовали вот такие и подобные им Неделки, нельзя допустить осуждения Барбу."

...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

После отклонения жалобы защиты кассационной инстанцией, я обратился с жалобами о пересмотре дела в порядке надзора.

Однако в связи с предстоящим через несколько месяцев условно-досрочным освобождением от наказания, Барбу С. Г. от дальнейшего обжалования приговора категорически отказался.

Ведь в случае удовлетворения жалобы защиты и возвращения дела на дополнительное расследование, мера пресечения Барбу С. Г. (содержание под стражей) вряд ли была бы изменена, и он в течение длительного времени продолжал бы находиться под стражей.

Так что упрекать его за подобное решение вряд ли можно.

Дело врача Александра Дунского

Это дело имело принципиальное значение в связи с отсутствием в судебной практике четкого разграничения дачи взятки от покушения на дачу взятки.

Совсем не случайно поэтому, что после его завершения в Бюллетене Верховного суда СССР № 3 за 1970 г. дело Дунского было опубликовано под рубрикой: *“Дача взятки может считаться законченным преступлением лишь при условии согласия должностного лица на получение того или иного вознаграждения”*.

Добиться внесения в приговор соответствующего изменения, тем более, что вопрос этот увязывался с просьбой о снижении Дунскому наказания, было совсем непросто, и как это все было сделано, показано ниже.

После того, как со всех судебно-прокурорских инстанций Молдавии на мои жалобы поступили отрицательные ответы, я обратился с жалобой в Верховный Суд СССР.

Из досье адвоката

Председателю Верховного Суда СССР

Адвоката Мове А. Л.,
Мособлюрконсультация
Москва, Баррикадная ул., 8

По делу

Дунского Александра Леонтьевича,
осужденного приговором коллегии
Верховного суда МССР от 5/IX-
1968 г. по ст. 188 УК к 7 годам
лишения свободы

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

То, что случилось в настоящем деле с врачом Дунским А. Л., не может не привлечь к себе внимания.

ДУНСКИЙ — сравнительно молодой человек, 1935 г. рождения. По окончании 10 классов средней школы, он в течение 2 лет, с 1954 по 1956 гг., служил в Советской армии, а затем в течение 5 лет учился в Киеве, в Украинской Академии сельскохозяйственных наук. Окончив с отличием Академию, Дунский с 1962 г. был направлен на работу в сельскую местность, в Бричанский район МССР.

Здесь, в Бричанах, Дунский работал сначала главным ветврачем совхоза "Победа", затем главным ветврачем Липканской ветлечебницы и, наконец, главным врачом Производственного управления, главным ветврачом Бричанского района.

Из показаний многочисленных свидетелей, из имеющихся в деле документов усматривается, что за время работы Дунский показал себя способным, знающим специалистом.

"Много труда и энергии отдал он делу-подъему продуктивности животноводства, снижению заболеваемости скота, — говорится о нем в производственной характеристике. Умело организовал работу государственной и колхозной ветеринарной сети, активно участвовал в общественной жизни, пользовался авторитетом в районе (см. характеристики — л. д. 93-94).

За высокие производственные показатели Дунский неоднократно поощрялся, а в 1967 г., в связи с 50-летием Советской власти, он был награжден медалью "За трудовое отличие" (см. удостоверение и медаль — представлялось суду для обозрения).

Из сказанного явствует, что врач Дунский стоял на верном пути, что своим трудом он приносил немалую пользу обществу. Если к тому же учесть ту большую нужду в ветеринарных работниках, которую испытывает наше сельское хозяйство, станет понятным, что в районе были крайне заинтересованы в сохранении этого работника... Однако случилось непредвиденное.

В январе 1968 г. Бричанским райотделом милиции против Дунского было возбуждено уголовное дело и ему было предъявлено обвинение в хищении государственного имущества. Поводом к возбуждению дела послужило следующее:

Бричанский район остро нуждался в специалистах-ветеринарах. Но привлечь их на работу не представлялось

никакой возможности из-за отсутствия жилья, на строительство которого не выделялось никаких средств. Не видя выхода из создавшегося положения, Дунский решил использовать деньги, предназначенные на капитальный ремонт, на строительство хозяйственным способом жилых домов для работников ветстанции. Причем, вопрос этот был согласован с начальником Производственного управления, с председателем Райисполкома, с Райкомом партии. Все они, по сути, не отрицают этого, да и как можно отрицать, если дома строились буквально на их глазах.

В этих действиях Дунского органы милиции увидели состав уголовного преступления, да к тому же еще и заподозрили его в хищении денежных средств.

“Я говорил работникам милиции Скоричу и Суржко, что денег не брал, просил их во всем разобраться”, — показал Дунский в суде (л. д. 244). Но все было тщетно.

Врача Дунского арестовали и посадили на 3-е суток в КПЗ.

“Потом Скорич, — рассказывает Дунский, — повез меня к прокурору, но тот санкцию на арест не дал. После того как мы приехали от прокурора, Скорич заставил меня написать расписку, что я принесу деньги. На следующий день я принес деньги и Скорич заставил меня написать расписку на имя Суржко... На следующий день было партийное собрание, меня разбирали, говорили, что я присвоил 1.500 руб.” (л. д. 244)

И далее:

“2-го февраля я внес в кассу милиции 666 руб. ... В этот же день состоялось партийное собрание по письму, представленному органами милиции, где я обвинялся в хищении более 1.500 руб.” (л. д. 35).

Не отрицают всех этих обстоятельств работники милиции Скорич и Суржко. В частности, Суржко в суде показала: “Я просила санкцию на арест Дунского” (л. д. 248).

Забегая вперед, скажем, что впоследствии возбужденное против Дунского дело по признакам ст. 184 ч. 1 и 123 ч. 2 УК МССР было производством прекращено за отсутствием состава преступления (л. д. 54). И хотя это постановление затем было отменено, но после доследования дело было вновь прекращено по тем же основаниям (в этом

можно убедиться, истребовав из Прокуратуры Бричанского р-на указанное дело).

Но все это было впоследствии... Пока же можно себе представить душевное состояние врача Дунского, против которого совершенно безосновательно было выдвинуто столь тяжкое обвинение и которого всячески стали третировать.

Касаясь обстоятельств передачи денег сотруднику милиции Скоричу, Дунский на следствии показал: "В этот же день состоялось партийное собрание по письму, представленному органами милиции, где я обвинялся в хищении более 1500 руб. Я растревожился этим несправедливым обвинением, не спал всю ночь и утром пошел в РОМ поговорить со Скоричем..." (л. д. 36).

И далее:

На вопрос следователя: "В связи с чем вы дали взятку?"

"В связи с тем, что мне незаконно предъявлено обвинение в хищении более 1500 руб., которые я себе не присвоил ни копейки и, по-видимому, чтобы расследование не шло несправедливо я, находясь чуть ли не в сумасшедшем состоянии, сделал этот шаг, дал 150 руб..." (л. д. 37).

И далее:

"Сделал я это в большом волнении, не сознавая, что делаю, так как весь этот день до вечера я был как убитый и целую ночь не спал, растревоженный партсобранием, где разбиралось мое персональное дело и где по моему убеждению зачитывалось несправедливое обвинение в мой адрес" (л. д. 50)

И далее:

"Я зашел поговорить к Скоричу о партсобрании, где по представлению отдела милиции мне предъявили обвинение в хищении более 1500 руб. Я был сильно взволнован, что дали в Райком такие несправедливые данные" (л. д. 59).

Не вызывает сомнения, что Дунский поступил неправильно. Бесспорно и то, что за свой проступок он должен быть так или иначе наказан.

Но вместе с тем, думается, бесспорно и другое: при оценке поведения Дунского, при определении ему меры

наказания (не вдаваясь пока в вопросы юридической квалификации) нельзя было не учитывать его тяжелого душевного состояния, которое было вызвано целым рядом неправильных и незаконных действий отдельных работников милиции, тех самых, которые сейчас причислены к разряду лиц, получивших от Дунского взятку.

Ведь это не кто-нибудь, а именно они, Скорич и Суржко, возбудили неосновательно против Дунского уголовное дело. Это не кто-нибудь, а они, Скорич и Суржко, безосновательно предъявили ему обвинение в хищении более 1500 руб. государственных средств. По милости их, Скорича и Суржко, главный ветврач района, Дунский, человек, пользующийся большим авторитетом, был водворен на 3-е суток в КПЗ.

Это они, Скорич и Суржко, настаивали на аресте Дунского, добивались санкции прокурора, понудили Дунского вносить деньги в погашение какой-то недостачи и пр.

Наконец, не без их участия, Скорича и Суржко, в райком партии была представлена справка о хищении Дунским государственных средств, справка, которую, мягко выражаясь, можно назвать дезориентирующей партийные органы, и на основании которой Дунскому было объявлено строгое партийное взыскание.

Вряд ли будет ошибкой сказать, что именно они, работники милиции Скорич и Суржко, своими неправильными и незаконными действиями, довели Дунского до глубокого душевного потрясения, по сути, вольно или невольно спровоцировали его на дачу денег.

Всего этого, к сожалению, не учел суд при разрешении настоящего дела.

Несколько слов о юридической оценке действий Дунского

1. Даже если и согласиться с тем, что здесь имела место взятка (об этом см. ниже), то и в этом случае можно вести речь лишь о попытке передачи взятки, о *покушении* на дачу взятки. В противном случае, если признать, что Дунский дал взятку, а следовательно — Скорич и Суржко ее приняли, становится непонятным, почему они, взяточполучатели, освобождены от уголовной ответственности.

2. Не может быть в данном случае речи о *неоднократности* дачи взятки (если допустить, что деньги были переданы и Скоричу, и Суржко), поскольку, как утверждает

приговор, умысел был направлен на дачу взятки сотрудникам милиции для достижения *единственной* цели — прекращения дела.

Таким образом, здесь можно говорить лишь о ст. 15-188 ч. 1 УК, а не о ч. 2 ст. 188 УК МССР.

3. Нет никаких оснований считать, что Дунский пытался передать взятку Суржко. Никакой договоренности у него с ней не было. Более того, из материалов дела усматривается, что деньги были положены в карман ее пальто в то время, когда в кабинете никого не было, *тайком* от нее. Расценивать эти действия, как дачу взятки нельзя. Утверждение суда о том, что в данном случае деньги Суржко были переданы с целью прекращения уголовного дела, на материалах дела не основано и является *голословным*.

Ни на следствии, ни в суде Дунский никогда себя виновным в этом не признавал, не уличала никогда его в этом и Суржко. Наоборот, на следствии Суржко показала:

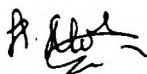
"Дунский мне ничего не говорил и не просил, и я с ним об исходе дела не говорила и о взятке никаких разговоров не было" (л. д. 145).

— " —

В силу изложенного прошу Вас истребовать настоящее дело и внести протест на предмет внесения в приговор суда изменения, переквалификации действий Дунского на ст. 15-188 ч. 1 УК и снижения ему наказания, с учетом его личности, степени вины и конкретных обстоятельств данного дела, до фактически отбытого.

Приложение: 1. Копия приговора коллегии Верховсуда МССР на 3 листах.

Адвокат

Мове А. Л.

18 ноября 1969 г.
г. Москва

По жалобе защиты Заместитель Председателя Верховного суда СССР внес протест, по которому коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР под председательством Г. З. Анашкина вынесла следующее решение.

Надзорное производство № 02-Л-456-69

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

В составе:

Председательствующего — Анашкина Г. З.

Членов — Тухарели Д. А. и Якименко И. Д.

Рассмотрела в заседании от 25 марта 1970 г. протест заместителя председателя Верховного суда СССР на приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Молдавской ССР от 5 сентября 1968 г., которым осужден по ст. 188 ч. 2 УК Молдавской ССР за дачу взятки — на семь лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима, без конфискации имущества и без ссылки, с обращением в доход государства 300 рублей, —

Дунский Александр Леонтьевич, 1935 года рождения, уроженец села Михалково Кривоозерского района Николаевской области, житель поселка Бричаны Бричанского района Молдавской ССР, украинец, в высшем образовании, исключенный из кандидатов в члены КПСС в связи с данным делом, женатый, ранее не судимый. До ареста по данному делу работал главным ветврачом Бричанского района Молдавской ССР.

Протест внесен на предмет изменения приговора в отношении Дунского, переквалификации его действий со ст. 188 ч. 2 УК Молдавской ССР на ст. 15- ч. 2 статьи 188 того же уголовного кодекса и определения ему по этой статье с применением ст. 42 УК МССР меры наказания в виде трех лет лишения свободы в ИТК усиленного режима, без конфискации имущества и без ссылки.

Заслушав доклад члена Верховного суда СССР т. Якименко И. Д. и заключение старшего помощника Генерального Прокурора СССР т. Темушкина О. П., полагавшего протест удовлетворить, Судебная коллегия

Дунской признан судом виновным в том, что он, работая начальником Бричанской станции по борьбе с болезнями животных и глазным ветеринарным врачом Бричанского района Молдавской ССР и зная, что против него возбуждено уголовное дело по обвинению в хищении гос. средств и злоупотреблении служебным положением, с целью добиться прекращения этого дела, 3 февраля 1968 г. дал взятку в сумме 300 руб. — по 150 руб. каждому — ст. оперуполномоченному ОБХСС Бричанского РОМ Скоричу И. А. и следователю Бричанского РОИ Суржко М. К., которые проводили расследование по его делу.

Это преступление было совершено при следующих обстоятельствах:

Дунский, работая начальником Бричанской станции по борьбе с болезнями животных и главным ветврачем Бричанского р-на, в 1966 г. получил деньги на ремонт домов, в которых проживали ветработники. Но вместо капитального ремонта на полученные средства организовал строительство жилого 2-х квартирного дома для работников станции.

9 января 1969 г. против Дунского было возбуждено уголовное дело по признакам ст. ст. 123 ч. 2 и 184 ч. 2 УК МССР по обвинению его в хищении гос. средств и злоупотреблении служебным положением.

Узнав об этом, Дунский 3 февраля 1968 года в первой половине дня зашел в кабинет следователя Суржко И. К. и спросил, где находится оперуполномоченный Скорич М. А., которого он хочет видеть по его делу. Суржко, прекратив допрос подследственного Митителя А. А., решила позвонить по телефону и вызвать Скорича М. А. из дома. Для этого Суржко пошла в дежурную комнату вместе с Митителом, который вышел из кабинета первым, за ним Суржко, а Дунский некоторое время оставался в кабинете. Воспользовавшись этим обстоятельством, Дунский вложил в карман висевшего на вешалке пальто Суржко завернутые в обрывок газеты 150 руб. и вышел из кабинета.

Поговорив со Скоричом по телефону, Суржко вышла из дежурной комнаты и сказала Дунскому, что Скорич придет через час, и пошла с Митителом в кабинет для продолжения допроса.

Когда пришел Скорич, Дунский зашел к нему в кабинет и начал вести беседу по поводу прошедшего партийного собрания, на котором рассматривался вопрос о пребывании его, Дунского, в партии. Затем поднялся, подошел к вешалке, где висело пальто Скорича, и вложил в карман завернутые в обрывок газеты 150 руб. и попытался из кабинета уйти, однако Скорич задержал его, пригласил работников милиции и понятых, о чем был составлен протокол, который Дунский подписал.

Находившаяся в кабинете следователь Суржко высказала предположение, что Дунский был до этого и у нее в кабинете и мог также положить деньги. Все участвовавшие при составлении первого протокола лица направились в кабинет Суржко, где и обнаружили в кармане ее пальто 150 руб. По этому факту также был составлен протокол.

На допросах 5 и 17 февраля 1968 г. Дунский признал себя виновным в предъявленном ему обвинении, но затем еще на предварительном следствии от этих показаний отказался, заявив, что прокурору дал ложные показания потому, что думал, что Скорич М. А. будет дальше вести следствие по его делу и не хотел обозлить его.

При допросе в судебном заседании Дунский не отрицал того факта, что 3 февраля 1968 г. он был в отделении милиции, заходил в кабинет следователя Суржко и старшего оперуполномоченного Скорича, которого просил объективно разобраться с его делом, так как ни одной копейки гос. средств он, Дунский, себе не взял.

При этом Дунский утверждал, что денег в кабинете Скорича он не оставлял, а 150 руб. действительно были у него в кармане и он нечаянно вместе с перчатками вытащил их из кармана и не заметил как уронил на пол. Однако в содеянном Дунского изобличают свидетели Суржко, Скорич, Митителу и другие. Кроме того, он изобличается заключением криминалистической экспертизы, а также приобщенной к делу исполненной лично им — Дунским, запиской к жене и другими материалами дела.

Так, свидетель Суржко М. К. показала, что Дунский заходил к ней в кабинет, просил о вызове по его делу Скорича, и она, выполняя просьбу Дунского, вышла из кабинета, пропустив впереди себя подследственного Митителу, а Дунский оставался сзади. Когда Скорич позвал ее в кабинет, она увидела на столе деньги, завернутые в

газету. Составила по этому поводу протокол, который Дунский подписал. После этого высказала предположение о возможности оставления Дунским денег и в ее кабинете, а когда зашли в кабинет, то обнаружили в кармане ее пальто 150 руб. Своих денег она не имела.

Свидетель Митителу А. А. показал, что когда зашел Дунский в кабинет и попросил вызвать Скорича, то Суржко сказала, чтобы он вышел за ней в дежурную комнату. Он вышел первым, за ним — Суржко, а сзади остался Дунский.

Свидетель Скорич М. А. пояснил, что 3 февраля 1968 года, в субботний день, когда он находился дома, ему позвонила по телефону следователь Суржко и попросила прийти в отдел милиции, где его ждал Дунский. Через час он пришел, и вскоре в кабинет зашел Дунский, который стал говорить о прошедшем партийном собрании, а затем подошел к висевшему пальто и положил газетный сверток в карман и пытался уйти, но он его задержал, вызвал находившихся поблизости работников милиции, в том числе Суржко и понятых.

В газетном свертке оказались деньги в сумме 150 руб. По данному факту был составлен протокол, который Дунский подписал, при этом просил простить за необдуманный поступок. После отправки Дунского в дежурную комнату, Суржко высказала предположение о том, что Дунский мог оставить деньги и в ее кабинете. А когда вместе с понятыми зашли в кабинет Суржко, то обнаружили в кармане ее пальто 150 руб., завернутые в обрывок газеты, о чем также был составлен протокол.

Заключением криминалистической экспертизы установлено, что обрывки газеты, в которые были завернуты деньги, изъятые из карманов пальто Суржко и Скорича тождественны и в целом составляют часть газеты "Известия" № 326 от 5 ноября 1967 г.

В деле имеются и другие доказательства, изобличающие Дунского в содеянном.

Проверив материалы дела и обсудив доводы, изложенные в протесте, Судебная коллегия находит, что протест подлежит удовлетворению, а приговор в отношении Дунского изменению по следующим основаниям:

Из данных дела видно, что суд неправильно квалифицировал действия Дунского по ст. 188 ч. 2 УК МССР, предусматривающей ответственность за дачу взятки.

По смыслу Закона — дача взятки — это передача должностному лицу незаконного вознаграждения за выполнение или невыполнение последним определенных действий по службе в интересах дающего, при этом обязательным условием для законченного состава преступления — дачи взятки — является согласие должностного лица, хотя бы молчаливое, на получение такого вознаграждения.

Межу тем, из материалов данного дела, объяснений самого Дунского, а также из показаний свидетелей Суржко и Скорича видно, что никакого сговора на дачу и получение взятки между ними не было.

Дунский на допросах 5 и 17 февраля 1968 г., где он признавал себя виновным в оставлении денег Суржко и Скоричу, утверждал, что никакого разговора с ними по поводу денег у него не было. Будучи ошеломленным незаконным обвинением его работниками милиции в хищении гос. средств в сумме 1500 руб., за что накануне ему объявили на партийном собрании строгий выговор, и зная, что ни одной копейки из гос. средств себе не взял, он пошел к Скоричу с целью попросить последнего объективно разобраться с его делом. Но так как Скорича на работе не было он зашел к следователю Суржко узнать — будет ли Скорич на работе. И далее Дунский показал, что, находясь в отчаянном состоянии от того, что в партийные органы была дана неправильная, необъективная информация о нем, он положил в карман пальто Суржко и Скорич по 150 руб., надеясь, что это будет способствовать объективному расследованию возбужденного против него уголовного дела.

На последующих допросах на предварительном следствии и в судебном заседании Дунский, как указано выше, вину свою в оставлении денег в карманах пальто Суржко и Скорича вообще отрицал.

Суржко и Скорич также категорически отрицали наличие какого бы то ни было сговора у них с Дунским на получение от него взятки. Их объяснения объективно подтверждаются их действиями по задержанию и изобличению Дунского.

Таким образом, из дела видно, что Дунский без ведома и согласия должностных лиц — следователя Суржко и ст. оперуполномоченного Скорича.— оставил в их кабинетах по

150 руб. каждому, т. е. совершил покушение на дачу взятки. Преступный результат не наступил по причинам, не зависящим от Дунского.

Содянное Дунским, как оно установлено материалами дела, образует состав преступления, предусмотренный ст. ст. 15 и 188 ч. 2 УК МССР, по которым и надлежит квалифицировать его действия.

Обоснованно ставиться вопрос в протесте и о применении к Дунскому ст. 42 УК МССР, предусматривающей основания для определения виновному меры наказания ниже низшего предела, установленного законом за данное преступление.

Дунский, как видно из дела, да об этом указано и в приговоре суда, в прошлом не судим, с 1953 по 1956 г. служил в рядах СА. После демобилизации из армии окончил ветеринарный факультет Украинской сельхозакадемии и по распределению в 1962 г. был назначен на работу в Бричанский район МССР.

Из приобщенных к делу и жалобам Дунского характеристик Украинской сельхозакадемии, начальника управления ветеринарии МССР, исполкома Бричанского поселкового Совета видно, что Дунский добросовестно относился к учебе и работе, активно участвовал в общественной жизни. Кроме того, обвинение Дунского в хищении и злоупотреблении служебным положением при расследовании дела не нашло своего объективного подтверждения, в связи с чем дело, в результате которого Дунский совершил покушение на дачу взятки, в уголовном порядке производством прекращено.

Учитывая изложенное и руководствуясь ст. 11 Положения о Верховном Суде СССР, и соглашаясь с протестом, Судебная коллегия

Определила:

Приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Молдавской ССР от 5 сентября 1968 г. в отношении Дунского Л. Л. изменить, действия его переквалифицировать со ст. 188 ч. 2 УК МССР на ст. ст. 15 и 188 ч. 2 того же уголовного кодекса, на основании которых с применением ст. 42 УК МССР определить ему меру наказания — три года лишения свободы в ИТК усиленного режима, без конфискации имущества и без ссылки, исчис-

для отбытия этого срока наказания с 3 февраля 1968 г. В
остальном приговор в отношении Дунского оставить без
изменения.

Председательствующий — Г. Анашкин
Члены суда — Д. Тухарели и И. Якименко

Копия верна: Член Верховного Суда СССР И. Якименко

Верно: Зам. председателя
Верховного Суда СССР (А. Елисеев)

Копия верна:

 (А. Мове)

Через несколько месяцев Дунский был условно досрочно из-под
стражи освобожден.

Это было в 1970 г. и здесь я вновь задумываюсь: справедливость
(хотя и через два года) восторжествовала только благодаря вмеша-
тельству Верховного Суда СССР.

Ну, а если бы случилось это сейчас, в наши дни, когда усилиями
беловежских отступников Союз разрушен и порушены вместе с ним
Прокуратура и Верховный Суд СССР? Так и сидеть бы сейчас врачу
Дунскому все 7 лет, от звонка до звонка.

Впрочем, не только ему одному, но и многим, многим другим, о
ком повествую я в своих книгах и о чем могли бы рассказать и многие
другие адвокаты и судебно-прокурорские работники. Подсчитает ли
кто-нибудь когда-то и этот ущерб, причиненный людям развалом де-
ржавы? Взыщет ли за него?

Дело лесничего ГУЦУ, осужденного за взяточничество

Из досье адвоката

Извлечение

Председателю Верховного Суда СССР

Адвоката Московской областной
юрконсультации Мове А. Л.
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Мособлюрконсультация

По делу

ГУЦУ Николая Васильевича,

осужд. Приговором коллегии
Верхсуда МССР от 31/I-69 г. по
ст. 123 ч. 2, 184 с. 1 и ст. 187 ч.
2 УК на 10 лет лишения свободы
с конфискацией имущества

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Только одним — преданием забвению основных положений Руководящего Постановления пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. № 9 "О судебной практике по делам о взяточничестве" — можно объяснить неосновательное осуждение лесничего Гуцу Н. В. за вымогательство взяток.

Человек по натуре резкий, порой даже грубый, Гуцу не всегда был ровен в своих отношениях с подчиненными ему лесниками, и на это не раз ему указывалось (см. Выписку из Протокола заседания коллегии Главного управления Лесного хозяйства — т. 3 л. д. 32 и Приговор, стр. 2).

Серьезно осложнились отношения Гуцу с отдельными лесниками и из-за того, что он был нетерпим к недостаткам, к расхлябанности, за что на многих из тех, кто ныне

отнесен к числу "взятодателей", им были наложены взыскания, а некоторые были уволены с работы (см. ниже).

Совершенно очевидно, что к показаниям всех этих лиц, справедливо или несправедливо "обиженных" Гуцу, и следственным органам, и суду надлежало относиться очень осторожно, критически, памятуя, что здесь не исключена возможность оговора в результате ненормальных отношений.

К сожалению, ни в процессе следствия, ни в суде такой осторожности проявлено не было.

Наоборот, еще в процессе следствия, несмотря на то, что ни один из "взятодателей" не говорил о вымогательстве (с угрозой причинения вреда законным интересам или с созданием условий, вынуждающих дать взятку), все они были освобождены от привлечения к уголовной ответственности, т. е. поставлены в льготное, привилегированное положение свидетелей.

Все это в конечном итоге и привело к необоснованному признанию Гуцу виновным в вымогательстве взяток.

1. О получении взяток в сумме 800 руб.
от лесника Руссу И. М.

Из 1.430 руб., якобы полученных Гуцу в виде взяток, 800 руб., т. е. более половины, как утверждает Приговор, получены им от Руссу И. М.

Деньги эти, — значит, в Приговоре, — Руссу взял из своей зарплаты и из суммы, вырученной за продажу скота (см. Приговор, стр. 8).

Считаю необходимым сразу же обратить внимание на следующее:

а) В качестве лесника Руссу проработал всего 10 месяцев (с ноября 1966 г. по август 1967 г.), и за это время им была получена зарплата в сумме 334 руб. 80 коп. (см. справку — т. 3 л. д. 177).

В своем хозяйстве Руссу имел одного бычка и двух свиней, которых он летом 1966 г. продал за 553 руб. 47 коп. (см. Справку и квитанции Заготскота — т. 3 л. д. 175, 176, 176а).

Таким образом, если поверить Руссу, он отдал Гуцу не только всю свою зарплату, но и почти все деньги, вырученные от продажи скота ($334 + 553 = 887$ руб.).

Уже одно это внушает серьезные сомнения в правдивости показаний Руссу. На какие же средства он с семьей жил? Во имя чего понадобилось Руссу давать взятку для поступления на работу лесником, если должность эта не только не принесла ему никакого дохода (он отдал всю зарплату), но и принесла убытки (он отдал 550 руб., вырученных от продажи скота)?

Думается, что если бы следственные органы и суд поставили перед Руссу эти вопросы — искусственность его показаний стала бы очевидной.

б) Надуманность показаний Руссу подтверждается и другим фактом.

По объяснениям Руссу, первые 200 руб. он дал Гуцу для того, чтобы тот послал его на учебу в Кугурешты на курсы мл. лесоводов.

Между тем, из материалов дела усматривается, что направлением людей на учебу Гуцу не ведал, а занимался этим Лесхоз.

Помимо этого, из показаний в суде директора Лесхоза Винарчука видно, что никаких трудностей при поступлении на указанные курсы не было.

Свид. *Винарчук* в частности показал:

“На учебу мы посылали, подбирая людей. Мы объявляли по лесничествам о наборе в училище. Мы уговаривали людей идти учиться. Для направления на учебу представления не требуется”.

И далее:

“В Кугурештское училище все желающие поступали, не было отказа никому. Мы не выполнили плана набора в это училище, т. к. желающих было очень мало. Пришлось даже закрыть одну группу в училище, т. к. не могли найти нужного количества желающих учиться”. (См. п. 13, раздел 3 Замечаний адвоката Дунаевского на протокол, утвержденный судом — т. 4 л. д. 437).

Опровергли показания Руссу в суде и свидетели Иксарь и Гадымба.

Они объяснили суду:

Свид. *Иксарь*:

"Я учился в училище мл. лесоводов в Кугурештах. Рекомендовал меня в училище Гуцу. Разговора о деньгах между мной и Гуцу не было. Попастъ в училище была небольшая трудность". (См. Протокол суд. засед., т. 4 л. д. 237-237-об.)

Свид. *Гадымба*:

"Меня направили на курсы обучения мл. лесоводов. Денег Гуцу с меня не требовал" (там же, л. д. 357-357-об.)

— Но если все это так, за что же давал деньги Руссу?

Анализ материалов дела свидетельствует о том, что надуманные показания Руссу о взятках, переданных Гуцу, объясняются одним — явно ненормальными, враждебными отношениями, сложившимися в последнее время между этими людьми.

В своем объяснении Нач. отдела Лесопользования Шикмаку Руссу Н. М. указывал:

"...объем работы лесничий давал мне завышенный, с той целью чтобы найти причину для увольнения..."

И далее:

"Я был уволен в августе 1967 г. за невыполнение плана. Я подал заявление на работу в качестве рабочего и работаю по настоящее время" (т. 1 л. д. 58 -об.)

Это подтвердил Руссу и в суде:

"Было совещание, я не успевал выполнять план и он (Гуцу) сказал, пиши заявление об увольнении, и я написал". (См. Протокол суд. засед. т. 4 л. д. 281-об.)

29 мая 1968 года между Руссу и Гуцу проводилась очная ставка, на которой оба они показали (дословно):

"Взаимоотношения были нормальные, но после того, как по собственному желанию Руссу уволил-

ся с лесника, то отношения стали *натянутые*" (т. 2 л. д. 9)

Это же подтвердили они и на другой очной ставке (т. 2 л. д. 166).

К сожалению, всего этого не учел суд при оценке показаний Руссу.

Не учел при этом суд и тех серьезных противоречий, которые имеются в его показаниях.

1) Первоначально Руссу утверждал, что с курсов лесоводов его отозвал на работу лесником Гуцу.

"Я проучился один месяц, — объяснял Руссу, — и был отозван Гуцу на работу лесником. Я бросил учебу и стал работать лесником". (т. 1 л. д. 57-об.)

Впоследствии Руссу стал показывать, что с курсов его отозвала жена, и он их бросил в связи с тяжелым семейным положением.

"Проучившись до 20 октября 1966 г., — показал Руссу, — я бросил учебу по семейным обстоятельствам, т. к. жена имела маленького ребенка, но *никто меня не отзывал*". (т. 3 л. д. 178)

2) Первоначально Руссу ничего не говорил о том, что Гуцу требовал с него 200 руб. для устройства его в прежней должности лесника (после возвращения с курсов). Наоборот, Руссу утверждал, что именно Гуцу отозвал его с учебы для работы лесником (т. 1 л. д. 57).

Впоследствии Руссу стал говорить, что с курсов отозвала его жена и что Гуцу просил 200 руб. для устройства на работу в прежней должности (т. 3 л. д. 178).

3) Первоначально Руссу говорил, что в октябре 1966 г., через несколько дней работы лесником, он дал Гуцу 150 руб. (т. 1 л. д. 57-об.).

Впоследствии Руссу изменил эти показания и стал утверждать:

"В конце октября м-ца 1966 г. я взял из имеющихся у меня в хозяйстве 200 руб. разных купюр и дал их в кабинете Гуцу согласно договору о том, что назначил меня лесником". (т. 2 л. д. 163, т. 3 л. д. 178).

Наконец, в судебном заседании Руссу вообще отказался от того, что он передал Гуцу 200 руб. в виде взятки, и показал:

"2-й раз я дал 200 руб., т. к. он должен был ехать за желудями, сказал, что оформит документы" (т. 4 л. д. 280).

И далее:

"После того, как меня устроили лесником в октябре 1966 г., я дал Гуцу 200 руб. для желудей, но деньги не вернули..." (т. 4 л. д. 280).

И далее:

"На 200 руб., которые я дал Гуцу вторично, обещал написать наряд на жену, что она собирала желуди, но не написал" (т. 4 л. д. 281-об.).

И далее:

"2-й раз я дал Гуцу 200 руб. для закупки для меня желудей (для выполнения плана — А. М.), т. к. Гуцу ездил закупать желуди в другую республику. Гуцу сказал, что после закупки желудей он оформит документы на заготовку желудей моей женой, и мы получили эти 200 руб. обратно". (См. п. 5, раздел 3 замечаний адвоката Дунаевского на протокол суд. заседания т. 4 л. д. 437).

Почему суд отверг эти показания Руссу и расценил передачу им 200 руб. как взятку — понять из Приговора невозможно.

4) Первоначально Руссу говорил, что передал Гуцу с осени 1966 г. по весну 1967 г. разными мелкими суммами 300 руб. (в протоколе допросов цифра 300 впоследствии следователем без всяких оговорок, была исправлена на 350 — см. т. 2 л. д. 164-об., т. 2 л. д. 166).

Затем Руссу стал утверждать, что за этот же период передал Гуцу из зарплаты 350 руб. (т. 3 л. д. 178).

Необходимо отметить, что с осени 1966 г. по весну 1967 г. Руссу в общей сложности получил зарплату в размере 282 руб. (т. 3 л. д. 177). Каким образом из этой зарплаты Руссу сумел передать Гуцу 350 руб. — остается загадкой.

Очевидно, что при таких обстоятельствах у суда не было решительно никаких оснований для признания Гуцу виновным в получении взяток от Руссу.

Ссылка суда на показания жены Руссу не может быть признана основательной, поскольку Руссу А. сама не являлась свидетелем передачи денег Гуцу и является лицом, заинтересованным в поддержке своего мужа.

Что касается 50 руб., которые Руссу по почте выслал Гуцу в июле м-це 1967 г. в г. Киев (тогда отношения у них были нормальными), то сам по себе этот факт не может быть признан передачей взятки.

а) Из объяснений Руссу не вытекает, что он послал деньги Гуцу с целью добиться от него выполнения какого-либо служебного действия ("я давал деньги, чтоб не уволил с работы").

б) В июле 1967 г. Гуцу не находился при исполнении служебных обязанностей (сдавал экзамены в Академии) и таким образом не являлся должностным лицом.

в) И на следствии, и в суде Гуцу объяснял, что Руссу прислал ему 50 руб., просил купить зап. части для мотоцикла, которые он купил и привез Руссу. Эти объяснения Гуцу ничем не опровергнуты. Наоборот, сам факт перевода денег по почте свидетельствует о том, что здесь имелось в виду не получение взятки, которая обычно передается скрытно, в тайне от других лиц.

В заключение необходимо отметить, что Руссу ни на следствии, ни в суде не говорил о вымогательстве взяток ("дал деньги, чтоб послал на курсы", "Чтоб оформил лесником", "Чтоб не уволил с работы"). Однако, невзирая на это, Руссу не был привлечен к уголовной ответственности за дачу взяток, что сыграло не последнюю роль в том, что он смог безбоязненно оговаривать Гуцу.

Никакой оценки всему этому суд не дал..."

Далее в жалобе оспаривались и другие обвинения, по которым Гуцу был осужден.

На эту жалобу, с которой я был на личном приеме у члена Верховного суда СССР И. Д. Якименко, в январе 1971 г., поступил следующий ответ.

ВЕРХОВНЫЙ СУД

Союза Советских

Социалистических Республик

16 января 1971

М2/1-397-70

Адвокату тов. МЮЕ А.Л.

Москва, ул. Баррикадная, 8.
Мособлпроконсультация

Сообщая, что приговор Верховного Суда Молдавской ССР от 31 января 1969 года в отношении ГИГУ Николая Васильевича в части осуждения его по ст. 187 ч.2 УК Молдавской ССР отменен и дело о нем в этой части передано на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе судей. В остальной части приговор в отношении ГИГУ Н.В. оставлен без изменения.

Член Верховного Суда
Союза ССР—

Якименко
И.Якименко.

При новом рассмотрении дела коллегия Верховного суда МССР 13 мая 1971 г. вынесла Гуцу Н. В. по ст. 187 ч. 2 УК МССР (ст. 173 ч. 2 УК РСФСР) — неоднократное получение взяток — *оправдательный приговор.*

Дело Виктора Ивановича Соколовского

Говорят, что малым ключом иногда открываются большие замки. Наглядным примером тому может служить настоящее дело.

Соколовский был осужден за хищение гос. имущества в особо крупных размерах по множеству эпизодов обвинения. Можно было пытаться оспаривать их все. Но был среди них один эпизод (хищение 610 руб.), который представлялся мне очевидно несостоятельным, и именно на нем я сосредоточил практически все внимание, лишь вскользь затронув остальные. Этот тактический ход целиком оправдал себя. С первой своей жалобой я обратился к Прокурору МССР.

**Из досье адвоката
Извлечение**

Прокурору Молдавской ССР

Адвоката Мове А. Л.,
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Мособлюрконсультация

По делу

Соколовского Виктора Ивановича, осужд. Приговором Нарсуда Чимишлийского р-на, МССР по ст. ст. 186 и 123 ч. 3 УК МССР на 12 лет лишения свободы.

Определением коллегии Верховного суда МССР от 13/1-70 г. приговор оставлен без изменения.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

С самого начала считаю необходимым обратить внимание на ту очевидную *несправедливость*, которая была проявлена по отношению к Соколовскому В. И. — человеку тяжело больному, *инвалиду 2 группы* (без ноги), отцу двоих несовершеннолетних детей.

Как видно из приговора суда, Соколовский признан виновным в хищении колхозного имущества на сумму 3.094

руб. (Приговор, стр. 23). Если учесть, что ч. 3 ст. 123 УК МССР предусматривает ответственность за хищение в размере от 2,5 до 10 тыс. руб., станет понятным, что Соколовский признан судом виновным в хищении имущества в *минимальном* размере, предусмотренном законом.

Однако мера наказания определена Соколовскому почти максимальная — 12 лет лишения свободы.

Чем, какими соображениями руководствовался при этом суд — понять из Приговора невозможно.

Несправедливость судебного Приговора заключается не только в том, что наказание, определенное Соколовскому, явно не соответствует содеянному им, но и в том, что эта мера наказания никак не соотносится с тем наказанием, которое суд избрал по отношению к лицам, совершившим более тяжкие преступления, чем Соколовский.

В частности:

Ф. И. О.	Признан судом виновным в хищении им-ва на сумму	Мера наказания по приговору
Соколовский В. И.	3.092 руб.	12 лет лишения свободы
Чернова А. И.	4.783 руб.	8 лет лишения свободы
Ганган Н. Е.	3.925 руб.	6 лет лишения свободы
Гинколов И. Д.	3.239 руб.	6 лет лишения свободы
Буцану А. А.	2.509 руб.	3 года лишения свободы

Комментарии, думается, излишни.

— Но может быть, суд, назначая Соколовскому наказание в 1,5 — 2 раза более тяжкое, нежели лицам, совершившим более серьезные преступления, исходил при этом из того, что Соколовский являлся инициатором преступления, его организатором и пр.?

— Ничего подобного. На эти обстоятельства суд не ссылается, да и не мог сослаться, ибо ни из материалов дела, ни из обвинительного заключения это не вытекает.

Что же касается ссылки на то, что Соколовский, являясь главным бухгалтером колхоза, халатно относился к своим обязанностям, в результате чего колхозу был причинен

ущерб в сумме 12.725 руб., то очевидно, что это ни в коей мере не могло повлиять на усиление ему наказания по ч. 3 ст. 123 УК, поскольку за допущенную халатность Соколовский осужден по ст. 186 УК, по которой ему за это преступление и определено соответствующее наказание.

Следовательно, даже если признать доказанным участие Соколовского в хищении колхозного имущества на сумму 3.094 руб. (об этом см. ниже), то и в этом случае приговор суда, которым Соколовскому определено явно несоразмерное, несправедливое наказание, не может быть оставлен в силе.

Но дело не только в этом, главное состоит в том, что вина Соколовского в хищении совместно с другими осужденными имущества на сумму 3.094 руб. материалами дела не доказана.

*1. О хищении Соколовским 610 руб. 75 коп., не
разнесенных по его лицевому счету.*

Это обвинение Соколовского не выдерживает никакой критики.

Из материалов дела усматривается, что счетовод колхоза Гинколов преступно — халатно относился к своим служебным обязанностям, что выразилось в том, что он не разносил или недоразносил по лицевым счетам колхозников суммы, полученные ими по платежным ведомостям, допускал счетные ошибки, неправильные переносы остатков задолженности колхозу и пр. Всего, как отмечает суд в приговоре, Гинколов не разнес по лицевым счетам колхозников 1.974 руб. и неправильно перенес остатки задолженности колхозу на сумму 448 руб. 91 коп., чем причинил ущерб колхозу в сумме 2.423 руб. (Приговор, стр. 9).

Точно такие же ошибки были допущены Гинколовым и в лицевом счете Соколовского, где он, в частности, не разнес 100 руб., полученные Соколовским в декабре 1967 г., допустил счетную ошибку на 90 руб. (при подсчете итогов оборота по дебету в сентябре 1967 г. подсчитал 112 руб. вместо 202 руб.), разнес вместо 425 руб. (полученных Соколовским в апреле 1968 г.) — 4 руб. 25 коп. (менее на 420 руб. 75 коп.) — см. Акт экспертизы, т. 6 л. д. 31.

Все эти ошибки, повторяем, были допущены счетоводом Гинколовым.

Естественен вопрос: почему, на каком основании суд признал Соколовского виновным в хищении указанных 610 руб. (420 + 100 + 90)?

— Может быть, Гинколов находился в сговоре с Соколовским, действовал заодно с ним?

— Ничего подобного. Материалами дела установлено, что никакого сговора между Соколовским и Гинколовым о хищении 610 руб. не имелось, что в данном случае Гинколовым были допущены *счетные ошибки* (как и по целому ряду других аналогичных фактов, фигурирующих в приговоре).

Но если это так, почему действия Соколовского (в отличие от всех других колхозников, переполучивших деньги в результате ошибок Гинколова) расценены как хищение, как *умышленное* переполучение денег?

На этот вопрос внятного ответа в приговоре суда нет, да и быть не может, так как *никаких данных о том, что Соколовский знал об ошибке Гинколова и сознательно ею воспользовался, в материалах дела нет* — ни один из подсудимых, свидетелей ничего об этом не говорил, не подтверждено данное обстоятельство и документально.

По приговору суда можно лишь *догадываться*, что действия Соколовского в этой части расценены как хищение, потому, что Соколовский *повторно* получил эти суммы.

С таким доводом согласиться нельзя:

1) Прежде всего, как указывалось, даже если бы Соколовский "повторно получил эти суммы", то и в этом случае здесь нельзя было бы вести речь о хищении (умышленном переполучении денег), т. к. не доказано, что он знал о допущенных Гинколовым ошибках и сознательно их использовал.

По этому поводу подс. *Гинколов* в суде показал:

"С Соколовским у меня никакой договоренности не было. Соколовский сам *лицевые* счета не проверял". (т. 7 л. д. 78 — об.)

И далее:

"Соколовский никогда не проверял свой *лицевой* счет, а счета колхозников проверял только по их жалобам". (т. 7 л. д. 79)

Это нашло отражение и в приговоре суда, где, в частности, значится:

“Подс. Гинколов и Чернова пояснили, что Соколовский не проверял лицевые счета свой и колхозников, нерегулярно проверял кассовые документы, не контролировал кассиров и финансовую деятельность счетных работников” (Приговор, стр. 24).

Таким образом, сам суд, по сути, признал в приговоре, что Соколовский не проверял своего лицевого счета, а следовательно, и не мог знать о тех ошибках, которые допустил Гинколов в этом лицевом счете.

2) Утверждение суда о том, что Соколовский *повторно* получил 420 руб. 75 коп., 100 руб. и 90 руб. является вообще неправильным и противоречит имеющимся в деле документам.

Из прилагаемых к настоящей жалобе копий лицевых счетов Соколовского за 1967 и 1968 г. (подлинные лицевые счета были судом после рассмотрения дела возвращены в колхоз) видно, что Соколовский систематически причитающуюся ему зарплату, (в сумме 150 руб.) на руки не получал в связи с тем, что он *авансом* получал в колхозе продукты на мелкие суммы (2, 3, 4, 5, 7 руб. и т. д. — см. лицевые счета).

Все это, естественно, осложняло взаиморасчеты Соколовского (как и других колхозников) с колхозом, лишало его возможности (без соответствующего самоучета и проверок) знать о состоянии этих взаиморасчетов на отдельные периоды.

а) В сентябре 1967 г. Гинколов действительно допустил ошибку при подсчете итогов на 90 руб. ($40 + 100 + 30 + 8 = 178$, а Гинколов написал — 88 руб. см. лицевой счет).

Однако, в чем нетрудно убедиться, *повторно* сумму 90 руб. Соколовский в 1967 г. *не получал*.

Эта ошибка привела лишь к уменьшению сальдо на конец года на 90 руб. (вместо 126 руб. следовало записать $126 + 90$).

б) В декабре 1967 г. Гинколов ошибочно не разнес по лицевому счету Соколовского 100 руб.

Однако, в чем нетрудно убедиться, *повторно* 100 руб. Соколовский *не получал*.

Эта ошибка привела лишь к уменьшению сальдо на 1967 г. на 100 руб. (вместо 126 руб. следовало указать $126 + 100$ руб.).

в) В апреле 1968 г. Соколовский действительно получил 425 руб. (премиальные за 1967 г.), а Гинколов ошибочно разнес 4 руб. 25 коп., т. е. на 420 руб. 75 коп. менее.

Однако, вопреки утверждению суда, Соколовский никогда повторно 420 руб. 75 коп. не получал (см. прилагаемый лицевой счет).

Эта ошибка привела лишь к уменьшению сальдо на конец 1968 г. на 420 руб. 75 коп., (вместо 151 руб. 09 коп. следовало записать 151 руб. 09 коп. + 420 руб. 75 коп.).

Если учесть, что к моменту возбуждения и рассмотрения данного дела, *взаиморасчеты* Соколовского с колхозом еще не были завершены, станет понятным, что в данном случае все эти вопросы (возникшие в результате счетных ошибок, допущенных Гинколовым) должны быть решены в *общегражданском порядке*.

Никаких оснований к тому, чтобы обвинять Соколовского в хищении 610 руб. 75 коп. у суда не имелось.

Защита вынуждена столь подробно останавливаться на данном эпизоде, так как очевидно, что исключение из обвинения Соколовского хищения данной суммы и снижение размера похищенного до 2.483 руб. (3.094 руб. 31 коп. — 610 руб. 75 коп. = 2.483 руб. 56 коп.) уже должно повлечь переквалификацию его действий на ч. 2 ст. 123 УК.

Далее в жалобе следовал анализ необоснованности обвинения Соколовского по другим пунктам обвинения.

В связи с тем, что на эту жалобу поступил отрицательный ответ за подписью заместителя Прокурора МССР Житаря, я вынужден был вновь обратиться с жалобой к Прокурору республики, в которой содержалась просьба пересмотреть принятое его заместителем решение.

Из досье адвоката

ПРОКУРОРУ МОЛДАВСКОЙ ССР тов. Чебан

Адвоката Мове А. Л.,
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Мособлюрконсультация

По делу

Соколовского Виктора Ивановича,
осужд. Чимишлийским Нарсудом
МССР 24/XI-69 г. по ст. 123 ч. 3
УК.

ЖАЛОБА

На жалобу, направленную в Ваш адрес по указанному делу, мною получен отказ за подписью Зам. прокурора МССР т. Житарь (Ваш № 2.781/69 от 22/ II-71 г.).

В этом отказе совершенно обойден *молчанием* один из основных доводов защиты, изложенных в п. 1 Жалобы и касающийся необоснованности осуждения Соколовского за хищение 610 руб., *ошибочно* не разнесенных по его личному счету счетоводом колхоза Гинколовым.

В подтверждение этого довода к жалобе были приложены копии *лицевого счета* Соколовского.

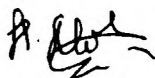
Защита считает необходимым особо обратить внимание на данное обстоятельство, поскольку исключение из приговора этого обвинения уже влечет к снижению суммы похищенного до 2.483 руб., а следовательно, к необходимости переквалификации действий Соколовского на ч. 2 ст. 123 УК (см. стр. 1-7 жалобы).

Учитывая изложенное, а так же то, что данный довод защиты имеет принципиальное значение для решения всего дела, прошу Вас пересмотреть принятое решение и внести протест на предмет переквалификации действий Соколовского на ч. 2 ст. 123 УК.

Приложения:

1. Копия Приговора Нарсуда на 28 листах
2. Лицевые карточки Соколовского — 2 шт.

Адвокат

(А. Л. Мове)

Получив повторный отказ в удовлетворении жалобы, я обратился с жалобой в Прокуратуру СССР, откуда, однако, так же получил отрицательный ответ за подписью Прокурора отдела Запороженко Л.

Не соглашаясь с доводами Запороженко, я обратился вновь в Прокуратуру СССР с просьбой пересмотреть принятое ею решение.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

Адвоката Мове А. Л.,
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8,
Мособлюрконсультация

По делу

Соколовского Виктора Ивановича,
осужд. Приговором Народного
суда Чимишлийского р-на МССР
по ст. 123 ч. 3, 186 УК на 12 лет
лишения свободы

ЖАЛОБА

На жалобу, направленную в Ваш адрес, мною получен отказ за подписью Прокурора отдела т. Запорожченко.

С доводами этого отказа согласиться нельзя.

В частности, в жалобе указывалось на неосновательное признание Соколовского виновным в хищении 610 руб. 75 коп.

Защитой подчеркивалось, что вопрос этот имеет *принципиальное* значение, поскольку исключение из обвинения указанной суммы уже должно влечь переквалификацию действий Соколовского на ч. 2 ст. 123 УК (всего Соколовский признан виновным в хищении совместно с другими лицами 3.102 руб.).

Парируя этот довод защиты Зам. прокурора МССР т. Житарь в своем ответе от 8 апреля 1971 г. № 2-781/69 (а с ответом этим, видимо, согласилась и т. Запорожченко), указывает на то, что якобы вина Соколовского в этой части доказана, поскольку Соколовским эти суммы были в годовом балансе завуалированы на счете № 70.

Этот довод не выдерживает никакой критики:

1. Прежде всего, нельзя не отметить, что *по приговору суда* Соколовский был признан виновным не в том, что он воспользовался ошибкой счетовода Гинколова и завуалировал 610 руб. в годовом балансе на счете № 70, а в том, что он якобы пользуется этой ошибкой, *вторично* получил деньги в кассе:

“Кроме того, — значитсЯ в приговоре, — Соколовский, пользуясь что по его лицевому счету не было

разнесено 420 руб. 75 коп., получил их *повторно* по ведомости № 76 и 77 за 1968 г. и присвоил".

И далее:

"Таким же образом Соколовский присвоил 100 руб. и за счет занижения итоговых сумм — 90 руб.". (Приговор, стр. 10)

Точно так же было сформулировано обвинение Соколовского и в *Обвинительном заключении*.

В опровержение этого утверждения следствия и суда защитой были приобщены к жалобе копии лицевых счетов Соколовского, из которых усматривалось, что никакого *вторичного* получения 610 руб. Соколовским не значилось (см. копии лицевых счетов — прилагаются).

Только после того, как была установлена полная несостоятельность обвинения Соколовского во *вторичном* получении 610 руб., руководство Прокуратуры МССР (но не суд) выдвинуло новое обвинение против Соколовского — в том, что он завуалировал полученные деньги в годовом балансе на счете № 70.

Очевидно, что подобный метод опровержения доводов защиты вряд ли может быть признан правильным.

2. Тот факт, что счетовод Гинколов *ошибочно* недоразнес в лицевом счете Соколовского 420 руб., полученные им в 1968 г., был вскрыт актом ревизии в *январе* 1969 г. (см. акт ревизии — в деле), т. е. *до того, как был составлен годовой баланс за 1968 г.* (дело возбуждено 9 февраля 1969 г. — т. 1 л. д. 1).

Ошибка Гинколова, повторяем, была вскрыта до составления годового баланса, в годовом балансе за 1968 г. она не фигурировала, и, таким образом, утверждение о том, что Соколовский завуалировал эту сумму, абсолютно ин на чем не основано.

Не случайно, что и проведенная по делу *бухгалтерская экспертиза* ни словом об этом не обмолвилась.

Не лишне, видимо, напомнить и о том, что в феврале 1969 г. Соколовский уже был освобожден от работы в колхозе (т. 6 л. д. 200).

— Как же можно, абсолютно не исследовав этот вопрос, не приобщив к делу годовых балансов, не имея никакого экспер-

тного заключения на этот счет, приписывать Соколовскому обвинение в каком-то вуалировании ошибки Гинколова?

3. Неправильно утверждение и о том, что Соколовский умышленно завуалировал полученные в 1967 г. и не отраженные в его лицевом счете 190 руб.

Известно, что в годовом балансе не отражаются расчеты по каждому работнику в отдельности, а фигурирует *общая* сумма дебиторской и кредиторской задолженности.

Если учесть, что баланс составляется на основании оборотной ведомости с *развернутым сальдо*, а оборотные ведомости составлялись не Соколовским, а бухгалтерами по расчетам с колхозниками (три бухгалтера), и в них, конечно, фамилии отдельных дебиторов и кредиторов не указывались, станет понятным, что нет никаких оснований к тому, чтобы утверждать об *умышленном* вуалировании в балансе 190 руб.

В такой плоскости, собственно, и не предъявлялось Соколовскому обвинение.

Суммируя изложенное, следует признать *явную* необоснованность обвинения Соколовского в хищении 610 руб. 75 коп., а следовательно, и искусственность квалификации его действий ч. 3 ст. 123 УК.

Несостоятельны и другие обвинения Соколовского в хищении гос. имущества (см. по этому поводу жалобу защиты — находится в Прокуратуре СССР).

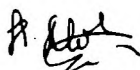
Прошу пересмотреть принятое решение и истребовать дело для непосредственной проверки в Прокуратуру СССР.

Считаю необходимым еще раз подчеркнуть, что речь идет о тяжело больном человеке, инвалиде 2 группы, отце двоих несовершеннолетних детей.

Приложение:

1. Копия Приговора нарсуда на 28 листах.
2. Лицевые счета Соколовского на 9 листах.
3. Ответ Зам. прокурора МССР от 8/VI-71 г. (копия).

Адвокат

(Мове А. Л.)

17 февраля 1972 г.

Только после этой жалобы по предписанию Прокуратуры СССР Заместителем Прокурора МССР был внесен протест в Президиум Верховного Суда МССР, который наконец 15 июня 1972 г. надлежащим образом разрешил это дело, о чем я получил соответствующее извещение.

Документ
Копия

ПРОКУРАТУРА
Молдавской Советской
Социалистической Республики

Адвокату Московской областной
юридической консультации
т. Мове А. Л.
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8.

Сообщаем, что Президиум Верховного суда Молдавской ССР 15 июня 1972 года по протесту зам. прокурора МССР приговор народного суда Чимишлийского района в отношении Соколовского Виктора Ивановича изменил: исключил из его обвинения хищение 610 руб. 75 коп., в связи с чем действия его переквалифицировал на ч-2 ст. 123 УК МССР, по которой определил наказание в виде 7-и лет лишения свободы; по совокупности ст. ст. 123 ч-2 и 186 УК МССР Соколовскому назначено наказание 7 лет лишения свободы в ИТК общего режима.

Начальник отдела по надзору
за рассмотрением в судах
уголовных дел советник юстиции

Василятий И.

Копия верна:

(А. Мове)

...

К этому времени Соколовский уже находился под стражей около 4 лет. Переквалификация его действий на ч. 2 статьи 123 УК МССР (ч. 2 ст. 92 УК РСФСР) с сокращением срока наказания на 5 лет (с 12 до 7 лет) дало ему основание буквально через несколько месяцев условно-досрочно (по отбытии 2/3 наказания) освободиться от наказания и возвратиться домой.

Так закончилось это, с виду вроде бы не очень сложное, дело. И вновь не без вмешательства ныне упраздненной Прокуратуры СССР.

Дело Герцмана Шмиля Ицковича

Из всех дел, к которым мне лично довелось иметь прикосновенность в Молдавии, пожалуй, самое страшное и тяжелое впечатление произвело на меня дело Герцмана Ш. И.

Из досье адвоката

Председателю Верховного суда СССР

Адвоката Мове А. Л.,
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная
юрконсультация

По делу

Герцмана Шмиля Ицковича,
осужд. приговором коллегии
Верхсуда МССР от 9 — 12 июля
1964 г. по ст. 123 — 1 УК МССР
на 15 лет лишения свободы с
отбыванием всего срока наказа-
ния в тюрьме

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Более 10 лет *тяжелобольной*, 68 летний *старик*, инвалид 2 группы, Герцман Ш. И. находится в заключении.

Если к этому добавить, что более 8-ми лет Герцман содержался в условиях *тюремного* режима, что почти *полгода* он пребывал между жизнью и смертью (смертный приговор был изменен Президиумом Верхсуда МССР только 30 декабря 1964 г.), станет понятным все то, что перенес и *выстрадал* этот человек.

Между тем, анализ материалов дела дает защите основание с полной ответственностью утверждать, что осужден был Герцман *неправильно*, что у суда не было решительно никаких оснований к тому, чтобы признавать его причастным к хищению гос. имущества на сумму 29.974 руб. и

квалифицировать его действия ст. 123-1 УК МССР (ст. 93-1 УК РСФСР).

1. О непоследовательности и нелогичности выводов судебного приговора

В процессе предварительного следствия *двум заготовителям Рышканского Сельпо, Герцману Ш. И. и Пискорскому Н. М., было предъявлено обвинение в хищении совместно с обв. Дорфманом, Ведерниковым и Надуляшняком соответственно 36.935 руб. и 21.919 руб.* (см. обвинительное заключение, стр. 15, 157, 158).

Не составляет большого труда убедиться в том, что все обвинение Герцмана и Пискорского в хищении гос. имущества на столь значительные суммы следственные органы обосновали *не совокупностью доказательств, а единственным доказательством* — тем, что в отчетах Герцмана было обнаружено 277 фиктивных закупочных квитанций, оформленных на вымышленных и подставных лиц на сумму 37.935 руб., а в отчетах Пискорского было обнаружено 206 таких квитанций на сумму 21.979 руб. (Обвинительное заключение, стр. 15).

По этому поводу автор Обвинительного заключения прямо утверждает (дословно):

"Размер похищенного подсолнечника Дорфманом совместно с другими обвиняемыми в количестве 152 тонны установлен по фиктивным закупочным документам, изъятым из отчетов Герцмана и Пискорского, и только от хищения этого подсолнечника причинен государству ущерб на сумму 59.915 руб. (Обвинительное заключение, стр. 17).

Ошибочность данного вывода следственных органов и попытка определить *размер* похищенного только на основании т. н. *фиктивных* закупочных квитанций не вызывает никакого сомнения (об этом см. ниже).

Именно поэтому суд *не согласился* с подобным обвинением и с учетом не только *одного* доказательства (фиктивных квитанций), а *совокупности* всех имеющихся в деле доказательств (показаний Дорфмана, Ведерникова, Надуляшняка, Пискорского) исключил из обвинения Пискорского участие в хищении *41 тонны* подсолнечника, и переквалифицировал его действия на ч. 3 ст. 123 УК (см. Приговор).

Таким образом, несмотря на то, что в отчетах Пискорского, как *установил суд*, было обнаружено более 150 *фиктивных* квитанций (приговор, стр. 179) на закупку 59 тонн подсолнечника на сумму 21 тыс. руб. (см. Приложения № 14 и 15 к заключению бухгалтерской экспертизы на следствии и в суде — т. 37 л. д. 299 — 301, т. 56-а л. д. 49-56), суд *однако* признал его виновным не в хищении 21 тыс. руб., а лишь в хищении совместно с другими подсудимыми 18 тонн подсолнечника на сумму 6.878 руб. (приговор, стр. 177-178).

При этом суд, как указано выше, принял во внимание показания Надуляшняка, Дорфмана, Ведерникова, показания Пискорского в процессе следствия и другие доказательства (приговор, стр. 179).

Казалось бы, по *логике* вещей тот же принцип, который был положен судом в основу оценки доказательств виновности Пискорского, будет применен и по отношению к Герцману.

Однако случилось так, что *вопреки* имеющимся в деле доказательствам, вопреки собственному принципу, положенному в основу обвинения Пискорского, при решении вопроса о виновности Герцмана по абсолютно аналогичному обвинению, суд исходил не из совокупности доказательств, а из одного единственного и при этом *весьма сомнительного доказательства* — наличия в отчетах Герцмана более 200 фиктивных квитанций (приговор, стр. 179).

Только на основании этого суд и признал виновным Герцмана в хищении 20 тонн подсолнечника на сумму 7.600 руб. совместно с Надуляшником (приговор, стр. 178) и 58.361 кг. подсолнечника на сумму 22.177 руб. совместно с Дорфманом и Ведерниковым, а всего в хищении 78.361 кг подсолнечника на сумму 29.777 руб. (см. там же, стр. 178 и приложение № 11 и 12 к заключению бухгалтерской экспертизы в суде — т. 56-а л. д. 57-62, 63-66).

Очевидно, что только по этим соображениям, в связи с тем, что обвинение Герцмана, *абсолютно аналогичное* обвинению Пискорского, суд построил на доказательстве, которое самим же судом в том же приговоре признано порочным (при решении вопроса о виновности Пискорского), данный приговор не может быть оставлен в силе и подлежит изменению.

И на следствии, и в суде Надуляшняк признавал себя виновным в хищении *совместно* с Герцманом 20 тонн подсолнечника на сумму 7.600 руб. (см. Обвинительное заключение, стр. 97 и Приговор, стр. 179).

Дорфман и Ведерников на следствии и в суде признавали себя виновными в хищении совместно с Пискорским и Герцманом так же 20 тонн подсолнечника на сумму 7.600 руб. (см. их показания, т. 3 л. д. 115, 127, 156, 168-об., т. 56 л. д. 153, т. 3 л. д. 197, 200, 239-об., т. 40 л. д. 230, т. 56 л. д. 288, Обвинительное заключение, стр. 17, 101, Приговор, стр. 179).

Из указанных 20 тонн подсолнечника, как признал суд, 8 тонн было похищено Дорфманом и Ведерниковым совместно с Пискорским (приговор, стр. 178), а следовательно, только 12 тонн могли быть похищены с участием Герцмана.

Очевидно, что при таких обстоятельствах, даже если исходить из показаний Надуляшняка, Дорфмана и Ведерникова на следствии и в суде (как это сделал суд в отношении подс. Пискорского), то и в этом случае Герцман мог быть признан виновным не в хищении 78 тонн, а лишь в хищении *32 тонн* подсолнечника (20 + 12) на сумму *12.160 руб.*

Очевидно вместе с этим и другое: в этом случае (если допустить, что вина Герцмана в хищении 12.160 руб. доказана — об этом см. ниже), Герцману Ш. И. никак не могло быть назначено наказание более тяжкое, нежели осужденным тем же приговором Эдельману, Тупикову, Ведерникову и др., которые признаны судом виновными в совершении более тяжких преступлений и приговорены к значительно более *мягкому* наказанию, нежели Герцман (см. приговор, стр. 157 и др.).

Суммируя изложенное, следует прийти к выводу, что Герцман Ш. И. осужден *неправильно и несправедливо*.

Если даже исходить из показаний Дорфмана, Ведерникова и Надуляшняка на следствии и в суде (*а других доказательств в деле нет*), то и в этом случае Герцман мог быть признан причастным лишь к хищению *12.160 руб.*

И в этом случае есть все основания к тому, чтобы ставить вопрос о *снижении* Герцману наказания *до фактически отбытого*.

— Но доказана ли вина Герцмана в хищении 20 тонн подсолнечника совместно в Надуляшняком?

— Доказана ли его вина в хищении совместно с Дорфманом и Ведерниковым 58-ми или 12 тонн подсолнечника?

Есть все основания полагать, что в полном объеме это обвинение Герцмана своего подтверждения в материалах дела не нашло.

II. О хищении Герцманом совместно с Надуляшником 20-ти тонн подсолнечника стоимостью 7.600 руб.

Обвинение Герцмана в этой части построено, по сути, на единственном доказательстве: *противоречивых* показаниях Надуляшника, заинтересованного в *сокрытии истинного источника сбыта похищенного*.

При оценке этих показаний Надуляшника суд не принял во внимание следующего:

а) На всем протяжении следствия и в суде обв. Надуляшник *не мог назвать точного количества подсолнечника*, которое он приписал Герцману.

В одном случае он говорил о 10 — 15 тоннах (т. 5 л. д. 22-об.), в других случаях вел речь о 20 тоннах (т. 5 л. д. 30, 41, 59, 61, т. 40 л. д. 12-об., т. 56 л. д. 79).

При этом во всех своих показаниях Надуляшник утверждал, что точное количество приписанного подсолнечника он сможет определить только *после ознакомления с документами, ярлыками — пробами* (т. 5 л. д. 22-об., 30 и др.).

Очевидно, что при таких обстоятельствах у следствия и суда не было никаких оснований к тому, чтобы только на основании подобных показаний Надуляшника делать вывод о причастности Герцмана к хищению 20 тонн подсолнечника, т. е. максимального количества, о котором говорил Надуляшник.

б) Из всех показаний Надуляшника на следствии явствовало, что он якобы приписывал Герцману подсолнечник при сдаче им его на склад завода в течение 2-х лет, в том числе и в 1960 г. На основании этих показаний Надуляшника суд также сделал в Приговоре вывод о том, что, Надуляшник приписывал подсолнечник Герцману в течение *двух лет*, 1960-1961 гг. (приговор, стр. 179).

Между тем, указанные показания Надуляшника были опровергнуты в суде.

Из приобретенных к делу в суде ярлыков-проб и реестра сдачи подсолнуха на масложиркомбинат Герцманом, явствует, что в 1960 г. заготовитель Герцман подсолнечник Надуляшняку не сдавал (см. реестр, т. 46 л. д. 1-а — 1-ж и ярлыки-пробы — т. 46).

Очевидно, что при таких обстоятельствах, когда Герцман *не сдавал* подсолнечник Надуляшняку, последний никак не мог делать ему какие-то приписки.

Это, по сути, признал в суде и сам Надуляшняк:

"В те дни, когда Герцман ничего не привозил, ему приписок не делали" (т. 56 л. д. 86-об.).

в) На всех допросах в процессе следствия и в суде, признавая свою вину в приписках подсолнечника Герцману, Надуляшняк утверждал, что приписывал ему по 300-500 кг подсолнечника на машину (т. 5 л. д. 29, 41, 59, т. 56 л. д. 83-об. и др.).

Если учесть, что *всего* Герцман в 1961 г. сдал Надуляшняку 13 машин подсолнечника в период с 10 марта по 25 апреля 1961 г. (см. реестр, т. 46 л. д. 1а — 1ж, т. 55 л. д. 309 — и прилагаемые реестры), станет понятным, что максимально Надуляшняк мог приписать Герцману не 20 т подсолнечника, а 5.200 кг (в среднем по 400 кг на машину) на сумму 1.976 руб.

г) Наконец, при оценке показаний Надуляшняка нельзя не учитывать того, что не только на следствии, но и в суде он был исключительно *неискренен*, всячески пытался *скрыть* подлинные источники сбыта похищенного.

В частности, невзирая на то, что в процессе следствия и в суде подс. Эдельман, Шрайбман, а на следствии и обв. Пискорский признавали себя виновными в том, что Надуляшняк приписывал им подсолнечник, за что ему передавались деньги, Надуляшняк на следствии и в суде упорно *отрицал* эти факты (см. Обвинительное заключение и приговор суда).

Полагаю, что при таких обстоятельствах у суда не было оснований к тому, чтобы на подобных показаниях Надуляшняка строить обвинение Герцмана в хищении 20 тонн подсолнечника.

С учетом конкретных обстоятельств дела следует признать доказанным причастность Герцмана к хищению со-

вместно с Надуляшняком не 20 тонн, а 5.200 кг. подсолнечника на 1.976 руб.

III. О хищении подсолнечника Герцманом совместно в Дорфманом и Ведерниковым.

Как указывалось выше, все обвинение Герцмана в хищении совместно с Дорфманом и Ведерниковым 58.361 кг подсолнечника на сумму 22.177 суд обосновал *единственным* доказательством: наличием в отчетах Герцмана более 200 *фиктивных* закупочных квитанций (см. обвинительное заключение, стр. 17 и Приговор, стр. 178-179).

С этим выводом суда о *размере* похищенного нельзя согласиться. И не только потому, что *вывод* этот *противоречит* другому выводу суда в том же приговоре (Раздел 1 жалобы), но и потому, что при оценке этого доказательства суд не принял во внимание *следующего*:

1. Установлено, что при закупке подсолнечника *заготовителя не вменялось в обязанность проверять документы, удостоверяющие личность сдатчика.*

Данное обстоятельство подтвердили в судебном заседании председатель Рышканского сельпо свид. Опалко и ст. бухгалтер сельпо свид. Надлер (см. их показания, т. 57, л. д. 372 и др.).

Подтверждено это обстоятельство и официальной справкой Рышканского РПС от 16 марта 1964 г., приобщенной к делу судом (т. 55, л. д. 289).

Тот факт, что заготовитель Герцман в полном *соответствии с указанным положением* при закупке подсолнечника *не проверял документов сдатчиков*, подтвердили в суде и на следствии многочисленные свидетели — продавцы подсолнечника (см. их показания).

Признал установленным данное обстоятельство и суд, который, правда, сослался при этом на то, что якобы Герцман *вправе* был "потребовать документы от граждан", т. к. в кассовом ордере имелись соответствующие графы, однако *не делал этого* (приговор, стр. 183).

Совершенно очевидно, что при таких обстоятельствах сам факт обнаружения в отчетах Герцмана закупочных квитанций, оформленных на *вымышленных лиц*, еще не может являться *бесспорным доказательством* того, что подсолнечник им не покупался и деньги присвоены, ибо не иск-

лючено, что по различным соображениям (перепродажа подсолнечника, продажа похищенного и пр. и пр.) сдатчики могли и называли заготовителю не свои фамилии, а фамилии вымышленные.

При оценке всего этого нельзя не учитывать и того, что проведенная по делу *графическая экспертиза не установила ни единого случая исполнения Герцманом подписи за вымышленных лиц*. По заключению эксперта лишь 6 подписей (из 250 исследованных) *вероятнее всего* исполнены Герцманом (т. 29 л. д. 376-381).

2. Из материалов дела явствует, что Герцман — человек *малограмотный*, который только в местах лишения свободы, на старости лет, с трудом научился читать и писать по-русски (см. прилагаемую газету "К честной трудовой жизни" от 2 апреля 1968 г., статья "Учиться — никогда не поздно").).

В судебном заседании по этому поводу Герцман *показал*:

"Я малограмотный, в школе никогда не учился, но писать немного умею".

"Отчеты на протяжении нескольких лет мне составляли работники бухгалтерии, т. к. я неграмотный". (Протокол суд. засед., т. 56 л. д. 292-об., 293).

Вследствие своей *малограмотности* Герцман *не совсем правильно писал* в закупочных квитанциях фамилии сдатчиков.

В частности, вместо фамилий:

"Чебан" — он писал — "Шубан"

"Ешану" — "" — "Яшану"

"Илащук" — "" — "Матечук"

"Пынзор" — "" — "Брынзор"

"Евгений" — "" — "Ифдена" и т. д.

(см. закупочные квитанции, т. 29, 30).

Не мудрено, что впоследствии *все эти и подобные им закупочные квитанции* были следственными органами *отнесены к разряду вымышленных* лишь на том основании, что из сельских советов поступили справки о том, что указанные в них граждане (все эти "Шубан, Яшану, Брынзор" и др.) на территории сельсовета не проживают.

Насколько *поспешным и ошибочным* являлся этот вывод следственных органов, суд имел возможность убедиться, когда в судебном заседании выяснилось, что из 158 т. н. вымышленных лиц более 30 или 1/5 часть оказались *вовсе не вымышленными* (Козак, Булар, Усок, Болтиховская, Антонюк, Голик и многие другие), вследствие чего суд и *исключил из обвинения Герцмана хищение по этим квитанциям* (см. Реестр, приложение № 11 к заключению бух. экспертизы в суде. Исключенные судом квитанции *зачеркнуты с внесением соответствующих исправлений* в цифровые итоги — т. 56-а, л. д. 57-62).

К сожалению, *полностью проверить весь список т. н. вымышленных лиц в суде не представилось возможным*, т. к. порой Герцман по своей малограмотности неправильно указывал в квитанции наименование места жительства сдатчика, порой следователь, не сумев разобрать почерка Герцмана, запрашивал справку *не из того Сельсовета*, который был указан в квитанции или *не в отношении того лица*, которое значилось в квитанции.

Очевидно, что и по этим соображениям только на основании имеющихся в деле квитанций, оформленных на т. н. вымышленных лиц, нельзя делать вывод о том, что подсолнечник по этим квитанциям Герцман не закупал, и деньги похищены.

3. Установлено, что в целом ряде случаев Герцман при *закупке подсолнечника у нескольких лиц* оформлял эту закупку одной квитанцией, которую он выписывал *на одного из этих сдатчиков*. Точно так же поступала и жена Герцмана, которая иногда вместо него занималась заготовкой подсолнечника (см. показания Герцмана, свид. Герцман Р. М., Ткачук, Шуляк, Банаховского, Мельник, Пачеха, Балабан, Поворознюк, Гиждиван и др.).

Установлено так же, что некоторые свидетели в *процессе следствия* по различным соображениям *отрицали продажу подсолнечника Герцману*, а в судебном заседании *вынуждены были этот факт признать*.

Во всем этом суд имел возможность убедиться в судебном заседании, вследствие чего *исключил из обвинения Герцмана хищение по 25 закупочным квитанциям*, которые в процессе следствия были признаны *частично бестоварными* (см. приложение № 12 к заключению бух. экспертизы в суде). Исключенные судом квитанции *зачеркнуты с вне-*

сением соответствующих исправлений в цифровые итоги — т. 56-а, л. д. 63-66).

К сожалению, исключив из обвинения Герцмана хищение почти по 1/4 части всех квитанций, содержащихся в приложении № 12, суд не был до конца последовательным в своих выводах, в результате чего без достаточных оснований признал виновным Герцмана в хищении подсолнечника по целому ряду *весьма сомнительных случаев*:

а) Прежде всего, нельзя не обратить внимание на то, что ряд лиц, фигурирующих в Приложении № 12, в суде допрошены не были, и таким образом их показания на следствии судом не проверялись (свид. Дубчак, Шарбан, Ешину, Гринчик, Кондрацкий, Игнат, Белюк, Андрушак, Сыргий и др.).

Очевидно, что без проверки показаний этих свидетелей в суде не было оснований считать, что по закупочным квитанциям, выписанным на их имя, Герцманом частично был похищен подсолнечник.

б) В ряде случаев следствием и судом были допрошены не те лица, которые значатся в закупочных квитанциях.

Так:

В квитанции значится Гуцул Г. Г. (т. 30 л. д. 183), а на следствии и в суде допрошено другое лицо — Гуцу (см. Приложение № 12 и протокол допроса).

В квитанции значится Рабчук А. П. (т. 30 л. д. 245), а на следствии и в суде допрошен Грубчук (см. Приложение № 12 и протоколы допросов).

В квитанции значится Валилаки Е. Ф. (т. 30 л. д. 303), а на следствии и в суде допрошен Василяки Е. В. (см. протоколы допросов), и т. д.

в) На всем протяжении следствия и в судебном заседании подс. Герцман утверждал, что по его поручению в октябре 1961 года покупал подсолнечник *кладовщик* колхоза "Котовский" Ешану Е. Ф., которому он для этого оставил деньги и который оформлял *закупочные ведомости* № 870788, 931975, 931978 (см. показ. Герцмана).

Основываясь только на том, что Ешану Е. Ф. в процессе следствия по вполне понятным соображениям (он, видимо, сбывал подсолнечник, похищенный со склада колхоза) показаний Герцмана не подтвердил (в суде он допрошен не

был), ряд лиц, которые фигурируют в указанных ведомостях отрицали продажу подсолнечника, а другие были признаны вымышленными (из Глодянского сельсовета получали справки о том, что на территории сельсовета эти лица не проживают), следственные органы и суд признали, что Герцман не закупал подсолнечник, оформленный на этих лиц и деньги, начисленные на Меренюк А. Г., Федорова Г. Н., Романюк П. Г., Ротараш П., Крышмарь И. С., Соколюк Е. В., Крышмарь Ф. М., Озован К. В., Ешану Ф. С. и др., присвоил (см. Приложение № 11 и 12 к акту бух. экспертизы).

Между тем, допрошенные в суде по ходатайству Герцмана свидетели Крышмарь Ф. М. и Ешану Ф. С. подтвердили показания Герцмана и опровергли объяснения Ешану Е. Ф.

Они показали:

Крышмарь:

"Герцману я продавал подсолнух со склада колхоза и расписался. Деньги получал от Ешану. В предъявленной ведомости т. 29 л. д. 353 (ведомость № 931975) подпись моя". (Протокол суд. засед., т. 57 л. д. 444-об.).

Ешану Ф. С. (отец Ешану Е.)

"Подсолнух Герцману продавал. Деньги получил у сына. В ведомости т. 29 л. д. 353 подпись моя". (Там же, л. д. 445-об.).

Характерно, что невзирая на показания указанных свидетелей в суде, суд не только не исключил из обвинения Герцмана данные эпизоды, а признал, что лица эти являются *вымышленными* (?) и Герцман присвоил деньги, начисленные на них (см. Приложение № 11, т. 56-а л. д. 62).

Признавая Герцмана виновным в хищении денег по указанным ведомостям, и следственные органы, и суд не удосужились даже направить ведомость *на графическую экспертизу*, хотя и без экспертизы видно, что *текст* ведомостей исполнен не Герцманом, а другим лицом (т. 29 л. д. 353, 358, т. 30 л. д. 386).

Из прилагаемой к жалобе *справки* Никорянского С/совета видно, что лица, которые следствием и судом были отнесены к категории *вымышленных* (следовательно ошибочно запросил в справке об их местожительстве не из того

Сельсовета), проживали в 1960-1962 гг. и проживают сейчас на территории сельсовета.

Комментарии, думается, излишни.

г) И на следствии и в суде Герцман показывал, что в феврале 1960 г. он поручал *кладовщику* колхоза Гаснашу закупить у колхозников подсолнечник, что последний и сделал, оформив на закупку 3.083 кг подсолнуха (986 руб. 56 коп.) накладную № 8 от 15/II-60 г. (см. показания Герцмана и накладную, т. 30 л. д. 360).

Хотя Гаснаш по вполне понятным причинам отрицал, что подсолнух закупал лично он, но в то же время сам *факт закупки подсолнечника он подтвердил*:

"В 1960 г. приезжал Герцман, закупал у колхозников подсолнечник. Я в то время выдавал подсолнечник колхозникам по трудодням. Он ведомость не оформлял, а выписал проходную накладную и, по-видимому, он выписал одну накладную на мое имя, куда включил подсолнечник, закупленный от многих граждан и, видимо, я тогда расписался. В накладной № 8 за 1960 г. подпись похожа на мою" (т. 30 л. д. 366).

Объяснения Герцмана и свид. Гаснаша не опровергаются и проведенной по делу *графической экспертизой*, которая пришла к выводу о том, что установить, кем выполнена подпись от имени Гаснаша (*самим Гаснашем или другим лицом*), не представляется возможным (т. 29 л. д. 377).

Очевидно, что при таких обстоятельствах у суда не было оснований к тому, чтобы утверждать о хищении Герцманом 986 руб. 56 коп. по накладной, оформленной на имя Гаснаша.

4. По мнению суда, Герцманом всего было оформлено *подложных* закупочных квитанций на 58. 361 кг подсолнечника, и все это количество затем было приписано ему Дорфманом и Ведерниковым при сдаче им подсолнечника на масложиркомбинат, а деньги в сумме 22.177 руб. (стоимость 58 тонн подсолнечника) были похищены (приговор, стр. 178).

Недуманность подобного вывода суда совершенно очевидна:

а) Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что *всего* Герцманом было сдано в цех № 3 комбината (в тот период, когда там работали совместно Дорфман и Ведерников, с сентября 1960 г.) 158.720 кг подсолнечника

(см. реестр масложиркомбината — т. 46 л. д. 1а-1ж и прилагаемые реестры).

Хотя это и не имеет принципиального значения, но следует заметить, что суд в Приговоре необоснованно ссылается на то, что якобы Герцманом было сдано Дорфману и Ведерникову более 170 тонн подсолнечника (приговор, стр. 184).

В данном случае суд, видимо, включил в общее количество тот подсолнух (свыше 6 тонн), который Герцманом был сдан 16/II-60 г. и 28/IV-60 г. (по накладным № 517 и 805 — т. 37 л. д. 96, т. 46 л. д. 7) в цех № 3 в то время, когда Дорфман еще в этом цехе не работал, а на складе работали Ромасевич и Ведерников (по утверждению Ведерникова в это время он хищением с Герцманом не занимался, и подобное обвинение Ведерникову и Герцману не предъявлялось).

Включил, видимо, суд в это количество (понять это из приговора невозможно) и тот подсолнечник (свыше 9 тонн), который был принят от Герцмана не на склад Дорфмана, а на склад Гадуляшняка (цех № 1) в апреле и в июне 1961 г. по ярлыкам-пробам № 759, 762 и 1256 (т. 46 л. д. 185, 188, 255).

Хотя подсолнечник этот принимал от Герцмана Ведерников (он тогда временно работал с Надуляшняком), но тот факт, что сдан он был не в цех № 3, а в цех № 1 подтверждается *порядковыми номерами* указанных ярлыков-проб (см. ярлыки-пробы № 736, 747 от 25/IV-61 г. по складу Надуляшняка — т. 46 л. д. 273, 176 и ярлыки-пробы № 1256, 1257 от 1/III-61 г. по складу Дорфмана — т. 46 л. д. 80, 85 и Реестр — т. 46 л. д. 1а-1ж).

Как бы там ни было, но совершенно очевидно, что *приписать к 100* (или даже к 115 тоннам) подсолнечника, который, по мнению суда, Герцман фактически сдал на склад, 58 тонн подсолнечника (более 1 тонны на машину) Дорфман и Ведерников никак не могли. Во всяком случае, из их показаний на следствии и в суде это не вытекает.

б) Утверждение суда о том, что 58 тонн подсолнечника на сумму 22.177 руб. было приписано Герцману работниками цеха № 3 Дорфманом и Ведерниковым в 1960 — 1961 гг. (Приговор, стр. 178), *опровергается* имеющимися в деле и прилагаемыми документами, из которых усматривается, что Дорфман приступил к работе на складе сырья масложиркомбината с 9/IX-60 г. и впервые принял от Герцмана подсолнечник лишь 10 декабря 1960 г. (см. характеристику

Дорфмана — т. 3 л. д. 176, справку отдела кадров — т. 3 л. д. 177, Реестр Масложиркомбината — т. 46 л. д. 1а-1ж, ярлыки-пробы № 427 от 10/XII-60 г., № 469 от 13/XII-60 г. и др. — т. 46 л. д. 12, 15 и др. и прилагаемую справку).

— *Каким образом могли Дорфман и Ведерников приписать Герцману подсолнух, около 12 тонн, в течение 1960 года, если в это время Дорфман еще приемщиком склада не работал?*

(См. приложение № 11 и 12 к акту бухгалтерской экспертизы в суде, перечень бестоварных квитанций за 1960 г. — т. 56а, л. д. 57 и 63).

На этот вопрос приговор суда не отвечает. Не ответило на этот вопрос и руководство Верховного Суда МССР, хотя в своем отношении от 5/XI-64 г. *Зам. Председателя Верховного Суда СССР* т. Тербилов прямо указывал:

"Дорфман принимал от Герцмана подсолнечник с 10/XII-60 г. по 3/III-61 г. и только в это время мог расхитить путем приписки его Герцману".

И далее:

"Хищение по квитанциям Герцмана, выписанным до 10/XII-60 г., 11.715 кг на 3796 руб. Дорфман совершить не мог, т. к. в это время подсолнечник не принимал". (т. 59 л. д. 110).

Мало того.

Установлено, что и в период с 3/III-61 г. по 13/X-61 г. Дорфман так же не принимал подсолнечник от Герцмана (см. ярлыки-пробы № 1270 от 3/III-61 г. и № 191 от 12/X-61 г. — т. 46 л. д. 94, 335 и Реестр — т. 46 л. д. 1а-1ж).

— *Каким образом могли Дорфман и Ведерников приписать Герцману подсолнух, свыше 40 тонн (в марте, апреле, мае, июне, июле, сентябре 1961), если в течение всего этого времени Дорфман и Ведерников подсолнечник от Герцмана не принимали?*

(см. Приложение № 11 и 12 к акту бух. экспертизы в суде, перечень бестоварных квитанций за март — сентябрь 1961 г. — т. 56а л. д. 58-61, 64-66 и прилагаемые реестры).

На этот вопрос судебный приговор не отвечает. Не ответило на этот вопрос и руководство Верховного суда

МССР, хотя в своем отношении от 5/XI-64 г. *Зам. председателя Верховного суда СССР* т. Теребилов прямо указывал:

"Дорфман не мог похитить подсолнечник и после 3/III-61 г. Дорфман принимал от Герцмана подсолнечник с 13/X по 28/XI-61 г. (т. 59 л. д. 110)

Все это бесспорно свидетельствует о *порочности и ошибочности* выводов суда, который основываясь только на *одном доказательстве* — фиктивности закупочных квитанций, обнаруженных в отчетах Герцмана, *явно необоснованно* признал его виновным в хищении совместно с Дорфманом и Ведерниковым свыше 52 тонн подсолнечника (12 + 40).

Совершенно очевидно здесь и другое: сам факт обнаружения в отчетах Герцмана отдельных *бестоварных* (или частично бестоварных) закупочных квитанций может быть использован как доказательство его вины *не обособленно*, а *лишь в совокупности* с другими доказательствами, имеющимися в деле, точно так, как это сделал суд при оценке доказательств, положенных в основу обвинения Пискорского.

Учитывая, что на всем протяжении *следствия и в судебном заседании* подс. Дорфман и Ведерников признавали себя виновными в хищении совместно с Герцманом и Пискорским 20 тонн подсолнечника (из них суд признал, что 8 т похищено ими с Пискорским — Приговор, стр. 178), полагаю, что следовало признать, что совместно с Герцманом ими было похищено 12 тонн подсолнечника.

IV. О хищении Герцманом совместно с Бологаном 172 кг растительного масла стоимостью 197 руб.

Обвинение Герцмана в этой части построено на *путанных* показаниях подс. Бологана и на факте обнаружения в отчетах Герцмана *единственной* признанной следствием и судом фиктивной закупочной квитанции № 100468 от 18/III-59 г.

Показания Бологана о том, что он продал Герцману излишнее растительное масло при получении им такового на Масложиркомбинате являются *оговором* и опровергаются имеющейся в деле справкой Рышканского сельпо, из которой явствует, что в 1959 г. Герцман *вообще не получал* масла на масложиркомбинате. (т. 55 л. д. 310).

И на следствии, и в суде Герцман объяснял, что фамилия в квитанции была записана им со слов сдатчика, *документов, удостоверяющих личность, он не проверял и не*

обязан был это делать (см. справку Рышканского сельпо, т. 55 л. д. 289).

Герцман в суде объяснил, что впоследствии ему стало известно, что продавец масла его обманул, *неправильно назвал свою фамилию*, что действительная фамилия продавца не Дудко, как значится в квитанции (т. 29 л. д. 367), а Дубняк А. А., который проживает в с. Копачанка Рышканского р-на.

Обоснованное ходатайство Герцмана о вызове и допросе в суде гр. Дубняк суд неосновательно отклонил.

Полагаю, что при таких обстоятельствах у суда не было оснований для признания Герцмана виновным в хищении совместно с Бологаном 172 кг масла стоимостью 197 руб.

В. О других доказательствах, положенных в основу обвинения Герцмана

В подтверждение вины Герцмана суд в приговоре ссылается на целый ряд *обстоятельств*, которые, в чем не трудно убедиться, по существу, *ничего не доказывают*.

В частности:

а) в приговоре имеется ссылка на то, что "Герцман часто сдавал на завод подсолнечник на основании документов, оформленных от имени Рышканской райзаготконторы" (приговор, стр. 184).

Что хотел сказать суд, сославшись на этот, абсолютно *голословный* и никем *не проверенный факт* — понять из приговора невозможно, т. к. установлено, что т. н. фиктивными квитанциями Герцман *отчитывался не перед Заготконторой, а перед сельпо*, от которого он и получал в подотчет деньги (см. Приговор).

б) Суд в приговоре ссылается на факт, который, по признанию самого суда, Герцману *не вменяется*, но который якобы свидетельствует о том, что и в 1962 г. Герцман занимался хищением подсолнечника.

По мнению суда, это подтверждается ярлыком-пробой № 408 от 16/III-62 на сдачу подсолнечника, привезенного на машине МДА-19-38, принадлежащей Рышканской пожарной команде. (Приговор, стр. 191-192)

Утверждение суда о том, что *"эти же данные об автомашине были указаны Герцманом в собственноручно выпи-*

санной им 15/III-62 г. *накладной*" (стр. 191), опровергается имеющейся в деле *накладной* (т. 46 л. д. 483), из которой усматривается, что Герцманом в ней был указан номер автомашины не МДА-19-38 (как утверждает суд), а *другой* — 19-35.

Все это свидетельствует о том, что никакого хищения здесь не было, а просто Надуляшняк *ошибочно* записал в ярлыке-пробе *не тот номер машины*, который указал Герцман в *накладной*.

в) Неосновательна ссылка суда и на то, что Герцман у себя дома мог хранить только небольшое количество подсолнечника, т. к. *"он не имел складских помещений для хранения закупленного подсолнечника"* (Приговор, стр. 184).

Этот вывод суда *опровергается* прилагаемой справкой Рышканского поселкового совета от 17/I-67 г. о том, что у Герцмана имелся деревянный сарай размером 159,7 кв. метров (справка прилагается).

Помимо этого показаниями многочисленных свидетелей на следствии и в суде доказано, что зачастую закупленный Герцманом подсолнух *вывозился* им непосредственно с места закупки *транзитом* на масложиркомбинат.

г) Необоснованным является и утверждение суда о том, что *"Герцман жил явно не по средствам..."* В последнее время купил в г. Бельцы дом за 5 тыс. руб. и пр." (Приговор, стр. 185).

При оценке этого вывода суда нельзя не учитывать того, что, как видно из имеющихся в деле документов, хотя Герцман действительно купил в г. Бельцы дом за 5 тыс. руб., *но незадолго до этого он продал дом* в пос. Рышканах (полученный по наследству женой) и в г. Бельцы (т. 55 л. д. 290 и 291), и большая часть этих денег пошла на покупку указанного дома.

Из документов дела также усматривается, что Герцман всю свою жизнь *постоянно работал*, получал *значительную* зарплату (от 300 до 600 руб. в месяц — см. справки — т. 55 л. д. 293-300).

Нет ничего удивительного в том, что при подобной зарплате, в условиях *сельской местности* и наличия *подсобного хозяйства* (см. справку — т. 55 л. д. 311), Герцман приобрел имущество на 8.848 руб. (сюда входит и стоимость дома — 5 тыс. руб.) и имел сбережения в пределах 1 тыс. руб. (приговор, стр. 185).

И еще одно соображение.

В заключение считаю необходимым *особо* обратить внимание на тот *чрезвычайно низкий уровень*, на котором проходило рассмотрение данного дела в суде.

Не касаясь многих *серьезных* процессуальных *нарушений*, допущенных судом, нельзя не сказать о том, что в нарушение Руководящего Постановления Пленума Верховного суда СССР *"О судебном приговоре"* суд не удосужился в приговоре сослаться на те конкретные эпизоды, которые *исключены* им из обвинения, на конкретные факты, которые *признаны* им доказанными в отношении каждого из подсудимых.

В результате, ничего этого понять из приговора нельзя, и приходится лишь *предполагать и догадываться*, какие эпизоды и по каким основаниям *исключены* их обвинения, и из чего состоит общая сумма похищенного, признанная судебным приговором.

Об уровне рассмотрения данного дела в суде красноречиво свидетельствует тот факт, что уже после вступления приговора в законную силу по делу было *принесено 5 протестов о пересмотре дела в порядке надзора* в отношении большой группы осужденных (т. 59).

К сожалению, все *ошибки*, допущенные судом, этим *исправлены не были*.

— " —

Герцман Ш. И. 1906 г. рождения. Рос и воспитывался в *бедной семье, малограмотный, плохо владеющий русским языком* (до воссоединения Бессарабии жил на территории Румынии).

По работе характеризовался положительно (т. 29 л. д. 15).

В прошлом не судим. От жены и детей оторван свыше 10 лет. *Тяжело болен, инвалид 2 группы* (документы, которые находятся в мед. части колонии, *прошу истребовать*).

— " —

В силу изложенного прошу Вас *истребовать* настоящее дело и внести *протест* на предмет внесения в приговор суда *следующих изменений*:

1. Исключения из обвинения Герцмана хищения совместно с Надуляшняком 14.800 кг подсолнечника (20.000 — 5.200) и

прекращения в этой части дела производством за недоказанностью предъявленного обвинения (Раздел II жалобы).

2. Исключения из обвинения Герцмана хищения совместно с Дорфманом и Ведерниковым хищения 46.361 кг подсолнечника (58.361 — 12.000) и прекращения в этой части дела производством за недоказанностью предъявленного обвинения (Раздел III жалобы).

3. Отмены приговора суда в части признания Герцмана виновным в хищении совместно с Бологаном 172 кг масла стоимостью 197 руб. и прекращения в этой части дела производством за недоказанностью предъявленного обвинения (Раздел IV жалобы).

4. Переквалификации действий Герцмана, с учетом причастности его к хищению с другими осужденными 17.200 кг подсолнечника (5.200 + 12.000 кг) стоимостью 7.536 руб., на ч. 3 ст. 123 УК МССР и снижении ему наказания до фактически отбытого, с освобождением его из-под стражи.

Приложение:

1. Копия приговора коллегии Верховсуда МССР на 241 листе.
2. Копия Постановления Президиума Верховсуда МССР от 30/XII-64 г. на 12 листах.
3. Копия справки Бельцкого Масложиркомбината от 9/X-68 г.
4. Копия справки исполкома Рышканского Поссовета от 17/I-67 г.
5. Газета "К честной трудовой жизни" от 2/IV-68 г. № 1.
6. Реестры ярлыков-проб — 3 шт. на 11 листах.

Справка: Герцман Ш. И. отбывает наказание по адресу: МССР, Криулянский р-н, с. Старые Гаяны, участок поселения.

Адвокат

г. Москва
8 июля 1973 г.

(Мове А. Л.)

К тому времени, когда ко мне обратились за помощью по этому делу, Герцман уже находился под стражей более 10 лет. В данном случае время работало против него, и добиться пересмотра этого дела через столькие годы мне, увы, не удалось. Такое это было время. Те, к кому я обращался, утешали: "Пусть благодарит Бога, что не расстреляли!" А ведь могло и такое случиться — ведь бывало такое с другими "хозяйственниками", и не единожды...

Дело отца и сына Господиновых. Необходимая оборона?

На многократные жалобы по этому делу постоянно поступали отрицательные ответы. Уж слишком необычна была позиция защиты, которая, не отрицая изложенных в приговоре фактов, давала им совершенно иную правовую оценку. Это был один из самых казалось бы надежных способов защиты, тот, который я именую "защитой законом", с помощью которого было одержано немало побед. Но в данном случае он почему-то не срабатывал.

Из досье адвоката

ПРОКУРОРУ МОЛДАВСКОЙ ССР

Адвоката Мове А. Л. г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8 Мосоэлюконсультация

В защиту

Господинова Василия Ивановича и Господинова
Сергея Васильевича, осужденных Приговором
Вулканештского нарсуда МССР от 25/1-71 г. со-
ответственно по ст. 15-89 и 17-89 УК МССР,
Определением коллегии Врхсуда МССР от 2/III-
71 г. действия осужденных переквалифицированы
на ст. 95 и 17-95 УК МССР

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Приговор Народного суда Вулканештского р-на МССР
от 25/1-71 г. и Определение коллегии Врхсуда МССР от
2/III-71 г. по указанному делу являются *ошибочными* и
подлежат отмене, а дело *прекращению производством* по
следующим основаниям:

* Покушение и соучастие в убийстве — ст. 103 УК РСФСР

** Причинение тяжких телесных повреждений — ст. 108 ч.1 УК

Из материалов дела усматривается, что 12/IX-70 г. около 16 час. потерпевший Ровенко И. Т. *самовольно угнал с территории консервного з-да трактор, на котором он поздним вечером, около 21 ч., совершил преступление — наезд на лошадь и находящегося на ней гр. Господинова Б. И.*

В результате преступных действий Ровенко Господину Б. были причинены *легкие телесные повреждения*, получила ушибы и закрепленная за ним совхозная лошадь.

Все эти обстоятельства нашли полное подтверждение в материалах дела.

В частности:

а) На всем протяжении следствия и в двух судебных заседаниях подсудимые Господинов В. И. и его сын показывали, что конфликт возник из-за того, что трактором была сбита лошадь и находившийся на ней Господинов Б. (л. д. 15, 60, 207, 10, 54, 208 и др.).

б) Об этом же говорили допрошенные на следствии и в суде свидетели — очевидцы происшедшего — Койчев, Куржос и потерпевший — Господинов Б. И.

"Трактор сдал вдруг назад, — показал свид. Койчев, — лошадь упала и сторож тоже" (л. д. 13, 43).

И далее:

"Он сбил лошадь, сторож упал, мы стали кричать" (л. д. 214).

И далее:

"Тракторист сдал резко назад и сбил Господинова и лошадь" (л. д. 251).

Об этом же говорил и свид. Куржос (л. д. 17, 21, 215, 252).

Подтверждал все это и потерпевший — Господин Б. И.:

"Трактор сдал назад, сбил меня и лошадь и сразу поехал вперед" (л. д. 36).

И далее:

"Лошадь упала на меня. Я неделю болел, обращался к врачу". (л. д. 216-об.).

в) Не отрицал всего этого по сути и гр. Ровенко:

"Я взял трактор самовольно, ехал к жене в с. Голубов" (л. д. 89).

И далее:

"Трактор я взял самовольно" (л. д. 249-об.).

г) То обстоятельство, что в результате преступных действий Ровенко получили повреждения Господинов Б. и за-

крепленная за ним лошадь, подтверждено имеющимся в деле документом (л. д. 132) и прилагаемой справкой гл. ветврача совхоза от 14/IX-70 г.

д) Тот факт, что Ровенко совершил преступление, предусмотренное ст. 177 ч. 1 УК, за которое может быть назначено наказание до 3-х лет лишения свободы, признали и следственные органы, которые прекратили в отношении него дело производством не за отсутствием состава преступления, а по другим мотивам (см. Постановление о прекращении дела — л. д. 132).

Установлено также, что после совершения преступления Ровенко, несмотря на крики и требования остановиться, *не остановил трактор и пытался скрыться с места происшествия.* (См. показания Койчева, Куржос, Господинова В. И., Господинова С. В. и самого Ровенко).

— Что должен был делать в возникшем положении Господинов В. И., являвшийся в этот вечер ст. дежурным совхоза по охране урожая?

— Что должны были предпринять в создавшейся ситуации Господинов В. И. и члены его бригады, на глазах которых было совершено преступление?

Нетрудно понять, что единственное, что они должны были в это время сделать — это *задержать нарушителя и доставить его в соответствующие органы*, тем более что, как показал Господинов С. В. *"когда лошадь упала и был сбит человек, мы думали, что тракторист задавил его"* (л. д. 209-об., 210).

Именно с этой целью, с целью задержания неизвестного, совершившего наезд, Господинов В. И. и другие бывшие с ним лица стали преследовать удалявшийся в темноте трактор.

По этому поводу еще на следствии Господинов В. И. показал:

"Мы стали кричать, чтобы он остановился, но он поехал вперед. Мы решили догнать его, остановить" (л. д. 60).

Об этом же говорил Господинов В. и в суде:

"Мы поехали за трактористом, т. к. он сбил сторожа и не остановился. Наша цель была задержать его" (л. д. 207-об.).

И далее:

"У меня было только одно желание — задержать его. У нас не было цели убивать его. Мы хотели его только задержать". (л. д. 247-об. 248)

Аналогичные показания дал и Господинов С.:

"Мы, услышав крик Господинова Б., стали кричать, чтоб трактор остановился, но он уехал... Отец крикнул, чтоб мы садились в машину, догоняли трактор... (л. д. 59-об.).

И далее:

"Он сбил сторожа, и мы хотели его задержать. *Наша цель была его задержать*" (л. д. 209-об.).

И далее:

"Наша цель была задержать его, а не убивать..." (л. д. 249).

Об этом же говорил и свид. *Койчев:*

"Когда мы увидели такое, мы стали кричать, но трактор не остановился. *У нас была цель задержать его*" (л. д. 251).

То обстоятельство, что Господинов В. И. и его сын стали преследовать Ровенко с целью его задержания, признали и следственные органы, которые в *Обвинительном заключении* (в формуле обвинения) прямо подчеркнули:

"Господинов В. И. предложил Койчеву на автомашине преследовать тракториста Ровенко с *целью его задержания...*" (*Обвинительное заключение*, стр. 5).

И далее:

"Господинов С. В. совместно со своим отцом Господиновым В. И., Куржос и Койчевым на автомашине стали преследовать тракториста Ровенко с целью задержания" (там же, стр. 5).

Совершенно очевидно, что при таких обстоятельствах, даже при признании того, что Господинов С. без необходимости умышленно стрелял в скрывавшегося преступника (об этом см. ниже), действия его (а соответственно и действия отца, давшего команду стрелять) следовало квалифицировать не ст. 95 ч. 1 УК, а ст. 98 УК, предусматривающей ответственность за тяжкое телесное повреждение, причиненное при *превышении пределов необходимой обороны*.

И при этом, разумеется, следовало исходить из того, что в соответствии с п. 5 Руководящего Постановления Пленума Верховного суда СССР от 4/XII-69 г. № 22 "О практике применения судами законодательства о *необходимой обороне*" действия граждан по задержанию преступника *приравниваются к необходимой обороне* и уголовная ответственность за причинение вреда преступнику в указанных случаях может наступать (как при *превышении пределов необходимой обороны*) лишь тогда, когда действия, причинившие вред, не являлись необходимыми для его задержания.

В этом случае, повторяем, действия Господинова С. В. следовало бы квалифицировать ст. 98 УК, а действия Господинова В. И. — ст. 17 — 98 УК.

II.

Оставляя пока в стороне вопрос о том, умышленно или по неосторожности причинил Господинов С. телесное повреждение Ровенко, следует признать, что отец его, Господинов В. И., *ни при каких условиях* в данном случае не мог и не должен был нести ответственность за подстрекательство сына к причинению тяжких телесных повреждений.

1) Установлено, и это вытекает из всех материалов дела, что Господинов В. никогда *не давал указаний* своему сыну *стрелять в Ровенко*.

Допрошенный по этому поводу на следствии Господинов С. В. показал:

"Тракторист на большой скорости поехал. Мы гнали за ним. Я стрелял ему в бак с горючим и скаты" (л. д. 10).

И далее:

"Мы догоняли тракториста, он не останавливался. Отец крикнул: "Стреляй по скатам и по баку с горючим". (л. д. 58-об.).

Об этом же говорил Господинов Сергей и в суде:

"Когда он от нас скрывался, отец крикнул из кабины, чтобы я стрелял по скатам. Я стрелял по баку и по колесам". (л. д. 209-209-об.)

И далее:

"Он стал от нас скрываться, тогда отец приказал мне стрелять по баку. Мне отец дал указание стрелять по баку". (л. д. 248).

Аналогичные показания дал по этому вопросу и Господинов В. И.:

"Я увидел, что тракторист не хочет останавливаться, и крикнул из кабины автомашины: "Сергей, стреляй по скатам и баку с горючим". Я надеялся, что тогда мы сможет остановить трактор" (л. д. 60-об.).

И далее:

"Видя, что трактор не хочет останавливаться, я крикнул с кабины сыну, чтобы он стрелял в трактор по баку... Я давал указание стрелять по баку". (л. д. 107, 208)

И далее:

"Я давал указание сыну стрелять *по баку*". (л. д. 247-об.).

Подтвердили данное обстоятельство и очевидцы случившегося, свидетели Куржос и Койчев.

Они на следствии показали:

Куржос:

"Тракторист ездил зигзагами и мы его не могли обогнать. Господинов Василий крикнул сыну: "*Стреляй по скатам и баку с горючим.*" После этого Сергей выстрелил в трактор на ходу 3-4 раза" (л. д. 25).

Койчев:

"Господинов В. крикнул сыну: "*Стреляй в трактор*", и Сергей выстрелил, но трактор не остановился" (л. д. 44).

Такие же показания дали эти свидетели и в судебном заседании 3/XII-70 г.:

Койчев:

"Господинов сказал сыну, чтобы он стрелял в бак трактора" (л. д. 214).

И далее:

"Я слышал, как Господинов сказал сыну, чтобы он стрелял *в бак трактора*. Мы хотели, чтобы трактор остановился" (л. д. 214-об.).

Куржос:

"Господинов крикнул сыну, чтобы он стрелял в трактор *по баку*" (л. д. 215).

Об этом же говорили эти свидетели и в судебном заседании 25/I-71 г. Хотя в протоколе суд. заседания показания их записаны не достаточно четко ("он дал указание сыну стрелять"), однако в самом *приговоре* суд отметил:

"Свидетели Койчев и Куржос подтвердили в судебном заседании, что Господинов приказал сыну произвести *выстрел по трактору с целью остановить его* и выяснить, кто управлял трактором". (Приговор, стр. 2).

То обстоятельство, что отец дал указание сыну стрелять не в Ровенко, а по уходящему трактору, признали и следственные органы, которые в *Обвинительном заключении* (в формуле обвинения) прямо записали:

"Господинов приказал сыну *стрелять в уходящий трактор*". (Обвинительное заключение, стр. 5).

Признал это и суд в Приговоре, в котором значится (*дословно*):

“Господинов приказал сыну стрелять в уходящий трактор” (Приговор, стр. 1).

Совершенно очевидно, что при таких обстоятельствах, когда установлено, что Господинов В. дал указание сыну стрелять не в Ровенко, а *по баку и по крышкам трактора*, его действия (даже, если исходить из того, что сын, *вопреки этому указанию*, стрелял умышленно в Ровенко) не могут быть квалифицированы как подстрекательство к причинению тяжких телесных повреждений, поскольку у него *отсутствовал умысел* на склонение сына к совершению подобного преступления, а *подстрекательство неосторожное*, как известно, *по закону ненаказуемо*.

В данном случае можно было бы вести речь лишь об *эксцессе исполнителя*.

2) Установлено, что Господинов В. дал указание сыну стрелять по уходящему трактору с единственной целью — остановить его. И сын действительно произвел несколько выстрелов по трактору, но остановить его не смог (см. показания свид. Куржос, Койчева, подс. Господиновых В. и С.).

Установлено также, что *после этого* тракторист Ровенко, скрываясь от преследователей, проехал на своем тракторе *около 9 километров*.

По этому поводу сам *Ровенко* в суде показал:

“От перекрестка (где он сбил лошадь и человека — А. М.) до с. Голубое километров 12” (л. д. 249-об.).

А из прилагаемой справки Сельсовета видно, что расстояние это равно 8 км 800 м (см. справку — прилагается).

На протяжении всего этого пути Ровенко несколько раз разворачивал трактор в обратную сторону, ехал зигзагами, не давая машине возможность его обогнать и т. д. (см. показания Ровенко и др. лиц).

По утверждению суда, Господинов С. ранил Ровенко не тогда, когда он по указанию отца стрелял в уходящий трактор, а *спустя значительное время*, после того, как тракторист проехал 9 км и остановился в с. Голубое.

По этому поводу в приговоре сказано:

“Господинов В. приказал своему сыну стрелять в уходящий трактор. На ходу автомашины Господинов Сергей произвел *три* выстрела в трактор в поле совхоза... Затем, когда догнали трактор в с. Голубое, Господинов С. произвел *четвертый* выстрел по потерпевшему” (Приговор, стр. 1).

Естественен вопрос: *почему Господинов С. стрелял в потерпевшего в с. Голубое?*

— Кто давал ему указание стрелять в тракториста после того, как трактор остановился (как утверждает суд)?

На эти вопросы приговор суда не отвечает. Между тем, из материалов дела усматривается, что в это время никто (в том числе и Господинов В.) не давал никаких указаний Господинову Сергею стрелять, что в это время он произвел выстрел по собственной инициативе.

Еще на следствии Господинов Сергей объяснял:

"Отец сказал, чтоб я стрелял в бак с горючим. Я стрелял несколько раз. Трактор не остановился, поехал в с. Голубое.

Мы ехали за трактором, и когда въехали в с. Голубое, то я решил выстрелить еще раз и выстрелил" (л. д. 56).

Об этом же говорил он и в суде:

"Он стал от нас скрываться, и тогда отец приказал мне стрелять по баку... Отец один раз дал указание стрелять". (л. д. 248-249).

К этому же сводились и показания свид. Куржос, который пояснил:

"Отец крикнул сыну: "Стреляй по скатам и баку с горючим". После этого Сергей выстрелил на ходу 3-4 раза... Когда трактор спустился в с. Голубое, Сергей уже без указания отца выстрелил в сторону трактора" (л. д. 25).

Говорил об этом и свид. Койчев:

"Когда трактор выехал в с. Голубое, тогда Сергей уже без указания своего отца еще раз выстрелил..." (л. д. 44)

Очевидно, что и с этих позиций, в связи с тем, что выстрел в с. Голубое Господинов С. произвел самостоятельно, без указания отца, по собственной инициативе, действия Господинова В. И. не могли быть квалифицированы, как подстрекательство к причинению тяжких телесных повреждений.

3) Не может быть в данном случае речи и об ответственности Господинова В. И. за укрывательство сына в связи с тем, что он не оказал помощи потерпевшему и просил очевидцев никому не рассказывать о случившемся.

а) Неоказание помощи Ровенко Господинов В. и С. объяснили тем, что они надеялись, что помощь эта будет оказана ему женщиной (Петренко), которую они заметили у остановившегося трактора (л. д. 60-об., 56).

Эти показания Господиновых подтвердила свид. Петренко, которая действительно в это время находилась у трактора и оказала помощь Ровенко (л. д. 29).

б) Что касается укрывательства, то и об этом здесь нельзя говорить поскольку установлено, что оно не было *заранее обещанным*. Именно поэтому подобное обвинение отсутствует в Обвинительном заключении и в Приговоре суда.

Суммируя изложенное, следует прийти к выводу, что и в том случае, если Господинов Сергей умышленно стрелял в потерпевшего, отец его — Господинов В. И. не может нести ответственности за соучастие в этом преступлении, т. е. по ст. 17 — 98 УК.

III.

Известно, что отсутствие у лица мотивов и целей, побуждающих к совершению преступления, является одним из оснований признания *неосторожной формы вины* (см. по этому поводу любой учебник "Уголовного права").

И если бы суд исходил из этого *основного* положения теории и практики права, то он не мог бы не прийти к выводу, что ранение Ровенко было причинено Господиновым С. *не умышленно, а по неосторожности*.

а) Установлено, что, как правильно отмечено в Определении коллегии Верховного Суда МССР от 2/III-70 г. по данному делу, "предшествующее поведение и взаимоотношения Господинова В. И., Господинова С. и Ровенко не являются обстоятельствами, которые свидетельствовали о наличии умысла на убийство (или причинения тяжкого телесного повреждения — А. М.), т. к. *они раньше не знали Ровенко*" (стр. 3).

б) Ровенко после совершения преступления пытался скрыться, он не останавливал трактор, несмотря на неоднократные предупреждения, принимал все меры к тому, чтобы его не задержали.

Сам он по этому поводу объяснил:

"Я взял трактор самовольно. Я догадался, что они хотели меня остановить. Я ехал без света и не давал им обгон." (л. д. 21-об., 211).

И далее:

"Я не хотел останавливать трактор. Я им не давал обгон." (л. д. 249-об.).

И далее:

"Вскоре меня обогнала автомашина, и резко остановилась впереди меня. В этот момент я ударился передней частью трактора о кузов машины и были разбиты обе фары трактора. Я сразу сдал

назад и поехал в обратную сторону. Машина снова обогнала меня. Я развернулся в обратную сторону и т. д." (л. д. 89).

Об этом же говорили на следствии и в суде подс. Господинов В. и С., свидетели Койчев и Куржос (см. их показания).

Говорила об этом и свид. Петренко:

"Я увидела трактор, а за ним машину. Тракторист ехал зигзагами, я еще подумала, что он пьяный". (л. д. 30)

Утверждение суда о том, что Господинов С. стрелял в Ровенко уже после остановки трактора, основано исключительно на *голословных* показаниях потерпевшего, противоречащих показаниям подсудимых и свидетелей Койчева, Куржос, Петренко.

Очевидно, что при таких обстоятельствах действия Господинова В. и его сына, которые в целях задержания преступника решили стрелять по "баку и скатам трактора", следует признать *правомерными*.

Если при этом по *неосторожности* Господинова С. было причинено ранение Ровенко, то за эти свои неосторожные действия он не может нести ответственности, поскольку общеизвестно, что *неосторожное причинение телесного повреждения при необходимой обороне (и даже с превышением ее пределов) в уголовном порядке ненаказуемо*.

IV.

Особо считаю необходимым остановиться на личности осужденных.

Господинов В. И. в течение 22 лет, с 1948 г., работал в совхозе "Заря коммунизма", с 1963 г. являлся *бригадиром* тракторной бригады.

Умелый, добросовестный работник и организатор производства.

За отличные показатели в работе неоднократно премировался ценными подарками, имеет ряд благодарностей. Был награжден медалью "За доблестный труд", член группы народного контроля, член народной дружины. Свои общественные обязанности выполнял добросовестно и с честью" (см. характеристику — л. д. 189 и Протоколы общего собрания — л. д. 119, 124).

"Как одного из наиболее сознательных механизаторов, — значится в другой характеристике, — хорошего производственника и активного участника общественной жизни его

в 1970 г. приняли кандидатом в члены КПСС. Член рабочего комитета.

В селе Господинов являл собою пример, оказывал содействие органам власти в соблюдении общественного порядка" (л. д. 111).

Очень хорошо характеризуется и сын Господинова В. И. — Господинов Сергей, который по окончании средней школы окончил в 1970 г. планово-экономический техникум и работал в совхозе бухгалтером (см. документы и характеристики — л. д. 278, 279, 107, 109, 280-281, 113-116).

В прошлом Господинов С. не судим.

На иждивении Господинова В. И. находятся двое несовершеннолетних детей и престарелые родители (л. д. 297).

Дирекция, партийная организация и рабочий комитет совхоза, не соглашаясь с решением суда, обратились в Верховный суд МССР с просьбой пересмотреть принятое решение и при этом просили учесть, что Господинов В. И. находился на посту по охране соц. собственности, а применение оружия при задержании тракториста было вызвано тем, что тракторист Ровенко сбил охранника вместе с лошадью и пытался уйти от преследовавшей его охраны. (л. д. 299)

В силу изложенного Прошу Вас истребовать настоящее дело и внести протест на предмет отмены приговора Народного суда и Определения коллегии Верховсуда МССР и прекращения дела в отношении Господинова В. И. и Господинова С. В. в уголовном порядке производством за отсутствием в их действиях состава преступления.

Приложения:

1. Приговор Народного суда на 3 листах.
2. Определение коллегии Верховсуда МССР на 5 листах.
3. Письмо в Верховный суд МССР на 2 листах.
4. Справка гл. ветврача совхоза.
5. Справка Ново-Ларчского Сельсовета.

Справка: Господинов В. И. отбывает наказание по адресу: МССР, Криулянский р-н, пос. Криково, п/я 29/4.

Адвокат

3 марта 1972 г.

 (А. Л. Мове)

На эту свою жалобу я получил отрицательный ответ за подписью
Зам. Прокурора МССР Житаря Г. С.

Документ

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ПРОКУРАТУРА

Республики Советские Социалистические
Молдовенешты

Секция _____

г. Кишинев, стр. Пирогова, 70

№ 2-934/71

При ответе сослаться на № и дату

ПРОКУРАТУРА

Молдавской Советской
Социалистической Республики

Отдел _____

г. Кишинев, ул. Пирогова, 70

21 декабря 1971 г.

адвокату Московской областной
придической консультации

тов. МОВЕ А.А.

Москва, Баррикадная, 8

Ваша жалоба по делу ГОСПОДИНОВА Василия Ивановича и
ГОСПОДИНОВА Сергея Васильевича прокуратурой МССР проверена.

Установлено, что ГОСПОДИНОВ В.И. и ГОСПОДИНОВ С.В. за
причинение РОВЕНКО И.Т. тяжких телесных повреждений осуждены
правильно.

Вина ГОСПОДИНОВЫХ в совершенном преступлении доказана
объяснениями самих осужденных, показаниями свидетелей КОЙЧЕВА
А.П., КУРЮС В.П., потерпевшего РОВЕНКО И.Т., заключением
судбно-медицинской экспертизы.

Утверждение в жалобе о том, что ГОСПОДИНОВ С.В. не
умышленно, а по неосторожности причинил тяжкие телесные повреж-
дения и оружие было применено правомерно в целях задержания
потерпевшего, который пытался уйти от преследовавшей его ох-
раны, является необоснованным.

Также неостоятельна ссылка в жалобе на отсутствие соос-
тава преступления в действиях осужденных.

В связи с наложенным прокуратура МССР не усматривает
оснований для внесения протеста по делу и Вашу жалобу остав-
ляет без удовлетворения.

Возвращаются документы на 12 листах.

ЗАМ. ПРОКУРАТОРА МОЛДАВСКОЙ ССР
Государственный советник юстиции
3-го класса -

Соревская типография з. 2168 т. 13000 6-7-70

Г. Житаря

Г. ЖИТАРЬ/

Нельзя не сказать о том, что еще до этого с жалобой на необосно-
ванное осуждение мужа и сына обращалась в Верховный суд МССР
Господинова Л. В. Ответ был также отрицательный.

РЕПУБЛИКА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТОВ
МОЛДОВЕИЙСКОЕМОЛДАВСКАЯ СОВЕТСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ЖУДЕКАТОРИЯ СУПРЕМЭ

ВЕРХОВНЫЙ СУД

г. Кишинев, центр, улица Пирогов, № 79, тел. 2-15-47

г. Кишинев, центральная Печата № 0, тел. 2-15-47

Р. И. И. 1981 г.
№ 12-15-4ГРАЖДАНКЕ ГОСПОДИНОВОЙ Л.В.

с. Новая Ларга, Чагульского района

Ваша жалоба в отношении осужденного Господинова Василия Ивановича Господинова Сергея Васильевича в порядке надзора рассмотрена.

Винность Господинова В.И. и Господинова С.В. в причинении умышленного тяжкого телесного повреждения доказана показаниями: потерпевшего Розенко И.Т., свидетеля-очевидца Койчева А.П., показаниями самих осужденных Господинова В.И. и Господинова С.В. в судебном заседании, заключением судебно-медицинской экспертизы, которая констатирует, что у Розенко И.Т. обнаружено тяжкое телесное повреждение в виде ранения правого глаза и мягких тканей головы.

Потерпевшему Розенко И.Т. причинены тяжкие телесные повреждения с полной потерей правого глаза и то, что сам Господинов В.И. на месте происшествия сказал своему сыну Господинову С.В. пронавести выстрел из ружья, что и сделал осужденный Господинов С.В.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда МССР, рассмотрев 2 марта 1971 года дело в кассационном порядке, правильно состав преступления Господинова В.И. квалифицировала по ст. 17-95 ч. I УК МССР и Господинова С.В. по ст. 95 ч. I УК МССР.

Мера наказания осужденным определена с учетом тяжести и общественной опасности совершенного преступления и всех обстоятельств дела.

Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Зам. Председателя
Верховного суда МССР

В.МЕЛЕКА

Взвесив сложившуюся ситуацию решил я обратиться с аналогичной жалобой лично к Председателю Верховного суда МССР. На этот раз получил обнадеживающий ответ.

РЕПУБЛИКА СОВЕТСКОЕ СОЦИАЛИСТСКОЕ
МОЛДОВЕНСКОЕ

МОЛДАВСКАЯ СОВЕТСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ЖУДЕКАТОРИЯ СУПРЕМЕ

ВЕРХОВНЫЙ СУД

ор. Кишинев, центр, strada Pirogov № 70, тел. 2-15-47

г.р. Кишинев, центр, ул. Пирогова № 70, тел. 2-15-47

26. января 1972 г.
№ 02-123-71

АДВОКАТУ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ПРАВОВОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ

тов. МОЗЕ А. И.

гор. Москва
ул. Баррикадная № 8

На Вашу жалобу от 22.12.1971 года по делу ГОСПОДИНО-
ВА Василия Ивановича и ГОСПОДИНОВА Сергея Васильевича, сообщ-
аю, что мною в Президиум Верховного суда МССР вносится про-
тест в порядке судебного надзора на предмет отмены приговора
народного суда и определения Судебной коллегии по уголовным делам
Верховного суда МССР и направлении дела на новое расследование.

Приложение: Документы, приобщенные к жалобе на 12
листах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ВЕРХОВНОГО СУДА МОЛДАВСКОЙ ССР

/Х.ЗИНГАН/

А через некоторое время в юрконсультацию поступило и само По-
становление Президиума Верховного суда МССР.

Из досье адвоката

СОСТАВ КОЛЛЕГИИ
Председательствующий
ДЕЛО № 02-Пр-36/72

Евдокимов В. И. Осадчий Ф. Н.
Зинган Х. Я.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ Президиума Верховного суда Молдавской ССР

"11" февраля 1972 года

Президиум Верховного суда Молдавской ССР в составе:
Председательствующего Президиума Мелека В. К.
Членов Президиума Плотниковой М. Ф., Кожевниковой А. П.,
Кивеева Н. Н., Кириллюка А. Д., Павленко И. Е., Кiku М. Г.,
Верещагина Г. М.
с участием заместителя Прокурора МССР Житаря Г. С.
при секретаре Виер Е. С.

рассмотрел по протесту председателя Верховного суда МССР уголовное дело по обв. Господинова Василия Ивановича по ст. 17, 15, 89 УК МССР и

Господинова Сергея Васильевича по ст. 15, 89 УК МССР.

Заслушав доклад члена Президиума Верховного суда МССР Верещагина Г. М. и заключение заместителя Прокурора МССР, полагавшего протест частично удовлетворить и переквалифицировать действия подсудимых на ст. 98 УК МССР, снизив им меру наказания,

УСТАНОВИЛ

по приговору народного суда Вулканештского района от 5 января 1971 года осуждены:

Господинов Василий Иванович, род. 29 августа 1926 года, уроженец и житель с. Ларго Кагульского района МССР, болгарин, гражданин СССР, искл. из кандидатов в члены КПСС, имеющий образование 4 класса, женатый, работающий бригадиром в совхозе "Заря коммунизма", судимый в 1967 году по части 2 ст. 139 УК МССР к 2-м годам лишения свободы условно, судимость погашена.

по статьям 17, 15, 89 УК МССР к 7-ми годам лишения свободы в ИТК усиленного режима. Кроме того с него взыскано 45 руб. в пользу Ровенко И. Т. за причиненный ущерб. Срок наказания исчисляется с 25 января 1971 года.

Господинов Сергей Васильевич, род. 16 сентября 1951 года, житель села Ларго Кагульского района, болгарин, гражданин СССР, имеющий среднее специальное образование, холостой, ранее не судимый, работавший бухгалтером совхоза "Питомниковод"

по статьям 15, 89 УК МССР к 5-ти годам лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Срок наказания исчисляется с 14 сентября 1970 года. Вещественное доказательство — охотничье ружье, как орудие преступления, подлежит уничтожению.

Они признаны виновными в следующем преступлении:

Господинов В. И. 12 сентября 1970 года был назначен ответственным дежурным по охране урожая совхоза "Заря коммунизма". Примерно в 21 час Господинов В. И. вместе со своим сыном — осужденным Господиновым С. В., имевшим при себе охотничье ружье, и Куржос В. П., на автомашине ГАЗ-51 под управлением водителя Койчева А. П., выехал в поле совхоза. Указанные лица были очевидцами, как на дороге, ведущей из г. Кагула в с. Баймаклия, остановившийся на перекрестке дорог трактор Т-49 № 32-37, под управлением Ровенко И. Т., сдал назад, и трактором был сбит вместе с лошастью объездчик совхоза Господинов В. И.

Господинов В. И. вместе с находившимися с ним людьми на автомашине стал преследовать удалявшийся трактор. Поскольку преследуемый трактор не останавливался, Господинов В. И. предложил своему сыну — Господинову С. В. стрелять в уходящий трактор.

На ходу из автомашины Господинов С. В. еще в поле произвел в трактор из имевшегося у него ружья три выстрела. А когда трактор и

автомашина выехали в с. Голубое, Господинов С. В. произвел четвертый выстрел. Этим выстрелом был ранен в лицо тракторист Ровенко И. Т. В результате Ровенко И. Т. было причинено тяжкое телесное повреждение.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда МССР от 2 марта 1971 года приговор народного суда изменен. Действия Господинова Василия Ивановича переквалифицированы со ст. ст. 17, 89 УК МССР на ст. ст. 17, 95 ч. 1 УК МССР, и по этой статье определено наказание в виде лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима сроком на 5-ть лет. Действия Господинова Сергея Васильевича переквалифицированы со ст. ст. 15, 89 УК МССР на ст. 95 ч. 1 УК МССР, и на основании этой статьи ему определено наказание в виде лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима сроком на три года. В остальной части приговор оставлен без изменения.

В протесте ставится вопрос об отмене приговора народного суда и определения Судебной коллегии по уголовным делам и направлении дела на новое расследование прокурору республики для установления обстоятельств (совершил ли по данному делу Ровенко преступление, предусмотренное ст. 177 УК МССР) от исхода которого будет зависеть правильность квалификации преступления и наличие уголовно наказуемого деяния в действиях осужденных.

Проверив материалы дела и доводы, изложенные в протесте, Президиум находит приговор народного суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам подлежащими изменению.

Показаниями осужденных Господинова В. И., Господинова С. В., свидетелей Куржоса И. П., Койчева А. П., потерпевшего Господинова Б. И. и другими материалами дела бесспорно установлено, что Ровенко примерно в 21 ч. 12 сентября 1970 года, управляя трактором и следуя по дороге г. Кагул — с. Баймаклия, нарушил правила безопасности движения транспорта, сдвигая трактор назад, не убедился в безопасности для окружающих и вместе с лошастью сбил объездчика совхоза Господинова В. И., причинив ему легкие телесные повреждения.

Эти обстоятельства по делу не вызвали никаких сомнений и в дополнительной проверке не нуждаются, о чем ставится вопрос в протесте.

Обстоятельства, при которых было совершено преступление Господиновым В. И. и Господиновым С. В., по делу полностью выяснены, и в этой части правильность приговора и определения Судебной коллегии не вызывает никаких сомнений.

Что же касается квалификации состава преступления и определенной меры наказания Господинову В. И. и Господинову С. В., то в этой части приговор и определение Судебной коллегии являются неправильными.

Осужденные Господиновы, являясь очевидцами автотранспортного происшествия, когда Ровенко И. Т., подавая трактор назад, сбил лошадь вместе с объездчиком и пытался скрыться, находились под впечатлением совершенного Ровенко И. Т. преступления и имели целью принять все зависящие от них меры задержать его. Для их ответственности за содеянное в данном случае не имеет значения, какие наступили послед-

ствия от наезда Ровенко И. Т. на лошадь с объездчиком, ибо они были очевидцами, как трактором была сбита лошадь, под которой оказался объездчик, и, в их представлении, на лицо совершилось преступление.

Но не убедившись в последствиях от наезда трактором на объездчика и имея умысел на задержание Ровенко И. Т., пытавшегося скрыться с места автотранспортного происшествия, Господинов В. И. и Господинов С. В. избрали явно несоответствующий и несоразмерный способ защиты при задержании преступника от тяжести совершенного им преступления, т. е. превысили пределы необходимой обороны, что выразилось в том, что Господинов В. И. как отец склонил и подстрекал Господинова С. В. применить оружие, а последний исполнил эти указания и выстрелом тяжело ранил Ровенко.

В этом случае преступные действия Господинова В. И. правильно должны быть квалифицированы по ст. ст. 17 и 98 УК МССР, как соучастника преступления в форме — подстрекатель, а Господинова С. В. по ст. 98 УК МССР, как исполнителя преступления, но не по тем законам, по которым квалифицировали народный суд и Судебная коллегия.

В соответствии с переквалификацией состава преступления должна быть избрана мера наказания подсудимым, а также с учетом их личности и тяжести последствий содеянного.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 37 Закона о судопроизводстве Молдавской ССР, Президиум

ПОСТАНОВЛЯЕТ

Приговор народного суда Вулканештского района от 25 января 1971 года и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда МССР от 2 марта 1971 года в отношении Господинова Василия Ивановича и Господинова Сергея Васильевича изменить.

Переквалифицировать действия Господинова Василия Ивановича со ст. ст. 17, 95 ч. 1 УК МССР на ст. ст. 17, 98 УК МССР, а Господинова Сергея Васильевича со ст. 95 ч. 1 УК МССР на ст. 98 УК МССР и в соответствии с указанными законами определить меру наказания в один год лишения свободы каждому в исправительно-трудовой колонии общего режима.

В связи с отбытием ими указанной меры наказания Господинова Василия Ивановича и Господинова Сергея Васильевича из-под стражи немедленно освободить.

В остальной части приговор народного суда и определение Судебной коллегии в отношении Господинова В. И. и Господинова С. В. оставить без изменения, а протест без удовлетворения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СУДА МССР

/В. Мелека/

Копия верна: председательствующий

Верно:

 (А. Мове)

Это был тот редкий случай, когда одной жалобой удалось достичь восстановления справедливости и освобождения из-под стражи сразу двух подзащитных, к тому же близких по родству людей — отца и сына. Никогда не забыть того теплого благодарственного письма, которое получил я на сей раз и под которым стояли подписи всех членов этой опаленной бедой и словно восставшей из пепла семьи Господиновых. Такие мгновения, пожалуй, самые дорогие и прекрасные в нашей адвокатской жизни!

Конечно, можно было бы описать еще немало и других дел из своей молдавской практики, но объем книги, увы, этого не позволяет. Таким образом, пусть это дело, завершившееся столь необыкновенно, явится своеобразным эпилогом к дорогим моему сердцу “Молдавским тстрадам”.

Оглавление

Как я стал "надзорником"	5
Дело Нику М. Г., осужденного за покушение на убийство	9
Дело Якова Лукича Бивола	49
Дело, безнадежное на все 100 процентов	77
Дело, безнадежное на все 200 процентов	118
Дело Алексея Демирова, осужденного за соучастие в изнасиловании	133
Дело Венедикта Мокрия	165
Дело Меера Янкелевича, осужденного за убийство	191
Дело Ефима Трейгера, осужденного за взяточничество	217
Дело Гинзбурга М. М., осужденного за подстрекательство к убийству	229
Случай в Баурчи-Молдаван (дело Барбу С. Г.)	249
Дело врача Александра Дунского	282
Дело лесничего ГУЦУ, осужденного за взяточничество	295
Дело Виктора Ивановича Соколовского	303
Дело Герцмана Шмиля Ицковича	314
Дело отца и сына Господиновых. Необходимая оборона?	333

А. Л. Мове
За кулисами защиты
Молдавские тетради

Редактор Айзикович Ю. И.
Технический редактор Романов Д. С.
Корректор Мишнева Е. О.

Подписано в печать 21.09.93.
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 10000. Заказ № 84.

Издательство "Международный Союз (содружество) адвокатов"
г. Москва, Южинский пер., д 1/14, кор. 7.
Лицензия ЛР № 030482 от 25 января 1993г.

Отпечатано с оригинал-макета способом фотоофсет на
Можайском полиграфкомбинате Министерства печати и информации
Российской Федерации.

